

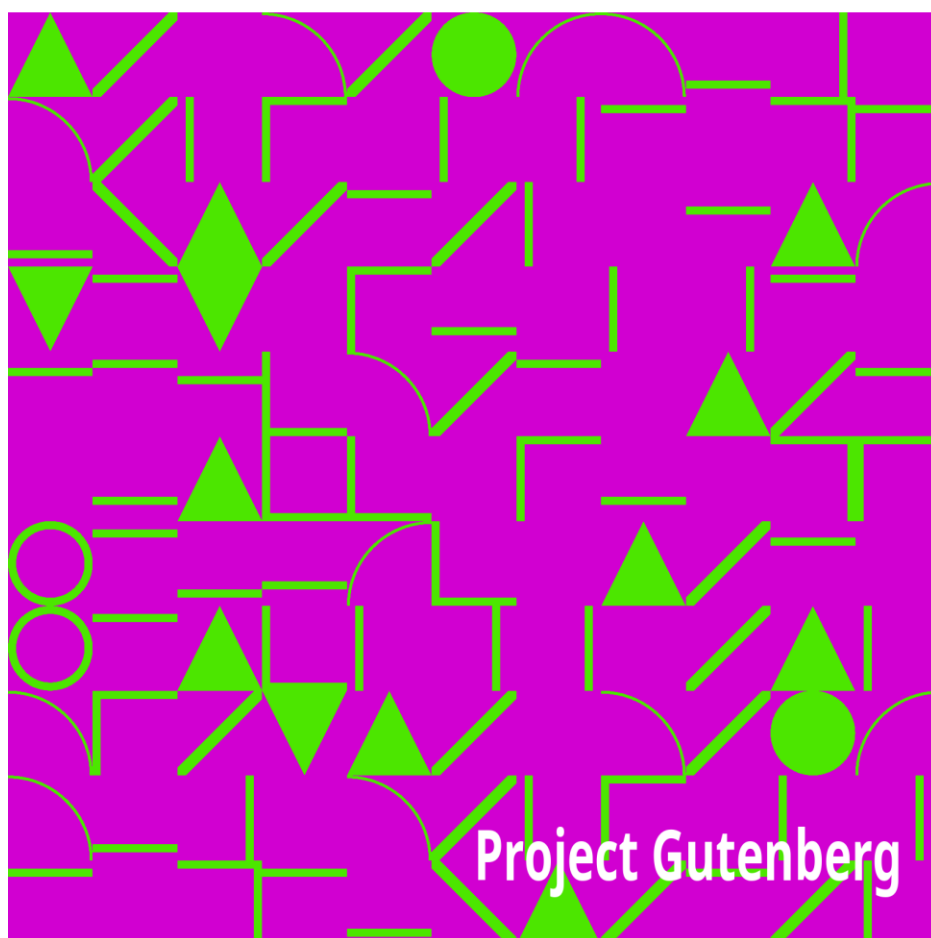
Исследование извечных причин упадка и падения могущественных и богатых наций

Уильям Плейфэр

An inquiry into the permanent causes of the decline and fall of powerful and wealthy nations

Designed to shew how the prosperity of the British empire may be

William Playfair

Электронная книга проекта «Гутенберг» Исследование извечных причин упадка и падения могущественных и богатых наций

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Исследование извечных причин упадка и падения могущественных и богатых наций

Предназначено для того, чтобы показать, как можно продлить процветание Британской империи

Автор: Уильям Плейфэр

Дата выпуска: 21 августа 2005 г. [электронная книга № 16575]

Последнее обновление: 12 декабря 2020 г.

Язык: английский

Благодарности: Подготовлено Робертом У. Джонсом на основе оригинального экземпляра 1-го издания, хранящегося в Британской библиотеке, Лондон. (Шифр: 432d12/432.d.12). Текст был затем сопоставлен с оригинальным экземпляром 2-го издания, хранящимся в библиотеке (Архивы и редкие книги) Лондонской школы экономики и политических наук.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗВЕЧНЫХ ПРИЧИН УПАДКА И ПАДЕНИЯ МОГУЩЕСТВЕННЫХ И БОГАТЫХ НАЦИЙ ***

Эта книга была напечатана Р. В. Джонсом (rwj@freeshell.org) с оригинального экземпляра 1-го издания, хранящегося в Британской библиотеке в Лондоне. (Шифр: 432d12/432.d.12). Полученный текст был затем сравнен с помощью программы преобразования текста в речь с оригинальным экземпляром второго издания, хранящимся в библиотеке (Архивы и редкие книги) Лондонской школы экономики и политических наук. Этот электронный текст включает в себя (очень немногие) изменения, внесенные в более позднее издание. Изображения четырех диаграмм не включены, и они, как и указатели соответствующих изданий, не сравнивались.

{Здесь перед форзацем появляется первый график, озаглавленный

«Таблица всемирной коммерческой истории с 1500 года до нашей эры до НАСТОЯЩЕГО 1805 ГОДА, охватывающая период в три тысячи триста четыре года, составленная Уильямом Плейфэйром.

Изобретатель линейной арифметики»}

ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗВЕЧНЫХ ПРИЧИН УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ МОГУЩИХ И БОГАТЫХ
НАЦИЙ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЧЕТЫРЬМЯ ГРАВИРОВАННЫМИ ДИАГРАММАМИ.

---o0o---

Автор: УИЛЬЯМ ПЛЕЙФЭЙР, АВТОР «ЗАМЕТОК И ПРОДОЛЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИРОДЫ И ПРИЧИН БОГАТСТВА НАЦИЙ» АДАМА СМИТА, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК И
ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ЛИНЕЙНОЙ АРИФМЕТИКИ, И ДР.

---o0o---

ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ПОКАЗА, КАК МОЖНО ПРОДЛИТЬ ПРОЦВЕТАНИЕ БРИТАНСКОЙ
ИМПЕРИИ.

=====

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН:

ПЕЧАТАНО ДЛЯ ГРЕНЛАНД И НОРРИС, КНИГОТОРГОВЦЫ, ФИНСБЕРИ-СКВЕР.

1807.

W. Marchant, типограф, 3 Greville-Street, Holborn.

---o0o---

ПРЕДИСЛОВИЕ.

---o0o---

Если важно изучать, какими средствами нация может приобрести богатство и власть, то не менее важно выяснить, какими средствами богатство и власть, однажды приобретенные, могут быть сохранены.

Последний вопрос, пожалуй, является более важным из двух, поскольку многие нации на протяжении долгого времени оставались добродетельными и счастливыми, не достигнув богатства или величия, но нет примеров счастья или добродетели среди падшего народа.

Если мы посмотрим на земной шар и обратим внимание на те места, где раньше скапливалось богатство и процветала торговля, то увидим, что в настоящее время они особенно опустошены и деградировали.

От берегов Персидского залива до берегов Балтийского моря; от Вавилона и Пальмиры, Египта, Греции и Италии до Испании и Португалии и всего круга Ганзейского союза мы прослеживаем одни и те же разрушенные остатки древнего величия, которые представляют собой печальный контраст с бедностью, леностью и невежеством нынешнего поколения жителей и являются неопровержимым доказательством изменчивости человеческих дел.

Как в зале, где только что проходил роскошный банкет, мы видим обрывки пира, ставшие теперь добычей нищих и бандитов; если в некоторых случаях зрелище менее убого и отвратительно, то только потому, что банкет еще не совсем закончился, и гости еще не все встали из-за стола.

Из этой почти универсальной картины мы узнаем, что величие наций кратковременно. Мы также узнаем, что положение падшего народа бесконечно более жалкое и несчастное, чем положение тех, кто никогда не поднимался из своего первоначального состояния бедности. Поэтому стоит изучить причины столь ужасного падения, чтобы выяснить, являются ли они неизбежными или лишь естественными, и, по возможности, попытаться найти средства, с помощью которых можно продлить процветание и отсрочить период унижения до далекого будущего.

Хотя период процветания любого народа обязательно заканчивается, есть некоторые основания полагать, что деградация, которая естественно следует за ним и которая всегда следовала за ним до сих пор, может быть предотвращена; может ли это быть так или нет, является предметом следующего исследования, которое, если оно имеет значение для любой нации на земле, то особенно важно для Англии, нации, которая поднялась как в торговле, так и в силе так высоко над естественным уровнем, определенным ей ее населением и территорией. Нации, которая все еще поднимается, но чье самое искреннее желание должно быть направлено скорее на сохранение, чем на расширение, на защиту от невзгод, чем на поиск еще большего усиления своей силы.

Что касается важности исследования, то здесь не может быть двух мнений, но в отношении его полезности и успеха мнения могут разделиться.

Один из самых глубоких и остроумных писателей последнего времени сделал следующее интересное замечание о процветании наций.

«Во всех размышлениях о людях и человеческих делах очень важно отличать случайные явления от постоянных причин и от последствий, которые невозможно изменить. Я не совсем согласен с теми мыслителями, которые, кажется, уверены, что по необходимости и в силу устройства вещей все государства проходят тот же период младенчества, зрелости и старости, что и люди, которые их составляют. Объекты, которые

Мистер Берк.

--

попытки принудительно провести аналогию не имеют оснований в одном и том же классе существования. Индивидуумы являются физическими существами, подчиняющимися

универсальным и неизменным законам; но содружества не являются физическими, а моральными сущностями. Они являются искусственными объединениями и, в своей непосредственной эффективной причине, произвольным творением человеческого разума.

Мы еще не знакомы с законами, которые обязательно влияют на этот вид работы, выполняемой этим видом агента. В физическом порядке нет четкой причины, по которой любая из этих структур должна обязательно расти, процветать и умирать; и, по моему мнению, моральный мир не производит ничего более определенного по этому вопросу, чем то, что может служить развлечением (действительно либеральным и изобретательным, но все же только развлечением) для спекулятивных людей. Я сомневаюсь, что история человечества достаточно полна, если она вообще может быть полной, чтобы дать основания для достоверной теории о внутренних причинах, которые неизбежно влияют на судьбу государства. Я далеко не отрицаю действие таких причин, но они бесконечно неопределенны, гораздо более неясны и гораздо более трудно прослеживаемы, чем внешние причины, которые склонны угнетать, а иногда и подавлять общество».

Автор, выразивший таким образом свой скептицизм по поводу такого рода исследований, в то же время говорит о важности различения между случайными и постоянными причинами. Он сомневается, что история человечества достаточно полна, или, если она когда-либо может быть таковой, чтобы служить основой для достоверной теории о внутренних причинах, которые неизбежно влияют на судьбу государства. Таким образом, он не только признает существование постоянных причин, но и ясно говорит, что их можно обнаружить в истории, если их обнаружение вообще возможно. Это максимально близко к тому, чего мы могли бы пожелать, а что касается достоверной теории, то мы согласны с ним в том, что безнадежно надеяться на получение теории, которая заслуживала бы названия «достоверной».

Смысл слова «надежная» в данном случае, по-видимому, используется в особо строгом значении. Оно, по-видимому, подразумевает теорию, которая была бы надежной в своем применении к тем переменам и колебаниям, которым подвержены нации, а не просто объясняла бы их взлеты и падения. Что касается таких колебаний, то было бы абсурдно выдвигать какие-либо теории по поводу них; они зависят от особых сочетаний обстоятельств, слишком бесконечных по своему разнообразию, чтобы их можно было представить или подчинить какому-либо общему закону, и слишком мимолетных, чтобы их можно было предвидеть.

Однако то, что г-н Берк намекает на такие колебания, очевидно из того, что этот фантазийный, но глубоко образованный человек говорит сразу после этого: «Мы видели некоторые государства, которые израсходовали свою энергию в самом начале. Некоторые прославились незадолго до своего исчезновения. Для некоторых самый великолепный период был в середине их существования. Другие, и их большинство, колебались и переживали в разные периоды своего существования самые разные судьбы. Смерть человека в критический момент, его отвращение, его отступление, его позор принесли

бесчисленные бедствия целой нации; простой солдат, ребенок, девушка у дверей гостиницы изменили лицо судьбы и почти что самой природы».

Из этого совершенно очевидно, что теория, которую он желал, но отчаивался когда-либо установить, была такой, которая объясняла бы такие последствия; но цель этого исследования совершенно иная.

Когда римляне были в расцвете сил, их город был осажден галлами и спасен животным, известным своей тупостью; но это не могло произойти, когда Аттила стоял под стенами, а энергия граждан иссякла. В первом случае взятие или спасение города было бы столь же случайным, а последствия — кратковременными; но в последние дни падение Рима было вызвано *ПОСТОЯННЫМИ* причинами, и последствия были безвозвратными.

Таким образом, мы намерены исследовать только постоянные причины (то есть причины, которые постоянно действуют и производят постоянные эффекты); и даже в отношении этих причин мы не надеемся создать теорию, которая с уверенностью применима к сохранению государства, а лишь создать теорию, которая может служить надежным руководством по предмету, важность которого невозможно переоценить.

Остается только одно соображение в ответ на это, а именно: имеют ли государства, в силу конституции и природы вещей, те же периоды младенчества, зрелости и старости, что и составляющие их индивидуумы? Г-н Берк считает, что нет; и действительно, если бы они имели, то следующее исследование не имело бы никакой пользы. Нет смысла искать способы предотвратить то, что неизбежно должно произойти, но если слово «неизбежность» заменить на «тенденция» или «склонность», то это становится вопросом, заслуживающим внимания, и, поскольку все государства возникали, процветали и падали, то их склонность к этому не подлежит сомнению.

Как бы ни казалось на первый взгляд, что мнение г-на Берка противоречит такому исследованию, при должном рассмотрении окажется, что оно не только одобряет конечную цель, но и указывает на то, как следует проводить исследование, а именно — путем изучения истории.

Если допустить, что из истории прошлого можно извлечь какую-либо практическую пользу, то она может быть только в той мере, в какой она применима к настоящему и будущему; а если такой пользы нет, то грустно думать о том, что были написаны целые тома, не имеющие иной пользы, кроме как удовлетворения праздного любопытства. Должны ли истинные уроки истории, поскольку они никогда не применимы в полной мере к нынешним делам, быть отнесены к разряду занимательных, но почти бесполезных страниц романов? Нет, конечно. Из наследия, которым обладает нынешнее поколение, история тех, кто ушел из жизни, является не самой ценной частью. Каждый читатель теперь применяет ее по-своему. Это нерегулярное применение, но не бесполезное; и поэтому можно надеяться, что

исследование, основанное на регулярном плане сравнения и аналогии, не может не быть полезным.

Но почему мы рассматриваем это как гипотезу, в которой не может быть никаких сомнений? Почему должны существовать два мнения относительно полезности исследования тех величественных событий, которые перенесли богатство и торговлю из Ефрата и Нила в Темзу и Тексел? Разве солнце не восходит, и разве времена года не возвращаются на равнины Египта и в пустыни Сирии, как и три тысячи лет назад? Разве неживая природа не такая же, как и тогда? Изменились ли принципы растительности? Или подчиненные животные отказались подчиняться воле человека, помогать ему в его труде или служить ему пищей? Нет, природа не стала менее щедрой, а человек обладает большими знаниями и большей властью, чем в любой другой период, но это не человек Сирии или Египта обладает большими знаниями или большей властью. Там он допустил упадку свою расу, и вместе с ним деградировали и его дела.

Когда эти страны были заселены мудрыми, благоразумными, трудолюбивыми и храбрыми людьми, их поля были плодородными, а города великолепными; и везде, где человечество проявляло ту же энергию, те же добродетели и тот же характер, природа оказывалась щедрой и послушной.

По всей Земле мы видим, как одни и те же причины приводят к почти одинаковым последствиям; почему же мы по-прежнему сомневаемся в их взаимосвязи? Или, если мы не сомневаемся, почему мы не пытаемся проследить их действие, чтобы понять, как сохранить те преимущества, которые мы так стремимся получить?

Если исследование причин революций в народах более несовершенно и менее удовлетворительно, чем исследование причин революций в отдельных семьях и отдельных людях, то, даже если оно когда-нибудь будет завершено, его применение, по крайней мере, будет более определенным. Народы не подвержены тем случайным превратностям, которые нарушают самые мудрые человеческие планы в меньших масштабах. Число и величина сводят случайности к определенности. Единственная и непредвиденная причина, которая ошеломляет человека в разгар процветания, никогда не разрушает нацию: если она не созрела для разрушения, нация никогда не падает; а когда она падает, случайность только создает видимость того, что в действительности уже было почти свершилось.

Нет физической причины упадка наций, природа остается прежней; и если физический человек деградировал, то это произошло до появления достоверных исторических записей. Люди, построившие величайшую пирамиду в Египте, не превосходили по росту тех, кто сейчас живет в убогих лачугах у ее огромного основания. Если и есть в мире страна, которая доказывает неизменность природы, то это именно Египет. В отличие от других стран, которые обязаны своей плодородностью обычной смене сезонов, о которой не существует регулярных записей и которые никогда не бывают точными, он зависит от разливов воды одной-единственной реки. Знаки, которые указывали на подъем

Нила во времена фараонов, Амрама-Аш-Шири () и Птолемеев, делают то же самое и в наши дни и являются гарантией будущей регулярности природы благодаря неоспоримой уверенности в ее прошлом.

Благодаря своеобразной склонности к сохранению тел умерших, египтяне оставили столь же достоверные записи о строении человеческого тела. Здесь нет ничего сказочного; даже непреднамеренные ошибки в языке невозможны. Мы не должны полагаться ни на правдивость, ни на правильность человека. Представленные доказательства видимы и осязаемы; они являются объектом чувств и не допускают ошибок.

Но хотя эта страна демонстрирует самые достоверные доказательства неизменности природы, она также предоставляет самые очевидные примеры деградации человеческого разума. Именно в этом мы находим причину тех руин, которые вызывают удивление, и той опустошенности, которая вызывает скорбь. Если бы люди продолжали свои усилия, плоды их труда не пришли бы в упадок.

Именно в усилиях и поведении человека, а также в информации его ума мы находим причины изменчивости человеческих дел. Мы собираемся проследить их через сложный лабиринт, но в этом мы не остаемся без проводника.

Большинство мумий, найденных в Египте, вместо того, чтобы быть больших размеров, значительно уступают среднему росту жителей Англии. Эти мертвые памятники человеческого тела прямо опровергают Гомера и все предания о деградации людей в размерах и силе.

--

История трех тысяч лет и народов, которые достигли богатства и власти в самых разных условиях, но все закончили свою жизнь с большой степенью сходства, раскрывает общие черты причин, которые возбуждают или разлагают человеческий разум и тем самым возвышают или разрушают государства и империи.

Полезность этого исследования значительно усиливается мнением писателя, обладающего обширными знаниями и первоклассными способностями. {*}

Исторический обзор различных форм, в которых проявлялись человеческие дела в разные эпохи и в разных народах, естественно наводит на вопрос: не может ли опыт прошлых времен дать нам сейчас некоторые общие принципы, которые просветили бы и направили политику будущих законодателей? Однако обсуждение, к которому ведет этот вопрос, является чрезвычайно сложным, поскольку требует точного анализа, пожалуй, самого сложного класса явлений, которые могут привлечь наше внимание; те, которые являются результатом сложного и часто незаметного механизма политического общества — предмета наблюдения, который на первый взгляд кажется настолько несоизмеримым с нашими способностями, что к нему обычно относятся с теми же пассивными чувствами удивления и покорности, с которыми мы в материальном мире рассматриваем последствия, вызванные таинственным и неконтролируемым действием физических =sic= причин. К счастью, в этом, как и во многих других случаях, трудности, которые долгое время сбивали с толку усилия одиноких гениев, начинают казаться менее грозными для объединенных усилий всего человечества; и что по мере того, как опыт и рассуждения разных людей начинают влиять на объекты и объединяются таким образом, чтобы иллюстрировать и ограничивать друг друга, наука о политике все больше и больше приобретает ту систематическую форму, которая поощряет и помогает трудам будущих исследователей.

Г-н Донгалд Стюарт, чье имя хорошо известно и высоко ценится среди людей, чьи исследования привели их к изучению этих предметов: близкий друг и биограф доктора Адама Смита.

--

РЕКЛАМА.

---oOo---

В следующем исследовании я включил четыре гравированных диаграммы, чтобы проиллюстрировать темы, рассматриваемые в книге, с помощью метода, одобренного как в этой, так и в других странах.

Диаграмма № 1, представляющая подъем и падение всех наций или стран, которые особенно отличались богатством или могуществом, является первой в своем роде, которая когда-либо была гравирована, и поэтому еще не встретила общественного одобрения.

Она составлена таким образом, чтобы дать четкое представление о миграции торговли и богатства в целом. Для получения очень точного представления не существует никаких материалов; кроме того, даже если бы пропорциональные значения были установлены с максимальной точностью, это не привело бы к каким-либо существенно иным выводам.

Я сначала нарисовал эту карту, чтобы прояснить свои собственные представления по этому вопросу, поскольку мне было очень трудно удержать в памяти четкое представление о произошедших изменениях. Я обнаружил, что она отвечает моим целям сверх всяких ожиданий, объединяя в одном представлении результаты деталей, разбросанных по очень широкому и сложному полю всеобщей истории; факты, иногда связанные друг с другом, иногда нет, и всегда требующие размышлений каждый раз, когда к ним обращаются. Я обнаружил, что первый черновой набросок дал мне лучшее понимание предмета, чем все, что я узнал из случайных чтений за половину своей жизни; и, предполагая, что то, что было так полезно для меня, может быть полезно и для других, я изложил его с приемлемой степенью точности.

Карты № 3 и № 4 были скопированы в Париже до революции и получили высокую оценку Академии наук. Карта № 2, хотя и была создана позднее, была скопирована во Франции и Германии. Карта № 1 еще не была представлена публике, и, возможно, она отнесется ко мне с терпением и доброжелательностью, как и в предыдущих случаях.

--

№ 2 полностью посвящен современному состоянию европейских государств, а данные о площади, доходах и населении взяты из самых точных источников. В случаях, когда статистики расходились во мнениях, я следовал тому, кто, по моему мнению, был наиболее прав.

№ 3 и 4 относятся исключительно к Англии и составлены на основе самых точных документов.

Напротив каждой диаграммы приведены описания и пояснения.

Если читатель уделит пять минут внимания принципу, на котором они построены, это сэкономит ему много труда и времени; но без этого незначительного внимания он может с таким же успехом смотреть на чистый лист бумаги, как и на одну из диаграмм.

Я не знаю ничего другого в этой книге, что требовало бы предварительного объяснения.

Я считаю целесообразным воспользоваться этой возможностью, лучшей из всех, что у меня были, и, возможно, последней, чтобы отплатить (насколько признание является оплатой) за долг, который никогда не будет погашен, публично признав, что изобретением этих карт я обязан лучшему и самому любящему из братьев.

В самом раннем периоде моей жизни мой брат, который самым образцовым образом содержал и воспитывал семью, оставленную его отцом, заставил меня вести регистр термометра, выражая изменения линиями на делимой шкале. Он научил меня понимать, что все, что можно выразить числами, можно представить линиями. Диаграмма термометра была построена по тому же принципу, что и приведенные здесь; отличается только применением. Брат, которому я обязан этим, сейчас занимает кафедру естественной философии в Эдинбургском университете.

СОДЕРЖАНИЕ.

---o0o---

Страница

КНИГА I.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ и план работы. — Объяснение того, что автор понимает под богатыми и могущественными нациями, а также об общей причине богатства и могущества.....1

ГЛАВА II.

Об общих причинах, действующих как внешне, так и внутренне, которые приводят к падению наций, поднявшихся выше своего уровня, до уровня, соответствующего их размеру, плодородию и численности населения; и о том, как богатство разрушило могущество древних наций... 14

ГЛАВА III.

О народах, которые достигли богатства и могущества до завоеваний в Азии и Африке, и о причинах, которые привели к их гибели... 20

ГЛАВА IV.

О римлянах. — Причины их подъема в период республики и упадка в период империи. — Распространенная ошибка в сравнении Рима и Карфагена; доказательства ее неверности и неприменимости к Франции и Англии.....27

ГЛАВА V.

О городах и народах, которые достигли богатства и могущества в средние века, после падения Западной империи и до открытия пути в Восточную Индию через мыс Доброй Надежды и Америки. — Различные последствия богатства для народов в холодном и теплом климате, а также падения Восточной империи.....44

ГЛАВА VI.

Отступление о торговле с Индией. — Единственная торговля, которая принесла богатство древним народам. — Ее постоянные изменения. — Зависть, которую она вызывала, и революции, которые она вызывала.....51

ГЛАВА VII.

О причинах упадка народов, процветавших в средние века, а также Португалии, Испании, Голландии и городов Ганзы.....62

ГЛАВА VIII.

Общий обзор и анализ причин, повлекших за собой упадок всех народов, с диаграммой, отражающей рост, падение и миграцию богатства во всех странах с 1500 года до Рождества Христова до конца XVIII века — периода длительностью 3300 лет 70

КНИГА II.

ГЛАВА I.

О внутренних причинах упадка, возникающих из обладания богатством. — Его общее влияние на привычки, нравы, образование, образ мышления и поведения жителей страны.....81

ГЛАВА II.

Об образовании молодежи в странах, богатеющих. — Ошибки, которые обычно допускают авторы, пишущие на эту тему. — Важность женского образования для нравов народа. — Не замечено авторами, пишущими по политической экономии. — Образование широких масс народа — главная цель. — В чем оно заключается.....94

ГЛАВА III.

Об увеличении налогов как внутренней причине упадка. — Его различное влияние на промышленность в зависимости от степени его осуществления. — Его влияние на народ и на правительство.....102

ГЛАВА IV.

О внутренних причинах упадка, возникающих в результате посягательств государственных и привилегированных органов, а также тех, кто имеет общие интересы, на тех, кто не имеет общих интересов.....116

ГЛАВА V.

О внутренних причинах упадка, возникающих из-за неравного распределения собственности и ее накопления в руках отдельных лиц. — Его влияние на использование капитала.....125

ГЛАВА VI.

О внутренних причинах упадка, которые возникают в результате того, что продукты земли становятся недостаточными для пропитания роскошного народа. — О монополии... 137

ГЛАВА VII.

Об увеличении числа бедных по мере роста общего благосостояния. — О детях, оставленных без средств к существованию. — Об их делении на два класса. — Те, кто может трудиться в той или иной степени, и те, кто не может трудиться..... 156

ГЛАВА VIII.

О тенденции капитала и промышленности покидать богатую страну и об обесценивании денег в сельскохозяйственных и торговых странах..... 161

ГЛАВА IX.

Заключение о внутренних причинах. — Их взаимодействие. — Их общее влияние на правительство и народ. — Опасность, возникающая из-за них, проявляется только тогда, когда процесс упадка уже далеко продвинулся... 166

ГЛАВА X.

Внешние причины упадка. — Зависть и вражда со стороны других народов. — Их усилия, как в мирное, так и в военное время, по снижению уровня благосостояния богатых народов до своего уровня... 175

ГЛАВА XI.

Почему взаимодействие между народами в конечном итоге выгодно более бедным, хотя сначала это и не так..... 179

ГЛАВА XII.

Заключение о внешних причинах. — Редко имеют большое значение, если не подкрепляются внутренними. — Богатые нации, проявляя осторожность, в большинстве случаев способны продлить свое процветание. — Отступление о важности государственных доходов, иллюстрированное статистической диаграммой..... 184

КНИГА III.

ГЛАВА I.

Результаты вышеуказанного исследования, применимые к Великобритании. — Ее нынешнее состояние, в чем заключается ее богатство; иллюстрируется диаграммой, показывающей рост доходов и торговли.....191

ГЛАВА II.

Об образовании, как оно осуществляется в Англии. -- Предлагаемые улучшения. -- Необходимость вмешательства правительства без ущемления свободы подданных..... 216

ГЛАВА III.

О последствиях налогообложения в Англии.....229

ГЛАВА IV.

О государственном долге и амортизационном фонде. -- Преимущества и недостатки обоих. -- Ошибки, допущенные при расчете их последствий. -- Причины ошибок. -- Предлагаемый способ предотвращения их увеличения в будущем.....234

ГЛАВА V.

О налогах на содержание бедных. — Их огромное увеличение. — Причина. — Сравнение между Англией и Шотландией. — Простой, легкий и гуманный способ их сокращения.....247

ГЛАВА VI.

Причины упадка, характерные для Англии..... 257

ГЛАВА VII.

Обстоятельства, характерные для Англии и благоприятные для нее..... 261

ГЛАВА VIII.

Заключение..... 276

Применение настоящего исследования к нациям в целом.....289

ЗАПРОС,

и т. д. и т. д.

=====

КНИГА I.

=====

ГЛАВА I.

Введение и план работы. — Объяснение того, что автор понимает под богатыми и могущественными нациями, а также общих причин богатства и могущества.

Одним из наиболее прочных оснований, на которых исследователь может основываться в вопросах политической экономии, связанных с судьбой наций, является, по-видимому, обращение к истории, анализ произведенных ею последствий и исследование причин, которые привели к их возникновению.

К сожалению, в данном случае материалы весьма скудны и порой довольно сомнительны; тем не менее, я не считаю целесообразным отказываться от их использования

и поэтому начал с рассмотрения причин, которые привели к гибели великих и богатых наций, начиная с самых ранних записей и до наших дней.

Доктор Робертсон совершенно верно говорит: «Жестоким унижением при поиске поучительных уроков в истории прошлых времен является то, что подвиги завоевателей, опустошивших землю, и причуды тиранов, сделавших народы несчастными, записаны с мельчайшей и часто отвратительной точностью, в то время как открытие полезных искусств и прогресс в самых благотворных отраслях торговли замалчиваются и погружаются в забвение». Рассуждение о древней торговле с Индией.

--

Я делю это пространство на три периода, потому что в каждом из них прослеживается своя отличительная черта.

В первый период, до падения Римской империи, порядок вещей был таким, каким он сложился в результате нового состояния человечества, которое постепенно увеличивалось в численности и совершенствовалось в науках и искусствах. Различия в уровне богатства сначала объяснялись местным положением, природными преимуществами и приоритетом в вопросах заселения, пока причины упадка не начали действовать на некоторых; тогда случайные причины богатства и власти, приведшие к завоеваниям, начали устанавливать новый порядок вещей.

Второй период, от падения Римской империи до открытия Америки и прокладки морского пути в Ост-Индию, также имеет свои отличительные черты и рассматривается отдельно.

Правителями человечества тогда были не люди, которые, благодаря легкости и свободному времени пастушеской жизни под мягким небом, изучали науки и культивировали искусства; это были люди, которые прибыли из холодного северного климата, где природа мало способствовала удовлетворению их потребностей, где голод и холод можно было избежать только трудом и усилиями; где, одним словом, бесплодность природы компенсировалась энергией человека.

Обладатели более мягкого климата и более мягких нравов, попав под власть таких людей, значительно уступавших им как по численности, так и по искусствам, смешались с

ними и образовали новую расу, характер которой был иным; и весьма любопытно, что в то время, когда человечество находилось в состоянии, к которому оно пришло благодаря росту населения и искусствам мира, рабство было повсеместным явлением: но когда им правили люди, которые были завоевателями и обязаны своим превосходством исключительно силе, где можно было бы ожидать возникновения рабства, оно было отменено.

Этот факт, который является неоспоримым, на первый взгляд выглядит весьма необычным, то есть кажется трудным для объяснения; но небольшое изучение обстоятельств позволит легко его понять.

В теплых и плодородных странах преобладает любовь к комфорту, а необходимые услуги могут выполнять рабы. Ленивые привычки людей заставляют их считать свободу менее важной, чем освобождение от забот. Пока правители человечества были ленивыми и роскошными, они были заинтересованы в продолжении рабства, которое, должно быть, возникло из варварства и невежества. Но северные народы были другими; у них ни нравственный характер, ни физические силы, ни положение вещей не благоприятствовали рабству. Услуги, которые один человек хотел получить от другого, не были такими, которые можно было бы заставить выполнять раба; кроме того, люди, приспособленные для выполнения таких обязанностей, не склонны подчиняться рабству. Пастухи могут быть приведены в положение рабов, но охотники вряд ли подчинятся такому положению, даже если их занятие допускает это. Рабы могут быть заняты только на работе, которая находится под присмотром надсмотрщика или хозяина, или результат которой почти гарантирован: но работа охотника не является ни тем, ни другим, и поэтому не подходит для выполнения рабами. Атлетический активный образ жизни, необходимый охотнику, кроме того, неблагоприятен для рабства, если не противоречит ему полностью. Что получает раб в обмен на свои услуги? Жилье, питание и жизнь, свободную от забот. Охотник обязан сам обеспечивать себя первыми двумя, а последним он не может наслаждаться. То же самое касается даже наемных слуг. В самом примитивном состоянии пастухов есть наемные слуги, но люди в примитивном состоянии никогда не охотятся за платой: они являются своими собственными хозяевами: они могут охотиться в обществе или в партнерстве, но никогда как рабы или наемные слуги.

--

Прогресс в направлении к богатству в этом новом состоянии дел был очень медленным, но равенство, которое царило среди феодальных баронов, их любовь к войне и славе, а также досуг, которым они наслаждались, постепенно значительно расширили границы торговли, поскольку северный мир никогда не мог производить много товаров, которые его жители, благодаря своим связям с югом, научились ценить и наслаждаться.

Наибольшую выгоду от этого обстоятельства извлекли промежуточные страны, которые естественным образом образовали связующее звено между древними народами Востока и суровыми жителями Севера; и мы по-прежнему видим, что границы Средиземного моря, хотя и не являющиеся более центром власти, остаются местами, где в основном сосредоточено богатство.

Невозможность для жителей северных стран транспортировать свои грубые и тяжелые продукты, чтобы обменять их на роскошные товары юга, привела к появлению мануфактур, а также рыболовства на южных границах Балтийского моря; отсюда возникло богатство Фландрии, Голландии и городов Ганзы. Это сформировало эпоху, совершенно новую по своей природе и описанию, и ее окончание было вызвано только великим открытием пути в Азию через мыс Доброй Надежды и в Америку, путем прямого плавания в Атлантический океан.

Нации, которые до этих открытий были наиболее благоприятно расположены для торговли, больше не пользовались этим преимуществом; поскольку она изменила свое местонахождение; но она не только изменила свое местонахождение, она изменила свою природу, и незначительная торговля, которая до сих пор велась с помощью караванов по суше или небольших барок, курсирующих по побережью Средиземного моря (никогда не рискуя, без непосредственной опасности, терять берег из виду), была заменена смелым и авантурным мореплаванием, соединяющим самые отдаленные части мира; между которыми с тех пор большие суда проходят с большей скоростью и безопасностью, чем раньше между греческими островами или из Италии в Африку.

Три изобретения, два в торговле и одно в военном деле, почти одинаковой древности, сделали эту эпоху одной из тех, которые придают вещам новый облик.

Открытие магнитной силы стрелки улучшило и полностью изменило мореплавание. Искусство печати дало возможность легко распространить среди всего человечества способ передачи мыслей и идей, который до того времени сопровождался большими трудностями и был ограничен немногими. Это приблизило людей к равенству в умственном отношении и значительно облегчило торговлю и искусство. Изобретение пороха почти в то же время изменило искусство войны не только в его способах, но и в его результатах, что было гораздо более важным моментом. В то время как человеческая сила была той силой, которой люди причиняли друг другу неприятности в случае вражды, физическая сила закладывала основу для величия отдельных людей, а также целых народов. До тех пор, пока это было так, ни одна нация не могла развивать мирные искусства (как в настоящее время), не уступая по физической силе нациям, которые предпочитали охоту или изучали военное дело, или тем, кто предпочитал тренировать тело, как это делают грубые нации, удовлетворяя свои аппетиты, как это практикуется в богатых странах. Быть богатым и могущественным одновременно было тогда невозможно.

С момента появления этого последнего изобретения физическая сила человека перестала играть какую-либо существенную роль в его истории; теперь превосходство в мастерстве является главной целью тех, кто стремится к совершенству, и люди могут посвятить себя жизни, полной комфорта и удовольствий, не попадая в реальное неравенство, при условии, что они не позволяют своему разуму деградировать или погрузиться в леность, невежество или пороки.

Раньше в Испании законом было запрещено выходить в море с 11 ноября по 10 марта.

В божественной поэме «Илиада» Нестор, благодаря своему опыту и мудрости, и Одиссей, благодаря своей хитрости, являются единственными двумя героями, чьи умы давали им превосходство; но они не идут ни в какое сравнение с Ахиллом и Гектором или даже с сильным, грубым и невежественным Аяксом. В настоящее время главной целью является выносливость и понимание дисциплины, поскольку, хотя в последние годы все более широкое использование штыков, казалось бы, немного приближает современное воинское искусство к древнему способу сражения с помощью физической силы, с другой стороны, следует учитывать, что артиллерия используется больше, чем когда-либо, что увеличивает различия. Кроме того, хотя штыки и используются, это происходит в совершенно новых условиях. Большая сила позволяла одному человеку, надевшему очень толстую броню и вооруженному длинным мечом или копьем, быть неуязвимым для людей с меньшей силой, в то время как он мог совершать любые подвиги, побеждая их. Поскольку порох уничтожил использование тяжелой брони, хотя с саблей и штыком люди не равны, они все гораздо ближе к этому. Никто не является неуязвимым, даже в единоборстве, с *белым оружием*, а с огнестрельным оружием они почти равны. Изменения, которые это влечет за собой во всех сферах жизни, слишком многочисленны, чтобы их можно было подробно описать, и они заметны всем.

--

Таким образом, эти открытия, изменив физические возможности людей, изменив их отношения и связи, а также открыв новые области для торговли и новые каналы для ее осуществления, образуют очень отчетливую эпоху в истории богатства и власти и значительно изменяют их природу в деталях; хотя в общих чертах и в абстрактном определении они остаются прежними, всегда имея одинаковое отношение друг к другу или к состоянию дел в данный момент.

Последний период по своему характеру сильно отличается от двух предыдущих и гораздо важнее их, однако в одном отношении между ними прослеживается очень важное сходство.

Страсти и склонности человечества, хотя и изменили свои объекты и средства их удовлетворения, не изменили своей природы. Желание наслаждения, причем наслаждения с наименьшими возможными затратами, кажется, лежит в основе всех страстей. Следовательно, зависть, ревность, дружба и бесконечная череда второстепенных последствий, по-видимому, все порождаются этой первоначальной страстью; и поскольку отсюда берут свое начало как богатство, так и упадок наций, история революций в богатстве и власти в течение двух первых периодов ни в коем случае не является неважной; кроме того, поскольку их продолжительность была гораздо больше, чем у последнего, они приводят к более определенному выводу.

Очень ученый и остроумный автор «Исследования о происхождении и причинах богатства народов» объясняет все это врожденной склонностью к бартеру. Но бартер — это только средство, и даже не то средство, к которому человечество проявляет наибольшую склонность; ведь везде, где у них есть возможность взять силой или грабежом, они никогда не занимаются бартером. Это наблюдается как у детей, так и у взрослых; дети плачут, требуя игрушки, и тянутся к ней, прежде чем предложить обмен; а завоеватели или солдаты никогда не покупают и не обмениваются, когда могут взять, если только их не движет какой-то другой мотив, кроме естественной склонности. Разбойник с большой дороги заплатит за обед в гостинице так же охотно, как и путешественник, потому что он действует из других мотивов, а не из склонности, но он ограбит трактирщика, когда встретит его на дороге.

--

Обзор произошедшего займет первую книгу и послужит материалом для исследования природы и причин падения наций.

Первая часть второй книги будет посвящена исследованию внутренних причин упадка, то есть всех тех причин, которые возникают из обладания богатством и властью и влияют на привычки, нравы и умы жителей, а также на политические устройства, законы, правительство и институты, поскольку они связаны с процветанием или упадком наций.

Вторая часть этой книги будет посвящена внешним причинам упадка, возникающим из-за зависти других народов; их прогрессу в тех же искусствах, которым богатые народы обязаны своим богатством, или их превосходству в других искусствах, благодаря которым они могут соперничать, ослаблять или подчинять себе другие народы.

После изучения внешних и внутренних причин, а также действия каждой из них и обеих вместе (хотя они никогда не действуют совершенно отдельно), случайные причины станут предметом рассмотрения, что приведет общее исследование к завершению.

Третья книга начнется с применения полученной информации к нынешнему состоянию Англии: путем сравнения ее положения с положением великих наций и попытки указать средства, с помощью которых можно предотвратить ее упадок.

Хотя мы знаем, что в этом мире нет ничего вечного, особенно в человеческих учреждениях, тем не менее, благодаря некоему языковому фикционному приему, когда конечный срок не установлен, а конец желателен, то, что известно как временное, считается вечным. Таким образом, договор между королем и народом, конституционные законы страны и т. д. считаются постоянными и вечными.

В данном случае, хотя окончательный упадок нации предотвратить невозможно; хотя природа вещей рано или поздно положит конец процветанию любой нации либо посредством той регулярной цепочки причин, которую можно проследить, либо посредством регулярного действия совпадающих причин, которое называется случайным, мы все же будем говорить не о продлении процветания, а о предотвращении упадка, как будто он никогда не произойдет.

Прежде чем приступить к этому исследованию, для ясности понимания было бы хорошо определить, что я имею в виду под богатыми и могущественными нациями.

Говоря о нациях, богатство и могущество иногда связаны друг с другом, как причина и следствие. Иногда между ними существует взаимное действие и противодействие. В естественном или обычном ходе вещей они сначала тесно связаны и зависят друг от друга, пока, наконец, эта связь постепенно ослабевает, и они даже действуют в противоположных направлениях; когда богатство подрывает и разрушает могущество, но могущество никогда не разрушает богатство.

Хотя богатство и власть часто встречаются вместе, иногда они бывают разделены. Богатство — это реальное владение, а власть — относительное понятие. Таким образом, страна может быть богатой сама по себе, не имея связи с другими странами, но ее власть можно оценить только по сравнению с властью других стран.

Богатство заключается в наличии изобилия всего, что человечество хочет или желает; и если бы на земле была только одна нация, она могла бы быть богатой, но в таком случае было бы невозможно измерить ее власть.

Однако богатство не является полностью реальным; оно в определенной степени является относительным, тогда как власть является полностью относительной.

Например, римлян вполне справедливо можно назвать самой могущественной нацией, которая когда-либо существовала, но один батальон наших современных войск, хорошо оснащенный артиллерией, вероятно, уничтожил бы лучшую армию, которую они когда-либо посылали на поле боя. Один линейный корабль, безусловно, потопил бы, захватил или обратил в бегство все флоты, которые Рим и Карфаген когда-либо посылали в море. Самая слабая и наименее могущественная из цивилизованных наций, обладая современными средствами ведения войны и современными знаниями, победила бы древнюю армию самого могущественного типа. Таким образом, сила является полностью относительной, и то, что сейчас является слабостью, в определенное время было бы силой или мощью.

Пока нация не поднялась выше своих соседей и тех, с кем она себя сравнивает, богатство и сила действуют в одном направлении; но после того, как она превзошла эту точку, они начинают противодействовать друг другу.

--

Не совсем так обстоит дело с богатством, которое заключается в изобилии того, чего желают люди. Египтяне, греки и римляне обладали богатством, и хотя оно, возможно, не состояло из тех же предметов, оно, вероятно, не уступало нашему современному богатству; но как богатство, чисто и просто, не было необходимости сравнивать разные народы, кроме как в том, что желания людей усиливаются, когда они видят изобилие, которым обладают другие, и поэтому они становятся сравнительными в отношении богатства. Однако, не вдаваясь в длительное рассмотрение различных возможных комбинаций богатства и власти, которые в государствах связаны между собой так же, как здоровье и сила в организме животного, рассматриваем оба понятия только в сравнительном аспекте; сравнение проводится либо с другими нациями в одно и то же время, либо с одной и той же нацией в разное время. Так, например, сравнивая богатство и власть Великобритании в настоящее

время с тем, что они были в конце правления королевы Елизаветы, мы обнаруживаем, что купцы Ливерпуля в течение первых трех лет последней войны оснастили флот каперов, равный по силе испанской армаде и, следовательно, превосходящий всю военно-морскую мощь Англии того времени; поэтому нет никаких сомнений в том, что и богатство, и власть нации увеличились. Опять же, если мы видим, что наши корабли блокируют порты Голландии и не дают ее флоту выходить в море, мы должны сделать вывод, что соотношение сил двух наций изменилось со времени, когда голландский флот торжественно проплывал по Темзе. Но если мы хотим сравнить военно-морскую мощь Англии с мощностью Франции и Испании, мы не должны сравнивать ее с силой их флотов в 1780 году, когда они бросили нам вызов в Плимуте, а должны принимать во внимание фактическое положение дел на данный момент.

Человек может быть очень слабым, но при этом на протяжении всей жизни пользоваться очень хорошим здоровьем. Он также может обладать большой силой, хотя и не может похвастаться очень хорошим здоровьем; тем не менее, здоровье и сила очень тесно связаны между собой и никогда не могут быть полностью разделены.

--

Когда одна нация находится в равном положении с другими по уровню богатства, ее нельзя считать ни богатой, ни бедной, каким бы ни было ее реальное богатство или бедность. То же самое относится и к власти. Когда одна нация способна лишь защищать себя, но при этом полностью равна другим, хотя и неспособна совершать завоевания или расширять свои владения против воли других наций, ее нельзя назвать ни слабой, ни сильной. Так, например, Дания как нация находится на равных с другими и не может быть названа ни богатой и могущественной, ни слабой и бедной, хотя она, безусловно, имеет больше фактического богатства и власти, чем в VIII веке, когда датчане сожгли Лондон, Париж и Кельн.

Таким образом, в отношении моего рассуждения, все это следует рассматривать как применимое одновременно к другим нациям; а степень, на которую они выше или ниже среднего уровня, является мерой богатства и могущества, бедности и слабости.

Но в отношении самой нации богатство является относительным понятием в динамике времени. Говоря о власти, мы сравниваем нации в один и тот же период, а говоря о

богатстве, мы можем либо сравнивать одну нацию с самой собой в разные периоды, либо с другими нациями в одно и то же время.

Мы не найдем ни одного примера того, чтобы страна становилась менее богатой при увеличении своей мощи, но мы найдем много примеров того, как страны становились богаче при потере своей мощи, хотя вместе с мощью богатство всегда, чуть раньше или чуть позже, исчезает.

Согласно этому определению, если бы все нации на земле равным образом увеличивали свое богатство и мощь, они считались бы стационарными; их относительное положение оставалось бы неизменным, как положение неподвижных звезд или солдат, марширующих в полку с совершенной регулярностью и сохраняющих свое относительное положение так, как если бы они стояли на месте. Но такой случай среди наций является лишь воображаемым; поэтому данное определение отвечает истинной цели исследования.

--

Иногда нации обязаны своим богатством и величием случайным причинам, которые по своей природе должны исчезнуть; а иногда — причинам, которые, завися от самих наций, могут продлиться. В целом, оба вида причин объединились, чтобы сделать великой каждую нацию, которая отличалась среди других богатством или могуществом.

Таким образом, причины делятся на два различных вида: те, которые не зависят от самой нации, и те, на которые она имеет определенное влияние и контроль.

В древние времена, когда знания были еще малоразвиты, а небольшой накопленный запас знаний был ограничен практически одним местом, первые причины были основными. — Местное положение, приоритет в открытии или в создании давали одной нации превосходство над другими и приводили к накоплению богатства, приобретению власти и территории. Как и на ранних этапах жизни человека, несколько лет больше или меньше приводят к большей разнице как в физических силах, так и в умственных способностях, чем любая разница в врожденном гении или случайных обстоятельствах; так и в ранние дни мира, когда он был молод в знаниях и малонаселен, приоритет в заселении давал одной нации большое преимущество над другими и, как следствие, позволял ей господствовать над другими; таким образом, Ассирийская и

Египетская империи были великими, могущественными и обширными, в то время как народы, находившиеся за пределами их досягаемости, были разделены на мелкие государства или королевства, имевшие самое незначительное значение.

Однако время устранило преимущества, связанные с приоритетом заселения.

Местные условия были еще одной причиной превосходства, но более постоянного характера; однако и это преимущество было перенесено от одной нации к другой в результате новых открытий. Качества почвы и климата компенсируются характером и привычками жителей, которые в конечном итоге часто приводят к превосходству там, где сначала было отставание.

Мы ни в коем случае не намерены вступать в дискуссию, а тем более в спор, относительно древности человечества, но совершенно очевидно, что знания в области искусств и наук можно проследить до зарождения человечества примерно за две тысячи лет до нашей эры.

--

Если когда-нибудь народы мира достигнут состояния стабильности (что, по всей вероятности, никогда не произойдет), то это будет тогда, когда численность населения будет почти пропорциональна средствам к существованию в разных частях мира, когда знания будут распределены почти равномерно и когда не останется никаких великих открытий в области искусства, науки или географии.

Хотя причины, из-за которых богатство и власть достигают высшей степени, могут меняться от одной страны к другой, богатство и власть должны подвергаться тем же изменениям и перемещениям; до тех пор любое равновесие между странами будет искусственным. Но когда обстоятельства станут схожими, а давление со всех сторон станет равным, тогда страны, подобно частицам жидкости, хотя и свободные в движении, но утратившие импульс, останутся в покое.

Если такое положение вещей когда-нибудь наступит, то богатство и власть будут только реальными, а не сравнительными. Все вместе могут быть очень богатыми, очень обеспеченными и обладать большим изобилием всего, что нужно для удовольствия или для защиты, без того, чтобы одна нация имела преимущество над другой: они будут находиться в равном положении.

Но такое положение дел вряд ли скоро наступит. Население далеко от равновесия, а знания еще дальше от него. Россия и Америка, в частности, отстают по численности населения, а жители последней страны далеки от того, чтобы быть на одном уровне с остальной Европой в плане знаний; когда они станут такими, баланс будет нарушен и должен будет быть восстановлен заново.

Великие открытия, которые произошли в области знаний и географии, были связаны между собой.

Пока мореплавание было мало изучено, границы Средиземного моря и острова в нем были естественным образом первыми местами для богатства и торговли.

Открытие компаса и другие последующие открытия сделали навигацию в открытом океане более легкой и безопасной, чем в очерченных морях. Это заложило прочную основу для перемен и открытий; привело к росту значения Великобритании, разрушило Италию, Геную, Венецию и т. д. и заложило основу для дальнейших перемен.

Под знанием понимается только знание искусств, которые делают человека полезным, =sic= таких как сельское хозяйство, производство, законодательство и т. д.

--

Что касается открытий в искусствах, то было бы действительно смело и самонадеянно пытаться установить для них какие-либо границы. Однако открытия, которые существенно меняют отношения между людьми, вероятно, близки к своему концу. В искусстве они дают лишь временное преимущество. Если бы был открыт способ возделывать землю с половиной усилий и удвоить урожай, что вполне возможно, это было бы великим открытием и значительно изменило бы общее положение человечества; но вскоре оно распространилось бы на все народы, как это произошло с использованием пороха. Новые продукты или средства, позволяющие легче добывать старые, являются предметом главного интереса. Картофель, кофе, чай, сахар, хлопок, шелк, спиртные напитки — это новые продукты, неизвестные римлянам. Стекло, порох, печать, ветряные мельницы, водяные мельницы, паровые машины и большая часть прядильных и ткацких машин — это новые изобретения, но они могут быть распространены на все страны. Морской компас изменил относительное положение мест, и, вероятно, не может появиться

никакого нового изобретения, имеющего такое же значение для народов. Судходство не допускает подобного усовершенствования, какое оно уже получило. Если бы товары можно было перевозить за четверть нынешней цены, это не произвело бы такого же эффекта. Сделать судходство по океану возможным было делом более важным, чем любое возможное усовершенствование этой возможности.

Что касается новых открытий в географии, то они почти закончились. Форма и размеры Земли известны, а пригодные для жизни регионы почти все исследованы.

Таким образом, мы подошли к ситуации, когда многие из причин, которые ранее приводили к сокращению богатства наций, больше не могут произвести аналогичного эффекта. Но все еще существуют другие причины, которые действуют так же, как и раньше; соответственно, богатство и власть в настоящее время распределены между нациями очень неравномерно, и в Европе нет ни одной нации, которая бы не находилась либо на подъеме, либо на спаде. (см. Приложение А.) =sic - нет ни одной=

Цель всех открытий — обеспечить людей тем, что им нужно; и, соответственно, все страны, которые считаются цивилизованными, находят способы воспользоваться преимуществами нового открытия, подражая тем, кто первым обладает этим изобретением, и это происходит почти мгновенно. Раньше все было совсем иначе.

--

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, проследив те причины, которые продолжают действовать и в настоящее время, выяснить, как можно предотвратить падение наций, которые сейчас занимают высокое положение, ниже своего уровня: история показывает, что у них есть естественная склонность к этому, и что это сопровождается очень печальными последствиями.

Мы не занимаемся в Утопии разработкой планов, а в Британии — реальным делом; и вопрос заключается в том, как страна, находящаяся в таком положении и обладающая большей, чем ее доля, властью, значимостью и богатством, может продлить свое владение ими?

В этом исследовании мы начнем с урока истории, который послужит нам неким руководством.

Что касается подъема других наций, то мы не можем и не должны пытаться ему препятствовать; пусть они поднимаются до нашего уровня, но мы не должны опускаться до их уровня.

ГЛАВА II.

Об общих причинах, действующих как внешне, так и внутренне, которые приводят к падению наций, поднявшихся выше своего уровня, до уровня, соответствующего их площади, плодородию и численности населения; и о том, как богатство уничтожило власть в древних нациях.

Не рассматривая конкретные причины, которые подняли некоторые нации значительно выше других, существуют некоторые общие причины упадка, которые действуют во всех случаях; но даже общие причины не всегда одинаковы, они варьируются в зависимости от обстоятельств.

Если одна нация превосходит другие в искусстве и производстве, другие приобретают вкус к тому, что она производит, и подражают ей. Если она превосходит других в военном искусстве, она учит своих врагов сражаться так же хорошо, как и она сама. Если ее территории обширны, незащищенные и удаленные части провоцируют нападения и грабежи. Их становится труднее и дороже управлять. Если она обязана своим превосходством климату и почве, она обычно сохраняет его лишь в течение короткого времени. Необходимость действует гораздо сильнее на тех, кто не обладает такими же преимуществами, что они вскоре достигают равенства. — В чем бы ни заключалось превосходство, соперничество и зависть побуждают к соперничеству в мирное время и к частым испытаниям силы в военное время. Презрение и гордость, сопутствующие богатству и власти, а также зависть и ревность, которые они вызывают у других народов, являются постоянными причинами перемен и составляют основную причину революций среди человеческого рода.

Потребности людей растут по мере того, как они узнают, что такое хорошее наслаждение; и именно желание удовлетворить эти потребности усиливает необходимость, а эта необходимость является стимулом к действию.

Есть несколько естественных потребностей, для ощущения которых не требуется никаких знаний, таких как голод и жажда, а также другие аппетиты, которые люди имеют общее со всеми животными и которые, так сказать, связаны с их существованием. Но пока народы удовлетворяют себя удовлетворением таких потребностей, среди них нет ни богатства, ни власти. Следовательно, мы не должны исследовать поведение таких народов.

Однако, за исключением тех потребностей, которые неотделимы от нашего существования, все остальные являются в той или иной степени вымышленными и растут вместе с нашими знаниями и привычками; поэтому очевидно, что нация, которая находится выше других, испытывает меньше всего потребностей или, другими словами, не испытывает никаких потребностей. Она не знает ничего, чем не обладает, и поэтому можно сказать, что она ничего не хочет; или, что то же самое, не зная, чего она хочет, она не прилагает никаких усилий, чтобы это получить.

Таким образом, необходимость подниматься выше не действует на нацию, которая не видит никого выше себя; по крайней мере, она действует лишь в очень незначительной степени. В то время как в нации, отстающей от других наций, каждый движим соперничеством и завистью, а также чувством собственных нужд, подражает тем, кто находится на более продвинутом уровне, и стремится к ним приравняться.

Ребенок плачет, требуя еды, не зная, что это такое; и все другие естественные аппетиты, хотя они и могут усиливаться привычкой, знанием и воображением, в первоначальном состоянии не зависят от разума.

Несомненно, необходимость сохранять то, что у них есть, продолжает существовать и, следовательно, стремится удержать их в постоянном состоянии. Некоторые люди, менее обеспеченные, чем другие, стремятся сравняться с ними, благодаря чему в стране, обладающей наибольшей долей богатства и власти, все же наблюдается некоторый прогресс, но он лишь частичный и слабый. Те, кто живет в наиболее развитой стране, довольны и имеют все, что желают; они обладают всем, о чем знают, и не могут иметь особого желания получить то, чего у них нет, что могло бы вызвать большую энергию и усилия. Человек может желать крыльев или вечной молодости, но, поскольку он вряд ли может рассчитывать на получение того или другого, он приложит мало усилий. В случае с вещами, которые действительно достижимы, но неизвестны, энергия проявляется еще меньше. Жители Азии считали шелк естественным продуктом своей страны; пока европейцы не увидели его, они никогда не пытались производить такой богатый материал; но с тех пор не жалели усилий, чтобы попытаться производить его почти во всех

странах, где была малейшая вероятность успеха. Мы подражали итальянским шелковым фабрикам, а итальянцы (как и многие другие народы) теперь подражают нашим хлопковым фабрикам. В случае с нацией, которая следует за другими, она всегда знает, чего хочет, и может судить, сможет ли она это получить; но наиболее продвинутая нация блуждает в потемках.

--

Таким образом, необходимость действует в очень незначительной степени на наиболее развитую нацию, в то время как она очень сильно влияет на отсталые нации; и эта единственная причина, без вмешательства войн, каких-либо состязаний или грабежей, со временем привела бы нации к некоему равенству в богатстве и утонченности, то есть дала бы им всем возможность удовлетворить свои потребности.

Война, разжигаемая жестокими и низкими страстями, — высокомерием и надменностью одних, завистью и подлостью других, — нарушает этот естественный и плавный процесс, который, тем не менее, продолжает действовать незаметно во все времена и при любых обстоятельствах и который, по сути, является главной причиной тех самых беспорядков, которые иногда способствуют его осуществлению; иногда, по-видимому, прерывается; иногда их действие на мгновение обращается вспять, но их действие ни на мгновение не прекращается полностью.

Желание наслаждения заставляет все человечество действовать так, как будто оно участвует в гонке. Оно всегда держит цель в поле зрения, хотя и пытается быть первым, кто достигнет ее, используя различные средства. Но наибольшие усилия никогда не предпринимаются теми, кто опередил своих конкурентов. Среди потребностей человечества легкость является одной из самых постоянных, и всякий раз, когда необходимость удовлетворять другие потребности исчезает, желание удовлетворить эту потребность приводит к состоянию бездействия и покоя. Однако стремление к комфорту не обязательно означает стремление к полной бездеятельности или покою; уменьшение усилий — это относительный комфорт, и это всегда наблюдается в состоянии процветания, как отдельного человека, так и целой нации, после того как процветание длилось достаточно долго, чтобы вызвать определенную степень утомления и безразличия, что происходит с каждой нацией.

Правдивость этого утверждения может быть оспорена теми, кто смотрит на человечество в искусственном состоянии, потому что многие из его действий кажутся лишенными какого-либо конкретного мотива. Но ни малейшее усилие никогда не совершается без мотива. Человек, который выходит на прогулку и занимается физическими упражнениями, хочет здоровья или развлечений так же, как рабочий хочет хлеба. Даже те, кто трудится в круговороте удовольствий,

всегда стремятся к чему-то. То, что они не находят объект своих стремлений, является другой частью рассмотрения; но у них всегда есть какой-то объект. Что касается дикарей и бедных слоев населения, то они проявляют свою склонность более простым способом, то есть просто отдыхая без дела, когда они не вынуждены трудиться.

--

Какими бы ни были случайные обстоятельства, которые сначала поднимают одну нацию над другими, или череда случайных обстоятельств, которые на время усиливают и поддерживают это превосходство, ничто не может быть более ясным и определенным, чем то, что у них есть естественная склонность возвращаться к равновесию, просто благодаря усилиям людей, направленным на приобретение богатства трудом, и без каких-либо причин, возникающих из-за войн или прерывающих карьеру друг друга.

Когда поведение одной нации по отношению к другой или любая другая причина приводят к войне, =sic= которая становится средством определения превосходства двух наций, есть много факторов, играющих в пользу менее богатой нации.

Ему меньше нужно защищать и терять, а больше атаковать и приобретать; задача гораздо проще и привлекательнее. В попытке получить есть какая-то энергия, которой нет у тех, кто только прилагает усилия, чтобы сохранить, и причину которой трудно объяснить, но существование которой совершенно очевидно.

Там, где естественная сила и борьба с нуждой велики, как в случае с народами, которые достигли лишь небольшого прогресса в приобретении богатства, соперничество с народом, более изнеженным от беззаботности и менее привычным к труду, является очень неравным и с лихвой компенсирует те искусственные преимущества, которые дает владение собственностью. По этой причине победа более бедных народов над более богатыми, как правило, приводила к тому, что борьба заканчивалась в пользу более выносливых и бедных народов.

Революции, которые происходили в древнем мире, будь то постепенные или насильственные и внезапные, в целом можно объяснить именно этими причинами. В тех древних народах значительная роскошь и военные успехи были несовместимы друг с другом, но в наше время ситуация сильно изменилась. Военная дисциплина уже не так строга, как раньше, и физическая сила имеет лишь небольшое значение, в то время как военную технику можно приобрести только за счет ресурсов, которые дает богатство; благодаря этому упадок народов, по крайней мере, теперь стал менее естественным и более медленным процессом, чем раньше; военные действия теперь имеют совершенно иную тенденцию, чем раньше, и этот эффект вызван

появлением пушек и иным способом нападения и обороны; для их осуществления необходим очень значительный уровень богатства.

Доктор Гарт в своем замечательном стихотворении «Аптека» говорит:

«Даже здоровье из-за отсутствия перемен становится болезнью».

Так происходит с нациями, погрязшими в процветании.

Почему люди должны были быть менее упорными в том, чтобы сохранить то, что справедливо принадлежит им, чем в том, чтобы хищно добыть то, что им не принадлежит, — это странная вещь; но нет ничего более верного; и последствия этой склонности очень велики, а ее существование очень распространено. В гибели наций это самая активная и мощная причина.

--

В прежние времена характер и положение народа, цель, которую он преследовал, его храбрость и умение его вождей решали все; но теперь главными целями являются умение вождей и владение деньгами, поскольку между двумя любыми народами Европы нет достаточной разницы, чтобы уравновесить эти факторы; и действительно (за исключением тех случаев, когда военное мастерство является случайным явлением,), оно встречается в основном у народов, которые обладают достаточным богатством, чтобы его применять и приводить в действие.

Мы увидим, что первые революции в мире были осуществлены благодаря естественной силе, энергии и храбрости бедных народов, победивших над менее выносливыми, которые наслаждались богатством, вплоть до времени римлян, которые, как и другие народы, сначала победили благодаря превосходству в энергии и храбрости, а затем, сделав войну ремеслом, продолжали, имея регулярные постоянные армии, завоевывать народы, которые имели только временные наборы или ополчения для защиты.

Триумф бедных народов над другими, во многих отношениях превосходившими их, продолжался в средние века, но богатство, приобретенное некоторыми народами в то время, было отнято у них не войной, а случайным и непредвиденным изменением в канале, по которому

оно текло. В то же время, когда произошло это изменение без применения силы, искусство ведения войны изменилось в пользу богатых народов, но изменения происходили постепенно, и теперь мощь народов можно оценить почти по их располагаемому доходу.

После успехов французской армии за рубежом распространилось мнение, что деньги не нужны для войны, даже в наше время. В соответствующем месте будет показано, что французская армия содержалась с очень большими затратами и что бедная страна не смогла бы сделать то, что сделала Франция.

--

Однако это изменение ни в коей мере не обеспечило процветание богатых наций; оно лишь помешало бедным странам, неспособным с помощью честной конкуренции достичь завоеваниями того, чего они не могли добиться упорством в искусстве и промышленности; ибо в других отношениях, хотя оно и делает процветание нации более зависимым от богатства и более независимым от насилия, оно не позволяет ни одной нации сохранить свое политическое значение после потери богатства. Оно никоим образом не прерывает тот прогресс, благодаря которому бедные страны постепенно поднимаются и соперничают с более богатыми в области искусств. Оно не устранило преимущества, которые возникают благодаря превосходной промышленности и вниманию к бизнесу, или благодаря постепенному внедрению знаний среди более невежественных, тем самым уменьшая их неполноценность и стремясь выровнять нации; напротив, увеличивая преимущества и защищая постепенные победы, достигнутые благодаря искусству и промышленности, от насилия войны, оно делает богатство более желанным объектом, а его потерю — большим несчастьем. Оно способствует усилению естественной склонности к соперничеству (), которая существует в бедных нациях по отношению к более богатым, хотя в то же время увеличивает трудность достижения их целей.

Превосходная энергия бедности и необходимости, которая под этим давлением заставляет людей непрерывно действовать всеми доступными им способами, которые, как кажется, могут привести их на один уровень с более богатыми, является тогда основой для взлета и падения как наций, так и отдельных людей. Эта тенденция иногда благоприютствуется особыми обстоятельствами, а иногда им противодействует, но она действует непрерывно и до сих пор никогда не переставала приносить свои плоды, поскольку триумф бедности над богатством как в большом, так и в малом масштабе, хотя и очень неравномерный по темпам, продолжается без перерыва с самых ранних времен до настоящего момента.

Нынешнее отставание Польши, Дании, Швеции, Испании и Португалии по сравнению с тем положением, которое они занимали в прошлом, легко объяснить, если посмотреть на размер их доходов.

--

ГЛАВА III.

О народах, которые достигли богатства и могущества до завоеваний в Азии и Африке, и о причинах, которые привели к их гибели.

До завоеваний Александра Македонского история древних народов является неясной, неполной и неточной.

Во время борьбы его преемников эта запутанность и неясные моменты сохраняются, но материалы становятся более обширными, точными и достоверными.

В первый период, за исключением того, что содержится в священной истории, несколько отдельных фактов, собранных писателями много позже, являются нашими единственными ориентирами для оценки положения древних государств, некоторые из которых состояли из великих империй, а другие — из отдельных городов, владевших очень небольшой территорией.

К этому следует добавить, что историки уделяли внимание почти исключительно великим и ярким событиям. Средства, с помощью которых эти события были произведены, считались менее важными.

Однако, насколько можно судить по результатам настоящего исследования, несмотря на скудность материалов, следуя четкому плану и не упуская из виду поставленную цель, мы можем прийти к определенному выводу.

Первыми заселенными странами, по-видимому, были Сирия и Египет, обе расположенные на берегах Средиземного моря; и, насколько позволяют судить достоверные источники, это были великие и могущественные страны, в которых сельское хозяйство и население достигли большого прогресса, а торговля уже принесла туда многие предметы роскоши Востока.

Финикийцы, народ, отличающийся по названию от тех, кто подчинялся ассирийским монархам, занимали ту часть Сирии, которая сейчас называется Левантом, непосредственно на берегу Средиземного моря; они были первыми, кто достиг богатства и власти благодаря искусству и торговле. Тир и Сидон были центрами торговли задолго до прибытия евреев в землю Ханаанскую, расположенную в соседней стране, с которыми в дни Давида и Соломона финикийцы были в дружеских отношениях и союзе, помогая последнему вести торговлю и обогащать свой народ. (См. Приложение В.) =sic - нет=

В предисловии приведены причины, по которым не рассматривается ситуация в Индии, хотя, судя по ее продуктам, она, по крайней мере, имеет такую же древность.

--

Все побережье Средиземного моря было открыто для их судоходства, как и греческие острова, а поскольку их собственная земля была бесплодной, они приобретали предметы первой необходимости, обменивая их на богатые материалы, которые они производили, и продукты Востока, торговлей которыми они почти исключительно владели.

Египтяне владели самой плодородной землей в мире, ограниченной Средиземным морем на севере и бесплодными пустынями на востоке и западе. Их страна имела форму треугольника и орошалась Нилом, который, протекая через нее по всей ее длине, течет почти по середине.

Таким образом, находясь в стране, плодородие которой зависело от Нила и которая со всех сторон была защищена от врагов, было вполне естественно развивать мирные искусства, и было невозможно разделить ее на много разных народов, как это было в других странах в древние времена, когда суверенитет вытекал из родительской власти и когда не было естественной связи между главами разных семей.

Большое изобилие, которым жители снабжались в годы, когда Нил выходил из берегов благоприятным образом, и неопределенность будущего изобилия побуждали к накоплению и предусмотрительности, которые не столь необходимы в странах, где важные обстоятельства изобилия или нужды не зависят от одного единственного события на всей территории страны, отделенной, кроме того, от других морем, по которому они не могли плавать, и пустынями, которые не очень легко пересечь.

Трудности транспортировки зерна, которые были достаточными, чтобы удержать египтян от зависимости от поставок из других частей страны, не мешали, однако, другим народам обращаться к ним в периоды нехватки, и, соответственно, Египет был житницей древнего мира.

Более подробную информацию об этой торговле см. в отступлении о торговле с Индией.

--

К этим природным преимуществам египтяне добавили и другие, отличающиеся по своей природе, но не менее ценные.

Они пользовались мягким правительством и замечательным и простым сводом законов. Их покорность и послушание не имели себе равных, и, поскольку одной из максим было не допускать безделья ни у кого, очевидно, что население должно было быстро расти, и что было невозможно задействовать всю рабочую силу стольких рук для обеспечения средств к существованию в стране, где нравы были простыми, почва плодородной, а потребности немногочисленными.

Излишки производства Египта, по-видимому, находились в распоряжении правителей, которым принадлежали все земли и за которые они взимали ренту натурой, как это принято до сих пор среди местных властей на обоих полуостровах Индии. Благодаря этому они смогли создать те грандиозные сооружения, которые вызвали восхищение и удивление всех последующих поколений и всех народов. Город Фивы с его лабиринтом, Мемфис, каналы и пирамиды были бы невероятны, если бы их уникальная конструкция не сохранила эти последние достижения промышленности от разрушительного воздействия времени и не оставила их почти в полном виде до наших дней.

Финикийцы были колонистами из этой великой страны, поскольку египтяне в целом не любили море. Однако хорошо известно, что люди, живущие непосредственно на побережье,

имеют склонность к мореплаванию, и вполне вероятно, что те египтяне, которые покинули свою плодородную землю, чтобы поселиться на бесплодных окраинах Сирии, были родом из дельты Нижнего Египта, которая лежит на побережье моря и пересечена множеством рукавов реки Нил.

Неудивительно, что такая колония, следуя естественной склонности к морскому делу и принеся с собой искусство крашения и ткачества, а также все остальное, что знали египтяне, под влиянием необходимости и в благоприятных для искусства и торговли условиях стала столь же прославленной своим торговым богатством, как их родина долгое время была прославлена сельским хозяйством и развитием наук.

То, что финикийцы были из Египта, не вызывает сомнений, и то, что они стали совершенно другим народом, оказавшись на другой земле и в других условиях, является убедительным доказательством влияния физических обстоятельств на характер народов.

--

Тир, соответственно, является первым примером города, который стал богатым и могущественным благодаря искусству и торговле, и хотя подробности об этом малоизвестны, они имеют очень определенный характер.

Гордость тирийцев, по-видимому, стала причиной их падения, и эта гордость была вызвана обладанием богатством, намного превосходившим богатство любого другого народа в мире того времени. В период своего величия они стремились к монополии и отчасти стали причиной быстрого упадка Иерусалима. После смерти Соломона они основали колонию, удобно расположенную для расширения своей торговли, которая заключалась главным образом в доставке богатых продуктов Аравии и Индии в западный мир. Карфаген был расположен на южном побережье Средиземного моря к западу от Египта, так что у него никогда не было прямых связей с самой Индией, в то время как он находился в чрезвычайно удобном месте для распределения товаров, привозимых тирийцами, оттуда вглубь Африки, Испании, Сицилии, Италии и в районы, удаленные от материнского города.

Благодаря обширности своей территории и своему положению Тир мог быть только богатым; он никогда не мог быть могущественным, поскольку великая Ассирийская монархия, расположенная непосредственно к востоку от него, препятствовала его расширению; а что касается морской мощи, то в то время не было никакой борьбы за господство на море; самое большее, на что можно было рассчитывать, — это то, что он будет иметь достаточную силу для самозащиты, что, находясь на небольшом острове, очень близко к берегу, не было трудно. Если

бы Александр Македонский не соединил его с сушей земляным валом или молом, Тир никогда не мог бы быть взят, пока какая-либо другая держава не получила бы превосходство на море, что не могло произойти до тех пор, пока римляне не завоевали Карфаген.

Вавилон, который был центром Ассирийской империи и сообщался с восточной частью Азии через реку Евфрат, а через Персидский залив — с Индией, был, как и Мемфис в Египте, столицей; но ассирийцы не были защищены со всех сторон, как египтяне, от вторжений извне; вследствие этого они не так сильно развивали мирные искусства и науки. На востоке находились мидийцы и персы, на севере — скифы и парфяне, но, поскольку территория была плодородной и обширной, с одним из лучших климатов в мире, монархи стали богатыми и роскошными, что было причиной их подчинения, и они всегда подчинялись народам, менее развитым в роскоши, чем они сами.

Лучшее описание товаров, которыми торговали тирийцы, а также их богатства и причин падения можно найти в книге Иезекииля, глава 26 и две следующие. Оно совершенно ясно и убедительно в отношении основных моментов богатства, гордости и роскоши, основанной на богатстве.

Тир, о котором здесь говорится, не является тем же Тиром, который был захвачен вавилонским царем или ассирийским монархом задолго до времени Александра, который, по-видимому, был лишь поселением на материке, принадлежащим тому же народу и подчинявшимся тому же князю.

--

Все эти страны — Египет, Сирия, Финикия и Греция — пали под оружием Александра. Это была первая великая и всеобщая революция в той части мира, от которой из всех древних центров богатства и величия уцелел только Карфаген.

Триумф Александра был, без сомнения, триумфом великого полководца, но, за исключением разрушения Тира и основания Александрии, которая стала главным центром торговли, в его завоеваниях не было ничего долговечного. Правящие семьи были уничтожены, а династии сменились, но при его непосредственных преемниках египтяне, жители Сирии и греки получили других господ.

Именно после основания Александрии и при преемниках Александра Египет стал действительно торговой страной. До этого его богатство было связано скорее с большой численностью населения и плодородием земли, чем с участием в торговле с Востоком; но после основания Александрии столица империи, которая всегда находилась в Верхнем Египте, была

перенесена в Нижний Египет, были прорыты каналы и приняты все меры, чтобы сделать путь от Красного моря до Средиземного моря как можно более удобным.

Карфаген начал тогда приходить в упадок. Тир перестал существовать, а Александрия, расположенная на том же берегу Средиземного моря, находилась в гораздо более выгодном положении для приема товаров с Востока и столь же выгодном для их распределения.

Финикийцы так и не восстановили свое значение; и действительно, персидскому монарху было невыгодно поощрять торговлю по старому каналу через Красное море и Риноколуру, а скорее поощрять прямой путь через Персидский залив, вверх по Евфрату и через страну к границам Средиземного моря, который был не намного дороже, чем старый маршрут =sic=. Поскольку большая часть импортируемой продукции предназначалась для потребления в роскошном дворе Персии и в многочисленных богатых городах, которыми была наполнена эта империя, нет сомнений, что путь через Персидский залив был гораздо менее затратным; ведь даже Соломон, царь Иерусалима, задолго до этого, хотя и жил на одном конце пути и имел корабли для торговли по другому каналу, вел торговлю этим путем и, чтобы облегчить ее, заложил основу великолепного города Пальмира, расположенного почти посередине между Средиземным морем и Персидским заливом.

В то время как эти революции происходили среди древних народов на континентах Азии и Африки, греки, которые были самыми варварскими из всех, постепенно стали самыми утонченными; их наука и искусство изначально были основаны на египетской науке, и хотя в конце концов они довели их до более высокого уровня, чем их учителя, тем не менее, на протяжении многих веков Египет почитался даже греками, как впоследствии на протяжении нескольких веков его почитали римляне и другие народы мира.

Образование греков, очень различавшееся в некоторых государствах по сравнению с другими, тем не менее имело одинаковую тенденцию во всех: эта тенденция заключалась в укреплении тела и обучении и укреплении ума. Пока это продолжалось, мы видим, как они сначала сопротивляются персам, хотя и в очень неравных силах, и, наконец, греческая энергия, дисциплина и мастерство подчиняют себе весь тогдашний цивилизованный мир.

После завоеваний Александра в Грецию пришли богатство и роскошь Азии, и греки действительно усовершенствовали эту роскошь. В Афинах и других городах, которые, можно сказать, задавали тон остальным, после этого больше внимания уделялось представлениям и театральным спектаклям, чем военному искусству; а интриги, коварство и коррупция заменили ту мужественную, чистую и достойную восхищения любовь к своей стране, которой в менее богатые, но более благополучные времена они так сильно отличались от всех других народов.

Такова была ситуация, когда народ, менее развитый в искусствах и не развращенный богатством, но все еще считавшийся греками варварским, приготовился сразу покорить всех их и дать еще более яркое доказательство триумфа, который сила и энергия одерживают над теми, кто

обладает только богатством; обладание которым, несомненно, дает определенные средства защиты, хотя и весьма неравные для сопротивления народу, возбужденному желанием разделить его владения, и при этом энергичному и сильному, не ослабленному наслаждением легкостью и роскошью.

ГЛАВА IV.

О римлянах. — Причины их подъема в период республики и упадка в период империи. — Распространенная ошибка в сравнении Рима и Карфагена; доказательства ее неверности и неприменимости к Франции и Англии.

В подъеме и величии Рима не было ничего случайного, все было результатом неустанного следования плану, который вначале заключался в мелких грабежах, но по мере своего расширения был удостоен звания завоевания, а по мере своего успеха стал считаться достойным звания великого.

Правда, были проявлены таланты и применены методы, которые заслуживают высочайшей похвалы и достойны подражания. Невозможно не восхищаться этим рассказом, но конечная цель, преследовавшаяся с самого начала, не может быть оправдана.

Хотя ни конечная цель, ни, в целом, использованные средства не заслуживают подражания, мы все же извлечем больше пользы из их изучения, чем из истории любой другой нации.

Во-первых, в той мере, в какой процветание зависит от хорошего поведения, а хорошее поведение зависит от состояния ума, римляне являются наиболее ярким примером. Пока они сохраняли нравы, которые впервые привели к их подъему, они продолжали становиться все более могущественными; когда они отказались от этих нравов, их власть покинула их; и они, победив всех, с кем когда-либо сражались, потому что были более искусными или менее коррумпированными, были сами побеждены людьми, бесконечно уступавшими им, прежде чем они стали слабыми и коррумпированными.

Небольшая территория, которой римляне владели вначале, заставляла их расширять ее и извлекать ресурсы из своих соседей, которые, будучи храбрыми и выносливыми, не могли быть легко ограблены или покорены.

Римляне начали с грабежей и закончили покорением всех соседей, но способы, которые они применили, заслуживают внимания.

Бесполезно думать, что одни только превосходная храбрость или мастерство помогли бы им в этом деле; они часто приносят победу, но иногда и поражение. Римляне обязаны своим постепенным укреплением власти линии поведения, которая, независимо от удачи или неудачи, делала их правителями мира. Линии поведения, при которой, если бы человеческая природа была способна к настойчивости, они сохранили бы положение, до которого поднялись.

Наряду с этой решительной линией поведения, которая, по-видимому, проистекала из чего-то врожденного в них самих или была вызвана какими-то неизвестными обстоятельствами, римляне обладали рядом методов, в дополнение к личной храбрости, с помощью которых они продвигались к поставленной цели.

Когда королевская власть была упразднена, Рим был лишь небольшим, грубым, неорганизованным местом, пристанищем для грабителей; однако его населяли люди, обладавшие большой силой духа и умением владеть собой.

Их моральный кодекс соответствовал их положению. Грабить, мародерствовать и уничтожать врага считалось заслугой; предать доверие или обмануть согражданина считалось преступлением величайшей тяжести. Для римлян клятвы были нерушимы, а привязанность к обществу считалась величайшей добродетелью.

Поскольку у них не было ни искусств, ни торговли, а территория была очень небольшой, грабеж был их средством существования; он был для них регулярным источником богатства и распределялся с совершенной беспристрастностью; они были, по сути, ассоциацией; богатство общества и отдельного человека в определенной степени были одинаковыми; они были как акционерное общество, в котором частные интересы сочетались с любовью к своей стране для продвижения общих интересов.

Грабежи и мародерство, а также способы распределения добычи были сведены к системе и методу; а религиозное соблюдение клятв способствовало успеху и того, и другого. Каждый солдат клялся быть верным своей стране, как в сражениях, так и в строгом отчете о любых плодах борьбы.

Движимое имущество и земли, захваченные у врага, продавались в интересах общества; первое шло полностью на эти цели, а второе делилось на две равные части; одна из них, как и движимое имущество, поступала в общий фонд, а другая распределялась между бедными гражданами за небольшую плату.

Результатом этой системы было постоянное состояние войны, в котором было очевидно, что армии должны были добиваться превосходства над соседями, которые лишь изредка занимались враждебными действиями.

Из такого плана действий естественно следовало, что они должны были либо полностью подчинить соседей, либо в целом выйти из конфликта с некоторым преимуществом, иначе было бы невозможно продолжать. Они, по-видимому, полностью осознавали это, поскольку их принципом было никогда не заключать мир, если они не одерживали победу, и никогда не вести переговоры с врагом на своей территории.

Действуя таким образом и вступая в войны с различными народами, не связанными друг с другом союзническими договорами, не имея общих интересов и даже не зная о делах друг друга, в целом не имея представления о том, что происходит, римляне в большинстве случаев имели большое преимущество над теми, с кем им приходилось сражаться.

В Италии были некоторые очень воинственные народы, и они находились ближе всего к самому Риму. Борьба с ними была долгой и упорной, и неоднократно возобновлялась, но все же система завоеваний была продолжена и в конце концов возобладала.

Консульское правительство также благоприятствовало вечной войне. Эти временные главные магистраты не пользовались своим достоинством достаточно долго, чтобы стать вялыми или небрежными, но были заинтересованы в том, чтобы отличиться своей активностью во время пребывания в должности; тогда как в наследственной власти или выборной монархии личные чувства главы, которые должны влиять на поведение нации, иногда, к счастью для человечества, заставляют его искать мира и спокойствия.

Во время прерывания консульского правления децемвирами, хотя они и не правили долго, энергия народа была приостановлена, и их враги обнаружили, что сопротивляться им стало гораздо легче.

--

Даже когда галлы сожгли город, римляне не уступили никаких преимуществ в договоре; они оставили его на произвол судьбы, отступили в Вейи и возобновили войну.

В военном искусстве римляне обладали теми преимуществами, которые обычно присущи людям, когда речь идет о том, к чему у них есть природный талант и чем они постоянно занимаются. Они уделяли внимание всему, что могло способствовать их успеху: постоянному вниманию, опыту или примеру; а их суровый образ жизни и воспитание, а также постоянные тренировки позволяли им делать то, что другие люди были не в состоянии сделать.

Они привыкли к более тяжелым доспехам, чем любой другой народ. Их скорость марша составляла от четырех до пяти миль в час в течение четырех или пяти часов подряд, с грузом весом более 60 фунтов. Их оружие для тренировок было в два раза тяжелее обычного, и они были приучены бегать и прыгать в полном вооружении.

Успех римлян в Европе не был достаточно быстрым, а завоеванные ими народы не были достаточно богатыми, чтобы привести к роскоши и ослаблению дисциплины, которые были следствием побед, одержанных в Египте, Сирии и Греции; кроме того, солдаты не были единственными, кто привык к таким упражнениям, поскольку римские граждане практиковали то же самое дома, на Марсовом поле.

Ни один народ, воспитанный с меньшей выносливостью тела или меньшей привязанностью к своей стране, не смог бы выдержать или подчиниться ужасным тяготам римского солдата, которые были таковы, что даже в очень поздний период республики они, как известно, просили в качестве милости отвести их на битву, чтобы избавиться от тягот, которые им приходилось переносить в лагере.

В дополнение к этой неустанной и очень строгой дисциплине, а также к изобретениям многих видов оружия, машин и военных уловок, неизвестных другим народам, они обладали большой мудростью, чтобы очень тщательно изучать, если обнаруживали, что враг имеет какое-либо преимущество, в чем заключалось это преимущество. Если оно проистекало из какой-либо их собственной ошибки, оно незамедлительно исправлялось; а если оно проистекало из какого-либо нового способа ведения боя или превосходства в оружии, они с такой быстротой принимали новые методы, что преимущество оставалось на стороне врага лишь один раз.

Это произошло при Сулле, во время войны с Митридатом, которая непосредственно предшествовала падению республики.

--

Азиатские методы ведения боя со слонами, хотя и были новыми, никогда не сбивали их с толку дважды. Если они знали о каком-либо превосходном искусстве, которое могли бы подражать, то так и поступали; а когда преимущество возникало из естественных обстоятельств, и они не могли сами овладеть этим искусством, то прибегали к другим методам. К их легионам присоединились опытные пращники с Балеарских островов и лучники с Крита, как в наше время к нашим войскам присоединяются полевые артиллеристы и стрелки.

Невозможно не смотреть с удивлением и восхищением на такое мудрое поведение таких высокомерных людей, простые граждане которых относились к правителям других народов как к равным; но эта великодушная имело веские причины. Они знали, что физические силы человека ограничены и что для достижения победы с наименьшими усилиями необходимо объединить все имеющиеся преимущества; они также знали, что война — это одновременно испытание силы и испытание мастерства, и что ни одна из противоборствующих сторон не может действовать по правилам, а должна руководствоваться обстоятельствами и поведением противника.

Такое поведение римлян на войне поддерживалось законами внутри страны. Равное распределение земель, их презрение к торговле и роскоши сохраняли население страны в том состоянии, в котором можно было получить хороших солдат. Богатые люди в любом государстве не могут быть многочисленными; они также не способны выносить усталость. Их слуги, бездельники, ленивые и беспринципные люди, которые их окружают, совершенно непригодны, и ничтожное население, деградированное нуждой или привыкшее к легкости и изобилию, также непригодно.

Это поведение кажется тем более достойным восхищения для тех, кто живет в наше время, что в революционной войне с французами, которые изобрели ряд новых методов ведения боевых действий и прибегали к новым уловкам, регулярные генералы, противостоявшие им, никогда не меняли своих способов ведения войны, а позволяли себе быть побежденными самым обычным образом. Только один генерал (эрцгерцог Карл) не считал себя выше обстоятельств дела, и его успех был соразмерен его заслугам.

Копирование формы и конструкции карфагенской галеры, которая села на мель.

--

Многие авторы, пишущие о политической экономии, считают, что художники и рабочие трусливы и не годятся для службы в армии; однако опыт не подтверждает этот вывод, хотя, безусловно, согласно тому, как римляне вели войны, физическая нагрузка была выше, чем та, которую в целом могли выдержать люди, выросшие в разных профессиях.

До тех пор, пока у римлян были враги, от которых они получали мало, нравы и законы, система образования и управление их страной оставались такими же чистыми, как и вначале. Их дела, действительно, стали легче, потому что страх перед их именем, их неуступчивость и превосходные средства, которыми они располагали для применения своей силы, все это способствовало облегчению их завоеваний. Но когда они завоевали Карфаген и начали *enjoy* вкушать плоды богатства, их фундамент постепенно изменился, а надстройка стала менее прочной.

Как мы уже видели, богатство было сосредоточено в Азии и Африке, и карфагеняне владели его значительной частью. Писатели, занимающиеся этими вопросами, давно пришли к мнению, что карфагеняне, будучи торговой и коммерческой нацией, были совершенно неравными соперниками римлянам; что в Риме все было добродетель, общественный дух и все, что было великим и благородным, в то время как в Карфагене все было продажно, подло и эгоистично. Они говорят, что в одном месте царил дух войны и завоеваний, а в другом — дух славы, а в частных действиях и публичных советах преобладал дух наживы.

Все это очень верно и хорошо сказано в отношении факта, но в отношении причины это одно из величайших заблуждений, в которое впадали многие проницательные и способные люди.

Истинное положение дел легко понять, если мы на мгновение отбросим в сторону симпатию к храброму воину и неприязнь к эгоистичному торговцу. Дело в том, что Рим в дни своей мощи, когда он был беден, напал на Карфаген в дни его богатства и упадка; но давайте сравним Карфаген до его падения с Римом во времена Гордиана, Максима или Галла и посмотрим, кто был более подлым, более продажным или более трусливым. Это было бы, по крайней мере, справедливым сравнением; и ничто, относящееся к этим двум городам, не является более очевидным, чем то, что Рим стал гораздо более развращенным, как в характере своих граждан, так и в характере своих солдат, чем когда-либо был Карфаген.

В последующей части этого исследования будет показано, что в современных условиях ведения войны римляне не имели бы равных преимуществ. -- Сейчас главным является мастерство, а не личная сила, а вторым по значимости — деньги для покупки оружия и боеприпасов.

М. Монтескье, несмотря на свои превосходные знания, точность и проницательность, подробно останавливается на этой теме и никогда не обращает внимания на коррумпированное, наемническое и деградировавшее состояние, в которое впал Рим, когда стал таким же богатым, как Карфаген.

--

Богатство, полученное благодаря торговле, не только не развращает нацию больше, чем богатство, полученное благодаря завоеваниям, но и развращает ее гораздо меньше, и причина этого легко понятна. Когда торговая нация становится слишком коррумпированной и роскошной, ее богатство исчезает, и зло исправляется само собой. В то время как страна, которая живет за счет дани, получаемой от других, может в течение значительного времени продолжать пользоваться своими доходами. Это настолько очевидно, что было бы абсурдно подробно останавливаться на этой теме.

Падение Карфагена и богатство, которое оно принесло Риму, вскоре привели к изменениям в образовании, характере и поведении людей как в частной жизни, так и в общественных делах. Завоевание Греции, Сирии и Египта завершило дело; и тот же народ, который победил всех своих врагов, сохраняя свою бедность и простоту, сам был побежден, когда стал богатым и роскошным. =sic=

После падения Карфагена Рим претерпел коренные изменения, но армии продолжали действовать. Их амбиции теперь усилились алчностью и стали в десять раз более активными и опасными для других народов. Они вели войны во всех направлениях, и ни богатства Востока, ни бедность Севера не могли защитить другие народы от совместного воздействия амбиций и алчности.

Но римляне не только получали золото и богатства благодаря своим завоеваниям; они развратились, переняв нравы жителей стран, которые давно погрязли во всех сладострастных удовольствиях. Тогда они перестали так сильно полагаться на свою храбрость в своих завоеваниях; они начали использовать политику и интриги, чтобы разделить своих врагов. В отношении бедных государств они считали золото очень полезным оружием, а в отношении богатых — использовали оружие из железа.

Учитывая обстоятельства, удивительно, что карфагеняне так отлично противостояли римлянам: в течение долгого времени они одерживали победы; они сражались великолепно, даже в битве при Заме. Римляне не могли сказать того же о себе, когда впоследствии на них напали варвары.

--

Ужас, который вызывало имя Рима, реальная сила, которую они могли применить против сильного врага, и легкость, с которой можно было заставить замолчать слабого, пока не наступит подходящий момент для его уничтожения, — все это было тщательно рассчитано, и в действие были приведены как сила, так и обман.

Какую бы правду и честь ни имели римляне между собой, они, по крайней мере, не имели их по отношению к другим народам. Они самым беззастенчивым образом вмешивались в каждый спор между чужими людьми и, когда им было удобно вести войну, начинали ее, почти не утруждая себя поиском предлога. Они ставили себя выше всякого мнения, в то же время требуя от всех народов подчиняться своему.

В городе, где все высокие должности были выборными, вскоре проявились пагубные последствия появления богатства. Первыми большими изменениями стали развращение, зависимость и деградация народа; неравное распределение богатства; провинции стонали под тяжелым бременем налогов, взимаемых генералами и проконсулами; и, наконец, страна раскололась на фракции, и правительство было свергнуто.

Великолепие Рима увеличивалось, как яркий метеор сияет ярче всего перед падением, но средства, с помощью которых он добился господства над другими народами, давно иссякли.

Те же законы, которые считались превосходными, когда государство было маленьким и бедным, теперь, когда оно стало великим и великолепным, не отвечали требованиям времени. Свобода города, титул и привилегии римского гражданина были очень широко распространены; поэтому они стали иллюзией, и очень опасной для общественного блага; они служили основой для всевозможных заговоров и интриг.

В последние дни, после того как все те внутренние причины упадка, которые были общими для других народов, ослабили Рим, начали действовать несколько внешних причин.

Провинции истощались, и те, кто ими управлял, постепенно удерживали все больше денег. Таким образом, в то время как угнетение провинций усиливалось, ресурсы государства с каждым днем уменьшались.

Первым результатом завоеваний было освобождение народа от налогов; и когда, в условиях бедности и простоты, этот эффект был выгоден и способствовал сохранению того духа, благодаря которому Римская империя расширяла свои владения. После того как богатство хлынуло из разрушенного Карфагена, стали использоваться пожертвования и зрелища. Римское население, праздное и деградировавшее, требовало зерна и публичных игр. Почти так же трудно представить степень деградации характера народа, как поверить в богатство и роскошь великолепных людей в последние дни империи.

Сельское хозяйство было заброшено; и повелители мира, которые добились всего, за что боролись, сохранив при этом чистоту нравов, теперь стали неспособны ни управлять другими, ни защищать себя, ни даже обеспечивать себя пропитанием. Сицилия и Африка снабжали римский народ хлебом задолго до того, как империя ослабла, и даже в тот самый момент, когда, по общему мнению, она достигла своего наивысшего расцвета в эпоху Августа. Причина ее упадка была закреплена вне пределов возможностей человеческой природы противодействовать ей: она началась с ослабления человеческого характера, и поэтому ее прогресс ускорился и стал непреодолимым.

Из всех народов, в которых появилась роскошь, ни один не ощущает ее последствий так сильно, как тот, в который она пришла в результате завоевания. Народ завоевателей, которые богаты, должен в любом случае находиться под военной властью, а это никогда не является желательным обстоятельством; кроме того, поскольку он зависит от доходов, которые поступают без помощи промышленности, он должен подвергаться двойному унижению.

Отдельные факты, касающиеся богатства губернаторов провинций, по сравнению с бедностью государства, если и не невероятны, то, по крайней мере, трудновообразимы. Однако они слишком хорошо подтверждены, чтобы подвергать их сомнению, хотя подробности не достаточно обстоятельны, чтобы мы могли точно знать, как они произошли.

Во времена Августа народ настолько полностью зависел от поставок из Сицилии и Египта, что в случае их прекращения не было никакого спасения; и однажды, когда запасов зерна хватало только на сутки, император был готов положить конец своей жизни, но поставка прибыла вовремя. Такова ужасная ситуация, в которую попадает народ, когда сельское хозяйство и промышленность заброшены, а население становится слишком многочисленным для

производства страны! Однако это было очень недавнее изменение. До некоторого времени после завоевания Египта, Греции и Сицилии это не могло произойти.

--

С таким народом было бы справедливо сравнивать карфагенян до их падения; ведь, не говоря уже о том, что принцип торговли и коммерции основан на морали и добродетели, в отличие от той торговли грабежами, которая ограбила и разрушила все народы, физическое положение карфагенян было предпочтительнее положения римлян в дни их упадка. Это очевидно из благородной борьбы, которую вели первые, и из презренного способа, которым госпожа мира закончила свою карьеру.

Монтескье оплакивает судьбу монарха, угнетаемого партией, которая преобладает после его падения. Его врагами являются его историки, и эта мысль используется для смягчения преступлений, вмененных Тарквинию; но, безусловно, если это верно в том случае, то не менее верно и в отношении Карфагена. Все историки, которые дают нам характеристику этих двух народов, были римлянами и принадлежали к победившей партии; тем не менее, большинство из них более справедливы, чем историки современности, поскольку они не видели свою страну в ее последнем состоянии деградации и нищеты. Те, кто сейчас проводит сравнение, располагают надлежащими материалами; и задача историков состоит в том, чтобы избавить его от ошибок, в которые впадают современные авторы, будь то из-за предвзятости или из-за незнания событий, произошедших после их времени.

В случае римских историков ошибка возникла из-за сочетания трех различных причин. Во-первых, они сравнивали Рим в период его процветания и могущества с Карфагеном в период его упадка. -- Во-вторых, они впали в заблуждение, не зная, что все страны, которые долгое время были богатыми, подвержены тем же бедам, что и Карфаген. И, наконец, они писали с партийным духом и предвзятостью в пользу Рима. Эти три причины являются достоверными; и, возможно, была еще одна. Возможно, они не осмеливались говорить правду, если они ее знали.

Правда, что человеческий разум не застрахован от влияния великолепия и блеска, и что успех во всех случаях ослабляет, а в некоторых и вовсе устраняет упрек, естественно связанный с преступностью. Следует также признать, что в римском характере была доля мужества и великодушия, вызывающая восхищение, хотя цель, для которой они применялись, сама по себе была отвратительна. Даже в индивидуальной жизни (не считая моральных принципов) есть нечто,

что уменьшает ужас, сопутствующий несправедливости и алчности, когда они сопровождаются мужеством и расточительством.

Не менее верно и то, что манеры коммерсантов, хотя их взгляды и средства законны и справедливы, наносят им ущерб в глазах других. Отдельные люди, зарабатывающие деньги торговлей, могут иногда обладать великолепием и великодушием принцев, но нации, которые зависят только от торговли для получения богатства, никогда не могут этого достичь. Ни одна нация, пока она остается великой или богатой, не может избавиться от характерных манер, сопутствующих способу, которым она приобретает свое богатство и величие. Купцы обязаны своим богатством строгому следованию своим интересам, и они не могут не проявлять это.

Жестокость испанцев не вызвала того отвращения, которого она заслуживала, потому что она сопровождалась мужеством и увенчалась успехом; и эта нация нашла способ, даже совершая самые ужасные из человеческих преступлений, сохранить видимость величия и достоинства характера. Но голландцы, которые, как и карфагеняне, приобрели богатство и, хотя и были завоевателями, никогда не отказывались от характера купцов и никогда не обладали достоинством характера, хотя и победили благодаря добродетели, настойчивости и храбрости ту самую Испанию, которая сохранила свое достоинство.

Гораздо труднее примирить характер торговых наций с качествами, которые неправильно называют великими, чем характер любой другой нации. Торговая нация по своей природе будет справедливой, она может быть щедрой, но она никогда не может стать расточительной и растрачивающей, она также не может быть обременена ленивыми и праздношатающимися, потому что в тот момент, когда это происходит, торговля улетает в другое место.

Из этого следует, что торговый народ никогда не деградирует так, как те, кто приобретает богатство другими способами; но из этого также следует, что он существует гораздо меньше времени после того, как деградирует, и что богатство и власть покидают его гораздо быстрее.

--

Цель данного исследования заключается в изучении влияния богатства и его роли в упадке наций; поэтому представляется весьма важным устранить ошибку, в которой историки и другие авторы так долго упорствовали в отношении двух величайших республик древности, тем более что их пример наиболее легко применим и наиболее часто применяется к двум

соперничающим нациям современности, хотя это сравнение крайне несовершенно почти во всех отношениях, а в некоторых случаях и вовсе неприемлемо.

Исправление этого вопроса не может не принести определенных преимуществ. Возможно, это в некоторой степени поможет предотвратить попытки французов подражать римлянам, когда мы покажем им, что государство, будь то целый народ или отдельный город, освобожденный от налогов и живущий за счет дани других стран, в любом случае будет зависеть от своей армии. Одним словом, военное правительство и доходы от дани неотделимы друг от друга. Мы видим, насколько тесно они были связаны в древнем Риме. Его подражатели должны знать, какой ценой (и какой валютой) они платят за эти освобождения от налогов, вызванные бременем, наложенным на другие нации.

В целом мы видим, что все нации склонны доводить до крайности те средства, с помощью которых они достигли богатства или власти; и мы также увидим, что это приводит к их более быстрому падению.

Читатель должен понять, что речь идет об Англии и Франции, но с точки зрения времени их положение абсолютно различно. Франция более продвинулась в роскоши, чем Англия. Рим значительно отставал от Карфагена. Римляне превосходили своих соперников в настойчивости, в следовании своим планам и в заботе о своей свободе. С Францией и Англией дело обстоит наоборот.

Французы, действительно, похожи на римлян в своем беспокойстве и амбициях, но не в способах проявления первого и удовлетворения второго: поэтому сходство очень слабое, даже если оно и существует. Англичане, в чем бы они ни походили на карфагенян, такими, какими их представляют, не похожи ни в своей неверности и бесчестии, ни в своем продвижении к упадку. Различные войны с Римом, в которых Карфаген потерпел поражение и стал вассалом, хотя и на ограниченный срок, были не единственными причинами его упадка. Торговля Александрии, которая была более выгодно расположена для коммерции, уменьшила ресурсы Карфагена, так что он был, во всех смыслах этого слова, падающей нацией. В последующей части этого исследования будет показано, как из-за разных способов ведения войны, а также разных последствий богатства в настоящее время, это сравнение становится еще менее обоснованным.

--

Если бы римляне прекратили свою завоевательную деятельность на более раннем этапе, они, вероятно, не так быстро погрузились бы в состояние коррупции. Весьма вероятно, что если

бы Цезарь никогда не пытался бесполезно завоевать Британию, он никогда бы не смог покорить свободы своей собственной страны. Репутация завоевателя острова и переход через Ла-Манш открыли путь к переходу через Рубикон и битве при Фарсале.

Завоевателям нужно платить так же, как и простым солдатам: и хотя у каждого человека может быть своя цена, и деньги и почести могут быть достаточной наградой для большинства, есть те, кто презирает любую награду, кроме королевской власти. — Цезарь был одним из таких людей; и древняя, и современная история показывают, что, хотя, возможно, по своим способностям он не имел равных, были и другие, которые оценивали свои способности так же высоко.

Римляне наконец осознали, когда было уже слишком поздно, что они зашли слишком далеко в своем духе завоевания; и, поскольку во всем, что они делали, было что-то великое, они проявили великодушие и исправили свою ошибку.

Величайшая территория Римской империи простиралась от севера Англии до Персидского залива, и в результате они отказались от Британии и тех завоеваний в Азии, которые было наиболее трудно удержать. Река Евфрат стала границей, поскольку император Адриан добровольно отказался от всех земель к северу от этой реки, расположенных на ее левом берегу.

Упадок империи мог бы быть столь же закономерным, как и подъем республики, если бы не разные характеры императоров; некоторые из них прославляли человеческую природу, обладая почти всеми добродетелями, в то время как другие были такими чудовищами, что их преступления вызывали высшую степень ужаса и возмущения и были почти невероятны.

Справедливости ради следует отметить, что, хотя римляне грабили и завоевывали, их политика заключалась в том, чтобы обучать, совершенствовать и цивилизовать тех, кого они грабили и завоевывали, везде, где в этом была необходимость. В каждом случае они стремились максимально использовать обстоятельства, в которых находились, и совершенно верно полагали, что править цивилизованным народом выгоднее и полезнее, чем грубым.

После того как огромный приток богатства развратил Рим, его государственные расходы выросли в геометрической прогрессии, пока, наконец, та часть дани, взимаемой с провинций, которую армии и генералы пожелали перечислить в Рим, не стала несоразмерной расходам. Тогда в самой Италии стало необходимым введение налогов всех видов, и зло, сопутствующее умножению пошлин, значительно усугублялось невежественным образом их взимания людьми, которые мало что понимали, кроме военных дел, а также суровым образом их взимания грубыми, властными и развращенными солдатами.

Характеристики солдата и гражданина, которые так долго были объединены, перестали иметь какую-либо связь. Вскоре после этого разложение нравов стало всеобщим, и, наконец,

римляне, не имея возможности найти солдат среди себя, были вынуждены нанимать варваров для защиты и подкупать персов и другие народы, чтобы те оставили их в покое.

Ни один народ, который когда-либо соглашался платить дань, не сохранял свою независимость надолго. Римляне хорошо это знали; и если кто-то, прибегнув к этому средству, избежал гибели, то это произошло благодаря каким-то другим обстоятельствам, а не его собственным усилиям; или же это было порой отчаянной попыткой, когда он был доведен до крайности.

Хотя во многих отношениях мнение Монтескье о делах Рима ни в коем случае не следует принимать за чистую монету, его краткое изложение всего в целом безупречно справедливо.

«Возьмите, — говорит этот способный и глубокий писатель, — этот сборник римской истории. Римляне подчинили все народы своим принципам, но, когда им это удалось, они больше не могли сохранить свою республиканскую форму правления. Необходимо было изменить план, и, введя принципы, противоречащие их первоначальным, они лишились всего своего величия».

Так и было на самом деле; но тогда становится ясно, что этот сборник включает в себя только вторичные причины и их последствия; ведь настойчивое следование принципам до тех пор, пока они не достигли своей цели, а затем их изменение, которое не было актом воли, должно было быть вызвано какой-то причиной, присущей их ситуации, которая постепенно изменилась.

Это именно одно из обвинений, выдвинутых против карфагенян в последней Пунической войне.

--

В поиске этой причины нам очень поможет, а вывод будет более достоверным, если мы посмотрим, в каких конкретных обстоятельствах они походили на другие народы, которые пережили подобные изменения. =sic=

При этом мы обнаруживаем, что исследование действительно значительно сокращается, а вывод становится почти математической достоверностью, если заметить, что изменение принципов, то есть изменение способов мышления, когда бы оно ни происходило, следовало вскоре за появлением богатства и утонченности, которые изменяют нравы и, следовательно, принципы.

Богатство, приобретенное завоеваниями, было несовместимо с той строгой добродетелью и независимыми принципами, которые составляют основу процветания республики.

Поскольку все государственные должности получались по милости народа, а все богатство и власть приобретались через государственную службу, взяточничество и коррупция, которые невозможны в бедной республике, стали очень распространенными в этой богатой, так что республиканское правительство, сформированное таким образом, утратило все преимущества, которыми оно обладало, когда было бедным.

Если бы убийцы Юлия Цезаря понимали истинную коррупцию республики или предвидели, что появится новый правитель, они никогда бы не уничтожили этого замечательного человека. Если бы Рим не был готов принять правителя, Юлий Цезарь, со всей своей амбицией, никогда бы не устремился к короне.

В странах, которые приобретают богатство благодаря торговле, производству или любым другим средствам, кроме завоеваний, коррупция государства, естественно, не так велика. Богатство происходит от народа, а не от государства; и, кроме того, что его труднее приобрести, для этого есть меньше средств и меньше стимулов; кроме того, будучи самым источником богатства, они не могут стать такими же праздношатающимися и коррумпированными.

Дикое и неуправляемое направление, которое приняла Французская революция, возникло главным образом в результате создания ассигнатов, которые не только освобождали народ от налогов вначале, но и приводили к искусственному и временному росту богатства, что позволяло огромному количеству людей, либо на содержании у других, либо за свой счет, посвятить все свое время интригам и политике. Рим никогда не находился в таком разнузданном состоянии, потому что, прежде чем граждане оказались в такой ситуации, была установлена военная власть.

--

В древних народах, которые падали один за другим, мы видели, как молодые и энергичные подчиняли себе более богатых и роскошных; или мы видели, как превосходные искусство и мастерство брали верх над доблестью и невежеством; но при падении Римской империи искусство и мастерство были на стороне тех, кто пал, а энергия тех, кто победил, не была столь мощным фактором, как очень низкое и деградированное состояние, в которое впали сами повелители мира.

Вникать в подробности униженного и жалкого положения, в которое были низведены римляне, ни в коей мере не соответствует замыслу этой работы и никоим образом не является необходимым для исследования, поскольку те, кто эмигрировал до ее падения и поселился среди варварских народов, оказались счастливее, чем были раньше, освободившись от налогов и различных притеснений.

Хотя римский народ, как никакой другой, является примером, чье возвышение и падение наиболее явно известны, тем не менее, в некоторых обстоятельствах его случай не применим к народам в целом. Если бы они развивали торговлю и искусства с таким же успехом, с каким они стремились к завоеваниям, они бы разбогатели гораздо раньше и не оказались бы владельцами почти безграничной империи, состоящей из разных народов, покоренных силой и требующих силы для своего сохранения.

Упадок народов, которые становятся богатыми благодаря промышленности, может быть естественным, но падение народа, обязанного своим величием порабощению других, неизбежно. Человеческие дела слишком сложны и разнообразны, чтобы допускать совершенное равенство, и относительное положение людей постоянно меняется; однако в некоторых случаях, возможно, изменения можно было бы предотвратить или отсрочить с помощью своевременных превентивных мер. Но нет никакой возможности долго удерживать их в столь неестественном положении, как положение нации богатых и праздных людей, правящих и удерживающих в подчинении других, более выносливых, бедных и добродетельных, чем они сами.

До падения Западной империи следующие причины ее слабости достигли большого размаха.

Нравы были развращены до крайней степени; не было ни общественной, ни частной добродетели; все решали интриги, заговоры и деньги.

Вся собственность была сосредоточена в руках немногих; большая масса народа была нищей, мятежной и праздношатающейся.

Италия была не в состоянии обеспечить своих жителей продовольствием. Земли принадлежали людям, которые, благодаря своей алчности в провинциях, приобрели большие доходы и для которых возделывание земли не имело никакого значения; земли были либо превращены в парки для развлечений, либо заброшены.

Доходы государства тратились на солдат, на зрелища, чтобы занять народ, и на покупку зерна, привозимого в Рим издалека.

Налоговая нагрузка была настолько велика, что римские граждане завидовали варварам и думали, что их положение не может быть хуже, чем если бы они попали под иноземное иго. Всякая привязанность к своей стране исчезла, и всякие мотивы для проявления общественного духа полностью перестали действовать.

Старые дворянские семьи, которые единственные сохранили чувство своего древнего достоинства, были пренебрегаемы в мирное время и преследуемы в смутные времена. Они по-прежнему сохраняли привязанность к своей стране, но не имели ни богатства, ни власти, ни авторитета.

Подлая чернь, утратившая всякую военную доблесть, была неспособна набирать армии; защита от восставших провинций была в руках иностранных наемников, и Рим платил дань, чтобы получить мир от тех, кого он оскорблял в часы своего процветания и высокомерия.

Золото развратило все суды; для богатых, которые безнаказанно совершали преступления, не существовало законов, в то время как бедные делали то же самое из-за нужды, нищеты и отчаяния.

В этом плачевном положении бедняки, ради защиты, становились своего рода сторонниками или приспешниками богатых, которым они были готовы служить при любой возможности: так что, за исключением нескольких форм, не осталось и следа от институтов, которые поднимали римлян над всеми другими народами.

О городах и народах, которые достигли богатства и могущества в средние века, после падения Западной империи и до открытия пути в Восточную Индию через мыс Доброй Надежды и Америку. — Различные последствия богатства для народов в холодном и теплом климате, а также падение Восточной империи.

ПОСЛЕ падения Западной империи итальянские государства были первыми, кто возродил торговлю в западной Европе, которую, по сути, можно сказать, они поддерживали в одиночку, за единственным исключением города Марселя.

Венеция начала процветать, когда варвары захватили Рим, а Флоренция стала убежищем для тех представителей знати, которые спаслись от их страшного гнета. Однако в течение четырех веков, вплоть до времени Карла Великого, в Европе не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало бы власть, богатство или величие. Еще в VII веке сарацины захватили Египет и распространили свои грабежи в Азии до берегов Черного моря, тщетно пытаясь взять город Константинополь и стать хозяевами восточной империи, как их соперники, готы, завоевали западную.

Мгновенное величие, которое проявилось во время правления Карла Великого, во многих отношениях было похоже на величие во время правления Александра Македонского. Власть каждого из них зависела от индивидуального характера человека, и их империи, расширенные благодаря их мужеству и умению, развалились сразу же после их смерти.

Единственным постоянным изменением, которое осуществил Александр, было перенесение главного центра торговли из Финикии на южную границу Средиземного моря; так же единственным постоянным результатом правления Карла Великого было распространение христианства и некоторой степени цивилизации к северу от Дуная, что привело к включению побережья Балтийского моря в границы цивилизованного мира.

Народы к северу от Дуная никогда не были покорены римлянами. Во времена Карла Великого они были язычниками и находились в самом грубом состоянии варварства.

--

Карл Великий подготовил почву для величия фламандцев, саксов и городов Ганза, которые начали процветать через несколько веков после его смерти, но его собственная страна никогда не находилась в более плачевном состоянии, чем вскоре после его кончины.

Датчане захватили и сожгли город Париж, а также завоевали, заселили и дали свое имя нынешней стране Нормандия.

Не имеет смысла в рамках данного исследования обращать внимание на распри, междоусобицы и революции, которые имели место в темные века и в период господства феодальной системы, до времени крестовых походов; когда дикий романтический дух распространил цивилизацию немного шире, чем раньше, и заложил основу для нового порядка вещей и нового вида богатства и власти, отличного от тех, что существовали в древнем мире, границы которого были ограничены плодородными регионами юга.

Первая священная война произошла в XI веке, и вскоре после этого в северную Европу были введены торговля и промышленность. Датчане, которые в то время были единственной морской державой, использовали свою мощь для пиратства и захвата всех торговых судов, особенно тех, которые проходили через пролив Зунд из Балтийского моря в Северное море. Это вынудило города, занимавшиеся торговлей, объединиться для защиты, как раньше делали арабские купцы на суше и делают до сих пор, чтобы не подвергаться грабежам со стороны тех, кто жил охотой и разбоем.

Это привело к возникновению знаменитого Ганзейского союза, который к концу XII века стал представлять собой грозную силу.

Поскольку люди, живущие в северных странах, имеют много потребностей, неизвестных жителям юга, то и промышленность, зародившаяся на берегах Балтийского моря, сильно отличалась от той, которая процветала в древности на берегах Средиземного моря.

Они были столь же успешны в Англии, но эта страна тогда не считалась частью того мира, с революциями которого связано данное исследование.

Существует спор по поводу этого, но, поскольку ни один автор не указывает более позднюю дату, а некоторые указывают более раннюю, можно с уверенностью сказать, что это должно было существовать в то время. Многие споры никогда не позволяют установить искомый момент, но проясняют что-то другое, что не менее полезно.

В этом новом порядке вещей Фландрия по своей плодородности могла бы сравниться с Египтом, а Голландия по своей нехватке территории — с Финикией, но поскольку требовалась более прочная одежда, а также удобства и удовольствия иного рода, промышленность приняла иное направление. Кроме того, характер правительств, где люди были более равны, делал необходимым удовлетворять их потребности совсем иным образом.

Вместо строительства пирамид для гробниц царей, промышленность была направлена на обеспечение комфорта для тех, кто населял страну; и вместо того, чтобы величайшее искусство использовалось для изготовления тонкого льна и окрашивания пурпура, изготовления сосудов из золота и серебра и всего необходимого для двора, искусство изготовления теплой одежды из шерсти, а также рыболовства и соления рыбы заняло внимание этой новой расы людей.

Фламандцы одновременно обладали тремя источниками богатства: они владели складами индийских товаров и распределяли их по северной Европе; они были первыми, кто преуспел в искусстве ткачества и в искусстве копчения рыбы.

Города Фландрии и Брабанта были объединены в Ганзейский союз и продолжали развиваться с XII по середину XVI века, когда несколько обстоятельств привели к их упадку.

Ганзейский союз возник в результате обстоятельств того времени и из необходимости. Это был искусственный союз или альянс, в котором города, подчинявшиеся разным правительствам, действовали как независимые государства, вступая в общество, которое вело переговоры на равных с королями и вело войны и заключало мир, как любой отдельный суверен. Не следовало ожидать, что такой союз сможет просуществовать дольше, чем причина его образования. Но и разрушение лиги или федерации не повлекло за собой разрушение городов, входивших в ее состав. Однако мы увидим, что общее процветание и процветание отдельных членов лиги в большинстве своем исчезли почти одновременно.

Голландцы значительно уступали фламандцам в природных преимуществах, но они действовали под влиянием необходимости, которая стимулировала их трудолюбие, и ни одна нация никогда не демонстрировала так хорошо, насколько сильна ее сила: так что, хотя поначалу они отставали от фламандцев в торговле и производстве, они превзошли их и стали более богатыми и могущественными. В то время как преследования Филиппа, который был королем Испании, в то время как его брат Фердинанд, император Германии, стоял во главе австрийских владений там и был зависимым от испанских монархов.

— В то время как преследования Филиппа, объединившего власть над наследственными владениями Австрии с властью над Испанией, вынудили многих из самых трудолюбивых ремесленников той части Нидерландов, которая с тех пор стала известна под названием Австрийские Нидерланды, покинуть свою страну, голландские провинции готовились сбросить иго Испании.

[Примечание переписчика: возможно, частично дублирующийся раздел, воспроизведенный здесь в оригинальном виде.

Голландцы не только стали богаче своих соседей, но и стали более стойкими в защите своей свободы, более патриотичными и свободными, поскольку положение их страны требовало экономии, единства и патриотических усилий даже для сохранения своего существования.

После того как Голландия уже добилась значительного прогресса в области богатства, она получила большое превосходство благодаря удачному усовершенствованию искусства копчения сельди. Хотя сельдь уже более двухсот лет экспортировалась в бочках, только в конце XIV или начале XV века голландцы изобрели современный метод ее копчения, что дало им решающее превосходство в этой области. Это подготовило почву для падения Фландрии, чему в немалой степени способствовали ее гордость и мятежный дух производителей в городах.

Упадок австрийских Нидерландов был вызван тремя причинами: угнетением со стороны правительства, превосходством и вытеснением их голландцами в области искусства и промышленности, а также их собственной гордостью и надменностью. То Брюгге, то Антверпен брали на себя роль суверенов и вели себя как независимые государства, в то время как народ почти постоянно неповиновался своим магистратам. Сначала они стали трудолюбивыми под влиянием необходимости, но когда эта необходимость исчезла, они не смогли продолжать в том же духе, наслаждаясь богатством и всем, что им было нужно.

Это было обнаружено в 1397 году или вскоре после этого.

--

Ганзейские города, сначала просто защищавшие свою торговлю от датчан, стали их завоевателями на море и в 1361 и 1369 годах дважды захватили и сожгли столицу Копенгаген.

Коронованные особы стали стремиться к союзу с ними, и ни одна морская держава не могла противостоять им, но их надменность по отношению к голландцам, угнетение англичан, испанцев и других держав заложили основу для их упадка менее чем через полвека.

Поскольку первые три столетия существования этого необычного и беспрецедентного объединения были посвящены защите торговли и коммерции, все, кто был заинтересован в его успехе, стремились стать его членами или быть принятыми в качестве друзей; но когда они начали проявлять гордость и высокомерие суверенов, вмешиваться в политические споры, становиться вспыльчивыми и несправедливыми, их число сократилось, а богатство и процветание тех членов, которые остались, постепенно начали угасать.

Голландцы, благодаря своей большой трудолюбивости, строгому вниманию к своим интересам и сдержанности гордости, продолжали увеличивать свое богатство, в то время как города Ганза и Фландрия значительно продвинулись в своем упадке.

В то время как все это происходило на северных берегах европейского континента, к которым и к Италии была почти ограничена торговля, Испания и Португалия, Франция и Англия начали видеть преимущества производства и торговли и поощрять их. Если нужно было занять деньги, то их можно было найти только в Италии, Фландрии или в некоторых городах Ганзы; поэтому, хотя монархи того времени скорее презирали торговлю, они начали думать о ее поощрении как о средстве для приобретения того, что считали абсолютно необходимым.

Испания захватила Канарские острова, а Португалия в начале XV века завоевала побережье Африки и остров Мадейра. Уделяя внимание морским делам и ценивая владения за морем, они заложили основу для новых открытий, которые полностью изменили облик мира.

В 1411 году они были вынуждены Генрихом IV Английским удовлетворить его требования в связи с некоторыми нанесенными им обидами.

--

В конце XV века в Европе страны находились примерно в следующем положении. Итальянцы, владевшие всей торговлей с Индией, были богаты, но слабы. У них было больше искусства, политики и денег, чем у других народов, но сами по себе они практически не обладали никакой реальной властью, за исключением небольшой власти, которой обладали венецианцы и генуэзцы на море.

Ганзейские города, расположенные в северной части Европы и Фландрии, которые стали богатыми и могущественными благодаря своему собственному труду и участию в торговле с Индией вместе с итальянцами (хотя и опосредованно), находились в упадке из-за гордости и роскоши.

Только Голландия быстро продвигалась к богатству благодаря своему труду и вниманию к торговле и экономике. Испания и Португалия обратили свое внимание на новые открытия, а Франция и Англия пытались следовать, хотя и с большим отставанием, за теми, кто в этой области опередил их.

Все страны, которые обладали богатством, теряли свою мощь из-за злоупотребления ею; а Испания, которая была единственной страной, обладавшей большой мощью, но не богатством, злоупотребляла ею, изгнав промышленность из Фландрии и мавров из своей страны. В одном случае было богатство без власти, в другом — власть без богатства, и в обоих случаях ошибочные взгляды и неразумное поведение заложили основу для упадка.

Другие страны, которые еще не обладали ни богатством, ни властью, все с большой энергией стремились их приобрести и были успешны в своих попытках. Даже Испания, которая неразумно изгнала мавров и тем самым заложила основу для своего упадка и падения, обнаружила, что это событие отсрочилось на столетие благодаря самому неожиданному открытию, в результате которого она впоследствии упала с еще большей высоты.

В настоящее время нецелесообразно говорить ни о Польше, ни о Швеции, ни о России, ни о Германской империи, в которой находилось много ганзейских городов. История ганзейских городов очень любопытна и заслуживает внимания: возможно, после истории Рима она лучше всего подходит для иллюстрации предмета данного исследования, но она слишком длинна, чтобы ее здесь приводить.

--

Что касается восточной империи, то она, поддерживаемая участием в торговле с Индией и сохранившая еще часть цивилизации древнего мира, выдерживала нерегулярные, но яростные нападения варваров до середины этого века; когда, очень неосторожно продемонстрировав богатство города и красоту женщин, она вызвала у мусульманских варваров такую ярость зависти, что сопротивляться ей было бы трудно в любой ситуации, но ослабленные императоры Востока были совершенно не в состоянии этого сделать.

Это стало еще одним примером победы бедных над обессиленными и богатыми людьми. Ничто не могло превзойти бедность турок, разве что уродство их женщин. Но в данном случае дело обстояло иначе, чем когда готы и вандалы из-за насилия и мести напали на Рим, чтобы просто грабить и разрушать. Турки были, сравнительно, выходцами из южного климата; хотя и бедными, они жили среди развалин древнего величия и завоевали с намерением занять и наслаждаться.

Так в середине XV века были уничтожены последние остатки древнего величия. Примерно за пятьдесят лет до этого было открыто много новых источников богатства, а старые были полностью преобразованы в новый канал. Таким образом, те, кто с древнейших времен владел богатством, готовили почву для обогащения бедных народов, которые из-за своего географического положения и других обстоятельств никогда бы не смогли участвовать в этом процессе.

ГЛАВА VI.

Отступление о торговле с Индией. — Это единственное, что принесло богатство древним народам. — Ее постоянные изменения. — Зависть, которую она вызывала, и революции, которые она вызывала.

До появления каких-либо достоверных записей Сирия и Египет были густонаселенными странами, и монархи, правившие этими обширными странами, основали свои правительства на принципах, которые в той или иной степени были приняты во всех странах. Существовали разные сословия. Одни и те же должности не распределялись между всеми одинаково. Богатство было распределено неравномерно, и, конечно же, был заложен фундамент для той торговли, которая заключается в снабжении богатых людьми предметами роскоши и изысканными товарами, которые производятся только в некоторых странах, в то время как предметы первой необходимости производятся в каждой обитаемой стране.

На первый взгляд, торговля, по-видимому, была полностью ограничена продукцией восточной и центральной частей Азии, которая с самых ранних времен с большим интересом востребована жителями других стран.

Все, что наиболее приятно для вкуса, глаз или обоняния, в особом изобилии встречается в Индии. Поэтому неудивительно, что такие объекты человеческих желаний были богатым источником богатства для тех народов, которые имели средства их приобрести.

Египет и Сирия находились на пути этой торговли. Они были соперниками, что приводило к многочисленным конфликтам и переменам: ведь ни одна торговля никогда не вызывала столько зависти и ревности. Ни одна торговля не поднимала тех, кто ею занимался, на такую высоту и не оставляла их в таком упадке, как торговля с Индией.

Хотя в самом начале Египет имел долю в этой прибыльной торговле, однако большая ее часть велась через Сирию и Аравию, между Персидским заливом и Средиземным морем, в той части, которая сейчас называется Левантом, где когда-то стояли Тир и Сидон.

Мы кратко рассмотрим изменения в этой торговле, которая в древние времена была практически единственной или, по крайней мере, дала начало почти всей существовавшей торговле.

Поскольку предметы первой необходимости в той или иной степени имеются в изобилии в каждой стране, а численность населения в некоторой степени регулируется их количеством, они не были предметом торговли, за исключением случаев голода. Драгоценные металлы, пряности, драгоценные камни и ароматические вещества, редкие в производстве, всеми желаемые и легко транспортируемые, долгое время были главными объектами торговли; и изменения, которые претерпела и произвела эта торговля среди тех, кто ею владел, в значительной степени проясняют предмет данного исследования.

Расстояние от Вавилона до Персидского залива, вниз по Евфрату, до места, где сейчас находится Буссора, было невелико, и через страну до Тира было мало препятствий; Ассирийская империя простиралась до побережья, а ее монархи были слишком могущественны, чтобы чего-либо бояться.

Однако в очень ранний период существовал еще один канал, по которому тирийцы получали продукты Востока, а именно, плывя по Красному морю или Аравийскому заливу и через Аравию Петрею до Риноколуры.

Египтяне в то время получали те же виды товаров, также плывя по Красному морю и высаживаясь на западном побережье, откуда они распределялись по Нижнему Египту.

Торговля велась таким образом и почти полностью принадлежала Тиру, когда Александр Македонский, воспитанный своим отцом, который получил образование в Афинах и путешествовал по Греции, обратил свое оружие против тех стран, в которых можно было получить наибольшую выгоду от завоевания и от которых исходила наименьшая опасность поражения.

Для ведения торговли необходим капитал, то есть должны быть какие-то средства для приобретения товара, прежде чем его можно будет увезти и продать. Специи, драгоценные камни и другие продукты Востока стоили мало или почти ничего для тех, кто имел их больше, чем мог использовать, и, поскольку они приносили огромную прибыль купцам, они заложили основу для того капитала, который впоследствии был использован в других видах бизнеса.

Риноколора была просто морским портом, где загружались товары, привезенные через пустыню из Красного моря. Она была расположена на юго-восточной оконечности Средиземного моря и до постройки Александрии была ближайшим портом к Красному морю.

--

До этого гордость и надменность жителей Тира и Сидона проявлялась не раз. После того как они были в дружеских отношениях с евреями при Давиде и Соломоне, они стали их врагами и подговорили царя Вавилона захватить Иерусалим, тем самым уничтожив соседнего и опасного соперника. Богатство этих двух городов впоследствии побудило вавилонян напасть и на них. Сидон был взят и разрушен; та часть города Тира, которая находилась на материке, пала; но Тир, который был местом реальной торговли, избежал ярости ассирийских монархов.

Александр, по-видимому, решил разрушить Тир, чтобы основать Александрию, которую он действительно разместил в более выгодном месте для восточной торговли. Его романтическая экспедиция в Индию была направлена на то, чтобы завладеть странами, которые производили драгоценные камни и ароматические вещества, столь востребованные в других частях мира.

Если бы Александр остался в живых, возможно, он не счел бы в своих интересах угнетать Сирию, но раздел его завоеваний между генералами привел к тому, что Египет и Сирия получили двух разных правителей. Они были соперниками, и тогда все преимущества, которые природа дала Александрии, были доведены до высшей степени под властью Птолемеев.

Река Нил, гораздо более судоходная, чем Евфрат, также лучше подходила для этой торговли, потому что, прибывая из Индии, необходимо было подниматься по последней, а по первой — спускаться. Кроме того, равнинная местность дельты была изрезана каналами, что значительно облегчало этот торговый путь.

Это была первая великая революция в восточной торговле. Она была вызвана сначала завистью Александра и гордостью жителей Тира и дала Египту огромное преимущество, которое усилилось благодаря прорытым в этой стране каналам и открытию регулярного муссона (периодического ветра), который в определенное время года нес мореплавателей прямо от устья Красного моря к побережью Малабара.

Неясно, что индийцы получали в обмен на свою продукцию, поэтому, вероятно, это были деньги. Торговля тогда заключалась в том, чтобы привозить оттуда товары, сравнительно тяжелые, и возвращаться, как бы, с пустыми руками. Тогда важное значение имело то, что течения рек были направлены в разные стороны.

--

В силу этих неблагоприятных факторов, вытекающих из превосходства Египта, торговля Сирии сошла почти на нет, пока в результате очередных изменений, которым эта торговля, по-видимому, была особенно подвержена, Римская империя, поглотившая весь цивилизованный мир, сама не разделилась на две части, и одна из столиц не была перенесена в Константинополь.

Канал через Сирию стал тогда предпочтительным для всей восточной части империи; а вследствие некоторых изменений в политике или религии персов, когда они были завоеваны парфянами, те стали готовы разрешить им судоходство по Евфрату, которое долгое время было закрыто.

Такое положение дел сохранялось, особенно после падения Западной империи, когда варвары захватили всю ту часть Европы, которая раньше снабжалась продуктами из Восточной Индии через Александрию. Оно сохранялось до середины седьмого века нашей эры, когда мусульманская религия утвердилась от самой западной части Африки до границ Китайской империи; а поскольку последователи этой религии были враждебно настроены по отношению к торговле, и никакая торговля с Индией не могла вестись без прохождения через их страну, она была почти уничтожена и ограничивалась практически только караванами паломников, которые, отправляясь в Иерусалим и Мекку под покровом религиозного рвения, обменивались различными товарами, которые они собирали в разных странах и во время путешествия.

Этот проход от пролива Бабельмандель до мыса полуострова Индия избавлял от очень долгого и опасного плавания вдоль побережья. Он находится почти на востоке и, благодаря тому, что является гораздо более коротким и имеет попутный ветер, был вторым после открытия прохода мыса Доброй Надежды величайшим открытием, сократившим путь в Индию. Он был открыт в то время, когда Египет был римской провинцией.

--

Таковы были превратности, изменения и колебания этой торговли в ранние периоды и в средние века; и когда мы перейдем к рассмотрению того же явления в последние два столетия, мы обнаружим, что оно подвержено таким же изменениям.

Из всех мест на земле, которые пережили революции и разрушения, те, которые сейчас наиболее глубоко погрузились ниже своего естественного уровня, являются теми, которые раньше были выше всего.

Мы не стали подробно описывать коммерческое величие этих мест, чтобы не прерывать повествование, но, поскольку города не могут быть великими без связей, необходимо отметить, что Марсель во Франции, Картагена и некоторые другие места на побережье Испании были теми, через которые восточные роскошные товары поступали в Европу из Александрии и Тира. Карфагеняне, колония Тира, получали продукцию из Тира и Риноколур и снабжали Испанию и западную часть Африки; но когда возникла Александрия, Карфаген начал падать. Александрия, расположенная неподалеку на том же побережье, была соперником, а не другом, как Тир, и первая Пуническая война, в которую гордость этой республики втянула ее в конфликт с Римом, последовавшая вскоре после этого, ускорила ее упадок.

Народы Греции, которые поднялись к власти и богатству, обязаны этим скорее своему превосходству в умственных способностях, образовании и изящных искусствах, чем какому-либо вниманию, которое они когда-либо уделяли торговле; они начинали как самые варварские из всех народов в этой части земного шара и получили свои первые знания от египтян, которых они долгое время считали своими превосходными в науке, как позже римляне считали греков; но когда варвары разрушили западную империю, как наука, так и торговля очень скоро исчезли.

Именно доля индийской торговли, обосновавшейся в Константинополе, больше всего способствовала столь длительному сохранению этой империи. Восточная империя обязана своим длительным существованием не столько своей внутренней силе, сколько этому обстоятельству и тому, что варвары были заняты другими делами.

Марсель был основан вскоре после Рима, но он был самостоятельным государством и не входил в состав древней Галлии. Галлы были воинственными варварами. Жители Марселя были утонченными людьми, как и жители других городов, которые пользовались коммерческим богатством. Они всегда были союзниками и верными друзьями римлян, которых никогда не покидали.

--

С расширением цивилизации на север Европы открылся новый канал для этой разнообразной торговли с Востоком, главным образом из-за очень небольшого объема поставок, которые поступали через мусульманские страны.

Товары перевозились по суше из Индостана и Китая в Эстерхабад, расположенный в юго-восточном углу Каспийского моря; оттуда они доставлялись на судах в северо-восточный угол того же моря, а оттуда по Волге и Дону — двум рекам, которые берут начало в России и, почти соединяясь, впадают в Каспийское и Черное моря. Поднимаясь по Волге на небольшое расстояние и спускаясь по Дону, с перевозкой по суше всего на несколько миль, продукция Индии поступала к Черному морю, и Константинополь стал центром индийской торговли. Это был сильный удар по Венеции и Генуе, которые соперничали друг с другом в поставках азиатских товаров для Европы по старым каналам. Эта взаимная ревность и ревность к Константинополю достигли своего апогея, когда крестовые походы привели большинство европейских князей и дворян в Венецию и Константинополь. Венецианцы, будучи просто торговым народом, не имевшим ни территории, ни власти, не давали и не получали обид от этих воинственных вождей; но это не относилось к Константинополю, столице великой империи; так что крестоносцы и венецианцы объединились против этой державы, и восточные императоры были вынуждены разделить свой город на четыре части: суверенитет над одной частью достался венецианцам, которые более полувека имели таким образом явное превосходство над обоими своими соперниками и захватили почти всю торговлю Востока. Генуэзские и греческие императоры теперь сочли в своих интересах объединиться против Венеции, и генуэзцы, поддержав своего союзника деньгами, изгнали венецианцев из Константинополя. Императорская семья была восстановлена, а генуэзцы получили в награду за свою помощь пригороды Перы. Генуэзцы укрепили этот квартал города, и венецианцы были вынуждены вернуться к своим старым путям через Египет и Сирию.

На карте, которую я привел, Венеция и Генуя показаны вместе, как одно целое, хотя они были соперниками, и процветание одной наносило ущерб другой; но поскольку они расположены почти рядом и ни одна из них не считается нацией, а лишь местом торговли, я не считал необходимым различать их в общей истории больше, чем различия между разными городами одной страны. Однако, если бы я составлял таблицу в большом масштабе, я бы, безусловно, разделил их и подробно показал их взлеты и падения.

--

Во время этих состязаний Флоренция поднялась и стала соперницей как Венеции, так и Генуи; а те, кто вернулся из крестовых походов, принесли в северную Европу некоторую степень цивилизации или, по крайней мере, вкус к роскоши и продуктам Востока. Потребление азиатских продуктов на севере привело к созданию складов, и Брюгге и Антверпен стали для севера тем, чем Венеция и Генуя были для юга Европы. Города Ганзы достигли богатства и процветания примерно в тот же период, но последствия богатства, приобретенного благодаря торговле на севере, оказались другими, чем в южных широтах. Италия шла к упадку, в то время как три ее города становились все более великолепными; но на севере богатство, приобретенное городами, привело к развитию промышленности: производство было усовершенствовано, а богатство и комфорт жизни стали более распространенными, чем когда-либо прежде или чем они являются в южных странах даже в настоящее время.

В то время как Константинополь соперничал с городами Италии, там произошла новая революция, которая свергла Греческую империю и установила Османскую.

Когда Магомет II взойшел на престол, генуэзцы были изгнаны из Перы, и Венеция вновь обрела превосходство в восточной торговле, которое она сохраняла до открытия прохода через мыс Доброй Надежды, который открыл новый канал, более надежный, гораздо менее затратный и не столь подверженный перебоям из-за революций, которым подвержены нации. Стоит отметить, что какие бы изменения ни происходили в канале, по которому велась торговля с Индией, какими бы ни были превратности или трудности, сама торговля никогда не прекращалась; настолько велико было стремление богатых людей Запада наслаждаться продуктами Востока.

Тот факт, что склад индийской торговли находился в Крыму, недалеко от устья Волги, является веским основанием полагать, что торговля велась через Каспийское море; однако утверждается,

что основной путь пролегал по суше от Тигра до Черного моря. Это кажется очень хорошим способом, но в таком случае зачем пересекать Черное море, чтобы добраться до Крыма? Любой, кто посмотрит на карту, сможет судить, что это весьма маловероятно. Доктор Робертсон, однако, не обратил внимания на эту трудность. Две вещи являются определенными: что склад находился в Крыму и что купцы никогда не сходят с пути без какой-либо причины. Читатель должен сам определить для себя.

До изгнания генуэзцев их наглость и алчность успели проявиться в полной мере; около 1340 года, по словам очевидца, (Никифор [illeg.] Грегорас), они мечтали о том, что приобрели господство над морем, и требовали исключительного права на торговлю в Эвксинском море, запрещая грекам плавать в Херсонес или в любую точку за устьем Дуная без их разрешения. Венецианцы не были исключением, и высокомерие генуэзцев дошло до того, что они разработали план введения пошлины на каждое судно, проходящее через Босфор.

--

Таким образом, в прежние времена эта восточная торговля переживала большие перемены. Причиной этого, в целом, можно считать богатство и высокомерие, которые порождало ее обладание, а также зависть, которую она вызывала. Действительно, не известно, не заставила ли зависть генуэзцев к успеху венецианцев их тайно поддержать попытки найти новый морской путь, который мог бы разрушить процветание высокомерного и успешного соперника.

Так было или нет, но несомненно, что открытие прохода мимо мыса Доброй Надежды не было случайным; португальцы были побуждены прислушаться к предложению торговать с Индией по этому маршруту, поскольку в случае успеха они могли бы составить конкуренцию величайшему торговому городу мира.

Хотя сейчас не стоит ожидать открытия нового морского пути, а существующий с каждым днем становится все более доступным и популярным, капризные изменения в индийской торговле не закончились с этим новым открытием.

Вместо того чтобы, как раньше, соперничество велось между городами, расположенными на берегах Средиземного моря, соперничать стали морские державы, которые плавали по основному океану.

Цены на азиатские товары были непомерно высокими. Шёлк продавался по весу в золоте, и римский император отказал своей императрице в роскоши, или, скорее, в великолепии, шёлкового платья.

Среди страстей, овладевающих соперниками в торговле, зависть настолько велика, что, когда алчность терпит поражение, они, чтобы унижить успешного соперника, без страха и даже с удовлетворением идут на собственную гибель.

--

Есть только два способа накопить богатство и сосредоточить его в руках немногих: один — принуждение и взимание налогов, другой — производство или приобретение предметов желания, за небольшое количество которых люди отдают большую часть своего труда.

Государи накопили богатство и обладали доходами первым способом, и использовали его для великолепных построек, для великих или полезных дел, для войны или для удовольствия.

Богатство, полученное другим способом, главным из которых, по-видимому, была торговля с Востоком, произвело иной эффект. В Италии оно привело к появлению векселей и способствовало развитию изобразительных искусств и некоторых видов производства. На севере Европы оно породило общий дух торговли и производства, поскольку роскошь Востока только научила жителей севера необходимости обретать комфорт путем производства товаров в своей стране.

Улучшение искусства ткачества, изготовление шерстяных и льняных тканей более тонкой текстуры было вполне естественным после того, как люди увидели шелка и муслины, привезенные из Индии; особенно для людей, живущих в холодном климате, где требовалась более плотная одежда и где материалов было в изобилии.

Соответственно, именно во Фландрии и соседних странах возник современный дух производства, питаемый богатством, которое принесла древняя торговля с Индией.

В древние времена, когда этой торговлей занимались тирийцы, они накопили огромное богатство, хотя у них не было больших стран, которые они могли бы снабжать, поскольку, вероятно, ни Египет, ни восточная часть Сирии не принимали бы продукцию, доставляемую по столь окольным путям. Но в первые века жертвоприношения богам и погребальные церемонии потребляли огромные количества ароматических веществ всех видов, а также удовольствия живых. Две первые причины спроса на ароматические вещества давно исчезли в связи с изменениями в религии. Теперь их не сжигают ни на алтарях, ни на могилах; а обычаи и вкусы,

которые в определенной степени изменчивы и произвольны, уменьшили потребление одних, а другие были заменены благодаря прогрессу, которого мы сами достигли в производстве.

В то время как происходило это сокращение потребления, западный мир продвигался вперед в цивилизации, и прогресс богатства стал гораздо более широким; так что, если потребители восточных предметов роскоши стали менее расточительны в их использовании, то в то же время их число значительно увеличилось.

Один только вкус к чаю, который был введен чуть более века назад, перевесил все остальные и по-прежнему растет в Европе; кроме того, было открыто новое место на земле, население которого быстро растет и где также был введен обычай пить чай, как в Британии.

Разумная цена, по которой можно приобрести товар, всегда увеличивает потребление: и хотя у нас нет критериев для оценки цен в прежние времена, тем не менее, можно с уверенностью сказать, что они были очень высокими. В то время, когда шелк продавался по весу в золоте, этот металл сравнивали с обычным трудом, стоимость которого в шесть раз превышала его нынешнюю стоимость; шелк тогда был по крайней мере в триста раз дороже, чем сейчас; более того, даже эта завышенная цена едва ли объясняет скупость римского императора, который отказал своей жене в платье из этого дорогого материала.

Хотя новые открытия навсегда лишили Египет и Сирию торговли с Востоком, и хотя потеря торговли была непосредственной причиной упадка, обе страны уже давно были опустошены и деградировали до того, как произошли эти изменения; ведь хотя торговля проходила через их страны, богатства, которые она приносила, сосредоточивались в Италии. Сирия давно превратилась в пустыню, а разрушенные дворцы стали обиталищем скорпионов, рептилий и хищных зверей задолго до тех открытий, которые, казалось, запечатлели их судьбу. Это открытие только завершило то, что давно началось, и сделало постоянным и необратимым то, что в противном случае могло бы измениться.

Шелковые ткани, муслин и фарфор. Хлопчатобумажные ткани теперь не покупаются так, как раньше, так что, за исключением фарфора, сырье является единственным предметом торговли. Шелковый червь был завезен в Италию в то время, когда связи с Востоком были очень затруднительными, и поэтому не привел к росту богатства, а вкус к новым товарам расширил спрос и привлек новый, торговля в конце концов была бы почти полностью ликвидирована.

Перевозка стоит 24 лиры за тонну в обе стороны, что равно стоимости перевозки по суше в Англии на расстояние 500 миль. Действительно, только товары очень большой ценности и высокой стоимости могли бы окупить перевозку по любому из известных на тот момент путей, кроме пути через мыс.

--

При нынешних темпах роста этой торговли все золотые и серебряные рудники на Западе скоро окажутся недостаточными для обеспечения достаточного количества драгоценных металлов, чтобы оплатить продукцию из этой страны, поскольку в обмен принимается лишь небольшое количество европейских товаров. Это закладывает основу для великой революции, либо в нравах, либо в народах в будущем.

Удивительно, что с древнейших времен жители Индии получают золото и серебро из всех других стран, и тем не менее эти металлы не так распространены там, как в европейских странах. По мере того как наш спрос на продукцию рудников растет, чтобы отправлять денежные переводы в эту страну, сами рудники сокращают свою добычу, так что какие бы изменения это ни повлекло за собой, они не могут быть очень значительными.

То, что доктор Робертсон говорит о Пальмире, можно применить практически ко всем городам Азии и Африки, которые участвовали в этой торговле. «Пальмира после завоевания Аврелианом так и не возродилась». В настоящее время несколько жалких хижин нищих арабов разбросаны во дворах ее величественных храмов или уродуют ее элегантные портики, создавая униженный контраст с ее древним величием.

Если англо-американцы по-прежнему будут любить чай, потребляя по одному фунту на человека в год, что очень мало, то менее чем через полвека будет требоваться сто миллионов фунтов в год.

--

ГЛАВА VII.

О причинах упадка наций, процветавших в средние века, а также Португалии, Испании, Голландии и городов Ганзы.

Торговля с Индией, которая была практически единственной и всегда вызывала зависть и соперничество, привлекала испанцев и португальцев, которые, как мы видели, были первыми среди современных народов, стремившихся к морским открытиям.

То, как Испания открыла Америку, а Португалия — проход мимо мыса Доброй Надежды, оба почти в одно и то же время, в начале XVI века, слишком хорошо известно, чтобы требовать малейших подробностей.

Европейцы, обладавшие превосходными знаниями, в частности, в области использования огнестрельного оружия, побуждаемые также любовью к золоту и не заботясь о том, чтобы сдержать свое слово перед доверчивыми туземцами, вскоре торжествовали везде, куда бы они ни попадали, и в результате обе нации привезли домой огромные богатства. Торговля Венеции, Александрии и Алеппо была полностью перенесена в Лиссабон, и никогда еще такая маленькая страна не обогащалась так внезапно; можно добавить, что впоследствии она еще быстрее лишилась главного источника своего богатства.

Голландцы одержали победу над Испанией на ее собственной территории и вскоре стали соперничать с Португалией на Востоке. Совсем другое дело было сражаться с туземцами и воевать с голландцами, которые очень скоро лишили Португалию богатых источников богатства, которые она обнаружила в Индии.

Процветание Португалии, вызванное ее владениями на Востоке, продолжалось на пике ровно столетие. Его упадок объясняется следующими причинами.

Лиссабон имел свой склад для северной Европы в Антверпене, и стоимость грузов оценивалась в миллион крон в год, но это, вероятно, преувеличение.

--

Его деспотичные принципы, слишком обширные завоевания, которые были широко разбросаны, и высокомерие португальцев как по отношению к туземцам, так и к европейцам; зависть и соперничество, которые привели голландцев в те же страны; большая нехватка внимания и энергии; и, наконец, предпочтение, отдаваемое торговле с Бразилией. Бразилия была впервые открыта португальцами, затем захвачена голландцами, которых они, однако, изгнали примерно в середине XVI века, то есть примерно через пятьдесят лет после ее первого открытия и за равный период времени до упадка их торговли в Индии.

Владение всей этой прибыльной торговлей, которая обогатила столько великих наций, и то столь легким путем и почти без борьбы, в течение почти целого столетия так обогатило маленькое королевство Португалия, что, проявив чрезмерную жадность и захватив слишком много, оно было почти готово без борьбы отказаться от всего, если бы не некоторые причины другого рода. Приток богатств из Индии и Бразилии был настолько огромным, что первая, которая в любое другое время была объектом амбиций всех наций и остается им до сих пор, считалась едва ли достойной того, чтобы ее удерживать.

Почти не нужно добавлять, что с того момента Португалия начала приходить в упадок. Если когда-либо чаша процветания переполнялась, то именно тогда; и когда владение торговлей с Индией едва ли считалось достойным сохранения, становится ясно, что никаких серьезных усилий для поощрения внутренней промышленности предпринять было невозможно.

Испания, обширная и могущественная еще до открытия Индии, не ощутила так сразу же последствия импорта богатств, как португальцы, но ее процветание было менее продолжительным, хотя упадок и не был столь стремительным.

Голландцы, должно быть, знали о влиянии богатства на нацию, иначе они вряд ли бы пытались сбросить иго Испании в тот самый момент, когда она достигла своего наибольшего великолепия и могущества.

В Лиссабоне на совете обсуждался вопрос, стоит ли сохранять Индию, ведь богатства Бразилии было гораздо легче добыть. Сомнения совести, по крайней мере =sic=, что миссионеры будут уничтожены, склонили чашу весов в пользу сохранения торговли с Индией!

--

Наглость и гордыня, как мы уже не раз отмечали, сопутствуют богатству, и Филипп был не более устойчив к их влиянию, чем те правители, которые были до него. -- Проект вторжения в Англию с помощью так называемой непобедимой армады был очень похож на нападение персидского царя на Грецию. Этот монарх, должно быть, очень низко оценивал Англию, если полагал, что остров можно завоевать 30 000 человек, даже если бы им удалось успешно высадиться. Действительно, попытка провести такой эксперимент над нацией, которая так хорошо доказала свою доблесть в Азенкуре и Кресси и которая ни в коем случае не деградировала, свидетельствует о том, что он был ослеплен богатством и величием.

Результатом этого стало постепенное ухудшение положения его королевства, так что менее чем через столетие Англия посадила своего короля на испанский трон.

Хотя последствия для Испании не были столь быстрыми, как для Португалии, в некоторых отношениях они были более необратимыми. Огромное количество людей, покинувших эту страну в поисках золота, нанесло ущерб ее населению, уже сократившемуся в результате изгнания мавров, которые были самыми трудолюбивыми из ее жителей.

Богатство, пришедшее в Испанию, было распределено очень неравномерно, что является значительным недостатком и ускоряет развитие ситуации, которая является естественным предвестником упадка нации. Богатство, полученное от торговли, каким бы большим оно ни было, должно распределяться с определенной степенью равенства, но великие авантюристы, добывавшие золото в шахтах, делились им только со своим правителем, и все их богатство поступало в страну в огромных количествах.

Хотя голландцы были подчинены Испании, это не мешало им действовать независимо в своих методах ведения торговли и коммерции.

Мы видим пример этого в нашей собственной торговле с Индией. Капитаны кораблей, купцы и все те, кто зарабатывает деньги на этой торговле, возвращаются домой с умеренным состоянием; но губернаторы, гражданские и военные чиновники, которые поселились в этой стране, возвращаются домой с княжеским состоянием и затмевают старую знать страны.

--

И Испания, и Португалия, обнаружив, что богатство так легко приходит из Индии и Америки, пренебрегли промышленностью. Это было, по сути, вполне естественным следствием; и когда источники их богатства начали иссякать, они обнаружили, хотя и слишком поздно, что вместо того, чтобы увеличить свое богатство, они только обогатили более трудолюбивые нации и разорили себя. Золото, поступающее с Запада, проходит через руки его хозяев почти с той же быстротой, как если бы они были лишь агентами англичан и голландцев; настолько причудливой является идея о богатстве, существующем без промышленности.

Голландцы были единственными соперниками португальцев в Ост-Индии; хотя другие нации пришли позже, чтобы получить свою долю, переход от богатства к слабости уже был

совершен португальцами, прежде чем кто-либо из них начал серьезно заниматься приобретением владений или ведением торговли с этой страной.

Таким образом, Португалия пала лишь из-за конкуренции более трудолюбивой и менее развитой нации, после того как она захватила больше территории, чем могла удержать. Испания пала, потому что она выбрала неверный объект в качестве источника богатства.

Ганзейские города, которые обязаны были своим процветанием отчасти своей собственной мудрости и настойчивости в начале, а отчасти презрением, с которым правители в эпоху рыцарства относились к торговле, могли бы с очень небольшой проницательностью и гораздо меньшим проявлением мудрости, чем они продемонстрировали, увидеть, что дух торговли становится всеобщим и что умеренность и благоразумие необходимы для сохранения их гордого положения; но благоразумие, которым они обладали вначале, уступило место гордости и покинуло их; и первый сильный удар им нанесла королева Елизавета. Разрушение столь обширной конфедерации не могло вызывать удивления и, по сути, было естественным следствием изменений в нравах того времени; но с Фландрией дело обстояло иначе. Ничто не мешало фламандцам продолжать наслаждаться богатством и заниматься промышленностью, за исключением соперничества других наций, в частности Голландии и Англии; ведь хотя Франция была более развитой, как промышленная и богатая нация, чем Англия, она не занималась той же отраслью промышленности, что и народ Нидерландов, чье процветание поэтому не пострадало в той же степени.

Богатство продержалось в стране так недолго, что, когда была собрана знаменитая армада для войны с Англией, для этой цели пришлось просить ссуду у Генуи.

--

Что касается голландцев, то они продолжали богатеть до конца XVII века, и их упадок требует более пристального внимания.

Помимо своей великой промышленности, рыболовства и искусства копчения рыбы, голландцы преуспели в изготовлении различных видов машин и стали нацией, поставлявшей другим странам материалы, готовые к производству: это была новая и очень прибыльная отрасль бизнеса, поскольку машины держались в секрете, что значительно сокращало трудозатраты, а

материалы по-прежнему имели преимущество в продаже, которое сырье имеет перед готовыми изделиями; таким образом, преимущества были почти беспрецедентными.

К этому следует добавить, что голландцы были первыми, кто создал банковскую систему (частично копируя итальянцев) на основе прочного плана. Преимущества, которыми пользовалась Голландия, были, по сути, полностью ее собственным достижением, но они были многочисленны и неоценимы, не считая торговли с Индией, в которой она в течение значительного периода времени занимала большую долю, чем любая другая нация.

Ни одна нация не продемонстрировала так полно, как голландцы, как можно отразить внешних врагов и преодолеть трудности, уделяя при этом должное внимание реальному благосостоянию страны. Усилия римлян по завоеванию других народов едва ли превосходили усилия голландцев по самосохранению, когда они находились в состоянии необходимости; но когда они стали богатыми, энергия и единоподушие покинули их. Производители стали торговцами, а торговцы стали агентами и перевозчиками, в результате чего прочные источники богатства постепенно исчезли.

Все это время налогообложение увеличивалось, и хотя ни одна нация никогда не позволяла, чтобы ее нравы были менее развращены обладанием богатством, тем не менее произошли ощутимые изменения; но наиболее пагубным было изменение в образе мышления. Недовольство правительством и разногласия между ними усугубили их несчастья, в то время как Англия все время стремилась вытеснить их из наиболее выгодных источников их богатства.

Голландцы были практически подавлены этой конкуренцией и естественным ходом вещей, который переносит центр богатства и торговли из одной страны в другую. Не было ни насильственной революции, ни вторжения врага; это было тихое действие той причины упадка, о которой уже упоминалось во второй главе и которая будет более подробно проиллюстрирована и объяснена далее.

У голландцев было избыточное количество капитала; проценты по деньгам были низкими; и богатство начало покидать Голландию задолго до того, как стали заметны признаки упадка; благодаря этому была стимулирована торговля других стран, и, как это всегда бывает, капитал эмигрировал, как только он смог найти надежное применение и большую прибыль, чем можно было получить на родине. Основные причины упадка Голландии можно выделить следующим образом:

Налоги постепенно увеличивались.

Ее превосходство в производстве над другими странами постоянно уменьшалось; в результате промышленность не была так хорошо вознаграждена и стала менее активной.

Купцы предпочитали надежные агентства для иностранцев торговле на собственный счет, тем самым предоставляя им свой кредит.

Голландский капитал использовался для покупки товаров в одной стране и их продажи в другой: таким образом, голландцы стали перевозчиками для других, вместо того чтобы производить и перевозить товары для себя.

Торговля с Индией и банковское дело были переняты другими странами, в результате чего Голландия утратила свое превосходство в этих отраслях.

В таких условиях Голландия постепенно приходила в упадок, когда политические беспорядки, конец которых было трудно предвидеть, поставили ее на колени перед Францией: событие, которое не произошло бы таким образом, если бы в стране царил истинный дух патриотизма, который отличал ее в более процветающие времена. Из этого, по крайней мере, можно извлечь один ясный урок: как бы ни было естественно для наций терять превосходство из-за искусств, изобретений или внешней торговли, если умы людей и их нравы остаются чистыми, они не будут унижены, став добычей врага. Когда Голландия не была богатой, она сопротивлялась Испании во всей ее славе в ходе очень тяжелой, упорной и продолжительной борьбы; но тогда народ был единым: не было предателей, которые поднимали бы голос за Испанию против своей страны. Когда Голландия была богатой, она даже не пыталась сопротивляться Франции, когда та вторглась на ее территорию; но тогда Голландия была разделена, и в каждом городе были люди, которые больше желали грабежа, чем процветания своей страны.

При рассмотрении падения тех наций, которые зашли в упадок до открытия Америки, восточная империя была последней, которая привлекла внимание. Она была ослаблена турками с такой энергией и силой, которые обещали обновление, которое, однако, не произошло. Турки принесли с собой мусульманскую религию, которая развратила нравы и деградировала умы всех народов. В результате этой перемены Константинополь лишился остатков древней науки и торговли, которые даже слабость императоров и повторяющиеся войны не смогли полностью уничтожить. Греки были низведены до состояния подчинения и рабства, но турки не были цивилизованными. Они переняли роскошные и изнеженные греческие нравы, но при этом сохранили свое прежнее невежество и жестокость. Среди современных народов турецкое правительство по своей форме является чудовищем, а его существование — загадкой; тем не менее, оно распространило свое влияние на все самое ценное и великолепное в древнем мире. Греция, Египет, Финикия, Сирия, три Аравии и страны, тогда еще малоизвестные, подчиняются жестокому народу, который даже не снисходит до общения с жителями страны, но правит ими самым унижительным и позорным образом.

Турецкое правительство никогда не было сильным. Город Венеция всегда был ему равным на море; и, поскольку оно пренебрегает принятием систем других народов, оно с каждым днем

становится все слабее по сравнению с ними. Раньше оно успешно боролось с Германией, Польшей и Россией, но это время прошло, и оно обязано своим нынешним существованием ревности других держав. Оно владеет большей территорией, чем все ведущие страны Европы, за исключением России, и людям, живущим в менее благоприятном климате, невыгодно пытаться возродить страну Александра и других великих народов древности.

Во всех других завоеваниях завоеванные и завоеватели в конце концов становились одним народом, когда они селились в одной стране, будь то христиане или язычники; но турки и греки до сих пор остаются такими же разными, как и вначале, и это, вероятно, связано с природой турецкой религии.

Турецкая нация представлена как находящаяся в сильном упадке, но вскоре после своего основания она обладала всеми пороками, которые только могли существовать в правительстве, и ее нынешняя слабость в большей степени связана с изменениями к лучшему, произошедшими в других странах, чем с ухудшением ситуации в самой Турции. С каждым днем становится все труднее держать народ в неведении, и когда османский трон падет, обычный порядок вещей изменится на противоположный. Поскольку другие правительства могут объяснять свое падение развратом нравов и невежеством, турецкое правительство видит в этом свою безопасность, и день, когда среди его подданных прольется хоть какая-то разумная степень света, станет его последним.

Попытка проследить причины упадка государства, которое обязано своим существованием своим недостаткам и во всех отношениях отличается от других народов, была бы бесполезной в настоящем исследовании; она была предпринята лишь для того, чтобы показать, что в бесконечном многообразии вещей некоторые могут быть обязаны своим существованием тому, что в целом является причиной разрушения.

ГЛАВА VII. [=sic= - ошибка в типографском экземпляре, должно быть VIII.]

Общий обзор и анализ причин, повлиявших на упадок всех наций, с диаграммой, отражающей рост, падение и миграцию богатства во всех странах с 1500 года до Рождества Христова до конца XVIII века — периода в 3300 лет.

Из революций, которые произошли среди богатых и могущественных наций до настоящего времени, хотя их происхождение было обусловлено очень разными причинами, а упадок и перемещение из одного места в другое сопровождались не схожими обстоятельствами, тем не менее, ту же самую основную причину этого упадка можно не только легко и отчетливо проследить, но она настолько очевидна, что ее невозможно упустить из виду или ошибочно истолковать.

Местное положение или временные обстоятельства всегда давали первые средства для достижения богатства и величия. Умы людей, находящихся в бедственном положении, кажется, никогда не упускали возможности, предоставляемой тем или другим, и они, как правило, добивались успеха, пока энергия ума и трудолюбие не были изгнаны привычками роскоши, небрежности и гордости, которые сопровождают или, по крайней мере, вскоре следуют за приобретением того или другого.

Там, где сначала приобреталось богатство, обычно впоследствии стремились к власти; а там, где сначала приходила власть, она всегда искала самый легкий путь к богатству, нападая на тех, кто им обладал.

Народы и города на побережье Средиземного моря, где впервые зародились искусство и торговля, где процветало земледелие и население достигло высокого уровня, вели постоянную борьбу за то, чтобы вытеснить друг друга; и в этой борьбе самые богатые, как правило, терпели поражение; пока Александр, первый великий завоеватель, с историей которого мы достаточно хорошо знакомы, не подчинил их всех своему игу; один маленький и храбрый народ торжествовал над египетской и ассирийской империями, где богатство и роскошь уже произвели свое действие.

Хотя этот триумф бедности над богатством был полным, за исключением одного единственного случая, он не привел к каким-либо реальным изменениям ни в местах обитания богачей, ни в каналах торговли. Тир, до того момента самый богатый торговый город, был разрушен, чтобы освободить место для процветания Александрии, которая стала самым богатым городом, перетянув на себя большую часть торговли с Карфагена на западе и всю торговлю с Риноколурой на востоке. Однако в Египте и Сирии Вавилон и Мемфис по-прежнему оставались великими городами.

Весь этот древний мир на мгновение оказался под властью одного вождя, но вскоре снова разделился между генералами, которые сменили великого завоевателя, и египетская и персидская империи стали соперниками, как раньше Египет и Сирия. Греческие народы по-прежнему оставались главными центрами цивилизации и изобразительного искусства, и это продолжалось до тех пор, пока римляне, изначально более бедный народ, чем македоняне, не завоевали все. Это был второй великий триумф бедности и энергии над богатством и величием, и в этой борьбе сама Греция пала.

Последствия богатства были не менее страшными для самих римлян, чем для тех народов, которых они позволили покорить этому храброму и воинственному народу; так что госпожа мира, в свою очередь, пала перед народами, которые были грубыми и варварскими, но не развращенными богатством и роскошью.

Завоеватели Рима были слишком грубы и слишком многочисленны, чтобы самим стать изнеженными богатством, которое исчезало под их хищными руками и которое они не умели и не хотели сохранять.

Это вторжение в плодородные и богатые провинции людей грубых и невежественных, но пришедших из северных климатических зон, установило новый порядок вещей; и лишь небольшая часть прежнего богатства и величия сохранилась в Египте и Константинополе.

В течение нескольких веков войн и беспорядков торговля и искусство, по-видимому, были недооценены и пренебрегались; но все же вкус к восточным роскошным товарам не исчез полностью и, как только наступил период мира и безопасности, вновь пробудился. Именно тогда Александрия, Венеция, Генуя и Константинополь стали каналами, по которым жители Европы приобретали роскошные товары из Азии. Вавилон, Мемфис, Пальмира и все другие великие города древности исчезли; даже Греция утратила свои искусства и великолепие; Александрия и Константинополь неоднократно подвергались нападениям, захватывались и завоевывались варварами, которые завидовали их богатству, но все же были заинтересованы в том, чтобы они оставались каналами для снабжения европейских народов изысканными товарами Востока. Хотя Венеция и Генуя были богатыми городами, они были небольшими и малозначительными, и все народы, которые могли бы одним ударом сокрушить их, считая их лишь удобными и полезными морскими портами, позволили им остаться независимыми.

Поскольку между северными и южными частями было установлено общение, вкус к роскоши Азии распространился на берега Балтики вскоре после того, как победоносные войска Карла Великого принесли туда некоторую степень цивилизации и христианскую религию.

Тогда во всех приморских городах Европы зародилась новая, более широко распространенная система торговли, напоминавшая ту, что ранее существовала в Тире и Карфагене, а Италия и Фландрия стали самыми богатыми частями Европы. Дух рыцарства и стремление к завоеваниям, не основанные на тех же принципах, что и завоевания древних народов или Рима, направленные на получение богатства, проникли во всю Европу, и царила величайшая неразбериха. В истории богатства и власти, как взаимосвязанных явлений, это является разрывом. Те, кто обладал властью, презирали богатство и стремились к тому, что ценили больше — военной славе; а богатство было сосредоточено в нескольких изолированных местах и принадлежало людям, которые были купцами, не имевшими никакой доли власти или авторитета.

Это необычное и беспрецедентное положение вещей привело к возникновению Ганзейского союза, который в конце концов приобрел такое значение, что те, кто так долго искал славы, не находя ее, начали понимать важность, которая проистекала из богатства. Они начали понимать, что даже в погоне за своей любимой целью богатство было отличным помощником, и князья начали заискивать перед купцами, как в дни Тира и Сидона.

Этот прогресс был значительно облегчен и ускорен крестовыми походами, которые, одновременно обнищав половину европейской знати, привили ей вкус к изысканностям Востока и научили ее ценить средства, с помощью которых можно было приобрести такие изысканности.

Так шли дела, когда три великих открытия изменили положение человечества.

Морской компас, порох и искусство печати были открыты почти одновременно и, помимо своего огромного и долгосрочного влияния, оказали удивительное воздействие на изменение положения народов того времени.

Океанские путешествия, которые привели к открытию пути в Восточную Индию и Америку, нанесли смертельный удар странам, расположенным на берегах Средиземного моря, которые таким образом лишились торговли с Востоком.

Открытие пороха, столь мощного средства для нанесения удара по врагу без помощи человеческой силы, которое в некотором роде ставит гиганта и карлика в равное положение, было удивительно подходящим для устранения иллюзий рыцарства, которые имели столь сильное влияние на предпочтение войны торговле, в то время как печать облегчила передачу всех видов знаний.

Именно тогда северные народы начали культивировать искусства и науки, как это делали три тысячи лет назад народы юга под мягким небом и на плодородной почве. Но изобретательность и изобретения на севере пошли по другому пути, чем в южных климатических условиях; вместо правителей и рабов люди были больше нуждались друг в друге, и поэтому требовалось более равное распределение плодов труда.

В прежние времена производство ограничивалось в основном предметами роскоши для знати и простыми предметами первой необходимости для рабов; торговля, хотя и приносила большое богатство немногим, была в своих пределах столь же ограниченной.

Даты см. в таблице, а их последствия — в главе I книги II. [Примечание переписчика: см. в таблице «Морской компас / Порох / Изобретение книгопечатания 1300-1400»].

--
Было естественно, что две страны, первыми открывшие путь на Восток и континент Запада, богатый драгоценными металлами, стали богатыми и могущественными, как когда-то города, которые обладали исключительным правом на торговые пути. Этими двумя странами были Испания и Португалия, но и здесь мы снова видим ту же роковую закономерность, которая сопутствовала приобретению богатства и которая была отмечена ранее. Действительно, нельзя было ожидать, что стойкость и добродетельность испанцев и португальцев смогут противостоять действию причины, которой не смогли противостоять ни мудрость египтян, ни искусство и промышленность Греции, ни упрямый и воинственный патриотизм римлян.

Эти две нации вскоре пришли в упадок, и голландцы, французы и англичане стали участниками торговли.

Производство было новым источником богатства, почти неизвестным древнему миру. Оно начало развиваться сначала во Фландрии, затем в Голландии и Франции, и, наконец, в Англии; но, как и торговля, и все другие средства приобретения богатства, оно имеет тенденцию покидать страну. Причина и следствие расходятся через некоторое время, и хотя мы не можем проиллюстрировать это на примере истории, как мы можем проиллюстрировать миграцию богатства, возникающего из других источников, эта тенденция кажется такой же по своей природе, хотя и с одним отличием: люди всегда могут трудиться для себя и наслаждаться плодами своего труда, хотя они не всегда могут найти средства, чтобы стать перевозчиками для других народов или стать купцами.

Это изменение в природе богатства, изобретения человечества, изменения, вызванные облегчением передачи знаний, систематический подход людей к преследованию своих интересов и другие изменения дают основания надеяться, что в нынешней ситуации те владения, которые до сих пор считались мимолетными и неустойчивыми, могут стать постоянными.

Там, где богатство не было отнято у страны с помощью абсолютной силы (в чем более бедные нации всегда преуспевали), оно мигрировало по другим причинам и поселилось среди нового народа, где обстоятельства были более благоприятными для его развития.

Прежде чем мы покинем эту рекапитуляцию, необходимо, однако, обратить внимание на одну революцию, которая не происходила по тем же принципам, что и другие, по крайней мере в том, что касается богатства и роскоши, но которая в некоторых отношениях имеет с ними сходство, а в других — прямо противоположна им.

Около двух с половиной веков назад польская нация была одной из самых могущественных в Европе; Россия не могла тогда, да и в течение долгого времени после этого, соперничать с ней. Пруссак были ее вассалами, а столица Германской империи, когда в 1650 году была осаждена турками, обязана была своей безопасностью полякам, своим храбрым и верным союзникам.

Так было, но сегодня польской нации больше не существует: она подавлена, раздроблена и разделена между теми самыми державами, которым она была по крайней мере равна, а по отношению к другим даже превосходила в недавнем прошлом.

Можно спросить, была ли Польша одним из тех государств, которые были подавлены собственным богатством и роскошью? Или же ее амбиции, несправедливость или какие-либо другие причины, столь заметные в упадке наций, привели к ее полному исчезновению из ряда независимых государств? Ни одна из этих причин не сыграла роли, но все же это не является полным исключением из общего правила.

Когда феодальная система была установлена по всей Европе, нации, находившиеся под ее влиянием, были в равном положении; и поскольку все они вышли из этого положения примерно в одно и то же время, за исключением Польши, они по-прежнему сохраняли свое относительное положение. Польша, в то время как в других государствах происходили изменения, сравнительно утратила свою мощь. Среди произошедших изменений было то, что в руки монарха были переданы все располагаемые доходы и силы страны, с помощью которых содержались постоянные армии. Нерегулярные ополчения, до того состоявшие из баронов и их вассалов, — вид сил, в лучшем случае значительно уступавший регулярным армиям, — стали бесполезными, особенно после того, как способы ведения боевых действий изменились в результате изобретения пороха и внедрения крупных артиллерийских подразделений, которые никогда не могли бы быть использованы в феодальных армиях.

Располагаемые силы Польши и ее доходы ни в коем случае не шли в ногу с соседними странами; и что еще хуже, сила этой несчастной страны была разделена; монархия была выборной, и иностранное влияние имело возможность проявить себя, что при наследственной линии королей было невозможно. Польша не только была слабее своих соседей, но и стала жертвой внутренних распрей, заговоров и интриг.

Хотя Польша и не была богатой в прямом смысле этого слова, она была густонаселенной и плодородной страной, а потому представляла собой желанное приобретение для соседних государств. Для Пруссии, самой амбициозной и экспансионистской державы с военным

правительством и весьма ограниченной территорией, она была особенно желанной. Для России, несмотря на ее обширность, эта плодородная территория также была объектом амбиций, поскольку находилась в непосредственной близости от столицы империи, наиболее плодородные и прекрасные провинции которой лежали на большом расстоянии. Одинаковое желание обладать тем, что им было нужно, одновременно воздействуя на две соседние страны, побудило их объединить свои силы в первом разделе Польши для взаимной выгоды. Внутренние потрясения в стране послужили предлогом, а ее слабость предоставила средства для осуществления замысла. В 1772 году эта независимая страна сначала потеряла некоторые из своих лучших провинций, но это было лишь прелюдией к ее окончательному падению.

Природа амбиций такова, что они усиливаются с успехом, и поскольку в государстве продолжались те же расколы, легко было найти повод для дальнейшего вмешательства в его дела; и в 1794 году Польша перестала быть одним из европейских государств. В этом последнем захвате дом Австрии не принимал непосредственного участия. Однако было необходимо получить его согласие, и, поскольку расширение Пруссии не было безразличным для Австрии, в качестве платы за согласие было предложено участие в доле добычи, которое было с готовностью принято.

В данном случае непосредственными причинами разрушения Польши стали ее слабость и амбиции ее соперников и соседей, но эта слабость была вызвана отсутствием истинного патриотизма и должного внимания со стороны самого народа. Ревнуя к свободам и непокорные своему королю, поляки были рабами феодальных землевладельцев. Хотя первопричина была другой, их разногласия и ссоры были такими же по своему эффекту, как если бы они проистекали из реальных причин недовольства и расстройств общества, как мы видели, когда теряется любовь к родине. В Польше эта любовь к родине не была утрачена, но она была неправильно направлена, что почти то же самое; по крайней мере, это столь же опасно.

Можно спросить, почему другие державы Европы не вмешались? На этот вопрос действительно трудно дать удовлетворительный ответ. Те, кто не вмешался, вероятно, могут иметь причины раскаяться в своем безразличии. Это было нарушением того рода федерации наций, которая была признана необходимой для предотвращения повторения завоеваний, подобных завоеваниям Александра или римлян; тем не менее, все же есть способ объяснить их поведение, хотя его и нельзя оправдать.

Во-первых, Польша находится вдали от тех могущественных государств, которые имели наибольшее влияние в современную эпоху. Было не очень легко вмешаться с большой эффективностью; кроме того, поскольку Польша ранее находилась под иностранным влиянием, основное зло было уже сделано. Пример раздела, конечно, не был дан, но не исключено, что некоторые державы на континенте, хотя и не получившие своей доли, могли быть не против такого примера. Великобритания и Испания, конечно, не могли желать такого примера, но другие могли, и, вероятно, желали.

Кроме того, первый раздел был лишь началом; была сохранена некоторая умеренность, и Польша была лишь изуродована, но не уничтожена. Этот случай не был совершенно новым и не был беспрецедентным.

Второй и последний раздел произошел в то время, когда страны, которые были заинтересованы в этом и, возможно, хотели вмешаться, не имели для этого средств. Это было в тот момент, когда республиканский ажиотаж во Франции достиг своего апогея, и, казалось, вся цивилизованная Европа оказалась в опасности.

Есть еще одно оправдание. Ситуация в Польше, с точки зрения революций, настолько напоминала ситуацию во Франции, что те, кто в другое время, вероятно, вмешался бы, были скорее склонны сотрудничать в подавлении восстания на севере, подобного тому, которое поставило под угрозу весь юг Европы.

Во всем этом самым трудным для объяснения является поведение польского народа, но исследование причин этого было бы совершенно не относящимся к данной теме: однако это пример опасности, возникающей из-за неспособности идти в ногу с другими народами в искусстве управления и внутренней политике, которые составляют силу народов в общем порядке вещей, каким бы он ни был.

Хотя мы редко встречали внутренние разногласия, доведенные до столь предосудительной степени, в каком-либо другом народе, который не был сам по себе коррумпирован, тем не менее ясно, что влияние, полученное благодаря богатству соседей, было в основе этих крайне предосудительных и ужасно фатальных разногласий.

Когда целью современных государств является расширение, теперь не будет никаких трудностей с приведением примеров; и есть одна из тех самых держав, которая в данном случае участвовала в расколе, несущем в себе все семена раздора, приведшего к гибели Польского империи. Эта держава уже ощутила на себе последствия этого примера и, хотя она может роптать, она не может жаловаться, как могла бы в ином случае, а если и жалуется, то не может рассчитывать на такое же сочувствие.

ПОЛОЖЕНИЕ ПЛАТЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОГО ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УПАДКА НАЦИЙ.

На диаграмме в начале работы линии, идущие сверху вниз, представляют собой деление времени на столетия, каждое из которых обозначает год, отмеченный под ним и над ним, таким же образом, как это было принято в диаграмме всемирной истории доктора Пристли, в работах по хронологии и в отчетах по торговле и финансам.

Страны, которые процветали, будь то благодаря торговле или каким-либо другим средствам, должны быть представлены параллельными промежутками справа налево, в соответствии с названиями, написанными справа.

Возвышение черной части, напоминающее отдаленный хребет невысоких гор, показывает, в какие периоды страна была великой, когда началось ее величие и когда оно закончилось. Этот план был бы безупречно правильным, если бы можно было получить материалы для его реализации, но даже если бы они были, это не привело бы к каким-либо значительным изменениям в выводах по сравнению с тем, что есть в настоящее время. Времена, когда начался подъем, и его продолжительность точны. Подъемы и падения, насколько я могу судить, оценены на основе существующих документов.

Часть, заштрихованная темным цветом и постепенно светлеющая по обоим краям, представляет те века невежества, которые последовали за падением Римской империи.

Внизу, на незакрашенной части, находится хронологический список событий, изобретений и открытий, связанных с этой темой. Те, которые не являются важными или интересными, не включены в список.

Торговля Франции, Великобритании, России и Америки находится на реальном уровне с точки зрения ее пропорционального объема, а также ее роста и прогресса. Другие страны не представлены в полной мере из-за отсутствия документов, но, как уже отмечалось ранее, объем имеет очень малое отношение к предмету исследования; задача состоит в том, чтобы увидеть, как богатство и власть были распределены в определенный момент времени, росли ли они или падали, или же находились на пике, сравнивая их с нравами людей того времени.

В этом заключается назначение диаграммы в отношении представления отдельных мест и народов.

Общий вывод, сделанный на основе анализа всех данных, заключается в том, что богатство и власть никогда не были долговечными ни в одном месте. Они никогда не восстанавливались после разрушения, хотя и переживали взлеты и падения, и перемещались по земле, подобно каравану купцов. По их прибытии все вокруг было зеленым и свежим; пока они оставались, царила суeta и изобилие, а когда они уходили, все оставалось вытоптаным, бесплодным и голым.

Эта диаграмма представляет собой своего рода картину, призванную сделать эти миграции и смену мест более понятными и легко воспринимаемыми, чем занимается вся эта книга. Ознакомившись с произошедшими изменениями, мы можем более точно сравнить их с состоянием этой страны в настоящее время. Те, кто возьмет на себя труд прочитать «Историю

Римской республики» Фергюсона и «Упадок и падение империи» Гиббона, смогут составить свое мнение о точности или неточности этой схемы.

ПРИМЕР СПОСОБА ИЗУЧЕНИЯ ДИАГРАММЫ.

Чтобы узнать, когда Рим достиг наивысшего расцвета, найдите справа пространство с надписью «Римская империя», затем найдите между строками самую высокую часть темного поля и посмотрите сразу под ним на год — вы увидите, что это время рождения Христа, то есть период правления Августа; таким же образом можно увидеть, что империя постепенно пришла в упадок к 490 году.

Точно так же Карфаген достиг вершины своего могущества примерно за 300 лет до Рождества Христова. Основание Александрии и войны с Римом привели к упадку его богатства и могущества.

Автор данной работы намерен составить карту такого же рода в очень большом масштабе и отвести различным державам пространства, пропорциональные их важности, насколько он сможет это определить.

Что касается хронологии этой карты, чтобы предотвратить критику, которая, возможно, может быть высказана, но не имеет к ней отношения, в соответствии с целью, для которой она была составлена, прошу читателя обратить внимание на то, что я желаю проиллюстрировать очень важное исследование, представив очень запутанную и длинную серию событий. Результат, который будет получен из этого, не будет затронут никакой небольшой неточностью. При подсчете до рождения Христа, обнаружив много разных мнений и большую неопределенность в отношении дат (которые я не имею ни способностей, ни желания исследовать), я измерил назад, не претендуя на установление года мира, в отношении которого существует так много разных мнений.

Материалов по древней истории немного, и иногда на них нельзя особо полагаться; но в отношении важных фактов, которые и нужны в данном случае, подлинность не вызывает сомнений.

Ассирийская и Египетская империи достигли богатства и могущества до того времени, с которого начинается эта история. Они стояли тогда, и еще долго после этого, как будто они были единственными в мире; их революции, а также подъем, процветание и упадок других народов, все это представлено.

Я не хотел продолжать рассматривать Францию после революции, поскольку ее нынешнее реальное положение известно очень неполно, а из того, что о нем известно, его нельзя сравнивать ни с какой другой нацией, ни с самой собой до этого периода.

=====

КНИГА II.

=====

ГЛАВА I.

О внутренних причинах упадка, возникающих из обладания богатством. — Его общее влияние на привычки, нравы, образование, а также образ мышления и поведения жителей страны.

Поскольку необходимость была первопричиной промышленности и изобретательства, из которых проистекают богатство и власть, то естественно, что когда действие этой необходимости становится менее насущным, те усилия, которые она вызывала, постепенно исчезают. Хотя привычка может иногда противодействовать этой тенденции у отдельного человека, однако в общем масштабе и из поколения в поколение она неизбежно должна иметь место.

В этом случае человек, обретший богатство, пользуется преимуществом, на которое ни одна нация не может рассчитывать. Обладая обычной благоразумностью, он может прекратить свои усилия или трудовую деятельность и оставаться в достатке. Если у него есть земля, он может сдавать ее в аренду и жить на доход от аренды; если у него есть деньги, он может сдавать их в долг и жить на проценты; но одна нация не может сдавать свои земли в аренду или сдавать свой капитал в долг другой. Она должна собственными силами сделать их продуктивными. Поэтому большая часть населения любой страны, какой бы богатой она ни была, должна быть трудолюбивой, иначе богатство скоро расходуется и исчезает. Например, жители Фландрии не могут возделывать поля французов и жить во Фландрии; и если сельское хозяйство страны запущено, эта страна скоро станет бедной и несчастной.

Мы видели, что стало с римлянами, когда дань, уплачиваемая другими народами, позволила им жить в праздности. Приток богатства из Америки произвел почти такой же эффект на Испанию: хотя он длился очень недолго, но все же разрушил страну.

--

Таким образом, для человека не является абсолютно необходимым совмещать богатство с трудолюбием или, что то же самое, сохранять одно из последствий необходимости после того, как сама необходимость перестала существовать. Но если бы было возможно дать каждому человеку в стране сумму денег или имущество любого рода, достаточную для того, чтобы в среде трудолюбивого народа он мог жить в полном праздности, то весь народ не мог бы стать праздношатающимся. Такого случая, когда все люди в стране становятся достаточно богатыми, чтобы жить без труда, никогда не может быть. Но нечто, приближающееся к такому состоянию дел, действительно имеет место, когда в результате общего роста богатства необходимость в труде уменьшается. Число бездельников постоянно растет, и даже те, кто продолжает трудиться, делают это менее интенсивно, чем когда необходимость была более строгой. Когда причина уменьшается, следствие со временем пропорционально ослабевает.

Природа наделила отдельных людей очень мощными средствами, которые усиливают и продлевают необходимость, но которые не действуют одинаково на нации.

Одним из таких вспомогательных средств является привычка или обычай, а другим — амбиция или алчность.

Привычка во всех случаях уменьшает нежелание трудиться, присущее большей части человечества, а иногда и вовсе преодолевает его. Амбиции, которые проявляются в самых разных формах, делают труд настоящим удовольствием. Иногда амбиции — это просто желание накопить имущество, алчность; иногда — желание создать семью; а иногда даже тщетная и обманчивая идея уйти из бизнеса и обрести счастье в полном безделье подталкивает человека к труду. Очень любопытен, но хорошо известен тот факт, что после того, как необходимость полностью перестает стимулировать трудолюбие, любовь к полному безделью и надежда насладиться им в отдаленном будущем побуждают богатого человека до последнего часа жизни к еще более усердному труду. Таким образом, природа мудро противодействует склонности человека к безделью, делая саму эту склонность после определенного времени активным стимулом к трудолюбию.

Есть много примеров, когда привычка сделала определенный вид труда абсолютно необходимым. Он стал необходимым средством получения удовольствия, без которого жизнь стала бы тягостной.

--

Но это никогда не может быть так в случае с человеческой расой: и, поскольку нация состоит из большего числа индивидуумов, так и ее существование состоит из последовательных поколений.

Существует разница между праздностью и бездействием. Человеку свойственно быть праздновательным, но не бездейственным. Его цель — наслаждение, после того как он обеспечил себе средства к существованию. Во многих случаях наслаждение и праздность, как полагают, идут рука об руку; в любом случае, их можно примирить, тогда как бездействие и наслаждение несовместимы.

Но мы можем пойти еще дальше. Поскольку вкус к какому-либо конкретному удовольствию приобретается в молодости и сохраняется в более зрелом возрасте, человек, долгое время занимавшийся бизнесом, не имел времени приобрести вкус к тем удовольствиям, которые несовместимы с бизнесом или, возможно, могут его заменить.

Чтение, изучение изящных искусств и другие способы проведения времени, которыми наслаждаются люди, освобожденные от труда в раннем возрасте, не доставляют удовольствия человеку, который всегда был привычен к деловой жизни и для которого абсолютно необходимо чем-то заполнять время. Определенную часть времени можно провести в компании, но даже это, чтобы получить удовольствие, должно быть проведено в обществе людей того же класса. Таким образом, для человека, который посвятил первую часть своей жизни промышленности, побуждение к безделью не велико, даже когда он имеет полную свободу следовать своим склонностям.

Это, пожалуй, единственный из достаточно вероятных случаев, который никогда не происходил: несколько поколений одной линии потомков скупых людей. Я говорю, что это никогда не происходило, потому что, если бы это произошло, последствия стали бы настолько заметными из-за накопленного богатства, что они не могли бы остаться незамеченными.

Под бездействием не подразумевается противоположность движения, такое как лежание в постели или греться на солнце; предполагается, что человек, чтобы получать удовольствие, должен читать, разговаривать, находиться в компании или *чем-то заниматься*.

Иногда они притворяются, но это не более чем проявление тщеславия. Было бы легко привести сотню ярких доказательств, но их частота делает это ненужным.

Охота и рыбалка, два самых тревожных и мучительных занятия в мире, во всех странах являются развлечением для богатых и праздных людей; они хотят занять свой ум и чем-то себя занять. Азартные игры, сопровождающиеся очень мучительными ощущениями, гораздо чаще являются результатом склонности, чем любви к выигрышу; и, действительно, кажется, что жизнь без занятий, интересующих ум, является самой безвкусной из всех: она кажется хуже, она кажется несчастной.

--

С молодым человеком все обстоит совершенно иначе: он склонен к праздности, и нет никаких благоприятных обстоятельств, которые противодействовали бы этой склонности. Можно ожидать, что на него повлияет только необходимость; тщетно искать какой-либо другой заменитель. Под праздностью мы подразумеваем не бездействие, а тот вид праздности, который препятствует регулярному труду. Существует естественная склонность к действию, но она проявляется нерегулярно, если на нее не влияет необходимость. Для приобретения богатства требуются постоянные и регулярные усилия, направленные на достижение определенной цели; чтобы этого добиться, следует подражать природе и создавать необходимость.

Но по мере того, как нация становится богатой, эта необходимость исчезает. Мы собираемся искать искусство продления необходимости, или, скорее, примирения необходимости с богатством и комфортом, чтобы с помощью этого средства примирить богатство с трудолюбием.

В первую очередь, мы должны выяснить, каким естественным образом промышленность покидает страну.

Когда страна находится в состоянии бедности, она сохраняет ту же степень промышленности из поколения в поколение без каких-либо усилий. Новое поколение воспитывается так же, как и предыдущее, и то же давление необходимости, действующее на то же желание (но не большее желание) избегать труда, производит тот же эффект, что и раньше. Сын человека, достигшего большей степени благосостояния, чем та, в которой он родился, обычно воспитывается по-другому. Он не воспитывается в детстве так сурово, как его отец, и не

призывается к труду так рано; и, вероятно, когда его призывают к труду, его призывают не столь властным голосом, и он не столь охотно подчиняется этому призыву.

Хотя мы не живем достаточно долго, чтобы увидеть пример такого воздействия на целую нацию, поскольку этот процесс слишком медленный для жизни одного человека, мы все же наблюдаем его в разных частях одной и той же страны, которые находятся на разных стадиях развития. Как часто встречаются примеры людей, выросших в отдаленных графствах (особенно на севере), которые приносят в Лондон всю ту трудолюбивость и привычки к труду, которые были естественно вызваны бедностью их родителей и состоянием их части страны. Некоторые из них достигли богатства, а многие — достаточного уровня благосостояния; и даже те, кто не достиг в Лондоне сравнительно более высокого положения, чем занимал их отец в своем графстве, воспитывают своих детей совсем по-другому.

Предположим, например, что кузнец из Нортумберленда или пекарь из Шотландии поселяется в Лондоне, как его отец в Ньюкасле или Эдинбурге, его сын или сыновья будут воспитываться совсем иначе, чем он сам, и после смерти отца дело, скорее всего, перейдет к какому-нибудь новоприбывшему из отдаленного графства.

Отец был воспитан в условиях, когда ему приходилось работать, чтобы не остаться без еды. С самого раннего возраста он считал себя счастливым, если мог заработать на жизнь честным трудом; и это впечатление, вместе с привычками, приобретенными в то время, когда оно было сильным, привело человека, воспитанного таким образом, к тому, что он занял свое место в жизни с честью и преимуществом.

Сын, который видит, что его отец богат и пользуется плодами всей своей трудовой жизни, редко задумывается о том, что он должен продолжать этот труд, иначе богатство исчезнет вместе со смертью отца. Невозможно заставить молодого человека, воспитанного таким образом, чувствовать то же, что чувствовал его отец; и, не имея с самого начала того же импульса, он никогда не сможет начать свой жизненный путь с той же энергией.

Но причина этого зла не ограничивается этим. Часто мать является врагом трудолюбия своего сына; и между проявлениями настоящей любви, плохо проявляемой, которая заставляет ее потакать мальчику, и своего рода глупой тщеславностью, столь же неуместной, она поощряет его, если не к праздности, то, по крайней мере, к надежде, что ему никогда не придется опускаться до неустанного труда. Нет необходимости выяснять, какая доля лени и гордости присуща молодому человеку; это зависит от конкретных обстоятельств, но в большинстве случаев этого достаточно, чтобы помешать ему с такой же энергией пойти по стопам своего отца.

Возможно, капитал или связи, которые отец оставляет в торговле, могут в какой-то степени и на какое-то время компенсировать это, но случаи, когда это происходит, не многочисленны.

Это пример того, как каждое последующее поколение воспитывается иначе, чем предыдущее, но это крайний пример, который, хотя и очень реальный для отдельных людей, никогда не может внезапно произойти в национальном масштабе.

Разница между общим благосостоянием нации и изменением ее нравов в течение жизни одного человека ни в коем случае не равна разнице между отдаленной провинцией и столицей империи; но, хотя пример и крайний, тот же эффект, который был вызван сменой места жительства в одной семье от отца к сыну, производится в течение нескольких поколений на нацию.

Когда подобные изменения происходят в одной семье (а таких случаев ежедневно происходит множество), бедность возвращается, и дети вновь попадают в трудолюбивый слой общества, вероятно, в ухудшенном состоянии; но поскольку это зло компенсируется появлением новых людей, оно мало ощущается на национальном уровне; однако, если это происходит повсеместно, то это не может не иметь негативных последствий; и действительно, лучшее, что может случиться для общего благосостояния, — это чтобы такие люди как можно скорее вернулись к состоянию незначительности и труда, потому что, пока они остаются выше этого и находятся в упадке, они плохо занимают свое место в обществе.

Если мать сама родилась в богатстве, она обычно испытывает своего рода скрытое презрение к скромному происхождению своего мужа. Она редко полностью осознает заслуги, благодаря которым он поднялся, и, следовательно, не может оценить преимущества воспитания своего сына таким же образом; напротив, привычки трудолюбия, которые отец приобрел в раннем возрасте под давлением необходимости, обычно являются тайным предметом насмешек для остальных членов семьи. Если же женщина сама была низкого происхождения и стала богатой, то дело обстоит в десять раз хуже. Тогда появляются вся гордость и тщеславие, которые порождают невежество и желание скрыть свое низкое происхождение. Неспособная проявить деликатность и хорошее воспитание, она портит своих безвредных детей, превращая их в образцы благородства семьи. Более подробно об этом см. главу «Воспитание».

В Риме после захвата Карфагена и в Португалии сразу после того, как она получила контроль над торговлей с Индией, изменения, произошедшие со всем народом за одно поколение, должны были быть такими же значительными, как обычно между отдаленной провинцией и столицей.

--

Ситуация иная, когда изменения происходят по всей стране, тогда никто не может занять место, все идет в одном направлении и почти с одинаковой скоростью; в результате это будет не падение одной семьи, а падение всего народа; движение, конечно, будет гораздо более медленным, но движущееся тело будет гораздо больше, и эффект будет пропорциональным.

В каждой стране Европы между столицей и отдаленными провинциями существует разница в уровне благосостояния, богатства и т. д., равная той, которая, вероятно, имеет место в стране за один или два века. Жители столицы имеют некоторые большие преимущества перед теми, кто приезжает издалека; у них есть связи, у них есть деньги и запасы; и, вообще говоря, в молодые годы они обладают более готовыми и востребованными знаниями. Но все это бесполезно против привычки к труду и воспитания, приучающего не ждать ничего от других, а полагаться только на свои силы. С этим единственным, но важным преимуществом сыновья богатых горожан всегда уступают сыновьям крестьян; они один за другим уступают место, и их место занимает новое поколение, в то время как их потомки погружаются в нищету и заполняют тюрьмы, богадельни и больницы.

Эта переменчивость настолько заметна, что не стоило бы на ней останавливаться, если бы она не имела такого огромного значения.

Тревожное и прискорбное увеличение числа бедных по мере обогащения нации является доказательством того, что этот эффект наблюдается не только в столицах, но и по всей стране.

Следует всегда помнить, что это рассуждение применимо только в общем случае, а не в каждом конкретном случае. Автор примечаний к «Богатству народов» заметил, что если семья не реализует состояние, достаточное для того, чтобы полностью уйти из торговли, она редко остается богатой более двух поколений. Сыновья чаще всего не обладают достаточным интеллектом или трудолюбием, чтобы приумножить то, что заработал их отец, а внуки, как правило, достаточно расточительны, чтобы полностью растратить то, что осталось. Это настолько частый случай в Лондоне, что его можно назвать обычной практикой в этом деле; а то, что возникает в результате обычной практики, должно быть вызвано какой-то общей и естественной причиной.

В главе, посвященной образованию, эта тема рассматривается более подробно, и образование женщин занимает в ней главное место. Эта тема не затронута автором «Богатства народов», хотя она очень важна.

--

В Англии число жителей примерно в шесть раз превышает число жителей Шотландии; и, возможно, содержание бедняка в первой стране обходится в два раза дороже, чем во второй. Сумма, необходимая для содержания бедных в Англии, может быть рассчитана примерно в двенадцать раз больше, чем в Шотландии, чтобы сохранить справедливое соотношение между двумя странами. Но содержание бедных в Англии обходится в шестьдесят раз дороже, чем в Шотландии, то есть по крайней мере в пять раз больше, чем должно быть по справедливости!!!

Можно сказать, что это связано с разным подходом к управлению этим делом, и в некоторой степени это, без сомнения, так и есть; но, поскольку бедные содержатся только в Англии, а в Шотландии они также содержатся, было бы неправильно допускать столь большую разницу только по этой причине.

Однако, чтобы раз и навсегда развеять все сомнения, давайте сравним Англию с самой собой, и мы увидим, что расходы на содержание бедных, или расходы на содержание неимущих, росли быстрее, чем цены на продовольствие или цены на рабочую силу. Это не должно быть так, поскольку они должны были бы увеличиваться в той же пропорции, если бы число бедных не увеличилось, а цены на продукты питания, которые они потребляют, не выросли в то же время, когда страна становится более богатой.

Из кого состоят бедняки в каждой стране, как не из хромых, больных, немощных, престарелых или детей, оставшихся без средств к существованию? Их число, пропорциональное общему числу жителей, будет почти одинаковым во все времена, поскольку именно природа порождает этот вид беспомощной бедности. Получается, что существует еще один вид бедности, не созданный природой, который нарушает эту пропорцию. Похоже, что этот новый вид бедности вызван общим богатством, поскольку он растет пропорционально ему.

Ставка бедности и правила, касающиеся этой растущей категории лиц, рассматриваются в отдельной главе.

См. главу о бедных, в которой этот вопрос рассматривается достаточно подробно. В настоящее время он упоминается только для того, чтобы проиллюстрировать влияние богатства на нравы людей и доказать, что оно не ограничивается только столицей, а распространено по всей Англии.

--

Если мы обнаруживаем, что рост богатства делает потомков определенной семьи беспомощными и неспособными сохранить свое место в обществе; если мы обнаруживаем также,

что он дает тем частям страны, которые менее развиты, преимущество перед наиболее развитыми; и если мы обнаруживаем, что число неимущих растет больше всего там, где богатство наибольшее, то мы, безусловно, должны признать, что приобретение богатства сопровождается сильной тенденцией к упадку. Те же революции, которые происходят среди богатых и бедных жителей страны, которые постепенно и без шума меняются местами, естественно должны происходить между жителями богатых и бедных стран, но в более широком масштабе и более постоянным образом. Такие изменения обычно сопровождаются или, по крайней мере, вызывают бурные волнения. Нации не подчиняются законам, как отдельные люди, но силой используют имеющиеся в их распоряжении средства для достижения поставленных целей.

Поскольку эта тенденция одинаково ощущается многими людьми по всей стране, когда она становится более богатой, и по всем районам, которые более развиты, чем другие, она должна со временем привести к упадку всей нации, так же как и определенной части ее населения в любое время.

Изменения внутри страны происходят постепенно, шаг за шагом; широкие массы не замечают их и, по сути, не ощущают. Но тщетно полагать, что та же причина, которая дает бедным жителям страны преимущество перед богатыми, не даст бедным странам преимущество перед богатыми или, по крайней мере, не приведет к подъему одних и упадку других. Хотя из истории различных революций, произошедших в разных странах, мы видим, что они возникли по разным причинам, некоторые из которых были характерны для одной страны, а другие — для другой, тем не менее мы обнаружили, что во всех них в той или иной степени произошли изменения в нравах, образе мышления и поведении.

Поскольку мы видим, что богатство редко передается от одного поколения к другому, а почти никогда — от третьего поколения к четвертому, семьи, которые поднимаются настолько высоко, что становятся партнерами в прибыли, а не в труде или внимании, являются исключением. Нации похожи на семьи, которые приобретают достаточно, чтобы быть состоятельными, но не достаточно, чтобы уйти из бизнеса. Нация никогда не может уйти на пенсию; она всегда должна быть трудолюбивой. Вывод ясен и не может быть ошибочным; как и указанный факт не может быть опровергнут.

Число банкротств считается признаком богатства, и их увеличение, без сомнения, является признаком роста торговли, но это барометр, для понимания реального показателя которого требуется определенный навык.

--

Среди внутренних причин упадка богатых наций, возникающих из самого богатства, мы должны отнести это к числу очень общих и естественных явлений. Мы должны быть особенно осторожны, чтобы устранить это, насколько это возможно, если мы хотим предотвратить те беды, которые до сих пор возникали из-за превосходства богатства и власти в каждой нации.

Теперь мы рассмотрим другие внутренние причины; но хотя они и не связаны с этой, тем не менее она лежит в основе всего, она действует постоянно, мы сталкиваемся с ней на каждом шагу и на каждом повороте. Это то, о чем говорит г-н Поуп, говоря о главной страсти в индивидуумах:

«Великая болезнь, которая в конце концов должна уничтожить,
растет вместе с нашим ростом и укрепляется вместе с нашей силой».

Этот радикальный случай упадка усугубляется непродуманной тщеславностью родителей, а также необходимостью перестать воздействовать на детей. Каждый из них следует очень естественной склонности: один — баловать, другой — быть балованным. Обязанность и интерес государства — противодействовать этой тенденции, и способы, которыми это можно сделать, будут рассмотрены в первой главе третьей книги этой работы. =sic — нет=

Но вредно не только пренебрежение трудом и средствами для подъема в обществе или сохранения своего места в нем; меняется общий образ мышления и поведения, и постепенно характер нации полностью изменяется. Эта перемена была наиболее быстрой и заметной в Римской республике и стала причиной ее гибели, подготовив народ к подчинению императорам. Человеческий характер был столь же деградирован при императорах, когда граждане были богаты, сколь он был возвышен при консульском правлении, когда народ был беден.

Различные последствия этого изменения нравов будут рассмотрены в разных разделах, но оно слишком глубоко укоренилось в человеческой природе, чтобы его можно было полностью нейтрализовать, а тем более полностью устранить. Оно прочно связано с первоначальными принципами поведения человека и не может быть устранено, как не может быть изменена вся его природа. То, что является крайним, хотя и опасным, может быть уменьшено, и это все, что можно было бы попытаться сделать: его действие может быть сделано менее грозным, и это все, чего можно ожидать.

Деграция нравственного характера; утрата внимания к первоосновам, которым общество обязано своим процветанием и безопасностью, сопровождающими богатство, являются наиболее мощными факторами упадка наций. Мы видели, что римляне, величайшая из всех наций, были разрушены главным образом деграцией характера, изнеженностью, невежеством; ведь мы обычно обнаруживаем, что праздность в конце концов вырождается в леность и бездеятельность. Любовь к справедливости и способность преодолевать опасность или предотвращать ее сменяются апатией и полным отсутствием энергии: в конце концов, ум

отчуждается от надежды, а тело становится неспособным к усилиям. Так происходит с теми, кто некоторое время наслаждался роскошью, а затем начал приходить в упадок; их падение тогда становится неизбежным. Восточная империя, как и западная, пала по этой причине; и можно сказать, что это было обычным ходом дел в упадке народов, которые падали постепенно.

Турки, испанцы и португальцы — все они частично обязаны своей нынешней слабостью этой причине; и правительство Франции, безусловно, в значительной степени обязано своим падением той же причине. Там придворные утратили свой авторитет, и даже энергия, активность и интеллект нации в целом не могли противостоять пагубному воздействию перемен, произошедших среди тех, кто управлял ее делами.

В истории мы почти не видели ничего подобного, поскольку это влияние действовало только на правителей нации; сила большей части нации, на которую оно не действовало, поддерживала эту гордость и невежество; тогда как в Испании, Португалии и Турции это зло было распространено по всему государству, и те, кто вел дела, сдерживались в некоторой степени общей слабостью нации. Это не только ограничивает их возможности, но и настолько очевидно, что правители не могут не задуматься и не научиться умеренности.

Эти нации похожи друг на друга в своей слабости и в ее причинах, хотя в случае с турками она существует уже более длительный период.

--

Право взимать налоги и средства защиты от других государств определяются положением народа, но мудрость, с которой ведут дела, зависит от правителей и тех, кто управляет. Поэтому счастье, когда правители настолько осознают слабое положение страны, что ведут себя умеренно и разумно.

Ни одна из наций, осознающих свою слабость, никогда бы не рискнула провести эксперимент, который был проведен французами на Санто-Доминго; ни одна нация, находящаяся в процессе приобретения богатства, не пошла бы на это. Для того, чтобы допустить такое положение вещей, требовалась нация, управляемая людьми, не знающими истинных принципов, развращенными богатством и в то же время имеющими под своим управлением энергичную нацию. Если бы страна была менее богатой или более слабой, так что ее бедность или слабость

были бы очевидны, этого не могло бы произойти; или, если бы правители были менее коррумпированными и невежественными, этого не могло бы произойти.

На самом деле французская нация никогда не была столь могущественной и богатой, как в момент начала революции. Роскошь развратила только Париж и двор. Власть, которую энергия всего народа предоставила правительству, была использована ненадлежащим образом.

Возможно, одними из самых больших преимуществ такой формы правления, как в Англии, являются то, что те, кто правит, обязаны своим положением своим способностям, а не благосклонности; что они сохраняют свое положение благодаря усилиям, а не лести; и что положение нации никогда не может долго оставаться скрытым. Без бурных проявлений демократии мы обладаем большинством преимуществ, которые она дает, и в то же время пользуемся благами, которые приносит стабильность и порядок устоявшейся монархии.

Когда португальцы собирались отказаться от торговли с Индией, ситуация была очень похожей.

Хотя люди, которые разрушили торговлю Франции, не были теми же, что и члены прежнего правительства, они также были людьми, не знающими истинных интересов нации. Некоторые из них были настроены на эксперимент, не обращая внимания на разруху, к которой он мог привести.

--

Во всех внутренних причинах упадка наций, которые мы пытаемся исследовать, мы обнаружим изменение нравов и способов мышления, постоянно оказывающее определенное влияние в направлении упадка. Это происходит с того момента, как нация становится более богатой, чем ее соседи; до этого момента, когда она только стремится сравняться с ними, нацию нельзя назвать богатой, а только выходящей из бедности.

Таким образом, главной целью должно быть противодействие этому изменению нравов и манер, которое естественным образом сопровождает рост благосостояния.

ГЛАВА II.

О воспитании молодежи в странах, богатеющих. — Ошибки, обычно допускаемые авторами, пишущими на эту тему. — Важность женского образования для нравов народа. — Не замечено авторами, пишущими по политической экономии. — Воспитание широких масс народа — главная цель. — В чем оно заключается.

Изменения, о которых мы говорили, происходящие постепенно в нации в результате растущей роскоши и комфорта, в которых воспитывается каждое последующее поколение, невозможно предотвратить. Они являются естественным следствием изменения положения родителей. Но когда наступает тот период жизни, когда дети вступают в то, что называется образованием, тогда можно сделать очень многое; ведь хотя отцы и матери все еще имеют власть над своими детьми, эта власть уменьшилась; кроме того, они редко склонны использовать даже ту власть, которая у них осталась, как в более ранний период.

После сурового осуждения родителей за неправильное воспитание детей в раннем возрасте необходимо и справедливо признать, что в большинстве случаев они не впадали бы в эту ошибку и не баловали бы своих детей, если бы осознавали это; и что по мере их взросления они обеспечили бы им надлежащее образование, если бы это было в их силах, то есть если бы у них были средства.

Есть определенные вещи, за которые люди могут заплатить, но которые они не могут обеспечить индивидуально; а если они пытаются сделать это коллективно, это может привести к большим злоупотреблениям и плохому выполнению.

Отдельные лица никогда не смогли бы позволить себе отправлять свои письма из одного конца королевства в другой, не объединившись, если бы правительство не предоставило им средства для этого: но с помощью правительства они могут делать это очень дешево, быстро и безопасно, при этом правительство получает прибыль, превышающую прибыль от любого обычного бизнеса в мире.

Существует возможность отправки письма частным курьером за свой счет на самое дальнее расстояние, при условии, что человек может себе это позволить; но, как это часто бывает, количество писем, которые необходимо отправить, намного превышает количество курьеров или денег для покрытия расходов.

То же самое и с образованием молодежи. Человек может нанять репетитора для своего сына и обучать его частным образом, если он может себе это позволить; но, как и в случае с письмами, бывает так, что сыновей, которых нужно обучать, гораздо больше, чем репетиторов, которых можно найти, или денег, чтобы им заплатить.

Так как в случае с письмами человек был бы вынужден полагаться на какого-то самопровозглашенного перевозчика, если бы правительство не вмешивалось, то же самое происходит и в отношении образования их детей; и, как в одном случае они были бы очень плохо обслужены, так и в другом случае они, как правило, обслуживаются плохо.

Во-первых, планы образования везде плохи, а способы их реализации еще хуже. Те, кому доверено образование молодежи, одна из важнейших функций в обществе, не проходят никакой проверки на пригодность к этой работе. В целом, их успех зависит от их покорного поведения по отношению к родителям и ненадлежащей снисходительности к детям. Было обнаружено, что судьям по уголовным и гражданским делам нельзя доверять отправление правосудия, поскольку они зависят от воли короны. Можно ли тогда ожидать, что гораздо более многочисленная группа людей, которые во всех отношениях уступают судьям по рангу и образованию, будет вести себя честно и правильно, как того требует должность, если они бесконечно более зависимы, чем судьи когда-либо были?

Это один из вопросов, который следует обсуждать на тех же принципах, на которых решается вопрос о независимости в условиях монархического или демократического правительства. При правлении одного вождя в особых случаях, которые происходят редко, может быть необходимо подчиниться его воле, если правитель достаточно бесстыден и бесчестен, чтобы настаивать на этом; но когда хозяином является сообщество, возникает полная система подчинения, постоянное отклонение от того, что является правильным.

Во-первых, отцы и матери сами не являются судьями достоинств господина или способностей мальчика, которого господин обязан относиться снисходительно, чтобы тот не жаловался. Когда нет полного понимания того, что в данном случае правильно, а что нет, любая мелочь может перевесить чашу весов; и ясно, что при отсутствии доказательств превосходства заслуг для получения предпочтения необходимо проявить добрую волю, лстивость или прибегнуть к какому-либо другому методу.

Иногда встречаются люди с реальными достоинствами, которые выделяются как учителя и которые, имея веские основания для предпочтения, не используют низких уловок, чтобы его получить. Справедливости ради следует сказать, что таких людей всегда поощряют, пока они сохраняют свои хорошие качества, не загрязняя их какими-либо недостатками, которые их перевешивают.

Поскольку в данном случае люди не могут обслуживать себя сами и не могут обеспечить средства для надлежащего обслуживания, это один из тех случаев, в которые должно

вмешиваться правительство каждой страны. Не для того, чтобы выплачивать из государственного бюджета зарплату людям, которые, возможно, не будут выполнять свои обязанности, а для того, чтобы следить за тем, чтобы люди, которые берут на себя задачу образования, были квалифицированными, и чтобы, взяв на себя эту задачу, они выполняли свои обязанности и следовали надлежащей системе.

Следует проводить надлежащие экзамены, время от времени, и вести реестры числа учащихся и удовлетворенности тех, кто их экзаменировал.

Родители получили бы критерий, по которому они могли бы оценить достоинства школы; у учителя появился бы дополнительный стимул для деятельности, а среди учеников возникла бы конкуренция. Тогда дела, которые были заявлены и взяты на себя, были бы выполнены. В настоящее время, при затратах, примерно в три раза превышающих необходимые, дети усваивают примерно половину того, чему их должны учить.

Подобное вмешательство не будет нарушением частной свободы; не будет сделано ничего, что могло бы каким-либо образом навредить людям, но только то, что принесет им огромную пользу. Вредные привычки, приобретенные в раннем детстве дома, будут нейтрализованы, а молодежь научат тому, что делает человека счастливым и уважаемым и ценным для общества.

Поскольку даже те, кто считает необходимым произвести сильное впечатление на родителей (а некоторые хотят, чтобы к их детям относились строго), есть учителя, которые зарабатывают авторитет, переусердствуя с дисциплиной, после того как заработали хорошую репутацию, применяя ее в разумных пределах.

--

Но рассмотрение системы, которой следует следовать, является не менее важной частью дела. Полезное следует предпочитать бесполезному, и в этом можно с пользой последовать примеру древних. У них не было мертвых языков для изучения, и ум, по-видимому, во многих случаях расширился далеко за пределы его нынешнего объема.

Действительно, ничто не может сравниться с невежеством большинства мальчиков, когда они покидают школу; те, кого считают плохими учениками, утратили хорошее мнение о себе, которое следует поддерживать на протяжении всей жизни; они считают все трудным или

невозможным. Те же, кто преуспел, менее невежественны, но становятся тщеславными и самонадеянными, возможно, из-за того, что они усвоили некоторые бесполезные и лишние знания.

Образование, по общему принципу, состоит в том, чтобы научить человека тому, что делает его полезным, уважаемым и счастливым в той сфере, к которой он предназначен, будь то ручной труд или учеба, высокое или низкое занятие.

Что является полезным, в некоторой степени зависит от места и еще в большей степени от обстоятельств, поэтому будет лучше обсудить это подробно в третьей книге, где местом действия является Англия и учитываются конкретные обстоятельства.

Однако существуют некоторые общие правила, которые применимы ко всем местам и всем ситуациям.

Добрые принципы, честь, честность и неподкупность одинаково необходимы в любом слое общества; обладая этими качествами, даже нищий заслуживает уважения и будет уважаем; без них никто никогда не был и не будет таким. В любой системе образования следует прививать важность этих качеств; и чтобы они соблюдались, каждый человек, будь то по наследству, благодаря талантам или привычке к труду, должен иметь возможность распоряжаться средствами к существованию в соответствии с тем, как он был воспитан.

Если бы это было учтено, можно было бы предотвратить многие случаи несчастья и порока. Признавая, что в некоторых умах есть склонности, ведущие к злу, независимо от всякого возможного контроля или сдерживания, следует признать, что гораздо большая часть тех, кто поступает хорошо или плохо в этом мире, обязаны этим тому, как они были воспитаны в раннем возрасте.

Из этого общего правила следует, что родители должны тщательно избегать воспитания детей таким образом, при котором у них не будет средств для дальнейшего существования; и, во-вторых, когда они не могут обеспечить им независимое состояние, они должны, научив их ремеслу или профессии, дать им средства для получения того, что они привыкли считать необходимым для своего удовольствия.

Действительно, есть очень много, и даже большинство, тех, кто не может даже дать своим детям образование в так называемой профессии. Но нет никого, кому бедность мешала бы воспитать своих детей в духе трудолюбия; и если их научили жить в соответствии с их положением, они окажутся выше своих нужд, и поэтому то же общее правило будет по-прежнему применимо.

Большинство авторов рассматривают тему образования только в том аспекте, который касается обучения, но главная цель любого образования в любой стране — сделать человека хорошим членом общества, а это невозможно, если он не готов к той жизни, которая ему предначертана.

Правительства и писатели, занимающиеся вопросами образования, в целом допускают одни и те же ошибки. Они обеспечивают образование для людей, предназначенных для научных профессий, а иногда и для изобразительного искусства, но сельское хозяйство, торговля и производство полностью остаются без внимания: самые важные и самые полезные области вообще не учитываются.

Поскольку языку греков и римлян придается такое большое значение, мы, безусловно, могли бы уделить немного внимания примеру этих выдающихся народов.

Греки изучали египетскую науку и совершенствовали ее, но это касалось только тех, кто занимался наукой профессионально или чьи средства позволяли им заниматься ею в качестве учебы. Общее образование граждан было иным; оно заключалось в том, чтобы научить их делать то, что полезно, и ценить то, что превосходно. Они исходили из принципа, что все люди должны знать, как достичь счастья и в чем заключается добродетель, но они не полагались ни на наставления, ни на примеры. Они приучали к этому привычкой и практикой, и в этом римляне следовали плану, заложенному греками, и благодаря этому превзошли все другие народы.

Лорд Сомервилл высказывает несколько замечательных наблюдений по этому поводу в своей публикации «Сельское хозяйство», изданной в 1800 году.

--

Когда великие народы древности перестали уделять внимание полезным аспектам образования, они вскоре утратили свой национальный характер. В данном случае так сложилось, что способ образования и нравы народа настолько тесно связаны, что на основании наблюдений трудно определить, что является причиной, а что следствием. Плохо образованная молодежь становится плохими людьми, а плохие люди пренебрегают образованием своих детей; они подают им плохой пример: так происходит, когда правительство не вмешивается. Вопрос в том, как это сделать с пользой.

Авторы, пишущие о политической экономии, в целом считают, что образование женщин не является частью системы; но, безусловно, если целью является богатство и счастье человечества, то вряд ли может быть более важная задача, поскольку ни одна другая не связана с этим так тесно.

Допустим, что в первую очередь женщины не получают образование с целью продолжения той работы и производства, от которых, как считается, зависит богатство. Признаем все это и то, что в раннем возрасте они не имеют никакого значения в этом отношении; однако, безусловно, когда они становятся женами и матерями, когда экономика семьи и воспитание младших детей зависят в основном от них, они приобретают огромное значение для общества. Их поведение в этой важной ситуации в значительной степени зависит от их образования.

Женское образование должно рассматриваться как одна из тех вещей, от которых в значительной степени зависит процветание государства; поэтому к нему следует относиться так же, как к образованию молодежи другого пола.

В данном случае также многое зависит от места и обстоятельств, поэтому мы будем следовать тем же правилам, что и в случае с образованием мужчин. Мы будем рассматривать его как в Англии, с учетом различных слоев общества, но есть некоторые общие правила, о которых не следует забывать и которые применимы ко всем местам и странам.

Большая ошибка в женском образовании заключается не в том, что не уделяется должного внимания привитию хороших принципов, поскольку в большинстве стран, по понятным причинам, этому уделяется достаточно внимания, а в том, что хорошие принципы без средств их соблюдения мало что дают. Если поощряется стремление к одежде или другим удовольствиям, которые невозможно удовлетворить честным путем и с помощью средств, которыми они обладают, то принципы будут отброшены ради удовлетворения страстей. — Женщинам преподают несерьезные навыки вместо того, что было бы полезно, а скромное достоинство, которому следует учить, заменяется дорогостоящей тщеславностью; в результате в каждом социальном слое, в соответствии со своим положением, женщина стремится быть выше него и подражает манерам и одежде своих вышестоящих.

Во всех цивилизованных странах слишком много внимания уделяется украшению внешности и слишком мало — образованию ума; и когда женщины мудры, добры и добродетельны, это скорее заслуга природы, чем образования.

Поскольку обязанности женщины в обычной жизни по своей природе сложнее описать, чем обязанности мужчины, который, освоив профессию, больше не имеет особых забот, то и забота о том, чтобы важная задача обучения женщин выполнению этих обязанностей была поручена только подходящим людям, должна быть соразмерно велика.

Дальнейшие замечания по вопросу образования отложены до Четвертой книги =sic - ее нет=, где рассматриваются место и обстоятельства. Однако следует отметить, что во всех случаях, по мере того как нация становится более богатой, дело образования становится более важным и имеет естественную тенденцию к худшему управлению; поэтому оно требует двойного внимания.

Если женщины нации плохо образованы, это должно оказать большое влияние на образование их сыновей и поведение их мужей. Спартанские и римские матери славились тем, что приучали своих сыновей ценить храбрость и те качества в мужчине, которые были наиболее востребованы в их обществе. Одной из частей женского образования должно быть знание и восхищение качествами, которые ценятся в другом поле. Завоевать одобрение противоположного пола в определенный период жизни — величайшая цель, к которой стремятся, и это никогда не бывает безразличным.

Большая общая ошибка заключается в том, что женщину рассматривают только в ее идентичности, не думая о ее влиянии на других. По-видимому, именно по этой причине авторы, пишущие о политической экономии, не уделяют внимания женскому образованию; но мы не находим ни одного государства, в котором сохранилась бы добродетель мужчин, если у женщин ее не было; хотя есть примеры, когда женщины сохраняли свою добродетель, несмотря на поток коррупции, который сметал добродетель мужчин.

ГЛАВА III.

Об увеличении налогов как внутренней причине упадка. — Его различное влияние на промышленность в зависимости от степени его применения. — Его влияние на народ и на правительство.

Не было ни одного случая, когда правительство становилось более экономичным или менее затратным по мере старения, даже если сама нация не становилась богаче; но в каждой стране, которая становилась богаче, расходы со стороны правительства росли очень быстрыми темпами.

Среди внутренних причин упадка наций и падения правительств повышение налогов всегда занимало очень видное место. Именно при взимании налогов правительству и подданные действуют так, как будто их интересы противоположны, или, скорее, как будто они являются врагами друг другу.

Практически во всех случаях, когда подданные восставали против своего монарха или предавали свою страну врагам, причиной недовольства были налоги, которые были либо слишком высокими, либо неосмотрительно введенными, либо жестко взимаемыми.

Иногда причиной недовольства был способ взимания налога, иногда — его характер, а иногда — его размер. Революция в Англии во времена Карла I началась из-за способа взимания налога. Революция в американских колониях началась таким же образом; и, как правило, именно способ взимания налогов вызывает недовольство у народов, пользующихся определенной степенью свободы. Акцизный налог едва не стал фатальным для правительства этой страны, как гербовый сбор для правительства Франции и как общий размер и непомерность налогов для Западной империи.

Система налогообложения была плохо понята римлянами, а ее исполнение при военном правительстве всегда сурово. В конце концов римляне были настолько измучены, что потеряли всякое уважение к своей стране. Налоги, кажется, являются ценой, которую мы платим за конституцию, в соответствии с которой мы живем, и по мере их увеличения стоимость покупки уменьшается. Разница между уплаченной стоимостью и полученной стоимостью составляет выгоду или убыток каждой сделки.

--

Возможно, главная причина, по которой люди подчиняются трудностям, угнетению и бремени, которые они несут при республиканской форме правления, заключается в обмане. Они, кажется, платят налоги самим себе и для себя, тогда как на самом деле они делают это не больше, чем при монархии, где налоги, пропорциональные оказанным услугам, как правило, меньше, чем в республике.

Америка является исключением, но между Соединенными Штатами и любой другой страной в мире нет никакого сходства. Их существование как независимой страны насчитывает всего двадцать пять лет; за это время они не вели войн, а революционная война обошлась в небольшую сумму денег. Сравнение между штатами и другими странами не выдерживает критики, но если мы сравним расходы их правительства сейчас и во времена британского правления, то окажется, что они платят почти в тридцать раз больше; и даже если учесть, что их население увеличилось вдвое, они все равно платят пропорционально в двадцать раз больше. Их доход сейчас составляет 16 000 000 долларов. Государственные расходы в 1795 году, когда они подняли восстание, составляли около 350 000 долларов.

Так было в Голландии и Венеции. В Англии первое значительное повышение налогов произошло при Долгом парламенте и Содружестве.

Единственной администрацией, осуществляемой уполномоченными органами, то есть по необходимости обязанной действовать с неустанной строгостью, является министерство финансов. Деньги имеют такую природу, что для их управления абсолютно необходимы строгие правила. Здесь существует большая разница между деньгами и другим имуществом или денежной стоимостью. Слуге, честность которого не доказана и даже может вызывать сомнения, обычно доверяют управление значительным имуществом, и отчет о его использовании редко бывает очень строгим; но в случае доверия денег сначала принимаются все меры предосторожности, чтобы убедиться в его надежности. Обычно требуется обеспечение, и ни дружба, ни доверие, ни высочайшая репутация не могут заменить строгой отчетности, отсутствие которой оставляет неизгладимое пятно. Для этого есть много причин, но они настолько общеизвестны или, по крайней мере, настолько общеприняты, что нет необходимости их рассматривать; однако в некоторых случаях последствия не так очевидны. Одной из наиболее важных является то, что точность, с которой лица, уполномоченные взимать налоги, обязаны предоставлять отчеты, заставляет их строго выполнять свои обязанности, что часто кажется чрезмерно суровым и едва ли совместимым с справедливостью или гуманностью.

Король считается неумолимым кредитором, и он, безусловно, предстает в этом качестве; но следует учитывать, почему он вынужден быть таким, ведь как господин он, как правило, является самым снисходительным в своих владениях.

Никакая обязанность или услуга не требуется с меньшей строгостью, чем та, которая принадлежит гражданскому ведомству при правительстве, когда она не связана с отчетностью в денежном выражении; ни одна не является столь строгой, когда речь идет о деньгах. Как это можно объяснить, если не тем, что природа ситуации допускает уступку чувствам гуманности в одном случае, но не в другом? Несколько примеров иллюстрируют этот момент, который является очень важным, хорошо известным, но плохо понятым.

Клерк в государственном учреждении хочет, по состоянию здоровья, по личным делам или, возможно, просто для развлечения, отсутствовать на работе; если его поведение заслуживает снисходительности, и если его просьба в какой-то мере обоснована, она немедленно удовлетворяется, хотя его заработная плата за время его отсутствия может составить значительную сумму; но он получает подарок в виде времени, а не денег. Если тот же клерк имеет задолженность по налогам в размере одной двадцатой части суммы, если он не платит, его мебель будет конфискована, и, возможно, по приказу того же начальника, от которого он получил разрешение на отсутствие на работе.

Если бы дело было наоборот, последствия были бы фатальными. Предположим, что отпуск был бы отказан, а налоговая льгота предоставлена, то человек, предоставивший налоговую льготу, подвергся бы подозрению, от которого он никогда не смог бы избавиться; поступление доходов никогда не было бы гарантировано, а клерк, который просил о справедливой льготе, был бы возмущен и раздражен отказом.

Однако мы не можем изменить природу вещей. Налоги не могут быть списаны в любом случае без дискреционных полномочий, и это было бы губительно для доходов, поэтому мы никогда не должны ожидать, что увеличение налогов произойдет без роста недовольства или, по крайней мере, без усиления безразличия по отношению к правительству.

Ответственность в денежных вопросах можно сравнить с военной дисциплиной при исполнении служебных обязанностей. Не допускаются никакие поблажки за халатность или отклонение от правил. Недавно мы имели самый яркий и запоминающийся пример этого.

--

Возможно, ничто так не свидетельствует об общем отношении (даже уважаемой части общества) к доходам государства, как стремление извлечь выгоду из уклонения от уплаты пошлин, взимаемых с товаров потребления.

Самые уважаемые представители дворянства или аристократии будут скрывать контрабандные товары или товары, на которые налагается высокая пошлина, при возвращении из-за границы; более того, если их обнаружат, они будут больше стыдиться своей неумелости, чем самого преступления, каким бы оно ни было, независимо от того, чему нас научила таможня.

Человек, с которым строго обращается так называемый законный кредитор, которого он никогда не попытался бы обмануть, естественно, будет вдвойне возмущен, когда с ним еще более строго обращается тот, кого он считает вполне допустимым и не постыдным обмануть. Таким образом, совершенно очевидно, что обычные представления о долгах перед королем не способствуют введению налогов и не побуждают людей добровольно подчиняться жестким мерам взыскания долгов.

Все налоги повышают цены на облагаемые налогом товары, но наиболее ощутимыми и неприятными являются налоги, которые ложатся на личное имущество или на самих людей.

Таким образом, все налоги, когда они превышают определенный уровень, имеют тенденцию вытеснять людей, имущество и торговлю из страны, что, в случае их реализации, приводит к ее неизбежному упадку. Однако степень этого эффекта зависит от множества обстоятельств, таких как сравнительное положение других стран, их удаленность, сложность переезда и т. д.

Если бы Америка была так же близка к Англии, как Франция, трудолюбивый класс массово эмигрировал бы; а если бы во Франции имущество и люди были так же безопасны и свободны, как в Англии, часть и тех, и других уехала бы туда; но в нынешних условиях первым невозможно переехать, а для вторых риск превышает выгоду.

Увеличение налогов приводит к повышению заработной платы, и, когда это происходит в надлежащей пропорции, рабочий почти ничего не платит; тем не менее, он все равно кажется, что платит, и испытывает такое же неприятное чувство, как если бы он действительно платил. Нет чувства более неприятного, чем чувство, когда, заработав деньги, которые трудно отдать, ты вынужден отдать их угрюмому сборщику налогов, который грубо обращается с человеком и его семьей, получая деньги, которые должны были бы купить им хлеб. Кроме того, хотя цены на многие товары растут вместе с заработной платой, на многие другие товары это не распространяется. Таким образом, в стране, где заработная плата быстро меняется, хотя для некоторых это обходится выгодным, для других, у которых нет средств для повышения цен, это влечет за собой нищету.

Если на некоторые предметы потребления налагаются высокие налоги, то они становятся неэффективными, а если они распределяются между большим количеством людей, то становятся обременительными, так что в любом случае они сопровождаются неудобствами и трудностями.

В каждой стране, где налогообложение было доведено до высокого уровня, в конце концов возникла необходимость ввести высокие налоги на личное имущество. Такие налоги всегда сопровождаются неприятными чувствами и особыми неудобствами. Налог всегда имеет форму долга, и независимо от того, удобно его платить или нет, в лучшем случае допускается лишь небольшая задержка.

В Англии характер правительства, настроения народа и тот же гений, который привел их к успеху в торговых отношениях и регулировании, побудили их принять наименее спорные формы налогообложения.

Таможенные пошлины были первой крупной статьей доходов во время революции. Затем появились акцизы, земельный налог и гербовые сборы, против которых не может быть никаких возражений, поскольку лицо, уплачивающее налог правительству, лишь авансирует

деньги и получает возмещение от потребителя, который, в свою очередь, когда он действительно уплачивает налог (окончательно), делает это в форме аванса в цене. Таким образом, налог маскируется для того, кто его действительно платит, и он является факультативным, поскольку он может избежать уплаты налога, не потребляя данный товар. Его никогда не могут привлечь к ответственности за неуплату налога, и он платит его постепенно, по мере того как у него появляются свободные деньги.

В дальнейшей части этой работы будет показано, что фермеры ничего не потеряли, а наоборот, выиграли от высоких цен на зерно в этой стране, и, вероятно, так же обстоит дело и во всех других странах. Те, кто продает предметы первой необходимости, поднимают цены; те, кто производит или продает предметы роскоши, не имеют такой возможности и поэтому платят самым суровым образом.

--

За некоторое время до введения налогов, которые стали необходимыми в связи с американской войной, считалось, что таможенные пошлины и акцизы не могут быть увеличены еще больше. Министры не решились ввести дополнительный налог на землю, и в результате были увеличены и расширены марки, а также пошлины на окна. Были введены различные новые налоги на отдельные предметы потребления. Такие налоги больше угнетали и мучили людей, чем пополняли казну, но, тем не менее, когда после нескольких лет мира в 1793 году возникла необходимость в новых налогах, был применен тот же план, пока он не оказался неэффективным, поскольку был слишком обременительным и утомительным, а кроме того, не соответствовал росту расходов.

Необходимость подсказала план, который является самым простым и легким из всех, при условии, что он успешен и продуктивен. =sic= Увеличить акцизы и пошлины на пять или десять процентов на товары, которые, как предполагалось, могли это выдержать. Это делалось снова и снова с этими двумя видами доходов, а также с марками.

Но потребности государства по-прежнему превышают средства, и налоги, которые являются самыми худшими и самыми неприятными из всех, были увеличены таким же образом; но даже они не были продуктивными. Стимул к лишению был слишком велик, и ограничения, наложенные на расходы, подсказали идею введения налога на доход, то есть на средства, которыми располагает человек, что само по себе отражает его сущность.

Мы упомянули о влиянии, которое необходимость оказывает на промышленность. Одним из последствий налогов, как и ренты, является продление действия необходимости или ее усиление. Человек, который не должен платить ни ренту, ни налоги, как это бывает в некоторых диких народах, трудится только для того, чтобы удовлетворить свои потребности. В какой бы пропорции ни соотносились рента и налоги с потребностями народа, его промышленность будет расти в той же пропорции, если только их силы не будут превышены, и тогда действие будет действительно совсем иным.

Земельный налог не совсем такой же, но очень похожий. Он действует как налог на продукцию земли, то есть на товары для потребления человеком, так же как и на товары, облагаемые таможенными пошлинами или акцизами. Землевладелец чувствует себя так же, как пивовар, винокур или импортер иностранных товаров: он получает возмещение налога от фермера, а фермер получает возмещение от потребителя.

--

Из этого следует, что и рента, и налоги в определенной степени увеличивают богатство народа, стимулируя его трудовую деятельность. Поскольку рента не является обязательной, она в целом никогда не может быть повышена сверх того уровня, который может выдержать возросшая промышленность; но налоги не регулируются ни промышленностью отдельного человека, ни промышленностью общества; поэтому они могут быть повышены слишком сильно, и когда это происходит, народ деградирует, утрачивает дух, теряет и ломается его независимый дух, а промышленность, вместо того чтобы расти, как это было на первых этапах налогообложения, уходит.

В этом случае правительство, как правило, становится более суровым и, безусловно, более неприятным. Сломанный дух народа делает покорность само собой разумеющимся явлением, так что его власти не оказывается эффективного сопротивления. В конце концов наступает неспособность платить, что сводит на нет всю затею; но между неспособностью и сопротивлением существует очень большая разница.

Поскольку почти полвека подряд специалисты по расчетам предсказывали момент полной остановки роста доходов; поскольку сами министры никогда не рисковали вводить новые налоги, за исключением случаев, когда их к этому вынуждала необходимость. Поскольку налоги взимались произвольно, подобно тому, как строились улицы и дома старых городов, без какой-либо системы или плана, и поскольку предсказанные последствия не наступили, можно справедливо заключить, что этот вопрос не до конца понятен. Если бы это было так, то зло было бы устранено; но вывод все равно остался бы прежним: повышение налогов ведет к недовольству

и оттоку людей и капитала из страны. Степень этой тенденции и скорость ее проявления — это вопрос, но сама тенденция не вызывает сомнений.

Еще две вещи следует отметить в отношении последствий налогообложения, которые ведут к упадку. Во-первых, налоги взимаются и расходуются людьми, которые, имея доход только на свою жизнь, обычно оставляют семьи в бедственном положении. Те, кто теряет родителей в молодом возрасте, часто остаются без средств к существованию, а те, кто старше, часто разоряются, получив образование и привыкнув к положению в жизни, которое они не в состоянии поддерживать. Это очень большое зло, которое, так сказать, возобновляется с каждым поколением. По мере роста доходов страны это зло также усиливается: за исключением того, что идет владельцам денег в акциях, почти все государственные доходы идут людям, чей доход исчезает вместе с ними. Начиная с тех, кто собирает налоги, таможенников, акцизных инспекторов, сборщиков и клерков всех рангов и званий, нет ни одного из десяти, кто не умирает в нищете; и если он оставляет семью, то оставляет ее в бедственном положении.

Г-н Питт кажется исключением из этого правила; но создание амортизационного фонда в конце войны было столь же необходимо для его администрации, как и любые займы во время войны были необходимы для лорда Норта; и обе меры требовали введения новых налогов.

--

Без сомнения, судьба большей части человечества, то есть трудящейся части общества в каждой стране, заключается в том, чтобы оставлять детей без средств к существованию; но тогда они остаются в таком положении в обществе, которое не мешает им работать или служить, что не является случаем с огромным числом детей, оставленных теми, кто наслаждается в течение жизни изысканной и беззаботной жизнью под покровительством правительства.

Образование таких людей либо полностью игнорируется, либо плохо подходит для той жизни, которую им предстоит вести. Если бы всю совокупность человеческих пороков и страданий разделить на доли и рассчитать, какая доля приходится на каждого человека, то, без сомнения, по крайней мере двойная доля выпала бы на долю тех несчастных людей, которых оставляют родители, занимающие пожизненные должности, и которые, как правило, вынуждены тратить свой доход по мере его получения. Поскольку, согласно естественному ходу вещей, многие из таких людей должны покидать молодые семьи, семена несчастья постоянно сеются заново, нанося большой ущерб обществу. Это зло в значительной степени зависит от привычек и характера людей, которые усиливают или ослабляют его; и в торговых странах это зло гораздо больше. Там, где торговля не процветает, лица, принадлежащие к налоговому ведомству, редко получают высокую зарплату и ни в коем случае не считают себя классом, выделяющимся из

общей массы или обязанным жить более дорого; но в промышленной стране жить, не работая, означает обладать степенью благородства, которая чрезвычайно губительна для тех, кто пользуется этим роковым и хрупким превосходством.

Производитель, зарабатывающий тысячу фунтов в год, возможно, не будет считать себя столь важным, как чиновник, зарабатывающий менее ста фунтов; и первый, как и его семья, зная, что они обязаны своим благосостоянием труду, не считают себя выше того, чтобы заниматься этим трудом.

К сожалению, бывает также, что во всех видах занятий, где требуется доверие и пунктуальность, более чем в обычном бизнесе, работники достигают положения, приносящего значительный доход, довольно поздно в жизни. Когда они стареют, их семьи, как правило, молоды; таким образом, люди, которые менее всего подходят для позднего брака, как правило, именно так и поступают. Этот порядок вещей нелегко изменить. В отношении размера оплаты труда правительства руководствуются оказанными услугами и степенью зависимости от нанятого лица, которое, с другой стороны, следует естественным склонностям человеческой природы. В молодости, имея небольшое содержание, налоговый чиновник остается холостым; но когда необходимо стать серьезным, внимательным и надежным, и когда он обнаруживает, что у него есть средства, он приступает к семейной жизни, которая является наиболее естественной для мужчин, достигших определенного возраста, и наиболее подходящей для тех, на кого можно положиться в плане правильности поведения. Невозможно предотвратить это естественное состояние вещей; и если его не исправлять, если не противодействовать ему, последствия будут очень пагубными. В значительной степени именно этому следует приписывать рост пороков и нищеты в странах, которые становятся богатыми и великими.

Возможно, большее значение имеет не сумма налогов, а способ их взимания; по крайней мере, это точно так во всех странах, где сумма налогов не очень высока. В Америке, например, сумма не имеет значения; способ взимания может иметь очень пагубные последствия. Во Франции до революции налоги были более обременительными из-за способа их взимания, чем из-за их суммы. То же самое можно сказать почти о всех странах Европы, за исключением Англии и Голландии. В настоящее время ситуация во многих странах значительно изменилась в связи с увеличением налогов, но все же одно из главных зол по-прежнему связано с способом их взимания: ограничения, которые они налагают, неудобства, досада и, наконец, нищета и разорение, которые они во многих случаях вызывают.

Это очень важная часть рассмотрения, но, поскольку она связана с образованием, а это входит в четвертую книгу =sic - нет=, все рассмотрение отложено до этого момента; не только наносится ущерб национальному процветанию, но и ущемляются чувства человечности, а в результате этого увеличивается сумма человеческих страданий.

--

Из всех примеров, когда налогообложение в наибольшей степени способствовало падению страны, Рим является самым ярким. Роскошь императорского двора и расходы на разнузданную и беспорядочную армию в сочетании с невежеством подданных сделали налоги обременительными во всех отношениях. С момента падения Рима до времени Людовика XIV великопение дворов и их расходы не имели большого значения. Мы только недавно вступили в новую эру налогообложения, поскольку, хотя налоги всегда были причиной большого недовольства, до последнего столетия ни в одной стране Европы, за исключением Испании и Голландии, они не доходили до значительных размеров.

Действительно, если учесть, какой шум часто поднимается из-за повышения незначительной суммы, невозможно не удивиться нежеланию людей платить налоги, когда они чувствуют, что платят их, и не привыкли к этому чувству.

Таким образом, налогообложение неприятно для чувств людей, вредно для их нравов, а также в определенной степени враждебно для свободы. Конечным следствием этого является то, что люди и имущество имеют тенденцию покидать страну, где высокие налоги, и переезжать в страну, где при тех же средствах можно получить больше удовольствия.

Налоги можно назвать арендной платой за проживание в стране, и они действуют точно так же, как арендная плата за дома или землю, или арендная плата за что-либо еще; то есть они заставляют арендатора переехать в более дешевое место, если он не находит преимуществ там, где находится, чтобы компенсировать расходы.

К сожалению, люди, которые больше всего склонны покидать страну с высокими налогами, — это те, кто, имея определенный доход, который они не могут увеличить, желают наслаждаться им с некоторой степенью экономии. Они также являются людьми, которые могут переехать с наибольшей легкостью. Таким образом, люди, чей доход выражен в деньгах, всегда первыми покидают страну, в которой стало слишком дорого жить с комфортом.

Многие обстоятельства могут способствовать или противодействовать этой тенденции, такие как трудность найти подходящее место для переезда, где деньги будут в безопасности, а проценты будут выплачиваться регулярно; но исследование этого вопроса будет более уместно, когда мы рассмотрим внешние причины упадка.

Хотя повышение налогов, увеличивая расходы на проживание и предметы первой необходимости, мало ощущается рабочим классом, поскольку их заработная плата растет

пропорционально, оно оказывает крайне пагубное влияние на изобразительное искусство и на все виды продукции, цена которых не растет пропорционально.

Там, где налоги высоки, а роскошь велика, обязательно найдутся люди, которые любят выставять себя напоказ, даже если у них нет особого вкуса. Картина или драгоценность большой ценности, безусловно, найдут своего покупателя, но это только послужит поводом для ввоза прекрасных картин из другой страны, где предметы первой необходимости дешевле и где люди наслаждаются беззаботной жизнью, несовместимой с высоким уровнем налогообложения.

Когда Рим достиг высшей степени роскоши, в его стенах не было ни поэтов, ни художников, ни историков; шуты и скрипачи могли заработать больше денег, чем философы, и у них было больше востребованных талантов. Если бы Вергилий не встретил Августа, если бы он жил на три века позже, ему пришлось бы либо писать баллады и пасквили, либо голодать; в противном случае ему пришлось бы покинуть Италию.

Когда Рим был полон роскоши и властвовал над миром и его богатствами, в нем не было ни одного художника, способного создать статуи его победоносных полководцев.

На каком-нибудь бесплодном и голом греческом острове появлялись художники, способные создавать украшения для имперского Рима.

Они были вынуждены отрезать головы древних статуй, так как их художники были достаточно опытны только для того, чтобы вырезать драпировку тела.

--

В богатой стране легко заплатить за прекрасное произведение искусства, но трудно найти цену за воспитание прекрасного художника.

Изобразительное искусство, по сути, не имеет никакой непосредственной связи с богатством или силой нации. Торговый баланс никогда не увеличивался за счет экспорта великих шедевров искусства, и нации никогда не подчинялись силе ораторского искусства; но знания и искусство, благодаря которым достигаются богатство и величие, следуют за лучшими проявлениями человеческого гения.

Там, где деньги становятся универсальным средством, где без них невозможно наслаждаться легкостью или комфортом ни одного дня, они становятся, так сказать, объектом поклонения. Презирать золото, которое покупает все, считается большим преступлением, чем презирать того, чьей щедрости мы обязаны всем; следовательно, амбиции, без которых никогда не бывает совершенства, в раннем возрасте направлены на приобретение состояния. Человек, действительно, должен быть либо необычайно странным и упрямым, либо очень равнодушным к мнению других и даже к благам этого мира (как их называют), чтобы упорно стремиться к совершенству в науке или искусстве, не имея хлеба, когда он мог бы, приложив десятую часть усилий и усердия, жить в достатке и зарабатывать деньги день за днем. Таких упрямых глупцов мало, и без них в богатой стране можно найти лишь немногих людей, глубоко разбирающихся в науке или преуспевающих в каком-либо из искусств.

Увеличение налогов, делая продукцию промышленности дороже, чем в других странах, ведет к тому, что такая нация теряет рынки сбыта в более бедных странах. Если все другие страны беднее, а налоги ниже, это ведет к тому, что она теряет все рынки сбыта в мире.

Здесь возможны некоторые исключения. Естественный гений может сделать человека выдающимся, но даже в этом случае вероятность того, что он будет вынужден трудиться, чтобы заработать на хлеб, а не пытаться добиться славы, составляет десять к одному. Так, великий доктор Джонсон, обладавший гением, который мог бы принести ему бессмертную славу, всю жизнь трудился, выполняя еженедельные или ежедневные работы, которые скоро будут забыты. Даже его словарь, каким бы замечательным он ни был для одного человека, не достоин английской нации, а имя Джонсона мало известно за пределами его собственной страны. Его гений был велик, но его труды были невелики. Его ум был скован; он был как Самсон, молотящий на мельнице, чтобы развлечь филистимлян, а не как Самсон, убивающий львов и разгоняющий армии.

--

Операция, которая одновременно делает людей менее счастливыми, менее довольными и более равнодушными к судьбе своей страны, а также стремится закрыть им доступ к иностранным рынкам, безусловно, очень вредна для любой страны, но особенно для той, величие которой основано на производстве и торговле.

Было бы бесполезно подробно останавливаться на столь очевидном следствии; однако даже в этом случае мы обнаружим некоторое смещение хорошего с плохим, которое присутствует во всех человеческих делах.

Поскольку усилия возникают из необходимости или потребности, которые они устраняют, налогообложение имеет эффект продления действия необходимости, которая в противном случае прекратилась бы, и усиления ее давления по сравнению с тем, каким оно было бы в противном случае; следствием этого являются более значительные и продолжительные усилия со стороны тех, кто должен платить налоги. Человеческие усилия, будь то в виде изобретений или промышленности, подобны пружине, на которую давит давление и которая набирает силу в зависимости от давления до определенного момента, когда она полностью сдается.

Те исследователи, которые рассчитывали эффект такой-то степени налогообложения, государственного долга и т. д., все ошиблись, не учитывая или недостаточно учитывая действие этой упругой силы. Г-н Юм и г-н Смит, безусловно, оба глубокие исследователи, полностью ошиблись в этом. Первый — в расчете предельной степени усилий в точке, которую мы давно прошли; второй — в рассуждениях о налогообложении в то время, когда он писал, как о почти максимальной степени, хотя с тех пор оно утроилось, а трудности с уплатой, похоже, уменьшились; по крайней мере, они, по-видимому, не увеличились.

Определить точку, в которой это может остановиться, действительно не очень легко, особенно с учетом того, что стоимость золота и серебра, которые являются мерой других ценностей, сама по себе колеблется. Так, например, рабочий может на свою дневную заработную плату купить столько же хлеба и пива, сколько он мог бы купить на нее сорок лет назад. Хотя государственный долг в пять раз превышает тогдашний, при нынешней цене на хлеб для его выплаты не понадобится в два раза больше буханок, чем требовалось бы в то время.

Таким образом, обесценивание денег, а также продолжающееся и усиливающееся давление необходимости в определенной степени и в течение определенного времени противодействуют естественной тенденции налогов; но это противодействие, хотя и действует во всех случаях, по своей степени и продолжительности зависит от конкретных обстоятельств; и хотя, возможно, его невозможно с большой точностью определить в любом случае, невозможно попытаться решить этот вопрос в общем плане; поэтому мы вернемся к этой теме, когда будем применять общие принципы к конкретной ситуации в Англии.

Однако один вывод заключается в том, что, поскольку налоги, взимаемые в значительной степени, являются очень опасными, хотя и не в той мере, если они взимаются только до определенной степени, а поскольку эту степень невозможно определить, то общим правилом должно быть взимание как можно меньшего количества налогов; а также как можно меньшее причинение неудобств и беспокойства налогоплательщикам — это еще один момент, по которому не может быть двух разных мнений.

ГЛАВА IV.

О внутренних причинах упадка, возникающих в результате посягательств со стороны государственных и привилегированных органов, а также со стороны тех, кто имеет общие интересы, на тех, кто не имеет общих интересов.

С момента установления какой-либо конкретной формы правления или порядка в стране неизбежно возникают разные и противоположные интересы, или, что то же самое, органы, действующие в противовес друг другу и стремящиеся к собственной власти и выгоде за счет остальных.

В стране, где исполнительная власть не подвергается достаточному контролю, ее стремление к произвольной власти хорошо известно; но в правительстве, подобном английскому, где существуют совещательные органы, представляющие разные интересы, действующие отдельно и заинтересованные в том, чтобы сдерживать друг друга и исполнительную власть, большая опасность не исходит от правительства.

Не стоит заикливаться на этой конкретной части темы. Поскольку управляемые контролируют исполнительную власть, которая, как можно предположить, может извлечь выгоду из угнетения, существует средство защиты, в первую очередь, и средство правовой защиты, во-вторых, которое значительно уменьшает, если не устраняет полностью, всю опасность посягательств.

Еще одна особенность этого правительства заключается в том, что правительство и подданные никогда не вступают в противоречие друг с другом, за исключением случаев, когда между ними существует закон или прецедент, определяющий их отношения.

Таким образом, опасность посягательств с этой стороны не очень велика, и в этой стране она тем более мала, что когда возникали споры, они всегда заканчивались в пользу народа, тогда как в большинстве других стран они заканчивались в пользу исполнительной власти.

Общественность, безусловно, имеет общие интересы, но она их не ощущает, и даже те, кто имеет отдельные интересы, являются частью этой самой общественности. -- Это будет проиллюстрировано на различных примерах в ходе настоящей главы.

--

Однако это не относится ко многим другим составляющим общества. Гораздо более опасны те совещательные органы, которые имеют отдельные интересы, и все те, кто, так сказать, живет за счет общества и обладает тем, что во Франции называют *l'esprit du corps*, для чего у нас нет подходящего выражения, хотя его можно определить как наличие общих интересов, чувства солидарности и средств для совместных действий.

В странах, где исполнительная власть не имеет контроля, прогресс общественных органов менее опасен, чем там, где власть короля ограничена. Суверен, который монополизировал всю власть, и окружающие его лица всегда заинтересованы в том, чтобы ни один человек или группа людей не посягали на свободу подданных и не становились их соперниками, подчиняя промышленность своим интересам, поэтому мы видим, что в каждой такой стране, за исключением духовенства, все общественные органы находятся в надлежащем подчинении.

Во всех странах те, кто занимается религиозными вопросами, обязательно должны иметь некоторый контроль над умами людей, который они в определенной степени могут использовать как в хороших, так и в плохих целях. Поэтому невозможно, чтобы правительство и духовенство в течение длительного времени действовали друг против друга: одно из них должно вскоре пасть, и были случаи триумфа каждого из них. Мы иногда видели, как короли торжествовали над духовенством, но не очень часто; и мы часто видели, как правительства свержались с помощью духовенства: поэтому, за исключением революционных ситуаций, они должны взаимно поддерживать друг друга. Это естественное состояние вещей; но в католических странах священники имеют большее влияние, чем в любых других, по нескольким очень очевидным причинам. Во-первых, правитель страны не является главой церкви; во-вторых, благодаря своему превосходству в искусстве и внимательности в темные века, когда миряне погрязли в невежестве, католическое духовенство сумело закрепить церковную собственность за всем сословием из поколения в поколение одновременно введя целибат, благодаря которому была устранена всякая возможность отчуждения даже личной собственности. Что касается средств приобретения и увеличения собственности, то их было много, и в каждой борьбе со светской властью они имели большое преимущество, говоря, так сказать, десятью тысячами уст одновременно и будя совесть слабых. В странах, где была установлена протестантская религия, дело обстоит совсем иначе.

Готическая тьма почти исчезла до Реформации: кроме того, духовенство похоже на других людей в отношении образа жизни; они являются отцами и мужьями и, как таковые, подвержены отчуждению всего своего имущества, как и любая другая группа людей. Реформаторы, которые не были лишены проницательности и рвения и знали все злоупотребления римской церкви как в вопросах регулирования, так и в вопросах мнения, были очень осторожны в установлении нового порядка вещей, чтобы избавиться от зла, которое они испытали и против которого они восстали с такой энергией и рвением.

--

Простое положение вещей заключается в том, что интересы народа совпадают с интересами правителя, и, за исключением случаев глубокого незнания того, что является благом для нации, каждый мудрый правитель принимает сторону народа. Но в условиях ограниченной монархии или демократии дело обстоит иначе. Там те органы, которые произвольный монарх сразу же подчинил бы себе, сами обладают прерогативами; они образуют группу в законодательном органе и действуют в соответствии со своими интересами, так что сам монарх вынужден допускать злоупотребления, которые он готов исправить, но не в силах.

Большой ошибкой, и одной из самых больших, в которую в последнее время склонны впадать люди, является представление о том, что правительство и народ страны имеют противоположные интересы, что правительства стремятся угнетать народ и лишать его средств к богатству и счастью: на самом деле все обстоит с точностью до наоборот; все просвещенные монархи действовали совершенно иначе.

Альфред Великий, Эдуард III, королева Елизавета и почти все ее преемники стремились увеличить богатство и счастье народа Англии. Генрих IV Французский, даже Людовик XIV, Петр Великий, Екатерина и, по сути, все его преемники, а также короли Пруссии, великий герцог Тосканский и другие монархи, которые знают, как проявить свою натуру, пытались обогатить свой народ и сделать его счастливым. Великие исследования английского правительства всегда были направлены на эту цель, а римляне распространяли свою заботу даже на покоренные ими народы. Хотя есть много правителей, которые не знали, как это делать, и поэтому либо не пытались этого, либо ошибались в выбранном ими способе, тем не менее, за очень редким исключением, правители стремились к процветанию народов, которыми они правили.

Во всех человеческих учреждениях есть много плохого и кое-что хорошее; и лучшие, как и худшие, являются лишь комбинациями добра и зла, различающимися по пропорциям. В смешанных или ограниченных правительствах народ может лучше защищать свои права от правителя, чем от тех органов, которые возникают среди них самих; тогда как в чистых монархиях им нужно только защищаться от посягательств правителя, а он позаботится о том, чтобы они не подвергались угнетению со стороны какой-либо другой власти.

Эта тенденция к разрушению, вызванная посягательствами государственных органов в устоявшихся правительствах, более страшна в ограниченных монархиях и демократиях, чем в чистых монархиях; но у нас было мало поводов наблюдать прогресс в правительствах первого типа, за исключением духовенства, хотя военные и дворяне обычно играют свою роль.

В Риме военные никогда не представляли опасности, пока армии создавались, как ополчение, только для целей конкретной войны; но когда они стали постоянным органом, они стали непосредственной эффективной причиной уничтожения свободы, хотя это было только прелюдией к тому упадку, который произошел впоследствии.

В ограниченных монархиях юристы являются самой многочисленной группой, от которой исходит такая опасность, и причины этого многочисленны и очевидны.

Объединенные общими интересами и постоянно занятые изучением законов страны, в то время как широкая общественность занята множеством различных вопросов и не имеет никаких связей, для них нет ничего более естественного, чем стремиться придать делу, которое только они могут понять, как можно большее значение и прибыль.

В уголовном праве страны, где король является обвинителем, а юристы не заинтересованы в увеличении расходов или затруднений, наши законы исполняются с замечательным вниманием; хотя, возможно, в некоторых случаях их критикуют за строгость, они по праву вызывают восхищение во всем мире за способ их исполнения.

Совершенно иначе обстоит дело в случаях, касающихся собственности или гражданских исков, когда человек выступает против человека, и когда как адвокат, так и советник заинтересованы в запутанности дела. Здесь, действительно, общественность подвергается столь вопиющему обману, что почти бесполезно останавливаться на этом вопросе, и, поскольку часть плана этой работы заключается в том, чтобы предложить или указать средство правовой защиты, в данном случае, возможно, достаточно будет один раз пройти по делу и оставить примеры до тех пор, пока не будет предложено средство правовой защиты.

В настоящее время, однако, необходимо показать, почему в условиях смешанных правительств, подобных этому, нет никакого средства исправления положения. Общественность действует только через своих представителей, а в Палате лордов лорды-законодатели, обладающие *духом корпуса*, могут легко устроить все по-своему. За исключением одного-двух дворян, никто не имеет и не претендует на то, чтобы иметь достаточные знания для обсуждения или урегулирования какого-либо вопроса права. Действительно, сделать это эффективно нелегко, поскольку, помимо того, что лорды-законодатели имеют на своей стороне министров или, что то же самое, находятся на стороне министров, спикер сам является главой законодательной власти. Другие члены, которые смотрят на лордов-законодателей и которых, как правило, очень мало по вопросам права, обычно дают свое согласие. В Палате общин, где есть ряд юристов, они еще менее противостоят. Деревенские джентльмены заявляют о своей неосведомленности. Они

считают, что их задача — следить за финансовыми законопроектами, привилегиями палаты, общими интересами нации, дорогами, каналами и ограждениями. Торговые и другие интересы, представленные людьми, которые быстро зарабатывают деньги, считают злоупотребления законом не очень важными для себя; они не испытывают неудобств и не имеют ни времени, ни желания изучать этот вопрос.

Можно было бы ожидать, что прерогатива короля отказывать в своем согласии станет защитой, но здесь меньше всего можно на что-либо надеяться. Во-первых, считается разумным никогда не использовать эту прерогативу, а во-вторых, лорд-канцлер является советником короля во всех подобных вопросах, настолько, что его называют хранителем совести короля.

Имея власть, влияние и интересы с одной стороны и не имея ничего, что могло бы противостоять этому с другой (ведь, как и все пословицы, пословица о том, что дело всех — дело ничье, верна), юристы должны посягать на общественные интересы, и они сделали это в самой тревожной степени.

Закон — это самый широкий, самый короткий и самый близкий путь к пэрству. Хау, Нельсон и Сент-Винсент играют в игру, отчасти требующую мастерства, отчасти зависящую от удачи, чтобы получить титул; им нужны удача и возможность. Другие же, имея меньше конкурентов, могут быть уверены, что получат больше наград.

--

В этом случае дело обстоит не так, как в других, где великие выделяют работу для малых и нанимают их. Нет. Великие обычно (фактически почти всегда) начинают с консультации и с помощью адвоката, который, как предполагается, разбирается только в юридической практике. Процедура не исходит от совета, который мог бы сформировать некоторое суждение о справедливости дела, так что подлый мелочный адвокат может за мелочь, которую он кладет в свой карман, разрушить двух невежественных и честных людей; он может заставить работать самого способного советника и на время занять суды, что приведет к общему нарушению закона и ущербу для общества.

Это, пожалуй, одно из величайших и наиболее вопиющих зол в стране, которое требует самого громкого исправления, поскольку его последствия носят очень всеобщий характер. В коммерческой стране сталкивается так много интересов и существует такое разнообразие

обстоятельств, что огромные толпы адвокатов, которые заполняют королевство, не испытывают никаких трудностей в том, чтобы ввести в заблуждение одну из сторон, и это является причиной большинства судебных процессов.

С ростом коммерческого богатства зло увеличивается не пропорционально, а гораздо быстрее: во-первых, пропорционально богатству и прибыли, которые можно получить, и, во-вторых, в зависимости от возможностей, которые увеличиваются с ростом бизнеса.

В дополнение к реальным мертвым затратам, потеря времени, внимания, а также несчастья и страдания, вызванные законом, являются ужасным злом; и если когда-нибудь наступит момент, когда воцарится всеобщее недовольство, то именно закон усугубит это зло.

Мягкость гражданских законов во Франции и ограничения, которым подвергаются юристы, в значительной степени смягчили суровость революции в первые два года. Если бы они обладали такой же властью и средствами, как в Англии, революция стала бы гораздо более ужасной, чем она была в самом начале.

Юристы обязаны всей своей властью характеру правительства. У произвольного монарха нет других угнетателей, кроме него самого, но здесь предполагается, что различные интересы уравновешены; и когда это так, все идет хорошо, но когда это не так, верх берет наиболее активный интерес.

Хотя закон является величайшим из тех органов, интересы которых отличаются от интересов широкой общественности, есть и другие, заслуживающие внимания и требующие реформирования. В интересах всех, кто связан с правительством, искоренять злоупотребления, которые ставят под угрозу его безопасность или уменьшают его ресурсы.

Поскольку все государственные доходы поступают от тех, кто трудится, и не могут поступать от других лиц, то даже если процветание и счастье подданных были бы просто вопросом безразличия, что невозможно предположить, правительство все равно было бы заинтересовано в том, чтобы сохранить их ресурсы в неизменном виде. В другой главе мы упомянули об огромном росте числа бедных, который отчасти объяснялся общим ростом благосостояния; однако еще одной причиной является неэффективное управление, и общественность заслуживает еще большего сочувствия, поскольку должностные лица приходов защищают свое поведение перед избирателями за счет самих избирателей.

В поисках истины следует говорить без боязни обидеть кого-либо; и в данном случае, хотя чувства англичан, возможно, могут быть задеты, а их гордость уязвлена, следует признать, что если бы не было этой ложнодемократической формы управления средствами на содержание бедных, они никогда не страдали бы от вымогательства и откровенных злодеяний, которые совершаются. Корабельные деньги, подушная подать, налоги на американцев и другие налоги, которые вызвали столько кровопролития и раздоров, даже в сумме не составляют и десятой части того, что английская общественность платит на содержание бедных, и управляются грубыми неграмотными людьми, которые практически не отчитываются и, как правило, уклоняются от любого регулярного контроля. Эти администраторы, хотя и выбираются народом, всегда, находясь в должности, проникаются *духом корпуса* и объединяются в общее дело.

В Брабанте и Фландрии люди очень ревностно относились к своим свободам. Однако они подвергались ужасному угнетению со стороны церковников и юристов.

--

Ремонт шоссе, мостов, улиц и расходы на полицию в целом; все, что ложится на приходы, города или графства в виде налогов или сборов, как правило, плохо управляется, а расточительство растет вместе с богатством. Трудность контроля или исправления этих злоупотреблений проистекает из того же духа, который пронизывает все отдельные администрации. Только правительство может исправить это; и в интересах и обязанностях правительства строго следить за каждой группой людей, интересы которой отличаются от интересов широкой общественности. Подобно человеческому телу, которое с возрастом становится жестким и негибким, так и государства с возрастом, регулируя и регулируя, посягая и посягая, добавляют трения и трудности к механизму, пока его сила не будет преодолена, и движение не остановится. В человеческом теле, если не вмешивается какая-либо тяжелая болезнь, возраст приводит к смерти. В политическом организме, если никакие случайные события не ускоряют этот процесс, он приводит к революции; следовательно, поскольку нация никогда не умирает, она избавляется от старых обид и начинает новую карьеру.

Тенденция к усложнению всех законов и правил, а также к тому, что все органы, объединенные общими интересами, начинают посягать на общее благо, известна с самых ранних времен; но нам нет нужды возвращаться к ранним временам, чтобы найти доказательства этого в нашей стране. По мере роста богатства усиливается искушение и ослабевает сопротивление. Богатая часть общества почти не испытывает давления со стороны зла, и ее представители слишком любят покой, чтобы утруждать себя борьбой за общественные интересы. Те, кто занимается торговлей, слишком заняты, чтобы уделять время другим делам, а если бы они были свободны, то в целом не знали бы, как действовать, и не имели бы в своем распоряжении средств, из которых можно было бы взять необходимые деньги на расходы.

Иногда случается, что человек, движимый подлинным общественным духом, особым настроением или характером, а может быть, потому что он подвергался жестокому угнетению, набирается достаточного мужества, чтобы исправить какую-то конкретную несправедливость; но, если он не обладает большим везением и не имеет ни денег, ни способностей, это, как правило, приводит к разрушению его душевного покоя, а то и его состояния. Он сразу же оказывается окруженным множеством врагов, которые создают ему всевозможные препятствия: его друзья могут восхищаться им и сочувствовать ему, но очень редко оказывают ему какую-либо помощь. Если в исправлении несправедливости достигается некоторый прогресс, то, как правило, это сопровождается такими последствиями для этого человека, что другие люди не решаются взяться за подобное дело. Таким образом, корпоративная структура становится в безопасности и продолжает безнаказанно посягать на права других.

Можно сказать гораздо больше по этому вопросу, но, поскольку он регулируется скорее конкретными обстоятельствами, чем общими правилами, а цель состоит в том, чтобы применить результаты исследования к Англии, мы оставим его до тех пор, пока не перейдем к его применению к этой стране, лишь отметив, что церковь, армия и закон являются тремя органами, которые повсеместно и в основном считаются опасными; и каждый из них в зависимости от ситуации и формы правления в соответствующих странах, хотя в Англии церковь имеет меньше средств для расширения своих доходов или власти, чем в любой другой стране Европы, а право и корпоративные органы — больше всего; а при произвольных правительствах церковь и военные имеют больше всего, а право и корпоративные органы — мало или ничего.

ГЛАВА V.

О внутренних причинах упадка, возникающих из-за неравного распределения собственности и ее накопления в руках отдельных лиц. — Его влияние на использование капитала.

В любой стране богатство, которое в ней имеется, имеет естественную тенденцию накапливаться в руках определенных лиц, независимо от того, способствуют ли законы общества этому накоплению или нет. Хотя в предыдущей главе было отмечено, что богатство следует за трудолюбием и уходит от сына богатого гражданина к бедному деревенскому парню, это относится только к богатству, для сохранения которого его обладатель должен быть трудолюбивым; ведь когда богатство приобретает в виде земли или денег под проценты, это уже не так.

В Америке и в новых странах, или в тех странах, жители которых были достаточно смелыми и опрометчивыми, чтобы свергнуть все древние институты, были приняты меры предосторожности против накопления слишком большого богатства в руках одного человека, или, по крайней мере, для его сдерживания и противодействия; но в старых странах, где мы не хотим идти на такой риск, дело обстоит иначе. Естественное тщеславие, связанное с воспитанием семьи, средства, которыми располагает богатый человек для накопления богатства, естественная вероятность накопления богатства благодаря бракам и многие другие обстоятельства действуют в пользу всех тех богатых людей, которые освобождены от риска и не зависят от промышленности. В некоторых случаях расточительность расходует богатство, но законы благоприятствуют накоплению земельной собственности и противодействуют расточительности; преимущества благоприятствуют всем богатым в целом, и в результате с самого начала любого особого порядка вещей до тех пор, пока не произойдет какая-то потрясение, распределение собственности становится все более и более неравным.

Далеко не противодействуя этому законами страны, во всех тех странах, правительства которых укрепились во время этой феодальной системы, существуют правила, которые значительно ускоряют этот процесс. Закон первородства имеет такой эффект; а закон о наследственной собственности, аморальный и неразумный в своем действии, имеет еще большую тенденцию.

В древние времена у римлян земля по закону должна была делиться поровну, но этот абсурдный закон никогда не соблюдался строго, а когда страна разбогатела, его вообще отменили.

--

Эти законы распространяются только на сельскохозяйственную собственность; но торговля, которая сначала способствует распространению богатства, в конечном итоге приводит к его накоплению в частных руках.

В ранние века промышленность, искусство и интеллект были источником торговли, но по мере того, как стали необходимыми машины и капитал, появилась группа людей, которые захватили все большие прибыли и накопили огромные состояния.

Следствием огромных состояний и неравного распределения собственности является то, что низшие слои общества, несмотря на дорогостоящее содержание, деградируют, становятся беспорядочными и неудовлетворенными, в то время как средний класс постепенно исчезает.

Недовольство охватывает большую часть народа, а сторонники правительства, хотя и обладают властью, но слишком малочисленны и неэффективны, чтобы уберечь его от гибели.

Владельцы земли или денег никогда не должны подниматься так высоко над обычным классом народа, чтобы полностью игнорировать его чувства и образ жизни или упускать из виду связь между трудом и процветанием; ведь когда они это делают, трудолюбивые люди угнетаются, а богатство исчезает.

Не нужно больших знаний и любви к справедливости, чтобы понять, что в обществе должны быть градации, которые, вместо того чтобы уменьшать, увеличивают общее счастье человечества ; но когда мы обнаруживаем, что случайность родиться на полчаса раньше или позже делает одного человека владельцем 50 000 акров, а другого — чуть ли не нищим; когда мы думаем о том, что, несмотря на всю свою трудолюбивость, он никогда не сможет купить огород, чтобы выращивать капусту для своей семьи, это ослабляет нашу привязанность к порядку вещей, который мы видим перед собой, и противоречит нашим представлениям о моральной справедливости. Человек разумный хочет, чтобы этому злу тихо противодействовали, а если он склонен к насильственным действиям и имеет какое-либо желание изменить ситуацию, это дает ему аргументы и союзников.

Изобретения оказывают на торговлю почти такое же влияние, как введение пороха и артиллерии на военное искусство. Для их осуществления становится более необходимым богатство. Каждое новое усовершенствование, будь то в личной силе или энергии человека, теряет свое значение.

Некоторые из крупнейших землевладельцев в этом королевстве, к их чести, являются самыми образцовыми людьми в нем в отношении своего поведения по отношению к арендаторам; но хотя эти примеры достойны уважения и восхищения, они не являются общими; и по самой природе вещей они не могут быть общими. Во Франции дела обстояли в целом иначе; и невнимание дворянства к своим обязанностям было одной из причин революции; они забыли, что, пренебрегая трудящимися или угнетая их, они обрекают себя на гибель.

--

Когда римляне (с историей которых мы достаточно хорошо знакомы) разбогатели, распределение собственности стало очень неравномерным, и привязанность народа к своему правительству ослабла, средние классы утратили свое значение, а низшие слои свободных граждан превратились в простой сброд. Когда Рим был беден, народ не требовал хлеба, но когда кирпичные здания превратились в мраморные дворцы, когда минога продавалась за пятьдесят

шесть фунтов, народ стал деградировавшим населением, не намного лучшим или менее беспорядочным, чем лаццарони Неаполя. Пожертвование зерна было взяткой для римского гражданина, хотя, возможно, нет такого крестьянского сословия в самом отдаленном уголке Европы, которое в обычное время считало бы такое пожертвование достойным протеста или благодарности.

Римляне, в то время, когда Цинцинат держал в руках плуг, а завоеватели народов жарили свою репу, считали бы себя униженными, если бы ели хлеб, полученный такими средствами; но после завоевания мира с римлянами все изменилось.

В более позднем примере мы можем проследить аналогичный эффект, вызванный не очень отличающейся причиной.

Мы лучше знаем законы и нравы римлян 2000 лет назад, во времена Первой Пунической войны, чем законы и нравы Англии во времена Генриха IV. У них были установленные законы, их государство было молодым, а распределение собственности было достаточно равным.

См. Арбутнот о монетах.

Не напоминают ли суповые лавки, появившиеся недавно и, безусловно, созданные с благими намерениями, те времена римской нищеты и великолепия?

Следует отметить, что эти пожертвования делались не из-за нехватки продовольствия, а для того, чтобы избавить людей от необходимости работать, чтобы заработать на хлеб; они стали ленивыми телом и деградировали духом.

--

Неравное распределение собственности во Франции было одной из главных причин революции, целью которой было свержение существующего порядка вещей. Незнание крупных землевладельцев о своих истинных интересах и их малочисленность не позволяли им защитить себя. Средние сословия были недовольны и желали перемен, а низшие сословия были настолько деградированы, что при первом же сигнале они стали такими же мятежными и подлыми, как плебеи в Риме во времена его величия.

Несомненно, что это было связано не только с неравномерным распределением собственности, были и другие причины, но эта была главной. Доказательством тому, что так было в Англии, где собственность распределена более равномерно, чем во Франции, является то, что простой народ более привязан к правительству и отличается другим духом, хотя он меняется с момента недавнего большого притока богатства в эту страну и с момента накопления трудностей, с которыми столкнулись средние классы, в то время как те, кто обладает большим состоянием, чувствуют, что им легче, чем когда-либо ранее, увеличить его.

В тех частях страны, где богатство прогрессировало меньше всего, характер народа лучше всего сохраняется среди низших классов; и обратный прогресс этого характера и приобретения богатства достаточно поразителен, чтобы быть замеченным даже тем, кто не является ни очень внимательным, ни очень тонким наблюдателем.

Недовольство и зависть возникают из сравнения; и там, где они становятся преобладающими, общество никогда не может просуществовать долго. Они являются врагами честного труда.

Какими бы ни были обманчивые теории, которыми злонамеренные, коварные и хитрые люди иногда обманывали широкие массы народа, они никогда не были успешны, за исключением тех случаев, когда они могли бороться под видом справедливости и тем самым вызывать недовольство. Неравное распределение собственности часто служило им в этом случае.

Парижское население было инструментом в руках тех, кто разрушил прежнее правительство, так же как регулярная армия находится в руках того, кто создал нынешнее.

--

[возможное опущение — страница 128 заканчивается как указано выше, страница 129 начинается следующим образом...]

в то время как это увеличивало невежество и уменьшало число врагов, с которыми им приходилось сталкиваться.

Поскольку это зло достигло большей степени в странах, которые в совокупности менее богаты, чем Англия, оно не является самой опасной проблемой, с которой мы сталкиваемся;

однако, поскольку в последние годы тенденция к его росту очень быстро усиливается, мы ни в коем случае не должны игнорировать его. Следующая глава будет посвящена вопросу о том, как в некоторых случаях можно противодействовать этому явлению, а в других — модифицировать и маскировать его, чтобы в определенной степени предотвратить вредные последствия, которые естественно из него вытекают.

Из всех способов накопления собственности в определенных руках наиболее опасным является земельная собственность; не только из-за права наследования и закона о первородстве (которые относятся только к земле), но и потому, что это собственность, которую легче всего удержать, которая менее всего подвержена отчуждению и единственная, которая увеличивается в цене в государстве, которое становится богаче.

Стоимость земельной собственности увеличивается без увеличения ее площади, когда страна становится богаче. Состояние, сданное в долг под проценты, уменьшается по мере падения стоимости денег. Состояние, вложенное в торговлю, подвержено рискам и требует трудолюбия для его сохранения: но, как было замечено, трудолюбие никогда не встречается в течение длительного времени у одной и той же группы людей; следовательно, существует лишь несколько богатых людей, за исключением тех, кто приобрел свое состояние самостоятельно, и их число никогда не может быть очень большим или чрезмерно растущим.

Помимо того, что у нас есть факты, доказывающие, что не существует очень больших состояний, за исключением земельных, вряд ли кому-то могло ускользнуть из виду, что ничто другое не вызывает такого недовольства и не демонстрирует неполноценность людей, которые не имеют такого состояния.

Несомненно, что существует постоянная тенденция к накоплению собственности в руках отдельных лиц, поскольку среди европейских наций самые древние демонстрируют наиболее яркие контрасты между бедностью и богатством.

Если человек обладает богатством в любой другой форме, о нем можно узнать только по его расходам, и оно быстро уменьшается из-за неэффективного управления; но большие земельные владения, которые редко находятся под хорошим присмотром, управляются неэффективно в ущерб обществу, но без ущерба для владельца.

--

Страны, получающие богатство от торговли, менее подвержены этой опасности, чем другие; по крайней мере, мы склонны так думать, исходя из нынешнего положения дел: однако, возможно, мы не совсем правы в этом выводе.

Во Франции были, а в Германии, России и Польше есть некоторые огромные состояния, хотя общее богатство далеко не равняется богатству Англии: столько о сравнении между современными странами. Кроме того, несомненно, что в Англии во времена Плантагенетов и Тюдоров были некоторые состояния, гораздо большие, чем в настоящее время. Тогда Англия была далеко не так богата, как сейчас, и имела очень мало торговли: таким образом, кажется, что независимо от того, сравниваем ли мы Англию с тем, чем она была до того, как стала богатой и торговой страной, или с другими странами в настоящее время, которые не являются богатыми, торговля и богатство, по-видимому, способствовали разделению богатства и сделали это разделение более равным, а не привели к его накоплению в руках отдельных лиц и к его неравномерному распределению.

Прежде чем мы будем слишком категоричны в отношении причины, хотя и признаем этот эффект, давайте поинтересуемся, нет ли каких-то других обстоятельств, характерных для нынешней ситуации в Англии, которые могут, если не полностью, то хотя бы частично, объяснить это.

Форма правления в Англии отличается от формы правления в любой из этих стран. Она также отличается по своей сути, хотя и не по форме, от той, что существовала при Плантагенетах и Тюдорах. Благосклонность двора не может обогатить семью в этой стране, а действие закона достаточно равноправно. Поскольку ни защита, ни звание в этой стране не поднимают человека над остальным обществом, самый богатый подданный вынужден своими расходами добиваться того уважения, которое он получил бы другими средствами при другой форме правления, и он так же вынужден платить свои долги, как и любой другой человек.

Два века назад земля продавалась за двенадцать лет покупки, и рента в пять раз выше, чем тогда; 10 000 фунтов, потраченные на покупку земли тогда, сейчас приносили бы 5000 фунтов в год. Если бы те же деньги были одолжены под проценты, они принесли бы только 500 фунтов стерлингов. Земля также была бы продана за 140 000 фунтов стерлингов. Денежный капитал остался бы прежним.

--

Однако предметом рассмотрения является не огромное богатство одного человека или даже нескольких человек. Окажется, что большое количество людей, которые живут на доходы, достаточно обильные, чтобы избавить их от забот и внимания и позволить им наносить ущерб нравам народа (поскольку они не нуждаются в экономии, не испытывают никаких нужд и не вносят никакого вклада своими собственными усилиями в его богатство или силу), является очень большим злом, которое имеет тенденцию постоянно усиливаться.

Но если этот процесс продолжается, пока нация приобретает богатство, то насколько быстрее он не прогрессирует, когда она приближается к своему упадку? Именно тогда крайняя нищета и крайнее богатство проявляются в самой поразительной степени.

Высшие классы никогда не могут быть заставлены вносить свой вклад в процветание государства; там, где нет средних классов, связывающих высшие и низшие сословия и защищающих низшие сословия от власти высших, государство должно постепенно приходить в упадок.

Именно в средних классах заключаются свобода, интеллект и трудолюбие страны. Высший класс может быть очень интеллектуальным, но он никогда не может быть многочисленным; и, будучи выше чувства нужды, за исключением нескольких случаев (когда природа наделила богатых врожденными хорошими качествами), от них нельзя ожидать или получить ничего для общего блага.

От рабочих и трудящихся классов, опять же, мало чего можно ожидать. Они выполняют возложенную на них роль, когда выполняют свой долг перед собой и своими семьями; у них нет ни свободного времени, ни других средств, чтобы вносить вклад в общее процветание как общественные деятели; они, действительно, платят больше своей доли налогов почти в каждой стране; но они не могут напрямую, даже путем выборов, участвовать в управлении страной.

Во Франции самым богатым подданным короны был принц крови и т. д.

В этом случае английская форма правления хороша, потому что она не только мешает любому человеку забыть, что он человек, но и всякий раз, когда появляется какая-либо амбиция, никто в этой стране не может подняться выше необходимости действовать с подчиненными и сочувствовать им, у которых иногда приходится просить одолжений, чего никогда не бывает при чистой монархии.

--

Если какое-либо количество людей захватывает все земли нации, то рабочие, живущие на этих землях, оказываются в ущербном положении; они становятся менее здоровыми и менее важными членами государства, чем были бы в ином случае.

Необходимость не оказывает на людей такого благотворного влияния в условиях крайне неравномерного распределения собственности, как в условиях, когда переход от бедности к богатству происходит более плавно.

Поскольку действия тела вызваны воздействием на ум, и поскольку нет надежды на получение богатства там, где оно распределено очень неравномерно, то и усилий не будет там, где нет надежды.

Когда нет четкой иерархии и разделения собственности, соперничество, которое является стимулом к действию, при исчезновении абсолютной необходимости полностью исчезает; таким образом, низшие классы деградируют и теряют мотивацию, что, как правило, наблюдается в странах, прошедших пик своего развития; противоположное явление регулярно и постоянно наблюдается в странах, находящихся на подъеме.

Помимо деградации и апатии, вызванных в низших слоях неравномерным распределением собственности, тем самым разрушается самая приятная и прочная связь общества. Эта связь заключается в привязанности низших классов к тем, кто находится непосредственно над ними. Там, где расстояние велико, связь слабая и основана лишь на удобстве, а не на сходстве чувств, случайном обмене добрыми поступками или взаимными услугами. Таким образом, все общество становится, так сказать, разъединенным, и если цепь и не разорвана полностью, то она, по крайней мере, утратила ту силу и гибкость, которые необходимы либо для подъема нации к величию, либо для поддержания ее после того, как она поднялась на более высокую ступень ранга или власти.

В Англии это менее характерно, чем в любой другой стране.

Странно, как возможность, которая является матерью надежды, влияет на страсти и контролирует их. Зависть обычно направлена на тех, кто лишь немного выше нас. Людей, которые завидуют королям или влюбляются в принцесс, считают сумасшедшими, и на самом деле они таковы, если только сами не принадлежат к тому же сословию.

Любовь, например, которая не является добровольной страстью и не поддается контролю разума, должна, согласно вероятности, иногда заставлять разумного и мудрого человека влюбиться в принцессу, но этого никогда не происходит. Похоже, что для того, чтобы стать объектом желания, должна быть надежда, основанная на разумном ожидании получения этого объекта. В низших слоях общества она может быть очень небольшой, когда они смотрят на богатых, и у них нет промежуточного сословия, которому они могли бы завидовать или подражать.

--

Среди причин упадка богатых наций это одна из них. Великие теряют из виду источник своего богатства и перестают считать, что все богатство происходит от труда и что, следовательно, трудолюбивые и производительные классы являются источником богатства и власти. Французская нация, о которой мы уже упоминали, находилась в таком положении до революции. Рим находился в таком же положении перед своим падением. Однако мы не должны ожидать, что это будет основной причиной падения всех наций; многие из них пали по внешним, а не внутренним причинам. Венеция, Генуя и все места, процветавшие в средние века, пали по другим причинам. Какой бы ни была их внутренняя энергия, их судьба не могла быть изменена, а их падение предотвращено. Иначе обстоит дело с нациями, территория которых достаточно велика, чтобы защитить их от нападений врагов, и где местная ситуация такова, что защищает их от изменений в каналах торговли, которые являются причиной упадка, которому не может противостоять никакая сила, присущая самой нации.

В Испании и Португалии преобладают внутренние причины, и в некоторой степени, хотя и не полностью, в Голландии. Если Англия когда-нибудь падет, внутренние причины должны будут сыграть большую роль в этой катастрофе. Таким образом, в этом исследовании мы должны учитывать внутреннее состояние страны как очень важное.

Когда собственность распределена очень неравномерно, денежный капитал нации, от использования которого, наряду с ее промышленностью, зависит ее богатство или доход, начинает применяться менее выгодно. Предпочтение отдается занятиям, которые позволяют получать деньги с наибольшей легкостью и уверенностью, хотя и в меньшем количестве. Предпочтение также отдается видам деятельности, которые считаются наиболее благородными и независимыми.

Производители стремятся стать торговцами, а торговцы — просто кредиторами или агентами. Детали занимают брокеры, люди, которые берут на себя хлопоты и понимают суть тех или иных отраслей, которыми занимаются, но не предоставляют капитал.

Голландцы были ярким примером этого. Независимо от тех великих политических событий, которые, так сказать, завершили разрушение их страны, они уже давно перестали оказывать ту большую поддержку промышленности, которая вначале принесла им богатство и власть столь удивительным образом. В последнее время они стали скорее агентами для других, чем торговцами от своего имени, так что капитал, который в одно время приносил, вероятно, двадцать или двадцать пять процентов годовых, а даже в последнее время приносил десять или пятнадцать, использовался таким образом, что приносил едва ли три.

Если бы было возможно использовать крупные капиталы с такой же выгодой и заставить их привести в движение и поддерживать столько же промышленности, сколько делают это мелкие капиталы, то накоплению денег в стране едва ли было бы каких-либо пределов; но этому мешает огромное количество различных причин.

Поэтому все, что способствует накоплению капитала нации в руках немногих (лишая тем самым большинство), не только увеличивает роскошь и развращает нравы и мораль, но и снижает активность капитала и промышленности страны.

Во всех великих городах, которые сейчас находятся в состоянии упадка, мы видим семьи, живущие на проценты от денег, которые раньше занимались производством или торговлей. Антверпен, Генуя и Венеция были полны таких людей, но эти люди не рискнули бы вложить ни одного шиллинга в новое предприятие. В их представлениях связь между промышленностью и доходом была утрачена. Они ничего не знали об этом, а остатки трудолюбивых людей, которые все еще культивировали древние способы приобретения богатства, считались низшим классом людей, зависящих от менее надежных средств существования и, как правило, испытывающих большую нехватку капитала, который, как только они обладали им в достаточном количестве, позволял им следовать тому же примеру и уйти на менее богатое, но более уважаемое и бездеятельное занятие — жизнь на проценты.

Странно, что когда эта страна была далеко не так развита, как сейчас, почти все купцы торговали на свой капитал; они покупали товары, платили за них, продавали их и ждали прибыли; но сейчас все совсем иначе. Они покупают в кредит, выписывают векселя тем, кому продают, и постоянно вынуждены получать скидки, или, другими словами, занимать деньги до наступления срока оплаты; поэтому можно сказать, что они торгуют капиталом ростовщиков, которые предоставляют им скидки.

--

В странах, где есть дворянство, капитал коммерческого мира постоянно переходит к ним, либо через брак дочерей, либо другими способами, которые богатые люди используют, чтобы стать дворянами. Даже там, где нет дворянства, класс граждан, живущих без какой-либо непосредственной связи с торговлей, считает себя высшим сословием общества и становится предметом зависти других. Похоже, что нет никаких средств, которые могли бы помешать капиталу, когда он распределен неравномерно, быть инвестированным наименее прибыльным способом, приносящим доход. Когда он распределен более равномерно, он используется таким образом, который приносит максимально возможный доход, путем привлечения к работе и поддержания максимально возможного количества рабочей силы.

Если в стране или регионе с очень неравномерным распределением богатства нет достаточных средств для использования капитала, то бедные страны предоставляют множество возможностей. Соответственно, каждая из стран, штатов или городов, которые когда-либо были богатыми, предоставляли тем, кто в этом нуждался, капитал под низкий процент. Амстердам ссужал большие суммы Англии, России и Франции. Французы были должны очень большую сумму Генуе в начале революции. Антверпен, Кельн и каждый из древних, богатых и пришедших в упадок городов вкладывали деньги в руки иностранных государств или ссужали их немецким князьям или крупным землевладельцам под залог их поместий. Американские фонды нашли покупателей среди богатых людей по всей Европе, когда они не могли найти их в своих собственных штатах ; и, вероятно, что в настоящее время значительно большая часть их долга находится в руках иностранцев.

Таким образом, богатые страны упускают из рук средства, с помощью которых было приобретено богатство ; каждый человек в новом или старом государстве следует своим собственным интересам и склонностям при распоряжении своим имуществом. В новом государстве индивидуальные интересы и интересы страны, как правило, совпадают; в старом же они противоположны друг другу, и это противостояние значительно усиливается неравным распределением собственности. Средний класс собственников никогда не ищет наиболее прибыльного вложения для своих денег; очень богатые люди всегда склонны искать надежную гарантию и определенную выплату, не принимая во внимание интересы своей страны.

Будет желательно противодействовать тенденции к накоплению собственности, не ущемляя при этом права отдельных лиц. В Четвертой книге =sic - нет= будет внимательно рассмотрен способ достижения этой цели.

ГЛАВА VI.

О внутренних причинах упадка, которые возникают в результате того, что продукты земли становятся недостаточными для пропитания роскошного народа. — О монополии.

Уже упоминалось, и мы видели на примере Рима и Италии, что страна, которая была способна прокормить определенное население, когда нравы людей были простыми, становится неспособной делать это, когда богатство привносит роскошь.

Случай римлян, хотя и является наиболее явным из всех и обстоятельства которого наиболее известны, лишь частично применим к исследованию последствий роскоши в наши дни. Природа роскоши, природа человеческих потребностей и распространение этой роскоши, ее распределение между различными классами настолько отличаются от того, что было раньше, что сравнение едва ли уместно в каком-либо отдельном случае.

Огромный рост населения (по сути, вынужденного) в небольшой стране, а также преобразование больших участков земли из сельскохозяйственных в рекреационные были основными причинами, по которым Италия в последнее время не могла обеспечить себя зерном. Везде, где богатство приходит легче и в изобилии, другими средствами, кроме сельского хозяйства, оно в определенной степени игнорируется. Возделывание земли перестает быть целью там, где легче купить. Это, безусловно, всегда и везде является одним из последствий притока богатства, откуда бы оно ни поступало и каким бы образом ни приобреталось, хотя в Италии это ощущалось, пожалуй, сильнее, чем в любой другой части мира. Способ, которым богатство поступает в страну, оказывает большое влияние на потребление продукции в зависимости от того, в чьи руки оно попадает в первую очередь. В Риме богатство попадало в руки великих. Рабы и слуги, хотя и были более многочисленны, питались, возможно, так же, как рабы в более ранние периоды, хотя, вероятно, не так экономно. В промышленно развитой стране большая часть богатства сначала попадает в руки трудящихся, которые затем живут лучше и потребляют больше продуктов земли; не потому, что едят больше, а потому, что едят продукты другого качества.

В каждой промышленной или торговой стране богатство проявляется в общем изобилии среди низших слоев населения, и средства для обеспечения этого большего потребления такие же, как и в Риме. Деньги, поступающие из других стран, позволяют сообществу закупать в других странах недостающие продукты и предотвращают ощущение негативных последствий в данный момент.

Когда со временем возникает трудность с получением поставок из-за нехватки продукции в самой стране, тогда начинается упадок; и поскольку ни богатство, полученное в результате завоеваний, колонизации или торговли, не имеет большого отношения к ежедневной пище народа, его влияние вскоре ощущается очень разрушительным и ужасным образом.

Англия — величайшая страна для широкой торговли, которая когда-либо существовала, однако объем всей ее внешней торговли едва ли может обеспечить народ хлебом, и уж тем более не может обеспечить всеми простыми предметами первой необходимости. Поэтому, если такая страна, как эта, не в состоянии обеспечить себя предметами первой необходимости, весь торговый баланс, который сейчас в ее пользу, не будет достаточен для восполнения значительного дефицита.

Желание питаться животными продуктами вместо растительных очень распространено и среди людей, живущих за счет производства, всегда будет удовлетворяться. Если страна была полностью заселена до того, как животные продукты стали так широко использоваться, то есть если население было столь же многочисленным, сколько могло прокормить растительная продукция страны, то, поскольку та же самая площадь земли не может прокормить такое же количество людей животными продуктами, возникнет необходимость импортировать недостающее.

Изменение, которое это вызывает, когда оно начинает действовать, является наиболее мощной и эффективной причиной упадка; и без вмешательства завоеваний или каких-либо насильственных революций оно само по себе было бы достаточно, чтобы в первую очередь обеднить, а во вторую — обезлюдить страну.

Мы видим, что каждая страна, которая когда-то была богатой, но пришла в упадок, слабо заселена; и если бы не отсутствие информации, из которой можно было бы выяснить причину, то, скорее всего, одной из наиболее вероятных причин оказался бы дефицит продовольствия.

Фландрия, одна из самых плодородных стран Европы, пережившая частичный упадок, вероятно, не так густонаселена, как когда-то. Ее нынешнее население не смогло бы прокормить те армии или обеспечить ей то положение среди наций, которое она когда-то занимала. Правда, были преследования и эмиграции, которые, несомненно, привели к сокращению населения страны на некоторое время, но не в такой степени, чтобы объяснить такое уменьшение ее численности, как есть основания полагать, что произошло.

Гент, город удивительных размеров, в свое время мог выставить пятьдесят тысяч воинов. В настоящее время (то есть в то время, когда французы подчинили страну) он, безусловно, не мог бы выставить и четверть этого числа. Гент — не единственный город, находящийся в таком положении, все остальные города пришли в упадок таким же образом. Когда производство пришло в упадок, люди не уехали жить в сельскую местность, поскольку она также малонаселена, учитывая бедность почвы.

Крестьяне этой страны жили гораздо лучше, чем их французские соседи; по-видимому, они с большей легкостью воспитывали своих детей и кормили их более сытно; но страна была не так густонаселена, по сравнению с ее плодородием.

В южных климатических условиях, где солнце очень жаркое и растительность с трудом растет, если урожай не защищает землю от его воздействия, естественная трава никогда не бывает пышной, а скот не такой крупный и упитанный, как в более северных широтах. С другой стороны, кукуруза, которая до наступления жаркого сезона вырастает до достаточной высоты, чтобы защитить землю от солнечных лучей, является более прибыльной культурой и, по сути, единственной, которая (за исключением картофеля) может прокормить большое население.

В таких странах практически никакой уровень общего благосостояния не позволил бы трудящимся классам питаться животными продуктами. Никакое богатство, как можно предположить, не позволило бы жителям южных районов Франции или Испании питаться мясными продуктами, которые, если бы они стали пользоваться общим спросом, были бы дороже птицы или даже дичи. Абсолютная необходимость питаться овощами, или, скорее, абсолютная невозможность приобрести привычку питаться животными продуктами, должна, таким образом, в этих странах противодействовать вкусу и предотвращать депопуляцию, вызванную этой причиной.- Но совсем иначе обстоит дело в более северных странах, где для индивидуума, обладающего определенным достатком, с точки зрения затрат практически не имеет значения, питается ли он растительной или животной пищей, и где он отдаёт явное предпочтение первой.

Вероятно, что природа (так замечательно приспособляющая нравы жителей к характеру страны) сделала тяжелую животную пищу менее подходящей для вкусов южных народов, чем для северных. Действительно, есть основания полагать, что это так, но, независимо от того, так ли это или нет, поскольку здесь речь идет не о естественной философии, а о политической экономии, факт остается фактом: если бы южные народы имели такую же склонность, было бы невозможно удовлетворить ее в равной степени.

Поскольку богатство и власть тесно связаны с населением и в значительной степени зависят от него, то везде, где они являются причиной внедрения вкусов, которые в конечном итоге приведут к обезлюдению страны, они в той же мере подрывают свою собственную опору и приводят к упадку. Это относится ко всем северным странам, и в особенности к Великобритании; поэтому, чтобы полностью раскрыть эту тему, будет лучше приступить к тщательному изучению, когда мы перейдем к непосредственному применению этого случая к нашей стране и поиску решения.

Соотношение между ценами на хлеб и мясо поможет сделать вывод по этому вопросу. Чем теплее и суше климат, тем дешевле хлеб в пропорциональном отношении. В Париже, где климат

сухой, но не очень теплый, в обычное время это соотношение составляло четыре к одному. Буханка хлеба весом четыре фунта и фунт мяса должны были стоить примерно одинаково, но мясо, как правило, было дороже. В Англии соотношение (до недавнего скачка цен) составляло примерно два к одному, а в Ирландии, где почва и климат более влажные и более благоприятные для скота, мясо по-прежнему было дешевле. Бедность населения не позволяла ему питаться животными продуктами, но пахта (продукт животного происхождения) и картофель, более дешевый овощ, являются их основным питанием.

--

Хотя эта причина депопуляции, вызванная богатством и увеличением потребления пищи, характерна для северных народов, существуют и другие причины, которые оказывают аналогичное влияние, но в большей степени сказываются на жителях юга.

В теплом климате отдых от труда является большой склонностью, которой легко поддаться. Ни в одной северной стране не найти столь ленивых людей, как лаццароне Неаполя. Если народы севера стремятся потакать себе в большем потреблении, то народы юга склонны к праздности и меньшему производству, что приводит почти к тому же результату, поскольку, производят они что-либо или нет, они все равно должны что-то потреблять. Та же апатия и стремление к покою, которые порождают праздность и нищету среди бедных, заставляют богатых нанимать большую свиту слуг, а поскольку эти слуги склонны к праздности, они работают за низкую плату при условии, что им приходится выполнять легкую работу. Таким образом, плодородие почвы и другие природные преимущества уничтожаются характером жителей.

Однако не похоже, что этот характер поощрялся или потакался в какой-либо вредной степени, пока богатство не испортило первоначальные нравы жителей. Египтяне, греки и римляне все выполняли работы, требующие больших усилий. Они поощряли промышленность и искусства и стали великими, богатыми и многочисленными; но, когда они однажды пришли в упадок, та же участь постигла всех их потомков.

Из всех стран, которые когда-то были великими, а затем пришли в упадок, Италия лучше всех сохранила свое население; но для этого есть очевидная причина, заключающаяся в естественной плодородности страны и ресурсах, которые по-прежнему поступают от иностранцев, которые никогда не переставали посещать эту некогда знаменитую столицу искусств и военной славы.

Число лошадей и домашних животных, содержащихся за счет плодов земли, но не производящих ничего, по мере их размножения, в каждой стране, где преобладает богатство, можно считать причиной депопуляции, не ограниченной какой-либо частью мира. Таким образом, мы видим, что либо одна и та же причина действует повсеместно, либо разные причины

производят один и тот же эффект в разных странах, тем самым сводя их все гораздо ближе к равенству, чем мы могли бы себе представить вначале.

После эпохи Августа население Рима, по-видимому, очень быстро деградировало, о чем ясно свидетельствуют пожертвования зерна. Если бы страны-плательщицы не предоставили средства для обеспечения продовольствием, готам не пришлось бы грабить город, так как люди погибли бы от голода.

--

Было замечено, что когда богатство попадает в руки рабочего класса и позволяет ему полакомиться животными продуктами, это оказывает большее влияние на потребление продукции, чем если бы то же богатство попало в руки богатых; однако это в некоторой степени компенсируется тем, что они не держат лошадей для удовольствия, которые являются крупнейшими потребителями продукции земли. Одна лошадь потребляет столько же, сколько семья из четырех человек, питающаяся кукурузой и обычными овощами, используемыми в Англии, и столько же, сколько две семьи, живущие, как в Ирландии или Шотландии, на овсяной каше, молоке и картофеле.

Поскольку мы видим, что депопуляция является одним из последствий, которые повсеместно вызываются упадком, она должна иметь какую-то столь же общую причину, и эта причина должна быть связана с состоянием богатства и величия, поскольку она не представляется необходимым следствием упадка. Мы можем легко представить себе народ, деградировавший и многочисленный, вынужденный жить в бедности, как в Неаполе, Каире и некоторых других местах: но если взять все эти страны в совокупности, мы увидим явные признаки сокращения населения, и это сокращение не является прогрессивным, а носит длительный характер. Эти страны, похоже, достигли нового максимального уровня населения, значительно уступающего прежнему, сразу после того, как они перестали быть богатыми и процветающими.

Возможно, именно из этой причины возникла идея законов о роскоши; хотя в некоторых случаях гордость за свое отличие могла побудить правителя принять такие законы, а высшие слои общества — просить об их принятии, они всегда считались средством предотвращения разорительной расточительности. Когда государства становятся очень богатыми, они могут считать такие правила нелепыми, и, возможно, они и не нужны, и не эффективны; тем не менее, должно быть какое-то основание для общего мнения об их полезности. Хотя в настоящее время не принято считать мнение правильным только потому, что оно является общепринятым, а его распространенность в невежественные времена считается признаком его ошибочности, тем не менее наблюдательность и здравый смысл никогда не исчезали ни в одном из периодов, и именно из этих источников возникают такие максимы и мнения. Любой человек, который путешествовал сначала по Италии и Испании, а затем по Англии и Америке, скорее всего,

придумал бы законы о роскоши, если бы никогда раньше не слышал о таких вещах. Применяя законы о роскоши как средство предотвращения упадка, путешественник, возможно, был бы очень причудлив, иногда запрещая то, что никогда не было бы предпринято, но в его общем намерении не было бы ничего смешного.

Несомненно, будет обнаружено, что среди всех причин упадка наций рост потребления и снижение производства принимают самые разнообразные формы и наиболее маскируются; поэтому от них следует тщательно остерегаться, тем более что их последствия, по-видимому, трудно исправить.

Поскольку способ, которым страна приобретает богатство, оказывает значительное влияние на привычки народа, страна, приобретающая богатство путем завоеваний или колонизации, естественно, должна тратить его на роскошь и великолепие.

Купцы менее роскошны, чем завоеватели и плантаторы. Их показность имеет иной характер; и, поскольку состояния, приобретенные таким образом, распределены более равномерно, они не могут позволить себе столь же широких завоеваний. Кроме того, купцы редко бывают полностью независимыми от кредита и промышленности; по крайней мере, при приобретении своего состояния они таковыми не были; и поэтому, независимо от того, сохраняется ли необходимость или нет, однажды приобретенная привычка никогда не исчезает полностью.

Производители, в свою очередь, еще менее великолепны, чем купцы. У них дары судьбы распределены более равномерно, чем у трех других классов, и они редко достигают более чем обычного уровня благосостояния, который дает им возможность удовлетворять личные потребности, жить гостеприимно, легко и комфортно.

Если бы, например, в Манчестере или Бирмингеме был закон, запрещающий кому-либо держать более пятидесяти слуг в ливреях или зажигать более трех дюжин восковых свечей одновременно, это было бы похоже на насмешку и было бы совершенно бесполезно; в Риме это было бы очень полезно.

--

Большая часть богатства, созданного производством, и которое, по сути, распределяется довольно равномерно, достается рабочим, которые тратят почти все на личные удовольствия.

Количество пищи, которое может потреблять человек, практически ограничено природой, но площадь земли, на которой выращивается эта пища, зависит в основном от качества. Так, например, для пропитания ста человек, питающихся животными продуктами, потребуется почти в десять раз больше земли, чем для пропитания стольких же людей, питающихся растительной пищей; и по мере роста богатства животные продукты всегда пользуются большим спросом. Это очевидно из множества доказательств, которые едва ли нуждаются в иллюстрациях. В Лондоне, который является самой богатой частью Англии, потребляется больше животной пищи, чем в любой другой части страны, в пропорции к численности населения; а в сельской местности ее всегда меньше, чем в городах. В сельской местности и в городах Англии потребляется больше, чем в любой пропорциональной части Шотландии, Франции или, по сути, любой части Европы. Несмотря на то, что продукты животного происхождения здесь дорогие, их доля в заработной плате или общем богатстве меньше, чем в любой другой стране. В каждой стране с ростом богатства увеличивалось потребление продуктов земли.

Голландцы, похоже, хорошо осознавали опасность того, что богатство заставляет людей слишком много потреблять. Человек, живущий в умеренных условиях, теряет там свой кредит, если жарит мясо, а не варит его. Это считается расточительством и, как таковое, является поводом для потери доверия к нему: это почти так же плохо сказывается на кредите человека, как если бы его увидели выходящим из игорного дома.

Возможно, кто-то скажет, что бережливость голландцев смешна, но мы не должны приписывать это просто бережливости, а скорее чувству, схожему с тем, которое мы испытываем в Англии, когда видим, как тратится хлеб. Оно возникает из чувства общей нужды, а не из-за конкретной потери, что является совершенно другим явлением. Если человек неосмотрительно раздает деньги, эта потеря касается только его самого, а не общества. Поскольку не может быть дающих без получающих, это просто смена рук, но на этом все заканчивается. Привычка растрачивать — это другое дело, это общая потеря, и поэтому она наносит ущерб как обществу в целом, так и отдельному человеку.

Когда такое увеличение потребления происходит в значительных масштабах, это является верной причиной депопуляции. Как тесно связаны между собой депопуляция и упадок, очень легко и хорошо понять; действительно, невозможно не видеть их тесную связь.

Пока экспорт страны составляет большую сумму, несколько миллионов можно без особого труда выделить на импорт продовольствия; но зло может незаметно нарастать, пока не станет невозможно его исправить. Бедствие, которое должно быть вызвано в таком случае, не поддается исчислению; ибо хотя в периоды изобилия предпочтение отдается животной пище, при наступлении какого-либо недостатка, который может быть восполнен только зерном, ни в одной стране нет достаточного богатства, чтобы обеспечить его в значительных количествах в течение нескольких лет.

Автор примечаний к работе доктора Смита «Исследование о богатстве народов» подсчитал, что если бы в Англии в течение нескольких лет подряд поставки зерна сократились на четверть, то не было бы возможности найти ни зерно для покупки, ни корабли для его транспортировки, ни деньги для его оплаты, не нарушив при этом полностью торговлю страны.

В каждой стране есть ряд людей, которые могут позволить себе жить более дорого, чем остальные; возможно, их число составляет четверть населения, но в бедных странах даже эта четверть не может позволить себе питаться продуктами животного происхождения. Однако если страна станет достаточно богатой, чтобы одна шестая часть населения питалась в основном продуктами животного происхождения, а остальные пять шестых — один день в неделю, то эффект будет таким, как если бы одна треть населения питалась ими постоянно, что потребовало бы на две трети больше территории, чем если бы все питались хлебом.

До последних двенадцати-четырнадцати лет Англия всегда могла экспортировать некоторое количество зерна, но теперь спрос на импорт большой и постоянный. Это оказало огромное влияние на торговый баланс, который, хотя и был значительным в течение нескольких лет, в целом не был равен тому, что был до американской войны, когда общий объем внешней торговли составлял менее половины того, что было за последние десять лет.

Если бы это было возможно, то это привело бы к бедности; но, поскольку избыток урожая над потреблением ни в одной стране не равен одной десятой ее общего дохода, а расходы на продукты питания составляют почти половину, богатство страны было бы скоро уничтожено, если бы было возможно получать поставки из других стран. Расчет для Англии с населением в девять миллионов человек был бы примерно таким.

В обычное время девять миллионов человек, питающихся хлебом, картофелем и т. д., потребуют около четырех миллионов акров земли, но девять миллионов человек, питающихся животными продуктами, потребуют тридцать шесть миллионов акров.

--

Те, кто считают, что такие вопросы находят свое решение и регулируются сами собой, могут быть правы в долгосрочной перспективе, потому что так и происходит. Но как? Когда наступит бедность и нужда, потребление мяса, без сомнения, уменьшится; когда страна не будет иметь средств для обеспечения себя, как это было, когда она была богатой, голод сыграет свою роль, став одним из регуляторов; но прежде чем это регулирование сможет вступить в силу, зло, которое мы хотим предотвратить, уже произойдет. Страна будет обезлюдена и разрушена.

Поэтому, пытаясь предотвратить упадок нации, мы не должны рассчитывать на противодействующую и регулирующую силу, которая, как известно, иногда очень выгодно вмешивается в дела людей. Хотя это и правда, что она вмешивается, но во всех подобных случаях это происходит слишком поздно, это следствие причины, которую мы хотим избежать; мы можем рассчитывать на нее только для того, чтобы остановить процесс со временем, но никогда для того, чтобы предотвратить его. Мы знаем, что расточительность человека ухудшает его состояние, и что сокращение средств в конечном итоге противодействует расточительности, но это происходит, когда уже слишком поздно, и после того, как он разорился. Расточительность можно остановить, но она не может остановиться сама по себе, поскольку сокращение средств является причиной прекращения расточительности и само по себе является следствием ранее существовавшей расточительности.

Рассматривая людей исключительно как производителей и потребителей (пропорция между которыми регулирует богатство нации), мы обнаруживаем, что в них самих заложена склонность к упадку. Но мы также обнаружим, что люди в богатых и роскошных странах не только производят меньше и потребляют больше, чем в менее развитых странах, но и увеличивают число непроизводительных рабочих, которые все потребляют, не производя ничего. Они также содержат животных, которые потребляют, но не производят ничего. Ни одна страна, в которой люди в основном питаются животными продуктами, не может быть густонаселенной. Двести человек на квадратную милю страны — это почти максимальная плотность населения любой страны Европы, то есть примерно три с четвертью акра на человека; но в среднем даже во Франции на каждого человека приходится более четырех акров.

Предположим, что половина земли возделывается, тогда на каждого человека приходится около двух акров.

Предположим, что треть этой земли потребляется лошадьми или другими рабочими животными; или предположим, что они не служат пищей для человека, тогда на содержание каждого человека будет приходиться почти один акр и четверть.

Однако, если все будут питаться полевыми овощами, то на одного человека потребуется только пол-акра; а если все будут питаться свежим мясом, то потребуется четыре акра; естественный вывод заключается в том, что одна четверть населения питается животными продуктами, а три четверти — овощами, или, что то же самое, что соотношение двух видов пищи составляет один к трем.

Согласно соотношению цен во Франции, равном четыре к одному, питание животными продуктами, безусловно, обойдется в два раза дороже, чем питание овощами; то есть, если единственным овощем был хлеб, предположим, что это так, то один фунт мяса заменяет два фунта хлеба, как это и есть на самом деле. В Англии, где говядина стоит всего в два раза дороже хлеба, с точки зрения цены практически не имеет значения, питается ли рабочий овощами или животными продуктами. Однако для вкуса и желудка это не безразлично, поэтому предпочтение отдается животной пище; но если бы это имело какое-то значение с точки зрения экономии, это

не помешало бы жителям страны, процветающей благодаря производству, есть ее и тем самым в конечном итоге опуститься до более низкого уровня населения, чем бедная страна, питающаяся растительной пищей.

Одна хорошая лошадь, хорошо содержащаяся, будь то для удовольствия или для работы (как уже было сказано), потребляет почти столько же, сколько умеренная семья.

Овощи, выращенные в огороде, будут гораздо полезнее, но это приблизительный средний показатель, поскольку данный вопрос не допускает и не требует точного исследования.

Это примерно обычное соотношение, хотя около года назад во Франции оно было в четыре раза выше.

--

Во всех странах, которые становятся богатыми, это является предметом рассмотрения, но в наибольшей степени, когда богатство приобретается за счет производства, когда низшие и многочисленные классы имеют возможность удовлетворить себя, наслаждаясь теми видами пищи, которые они считают наиболее приятными.

Это, как и другие изменения в манерах, частью которых оно является, является естественным следствием склонности, присущей человеческой природе; поэтому его нельзя предотвратить или устранить, хотя в определенной степени можно противодействовать ему. Способ противодействия ему не является общим, а зависит от обстоятельств, и будет рассмотрен при исследовании растущей опасности, возникающей из этой причины в английской нации.

В настоящее время нам остается рассмотреть еще одно зло, сопутствующее неспособности почвы обеспечить потребление страны.

Одним из наиболее тревожных обстоятельств, сопутствующих этой ситуации, является то, что продовольствие становится объектом монополии, а это самый опасный и разрушительный из всех объектов. Закон вмешивается в регулирование процентов по деньгам, но не в арендную плату за дома или другое использование собственности. Могут возникнуть обстоятельства, при которых необходимость получения денежного займа настолько велика, что заставляет заемщика согласиться на выплату процентов, которые могут привести к его разорению и дают заимодавцу

возможность вымогательства или получения непомерной прибыли. Такое же вмешательство было бы оправданным в любом случае, когда подобная необходимость ставит одного человека в зависимость от другого. Это относится ко всем необходимым предметам снабжения, которые, по сути, можно рассматривать как один предмет, поскольку цена одного из них связана с ценами всех остальных.

Продукты питания, в общем, являются товарами, которые не могут храниться в течение очень длительного времени; но, с другой стороны, они являются товарами, которые потребители должны приобретать в течение ограниченного времени и за которые они готовы заплатить непомерную цену, чтобы не остаться без них. Вмешательство закона в отношения между человеком и использованием его собственности должно быть как можно более редким, но никогда не было общепринятого принципа, что оно не должно иметь места вообще. Если в какой-то момент или в каком-то случае правовое вмешательство является правильным, вопрос о том, когда его следует осуществлять, становится просто вопросом целесообразности, вопросом обстоятельств, но не вопросом, допускающим общее решение.

Писатель с большой (и заслуженно большой) репутацией так много говорил на эту тему и рассматривал ее таким образом, который как разум, так и опыт доказывают, что это неправильно, что стало абсолютно необходимым обсудить этот вопрос. Монополия, перекупка и скупка, причем два последних явления являются лишь особыми формами монополизации, считались химерами, вымышленными практиками, которые никогда не существовали и не могут существовать. Их также приравнивали к колдовству, идеальному верованию, возникшему в эпоху невежества. Сейчас законодатели и министры твердо убеждены, что торговля должна регулироваться сама собой, что монополия не может существовать.

При всем уважении, которое по праву принадлежит ученому автору, высказавшему столь смелое мнение, можно спросить: поскольку в священной и светской истории, в древности и в наши дни, встречается множество примеров, когда в определенных случаях продукты продавались по цене, в сто раз превышающей их естественную стоимость (а любая цена, превышающая естественную, называется монопольной), как можно утверждать, что они не могут стать объектом монополии в более общем плане, хотя и не по столь завышенной цене?

Можно спросить: как можно сравнивать то, что так часто происходило в крайней степени, то, что считается возможным, с чудесным эффектом колдовства, о существовании которого, по-видимому, нет ни одного достоверного свидетельства? Одно, в любом случае, является естественным, а другое — сверхъестественным эффектом. Как их можно сравнивать?

Если мы знаем, что во время осады Мантуи цены на продовольствие выросли в сто раз по сравнению с обычными, то мы можем поверить, что то же самое было возможно во время осады Иерусалима две тысячи лет назад, а также во время осады Лейдена или Парижа. Если мы знаем, что за плохой ужин в гостинице, который не стоит и шиллинга, платят гинеею только потому, что в силу каких-то особых обстоятельств собралось больше людей, чем можно накормить, и что

голод не терпит отлагательств, можем ли мы оспаривать склонность к вымогательству с одной стороны и готовность подчиниться ему с другой?

Д-р Смит в своем исследовании «О природе и причинах богатства народов». Автор примечаний и продолжения, конечно, ответил на его аргументы, но это не делает менее необходимым сделать это здесь.

--

Если это признать, то вмешательство закона допустимо по тому же принципу, по которому оно регулирует проценты по деньгам, хотя и не в той же степени; то есть оно допустимо в отдельных случаях, когда последствия схожи, но не во всех случаях, потому что во всех случаях они не схожи.

В таком случае цена на продовольствие в определенных случаях может подняться до монопольной цены, как, например, цена на редкие продукты природы, количество которых не может быть увеличено, каким бы ни был спрос. Из этого следует очевидное следствие: цена растет по мере увеличения дефицита; но если бы это было единственным следствием, то зло не было бы столь велико, как оно есть на самом деле. Во-первых, беспокойство, связанное с риском нехватки столь необходимого товара, создает более сильную конкуренцию среди покупателей, чем степень дефицита вызвала бы в случае товара, менее необходимого и важного. В богатой стране это зло еще более усугубляется двумя другими причинами.

Высокая цена, которую может себе позволить одна часть общества, и богатство тех, кто продает, позволяют им удерживать продовольствие с рынка; первая причина действует почти одинаково во всех странах, поскольку тревога по поводу наличия продовольствия почти одинакова во всем мире. Но две последние причины действуют в большей или меньшей степени в зависимости от богатства покупателей и продавцов, поскольку стремление и способность первых к покупке, а также интерес и способность вторых удерживать товары от продажи регулируются степенью богатства страны.

Закон, касающийся денег, является общим законом, поскольку в любое время есть люди, которые нуждаются в них и готовы платить непомерные проценты. С продовольствием дело обстоит иначе, поскольку только изредка его невозможно приобрести по разумным ценам.

Доктор Смит делит продукцию на три разновидности: первые две — это продукты, которые могут быть произведены только в определенном количестве, независимо от спроса, и продукты, которые всегда могут быть произведены в достаточном количестве.

Это было доказано событиями 1789 года в Париже и 1790 года в Англии. Нехватка в Париже была настолько реальной, что в этом великом городе часто не хватало хлеба и ингредиентов для его приготовления даже на сутки тем не менее, его цена никогда не поднималась выше двойной обычной цены, или двух пенсов за фунт (то есть шестнадцати солей за четырехфунтовый хлеб), хотя люди были вынуждены ждать с шести утра до двух или трех часов дня, прежде чем могли купить по одному хлебу, и больше им не разрешалось покупать или уносить. В Лондоне, где хлеб всегда можно было купить за деньги в изобилии, его цена поднялась более чем в три раза по сравнению с обычной (один фунт и десять пенсов за четверть буханки), хотя хлеб является гораздо более необходимым продуктом для бедных в Париже, чем в Лондоне. Но дело в том, что в Лондоне люди богаче, и в каждом месте цена поднималась настолько высоко, насколько люди были способны платить.

--

Когда предметы первой необходимости становятся дорогими и достигают монопольной цены, все налоги и другие бремена, возлагаемые на народ, становятся сравнительно малозначимыми. В Англии, где налоги выше, чем в любой другой стране мира, они не превышают трех фунтов на душу населения, и по крайней мере половину из них можно избежать, проявив немного самоотречения. Но когда цены на продовольствие повышаются вдвое, это составляет по крайней мере четыре фунта на душу населения, так что последствия для населения страны оказываются чрезвычайно тяжелыми.

Но, несмотря на всю серьезность этого зла, оно, в силу обстоятельств и природы вещей, имеет тенденцию усугублять саму причину, из которой оно возникает. Хотя высокие цены снижают потребление продовольствия в целом, они в большей степени снижают потребление растительной пищи, или хлеба, чем животной. Хотя в периоды нехватки цены на все виды продуктов питания растут, хлеб, будучи продуктом, вызывающим наибольшую тревогу, дорожает пропорционально больше, чем другие продукты. Это поощряет склонность к употреблению животной пищи, а эта склонность поощряется абсурдной и ошибочной политикой (или, скорее, притворством политики), в соответствии с которой предписывается экономия на хлебе, а не на других продуктах питания, так что, когда люди поглощают животную пищу и усугубляют зло, они думают, что самым патриотичным и гуманным образом сокращают его.

Общая сумма налогов в этой стране не превышает четырех фунтов на душу населения, из которых одна треть полностью уплачивается богатыми или, по крайней мере, состоятельными людьми; таким образом, доля, уплачиваемая трудящимися, очень высока и составляет три фунта на человека.

Как во Франции, так и в Англии во время последнего голода рекомендовалось употреблять в пищу любые другие продукты, чтобы сэкономить запасы хлеба. Картофель был единственным заменителем, который действительно помогал облегчить страдания; все остальные продукты, и в частности животные продукты, только усугубляли их.

--

Опасность нехватки продовольствия, хотя и очень серьезная, не действует настолько мгновенно, чтобы служить оправданием для отсутствия размышлений, как сигнал тревоги о пожаре, когда желание спастись иногда мешает это сделать; однако факт остается фактом: все меры, которые обычно принимались в периоды нехватки продовольствия, скорее усугубляли, чем уменьшали бедствие.

В условиях монополии предполагается существование своего рода объединения между продавцами товара, когда этот товар не находится в руках одного человека или одной группы лиц. Но объединения бывают разных видов; есть явные объединения, в которые вступают люди, имеющие одинаковые интересы для достижения определенной цели. Они создаются на основе своего рода соглашения, когда интересы отдельных лиц и группы совпадают. Такие объединения, как правило, эффективны, но незаконны. Существуют не менее эффективные объединения, которые возникают просто в результате распространения информации о ценах и определенных обстоятельствах, от которых, как известно, зависят цены, среди всех заинтересованных лиц, которые сразу же знают, как действовать сообща. — Это не является незаконным.

Один изысканный историк сказал, что было время, когда папа римский, как руководитель группы музыкантов, мог регулировать деятельность всего духовенства в Европе, так что в один и тот же день со всех амвонов звучали одинаковые мелодии. Список цен на крупном зерновом рынке оказывает такое же влияние на умы всех продавцов в пределах определенного расстояния. Информация сейчас распространяется так быстро, что не остается места для неопределенности; все торговцы знают, как действовать в зависимости от обстоятельств, и все они ведут себя почти так, как если бы они были единым целым. Как игроки, которые выиграли большую сумму, вместо того чтобы поспешить продать, даже когда они опасаются падения цен, они удерживают свои запасы и рискуют потерять часть того, что они выиграли, продолжая спекулировать на благоприятном и выигрышном шансе, от которого они уже извлекли прибыль.

Иногда бывают комбинации, которые в интересах всего сообщества сохранить, но в интересах каждого отдельного участника разрушить, если он может сделать это безнаказанно; такие комбинации, как правило, быстро рушатся.

--

Торговцы товарами, которые легко продаются или на которые существует определенный спрос, в богатой стране никогда не испытывают трудностей с получением денег для покупок или для поддержания своих запасов; а прибыль настолько огромна, что нет другой столь же привлекательной спекуляции.

Поскольку арендная плата за землю в Англии составляет двадцать пять миллионов в год, а в обычный год она составляет одну треть от стоимости продукции, то из всех видов продукции земли ее стоимость составляет семьдесят пять миллионов. Но в 1799 году, когда цены выросли более чем вдвое, стоимость составила сто пятьдесят миллионов, из которых землевладелец получил (как обычно) двадцать пять миллионов, оставив фермеру и т. д. сто двадцать пять миллионов вместо пятидесяти, что было обычной суммой. Поскольку заработная плата слуг осталась прежней и в обычный год составляла бы одну треть ренты, на это ушло 8 миллионов, оставив 117 миллионов вместо 42, обычного остатка. Две трети стоимости ренты, или шестнадцать миллионов, в обычный год, как предполагается, идут на семена, содержание скота и рабочих; так что в том году часть, потребленная таким образом, должна быть оценена в двойной стоимости, или тридцать четыре миллиона, которые, вычтенные из ста семнадцати, оставляют фермерам восемьдесят три вместо двадцати пяти в обычный год: так что, когда цена удваивается, прибыль фермеров $\approx$ увеличивается более чем в три раза. В 1799 году фермеры, как известно, получили прибыль, равную прибыли за четыре обычных года, если предположить, что они были фактическими продавцами на рынке. На самом деле, несомненно, дело обстояло иначе в отношении тех, кто положил в карман прибыль, которая частично досталась только фермерам, а остальная часть — монополистам, дилерам, перекупщикам, спекулянтам и т. д., которые вкладывали деньги, чтобы поддерживать цену. Для общественности, которая платила, дело одно и то же, и для самого бизнеса нет большой разницы, кто получил прибыль или кто нашел капитал; поскольку они делили прибыль между собой и получали в три раза больше, чем в обычный год, они могли из продаж за первые четыре или пять месяцев произвести все выплаты за весь год землевладельцу и, следовательно, могли иметь средства для сохранения остатка столько, сколько они считали нужным.

Таким образом, пока существует дефицит, продовольствие в стране продается по монопольной цене, и торговцы, хотя и действуют индивидуально, ведут себя так, как будто они обладают одной общей монополией.

Прежде чем оставить эту важную тему, необходимо отметить, что, хотя торговцы продовольствием в периоды дефицита, то есть когда его не хватает для полного обеспечения потребления в стране, действуют, поддерживая цены, как если бы они обладали исключительной монопольной привилегией, тем не менее это единственные случаи, когда они поступают таким образом. Единственный монополист может уменьшить количество и, возможно, уничтожить его часть с выгодой для себя. Так, как говорят, поступила Голландская Ост-Индская компания со специями. Но отдельный торговец, хотя он и заинтересован в общей высокой цене и монополии, все же более заинтересован в том, чтобы продать как можно больше; и чем выше цена, тем более он осторожен, чтобы не растрачивать и не потреблять больше, чем необходимо. В этом отношении монополия многих не наносит и половины того вреда, что индивидуальная монополия. Это доказывает, что все вульгарные заблуждения, которые вызывают сообщения о фермерах и торговцах, уничтожающих свой урожай, не только беспочвенны, но и приводят к результату, прямо противоположному принципу алчности, которым, как считается, руководствуются такие люди.

Есть только один момент, когда они этого не делают, а именно когда они с уверенностью обнаруживают, что цены будут падать. В этот момент индивидуальные интересы и общие интересы становятся противоположными, и они спешат продать и слишком сильно снизить цену. Но даже это не приносит облегчения общественности, поскольку, хотя это и приводит к очень быстрому снижению цен на некоторое время и иногда может опустить их ниже уровня, они быстро снова поднимаются и, когда паника среди торговцев проходит, остаются выше, чем должны быть.

Если уменьшение количества на четверть приводит к росту цены на половину, то монополист получает прибыль, если он владеет всем рынком; но отдельный торговец, даже если бы он сжег весь свой запас, не уменьшил бы количество в стране ни на одну тысячную часть и, следовательно, не оказал бы заметного влияния.

Как в Лондоне, так и в Париже сообщения такого рода, которые (с небольшой поправкой на язык и характер народа) были чрезвычайно схожи по своему характеру и тенденции, преобладали во время дефицита 1789 и 1799 годов.

--

Монополия такого рода, повышая цены на предметы первой необходимости, в конечном итоге приводит к росту цен на рабочую силу, арендную плату за землю и налоги в стране. Мы уже рассмотрели тенденцию всего этого; необходимо только отметить, что рост цен или обесценивание денег, которые другие причины вызывают постепенно, в данном случае

происходят резко и внезапно. Эта причина всегда будет существовать в стране, которая не может обеспечить себя всем необходимым для существования.

До какой степени это может дойти, сказать нелегко; ведь если ясно, что фермер, благодаря удвоенным ценам, получает восемьдесят три фунта вместо двадцати пяти, он, безусловно, может позволить себе дать своему помещику немного больше. Если бы он дал ему двойную арендную плату, у него все равно осталось бы более чем вдвое больше для себя.

Из всех причин, ускоряющих кризис в стране, ни одна не сравнится с той, при которой продукция становится недостаточной для содержания населения, поскольку только в этом случае следует опасаться последствий монополии.

В случае, если спрос на продукты животного происхождения становится слишком высоким, существует легко применимое средство, о котором мы и будем говорить, рассматривая применение настоящего исследования в интересах британских владений.

Несколько лет не урожай изменили заработную плату и арендную плату больше, чем это было известно за полвека до этого. С 1790 по 1802 год заработная плата выросла больше, чем с 1740 по 1790 год.

Поскольку обычная арендная плата составляла двадцать пять, а обычная прибыль — двадцать пять, арендодатель и арендатор должны были делить между собой пятьдесят по обычным ценам; но при удвоенных ценах к двадцати пяти добавлялось восемьдесят три, или сто семь, которые они должны были делить между собой: так что, если фермер платил пятьдесят, то есть вдвое больше, у него все равно оставалось пятьдесят семь, что почти на треть больше, чем вдвое больше.

В этом расчете не было учтено уменьшение количества. Причина в том, что оно было сравнительно очень небольшим; причиной было скорее увеличение потребления, чем недостаток продукции. Кроме того, мы указали, что рост был вдвое выше обычной цены, тогда как он был в три раза выше.

--

ГЛАВА VII.

Об увеличении числа бедных по мере роста общего благосостояния. О детях, оставленных без средств к существованию. Об их делении на два класса: тех, кто может работать в той или иной степени, и тех, кто не может работать.

В начале пути к богатству, когда индивидуальный труд практически не получает помощи от капитала, люди находятся в максимально равном положении, насколько это допускает природа вещей. Но по мере того, как капитал приходит на помощь труду, это равенство исчезает, и люди, не имеющие ничего, кроме труда, теряют возможность использовать его с выгодой для себя, а некоторые становятся вообще неспособными сохранить свое положение в обществе.

В то же время все виды товаров, необходимых для существования людей, становятся все дороже. В то время как одни слои общества, как было сказано, воспитывают своих детей так, что те не знают, что такое нужда, другие, которые находятся в угнетенном положении, воспитывают их так, что те испытывают крайнюю нужду.

Нет такой ситуации, в которой человек, обладающий естественной силой и очень скромными способностями, не мог бы заработать достаточно, чтобы прокормить себя, если он будет трудолюбив; но в богатой стране многие в молодые годы настолько страдают от нищеты, что ни их физические, ни умственные способности не достигают зрелости.

С раннего возраста привыкшие полагаться в своем существовании скорее на случай или милосердие, чем на свой труд или энергию, они не знают цены труда и не привыкли обращаться к нему для удовлетворения своих нужд.

В то время как основа лени и бедности для одной части нации закладывается в богатстве их родителей, другая часть, кажется, прикована к нищете из-за бедности, в которой они родились и выросли.

Угнетенное и деградировавшее население больших и богатых городов — это не случайные жертвы несчастья; они рождены для тяжелого наследия, и их число заражает еще больше тех, кто, если бы не их собственное неподобающее поведение и неосторожность, мог бы разделить лучшую судьбу.

Когда нации становятся богаче, судьба отдельных людей перестает быть предметом внимания, и из всех существующих животных, способных к труду, наименьшая ценность придается человеческому роду. Подобно людям, которые достигают богатства и забывают о своем происхождении, общества забывают о первоначальной основе всего богатства, счастья и власти. Неудивительно, что люди поступают так. Они никогда не видели общество в зачаточном состоянии; кроме того, занятие государственными делами не входит в обязанности отдельных граждан; но те, кому доверено управление ими и чья работа заключается в том, чтобы знать

первоначальные источники процветания, должны обращать внимание на это растущее зло и противодействовать ему.

Когда римляне были бедны, народ полагался на свой труд и наслаждался изобилием; но когда Лукулл и другие граждане растрачивали миллионы на одном банкете, народ требовал хлеба. В то время как римские дамы украшались богатствами провинции, народ был одет в лохмотья и подавлен нищетой. Тогда не было бы трудно предсказать судьбу Рима. Естественный порядок вещей был нарушен до такой степени, что не мог длиться долго. Государство стало похожим на стену, которая отклонилась от вертикали, а время с каждым днем ослабляло цемент, скреплявший ее, и хотя никто не знал времени и часа разрушения, исход был предreshен.

На первый взгляд может показаться, что такие бедствия возникают только в больших городах, но это не так.

Никогда не слышали, чтобы молодой конь или какое-либо другое полезное животное было оставлено умирать от голода в стране изобилия; но это случается со многими представителями человеческого рода, потому что не существует механизма, при котором те, кто обеспечивает их пищей, могли бы получать вознаграждение за свой труд, что было бы очень легко урегулировать, если бы этому вопросу уделялось немного внимания.

--

Крупные города являются убежищем для несчастных, которые, возможно, находят в них некоторое утешение, проживая в таком безрадостном приюте; но там они избегают позора, не видят лиц, которые улыбались им в лучшие дни; они чувствуют себя более комфортно среди незнакомых людей, и их поддерживают товарищи по бедности и нужде.

В каждой богатой стране богатые избегают взгляда на нищету, сопровождаемого молчаливым упреком. Те, кто имеет имущество, не доверяют честности и осуждают поведение тех, кто его не имеет. В таком положении дел страна не дает убежища и места жительства, и нужда и нищета находят зло перенаселенного общества, где они остаются незамеченными, гораздо более терпимым.

В большинстве стран закон предусматривает меры наказания или пресечения зла в отдельных лицах, но ни в одной большой и богатой стране не сочли достаточно важным принять эффективные меры для его предотвращения.

В небольших государствах, когда общество было новым и находилось под властью некоторых абсолютных правителей (отличавшихся своей проницательностью, гением и любовью к своему народу), этой череде страданий был нанесен временный удар; но, во-первых, в богатой стране не было такого монарха, а во-вторых, как только власть перешла в другие руки, процесс возобновился с того места, на котором был прерван.

Одной из главных причин роста нищеты является увеличение числа непроизводительных рабочих по мере обогащения государства, которые, умирая до того, как их дети становятся способными обеспечить себя, увеличивают число неимущих. Люди, живущие активным трудом, естественно, женятся в раннем возрасте; прислуга, налоговые инспекторы и все те, кто обслуживает богатых и роскошных людей, женятся позже; и помимо того, что они не могут подать своим детям пример трудолюбия, они рано теряют их в силу обстоятельств.

Если одно из грубых созданий испытывает нужду, оно удовлетворит ее там, где это легче всего сделать, поскольку физические трудности — единственные, которые оно знает, а телесная боль — единственная, которую оно чувствует. Но люди другие, они часто терпят большие лишения среди незнакомых людей, чтобы избежать более невыносимых чувств среди друзей.

--

Было замечено, что в каждом обществе с ростом богатства гостеприимство угасает. И те добрые услуги, которыми люди обмениваются между собой, благодаря которым жизнь в менее развитом обществе обретает многие из своих удобств и которые защищают людей от невзгод судьбы, постепенно исчезают. Социальные чувства становятся менее активными, и люди становятся эгоистичными и заинтересованными, думая только о себе и не заботясь о сообществе; в то же время, с одной стороны, причины бедности усиливаются, а с другой — средства помощи используются не по назначению, игнорируются или растрачиваются. Средства, которые должны управляться беспристрастно и честно, передаются в руки людей, которые живут за счет общего несчастья, и таким образом, несчастные, которым оказывается помощь, не получают справедливого обращения, в то время как общественность, обремененная их несчастьями, несет бремя, далеко превышающее ее возможности.

Население страны сокращается в два раза по мере роста числа бедных: они ничего не создают, но потребляют; и если в стране десятая часть населения живет на благотворительность, это равносильно сокращению населения как минимум на седьмую часть.

Большинство видов труда требуют от занятых в них людей наличия некоторого капитала, такого как приличная одежда, инструменты или деньги, чтобы прожить до получения заработной платы. Как бы ни был мал этот капитал, тысячи людей оказываются в абсолютной нищете из-за его отсутствия; их трудолюбие не находит способа проявить себя. Человек становится зависимым от благотворительности для существования и, хотя и способен работать, питается хлебом праздности, и это не по его вине.

Число людей, абсолютно неспособных к труду, почти одинаково во всех странах и не увеличивается в зависимости от их богатства; так что если бы всегда была работа для тех, кто в противном случае имел бы право на помощь, и если бы им платили справедливую цену за их труд, то они перестали бы быть бременем для себя и для общества.

В этом случае не потребовалось бы большого принуждения. Все, что нужно было бы для тех, кто может работать, — это несколько надлежащих правил, чтобы предотвратить кражи и потери; а те, кто не может работать, а их число невелико, были бы обеспечены лучше, чем в том случае, когда их доля делится с теми, кто способен обеспечить себе существование.

В подобных случаях мы ни в коем случае не должны искать помощи в сложных или запутанных управленческих и нормативных механизмах. Если мы посмотрим на суть вещей, то она укажет нам путь.

Те, кто не может работать, являются единственными людьми, которые должны быть бременем для общества; и они являются единственными, кто будет им, если вопросы будут должным образом регулироваться и контролироваться. Как и в большинстве стран, есть много людей, которые не могут найти работу, и о них заботятся по-разному, но всегда за счет общества. Иногда это происходит путем регулярных оценок, иногда путем воровства и грабежей, иногда путем индивидуальной благотворительности или других средств, к которым человек прибегает, прежде чем он будет абсолютно голодать от нужды.

Те, кто из филантропии выступают за помощь всем, вскоре обнаруживают, что их обманули, и не могут продолжать. Те, кто, возмущенные пороками немногих, считают всех одинаково виновными, в значительной степени сами виноваты. Безусловно, отдельный случай несчастья ближнего заслуживает внимания; и только действительно невежественный человек не может в большинстве случаев избежать обмана.

О тенденции капитала и промышленности покидать богатую страну и об обесценивании денег в сельскохозяйственных и торговых странах.

Поскольку рост капитала в любой стране является следствием прежней производственной деятельности, он также является опорой для будущих усилий.

Когда капитал страны становится достаточным для всех видов занятости, которые можно для него найти, первым следствием является снижение процентной ставки, которая опускается ниже установленной законом ставки и ниже ставки, по которой он ссужается в других странах.

Когда капитала недостаточно, тех, кто хочет взять в долг, больше, чем тех, кто имеет деньги для ссуды; тогда между заемщиками возникает конкуренция за получение преференции, и все они предлагают максимально высокую процентную ставку, разрешенную законом, и были бы готовы предложить еще больше, если бы могли избежать штрафа, который во всех странах налагается за принятие суммы, превышающей установленную норму; эта норма установлена исключительно для предотвращения последствий конкуренции, которая может побудить людей предлагать больше, чем они в конечном итоге смогут себе позволить.

Когда капитал становится избыточным, происходит обратное: кредиторы становятся конкурентами и предлагают ссуды по более низкой процентной ставке.

Первым следствием этого является то, что люди, которые раньше имели ограниченный доступ к капиталу, берут в долг и ведут бизнес более спокойно, так что в бизнесе используется больше капитала и для капитала находят новые области применения.

Обычно избыточный капитал используется для улучшения земель, строительства домов, установки машин, рытья каналов и т. д. для нужд торговли; и, наконец, для предоставления более длительных кредитов торговцам в других странах, а также тем, кто имеет долги в своей стране. Запасы готовой продукции также несколько увеличиваются. Но когда все это происходит в необходимом объеме, деньги начинают утекать в другие страны. Постепенно уходит больше денег, чем должно, и за ними часто следуют их владельцы.

Если бы капитал, покидающий страну, был только тем, который не может найти применения в ней, вред не был бы велик, хотя это привело бы к обогащению других стран и приблизило бы их к уровню. Но дело обстоит иначе: преимущество ссуды денег за границей, если они регулярно выплачиваются под более высокий процент, чем можно получить дома, побуждает людей выводить свои деньги из торговли и вкладывать их в руки иностранцев. Так поступали венецианцы, генуэзцы, голландцы, ганзейские города и города Фландрии; и капитал, который, будучи использованным внутри страны, ранее обеспечивал, возможно, сто человек богатством и

занятостью, теперь поддерживал только одну семью, живущую в праздности и роскошной нищете.

Обладая деньгами в течение значительного времени, люди предпочитают определенную занятость с низкой процентной ставкой рискованной, даже если процентная ставка выше; и когда большие суммы были получены от торговли, те, кто их получил, уходят на пенсию и живут на проценты, чего не могут сделать люди, которые заработали только небольшой капитал.

Помимо изобилия капитала, существует много других обстоятельств, которые способствуют его оттоку из богатой страны. Снижение стоимости денег, которое происходит в каждой стране, которая становится богатой, ложится почти полностью на кредитора, выдающего деньги под проценты, который, не имея возможности вернуть вещам их прежнюю стоимость, ищет удовольствий в другой стране и получает, сменив место, то, что он потерял с течением времени.

Поскольку данная тема рассматривается здесь в общем плане, применимом ко всем странам, то занятость, создаваемая государственным долгом, и рост фондов не принимаются во внимание, как это будет отмечено в случае с Англией. Когда денег много, все участники торговли предоставляют более длительный кредит; но это требует лишь небольшого увеличения капитала, когда они предоставляют его друг другу, это не требует дополнительных затрат, но когда они предоставляют его потребителям, это требует дополнительных затрат.

Образ жизни этих семейств является для них характерным: большая показность при большой экономии и без малейшей искры любви ни к своим согражданам, ни к своей стране.

--

Бремя налогов является еще одной причиной, которая вынуждает капитал перемещаться из богатых стран в более бедные; и, наконец, в случае беспокойства или недоверия капиталисты, как правило, первыми эмигрируют. Беспокойство и недоверие периодически возникают среди богатых людей.

Поскольку бремя, которое несет народ в период процветания, как правило, велико и пропорционально его капиталу и промышленности, очевидно, что когда капитал и промышленность сокращаются, бремя (которое не может быть сокращено в той же пропорции) ложится более тяжелым грузом на тех, кто остался; это усиление причины, естественно, приводит

к усилению следствия. Таким образом, подобно падающей колонне, вес увеличивается, а импульс становится непреодолимым.

Именно тогда необходимость, стимул к промышленности в новых и развивающихся странах (тот стимул, который налоги и рента продолжают возбуждать в течение определенного периода для блага человечества), начинает разрушать то, что она создала, и наносить удар там, где раньше стимулировала. Тогда ростовщики, которые сначала отправили свой капитал, перестав заниматься торговлей, постепенно уходят и скорее довольствуются уменьшенным доходом в другой стране, чем борются с трудностями, с которыми они сталкиваются в своей собственной.

Деньги, сданные в долг под проценты, теряют свою стоимость, а деньги, вложенные в покупки, приносят прибыль в стране, которая становится все богаче.

Если бы человек, у которого тридцать лет назад было 2000 фунтов, вложил 1000 фунтов под проценты, а на остальные купил землю, то сначала он, конечно, получал бы меньшую ренту за свою землю, но теперь она удвоилась бы, он получал бы 60 фунтов в год, и если бы он захотел продать, то получил бы 2000 фунтов, тогда как другие 1000 фунтов стерлингов принесли бы ему только 50 фунтов стерлингов, и, если бы он потребовал их обратно, он получил бы только одну тысячу.

[сноска не имеет места в оригинальном тексте, предполагаемое местоположение указано как показано] Это было видно в начале Французской революции, хотя ассигнаты, снизив обменный курс, отпугнули многих от перевода своих денег, что привело к явной потере в двенадцать или пятнадцать процентов. Но те, кто не обратил внимания на эту потерю, с тех пор радуются ей, в то время как другие горько раскаиваются в своей скупости, которая заставила их рискнуть всем, чтобы сэкономить немного, и стать нищими.

--

Трудно сказать, в какой момент это прекратилось бы, если бы произведенный эффект не установил границу.

Цены на землю, аренду, дома и продовольствие падают, что побуждает некоторых людей остаться, поскольку эти предметы нельзя транспортировать или увезти, а они всегда имеют ценность для владения и пользования, поэтому очевидно, что, по самой природе вещей, упадку и эмиграции должен быть поставлен конец. К сожалению для стран, которые когда-то были

великими, этот конец, похоже, наступает только тогда, когда они опускаются далеко ниже уровня других наций.

Однако в некоторых современных странах существуют особые причины, которые противодействуют этому эффекту, поскольку он вызван избытком капитала; но, поскольку это не характерно для всех стран, уместно будет говорить об этом, когда мы перейдем к рассмотрению тенденции капитала покидать эту страну.

Последствия, возникающие в результате обесценивания денег, которое имеет место в каждой богатой стране, являются значительными и многочисленными и всегда наблюдались там, где было много богатства. Люди в таких странах могут легко распоряжаться трудом других, которые не так богаты, но другие не могут себе позволить платить за их труд; это ведет к исчезновению промышленности. С другой стороны, если в богатой стране требуется поставка предметов первой необходимости, их можно получить из стран, где стоимость денег ниже, не выводя цены из их уровня; тогда как в стране, где деньги имеют большую ценность, это не так.

Например, цена хлеба в Париже составляет один пенни за фунт, а в Лондоне — восемь пенсов за четверть буханки, которая весит ровно четыре французских фунта, то есть цена в два раза выше. Если бы все происходило справедливо, то зерно из всех стран, где оно столь же дешево, как и во Франции, могло бы ввозиться и продаваться в Лондоне по обычной рыночной цене; но прежде чем Париж смог бы получить поставку из Лондона, хлеб стоил бы в три раза дороже обычной цены. Это обстоятельство, при правильном подходе, можно было бы обратить себе на пользу; почему этого не происходит, сказать трудно, и это является доказательством того, что существуют либо правила, либо практики без правил, которые противоречат истинной природе вещей; ведь доставка зерна из Парижа на лондонский рынок не стоила бы и пенни за фунт.

В Брюгге (во Фландрии), Антверпене, Кельне, Генте или любом из этих пришедших в упадок городов арендная плата за жилье до Французской революции снизилась до уровня, чуть превышающего плату за проживание, причем дома были большими и уединенными. Это побуждало людей жить в этих местах, которые в противном случае не стали бы этого делать. Небольшие дома, построенные недавно, были дороже, чем большие старые, построенные в период расцвета торговли.

--

Париж упоминается здесь только для сравнения и потому, что средние цены там почти в два раза выше. Причины, по которым кукуруза не привозится оттуда, не являются секретом, но те же соображения применимы к американской кукурузе, кукурузе из Барбарии, Прибалтики и других мест, где стоимость денег выше, чем в Англии.

Основные другие последствия обесценивания денег можно найти в главе «Внешние причины упадка наций», поскольку именно в международных сделках обесценивание денег ощущается наиболее сильно.

Внутри страны это обесценивание действует только в том случае, если проходит значительный промежуток времени, в течение которого стоимость изменяется; в целом оно не оказывает влияния на сделки, которые начинаются и заканчиваются в течение короткого периода времени и внутри самой страны.

Девальвация денег, где бы она ни происходила, привела бы к увеличению налогов, даже если бы для этого не было других причин; но в той мере, в какой она противодействует сама себе, делая их более легкими для переноса. =sic= Какими бы ни были ее конкретные последствия и какими бы сложными они ни были, общая тенденция девальвации денег заключается в угнетении промышленности в этой стране и в ее поощрении в других странах, где ее стоимость выше, чем в ней.

В Америке стоимость денег меньше, чем в Англии, по сравнению с заработной платой; но обычное соотношение между заработной платой и ценой на зерно в этой стране отличается от всех других стран, с которыми мы имеем какие-либо связи.

--

ГЛАВА IX.

Заключение о внутренних причинах. Их взаимодействие. Их общее влияние на правительство и народ. Опасность, возникающая из-за них, проявляется только тогда, когда процесс упадка уже далеко продвинулся.

Хотя все перечисленные причины имеют одну общую тенденцию, их отличительные черты заслуживают внимания.

Некоторые из них начинают действовать с момента появления богатства в стране, другие проявляются только на поздних стадиях ее упадка. Влияние одних из них можно значительно уменьшить, другие можно полностью предотвратить, но во всех случаях необходимо внимание со стороны правительства, причем до того, как процесс упадка фактически начнется, поскольку целью должно быть предотвращение, а не исправление, к тому же, когда упадку уже дан ход, правительства слишком слабы, чтобы быть способными к каким-либо эффективным мерам регулирования.

Помогать природе во всех случаях, когда ее действия благоприятны для удовольствия и счастья людей, и противодействовать тем, которые являются неблагоприятными, — это дело отдельных лиц и государств. То, что не в силах сделать отдельное лицо, должны делать те, кому поручено ведение государственных дел, те, кто действует на благо всех и от имени всех.

С первых шагов государства к богатству и величию мы видим, что существует совокупность причин, которые начинают способствовать его упадку. Первый движущий принцип, необходимость, постепенно исчезает, а вместе с ним исчезает и промышленность; так что от поколения к поколению человек меняется как морально, так и физически, пока не становится неспособным выдержать тяжесть, которую он поднял, и, наконец, он раздавлен тяжестью огромной массы.

В то время как постепенный прогресс уничтожает ту промышленность, из которой проистекает все богатство, другие причины приводят к утрате или нецелевому использованию оставшегося труда, а третьи — к бегству капитала или его нецелевому использованию.

Последними приходят раздор и война, самые универсальные причины из всех, которые ведут к обезлюдению страны, а также к уменьшению и деградации ее населения, тем самым упрочняя несчастье и делая безнадежной судьбу падшей нации.

Среди всех причин упадка можно найти только одну, которая имеет двойной эффект и в одном направлении противодействует тому, что она способствует в другом.

Это налогообложение, очень верная причина гибели, если ее довести до крайности, и всегда опасная; но в течение длительного времени она оказывает очень сильное влияние, сдерживая рост роскоши, поддерживая действие необходимости, матери промышленности, и предотвращая тот вид потребления, который закладывает основу для обезлюдения страны.

Из этого следует, что снимать бремя, возложенное на народ, почти так же опасно, как и возлагать его слишком тяжелой рукой. Не существует ни одного достойного внимания примера такого случая, поэтому он должен оставаться в отдельном ряду: история ничего не сообщает нам по этому поводу.

Предполагаемый случай был бы следующим. Нация достигает высокого уровня богатства благодаря промышленности и несет тяжелое бремя налогов, при этом продолжая расти в богатстве и превосходя большинство других наций. Мы должны предположить, что бремя налогов значительно уменьшилось, а затем исследовать последствия.

Возможно, это бесполезная гипотеза =sic=, такого случая никогда не было и, возможно, никогда не будет; но, тем не менее, это, по крайней мере, возможный случай; это, по крайней мере, предмет любопытства, если не полезности, и у меня есть отличный пример, который я могу привести в свое оправдание. Доктор Адам Смит развлекался своим исследованием причин богатства наций =sic= подобным образом, выдвинув гипотезу о налогообложении британских колоний.

Предположим, что давление необходимости внезапно исчезло, те, чей доход регулируется их усилиями, ослабили бы свои усилия; то есть производительные работники страны ослабили бы свои усилия, в то время как те, чей доход фиксирован, то есть в основном непроизводительные работники, стали бы сравнительно более богатыми, и их роскошь увеличилась бы.

Этот эффект сильно отличается от того, чего ожидает общественность. Наиболее полезный класс получит мало или ничего, в то время как бездельники общества значительно увеличат свое богатство, что будет одним из самых печальных последствий, которые только можно представить, и может очень скоро привести к очень серьезным и неприятным событиям.

В ходе исследования государственного долга Англии в Четвертой книге =sic - нет=, необходимо будет подробно рассмотреть этот вопрос, но там он будет сопровождаться другим обстоятельством, не входящим в общее рассмотрение; (поскольку государственный долг не является общим или необходимым придатком правительства), а именно, высвобождение огромного денежного капитала, который должен быть использован здесь, иначе он будет искать применение в другой стране, что может привести к разорению этой.

При рассмотрении вопроса о снижении налогов, которые существуют уже давно и выросли до значительных размеров, безусловно, есть основания опасаться негативных последствий, хотя это не является аргументом в пользу налогообложения ; напротив, это повод для его избегания, поскольку во всех случаях опасно делать то, что будет сопряжено с опасностью отменить.

Хотя конкретный случай отмены налогов, возможно, никогда не возникнет, в настоящее время происходит процесс, который очень похож на это, и его результат скоро станет известен.

Французский народ ежегодно платил церкви почти 25 миллионов фунтов стерлингов, а сейчас он не платит и трех. Конечно, часть этой суммы составляли налоги, а часть — церковные земли; они также избавились от значительной части ренты благодаря продаже поместий эмигрантов, земли перешли в руки людей, которые в основном сами их возделывают и не платят ренту.

Если предположить, что новое правительство не будет стоить дороже старого (а так и должно быть, поскольку долги почти полностью погашены), то бремя на промышленность будет гораздо меньше, чем раньше, и тогда будет интересно понаблюдать, будет ли сельское хозяйство процветать больше, снизятся ли цены и будут ли лучше уплачиваться оставшиеся налоги. Конечно, есть много сопутствующих обстоятельств, которые могут помешать эксперименту или сделать вывод неопределенным, но все же это интересное и важное событие, которое стоит внимательного наблюдения.

На основании данного исследования мы должны сделать вывод, что, если естественная тенденция к упадку не будет решительно противодействовать, каждая страна, достигшая богатства, неизбежно придет в упадок; и поэтому заслуживает изучения вопрос о том, возможно ли противодействовать этой тенденции к упадку, не прерывая прогресса к большему процветанию, и управлять делами таким образом, чтобы, достигнув вершины богатства, мы могли оставаться на ней, а не сразу же спускаться вниз, как это делали до сих пор большинство наций.

От отдельных лиц не следует ожидать необходимых усилий, но их можно ожидать от правительства страны, которое, хотя и состоит из отдельных лиц, сменяется по-разному; не от поколения к поколению и от старого отца к молодому сыну, а от людей в расцвете сил к людям в расцвете сил, которые, занимаясь общественными делами, могут считаться, в отношении всего, что должно быть сделано для блага нации (для ее процветания, обороны или защиты), одушевленными одним и тем же духом, без каких-либо перерывов.

Что касается внутренних причин упадка, то им всегда можно противодействовать с большей или меньшей эффективностью с помощью надлежащей системы правления. В последней части этой работы « » мы постараемся показать, как это можно сделать безопасно, если не с полным успехом.

Бремя, лежавшее на промышленности старой Франции, заключалось в следующем:

Ливры.

Аренда земли	700 000 000
Доходы духовенства	600 000 000
Налоги, включая расходы на взимание	800 000 000

2 100 000 000

В фунтах стерлингов	87 500 000	
Половина земель, которые сейчас занимают земледельцы,	}	
а остальная часть сдана в аренду по более низким ставкам	}	350 000 000
Доходы духовенства и расходы	50 000 000	
Налоги, как и прежде	800 000 000	

1 200 000 000

Или в фунтах стерлингов	50 400 000
-------------------------	------------

Это составляет сокращение на 37 100 000 фунтов стерлингов, или более трети от всех расходов, и больше, чем все налоги, уплачиваемые государству по самой высокой ставке.

--

Однако прежде чем мы завершим эту тему и перейдем к вопросу о правительстве, необходимо упомянуть, что в отношениях с другими странами для тех, кто управляет могущественным и богатым народом, естественно проявлять своего рода высокомерную гордость. В этом случае они действуют как отдельные личности, и им нельзя доверять; тем более, что нация гордых, избалованных граждан слишком склонна одобрять высокомерие тех, кто ими управляет.

Эта гордость всегда была предвестником падения богатых и великих наций, и, за исключением Рима, она никогда не подводила. Римские императоры были гораздо менее высокомерны, чем послы республики; любовь к ложному великолепию вытеснила жестокую притворную достоинство, однако первое было менее унижительным для других наций.

В то время как правители богатых наций склонны вести себя высокомерно по отношению к другим, они подвержены другой ошибке, заключающейся в том, что они неправильно оценивают силу своего народа и возлагают на него слишком тяжелое бремя, слишком полагаясь как на его внутреннюю энергию, так и на внешнюю силу.

Поскольку те, кто находится в непосредственной близости от народа, обычно боятся доносить неприятные вести своим начальникам, а если и доносят, то те редко склонны верить неприятным новостям, то, вероятно, гибель нации уже значительно продвинулась, прежде чем тот, чья задача — остановить ее, осознает опасность.

Постоянный шум, который поднимается по поводу каждого нового бремени, и крики о гибели, которые постоянно звучат в ушах министра и тех, кто выполняет его приказы, являются некоторым оправданием для того, что они не обращают на них внимания; но последствия от этого не становятся менее фатальными для нации.

Внешний вид добродетели и самообладания, который сохраняли республиканские римляне, в сочетании с храбростью, с которой они отстаивали свои права, устрашал большую часть их врагов; а те, кто не был полностью устрешен, считали, что поражение и подчинение, по крайней мере, лишены позора, когда такой был характер победителя; и однажды признанное право больше не подвергалось сомнению. Совершенно иначе обстояли дела, когда император был шутником или клоуном, сенаторы — марионетками, а проконсулы — грабителями.

--

Слабая нация, по крайней мере, имеет то преимущество, что она осознает свою слабость и не остается бесчувственной, если получает рану; но правительство сильной нации подобно лоцману корабля, который плавает по морю, глубину которого он не может измерить, и расправляет все свои паруса: если он наткнется на скалу, его корабль разбивается на куски в мгновение ока. Другой, плывя среди мелей и песков, движется осторожно, по возможности избегает их, а если и касается, то так мягко, что даже его слабый корпус почти не повреждается.

Правители стран, как правило, не осознают того зла, которое возникает из-за того, что правительство, которым они управляют, становится слишком громоздким *=sic=* или слишком сложным; в любом случае, сбой, пусть даже кратковременный, является непоправимым. Это большая оплошность, которая, по крайней мере, значительно увеличивает вероятность краха

правительства. Чем более неуправляема и сложна система, тем больше затруднений испытывают те, кто ею управляет, и тем смелее и дерзче становятся враги. Во всех таких конфликтах многое зависит от духа сражающихся, а еще больше — от духа тех, кто сначала является наблюдателями и действует в соответствии со своим мнением о силе или слабости той или иной стороны.

Таким образом, тенденция нации к упадку, как правило, не противодействуется правительством, а, напротив, подталкивается им и ускоряется. Неудивительно, что падение быстрое и необратимое.

Тем не менее, именно от правительства, и только от него, мы должны ждать той противодействующей силы, которая остановит общее течение. Отдельные люди могут рассчитывать только на свое собственное поведение, и от них нельзя ожидать, что у них будет время или желание изучать общественное благосостояние, а даже если бы у них это было, им не хватило бы средств.

Не только в начале Французской революции, но и сотни раз после нее побеждала та партия, которая казалась сильнейшей, просто потому, что она казалась таковой. Все те, кто сначала занимают нейтральную позицию, принимают сторону в тот момент, когда они определились со своим мнением о силе противоборствующих партий, и это решение всегда в пользу той партии, которую они считают сильнейшей.

--

Правительство никогда не может быть лучше занято, чем противодействием этой тенденции к упадку. Оно имеет для этого средства и, делая это, лишь выполняет свой долг. Однако предварительным шагом ко всему этому является знание того, что нужно делать, полное понимание необходимости этого и готовность подчиниться необходимому режиму.

Для этой цели и правительство, и народ должны чем-то пожертвовать. Народ должен позволить правительству вмешиваться в образование детей и тем самым немного уступить свою свободу; а те, кто правит, должны заниматься многими вещами, которые обычно игнорируются. Выполнение повседневных дел является занятием большинства правительств Европы, будь то в военное или мирное время; поэтому они по привычке становятся агентами необходимости, и то, что можно отложить, никогда не делается; то есть то, что хорошо, делается очень редко, а то, что необходимо для предотвращения немедленного зла, всегда является главным, а иногда и единственным занятием.

Есть в мире люди, которые процветают только потому, что они заранее смотрят вперед и ведут свои дела. Есть другие, которые, при равной трудолюбивости и гораздо больших хлопотах и заботах, всегда немного отстают и позволяют своим делам вести их; такие люди никогда не достигают успеха, и если им удастся избежать крайней степени несчастья, это все, на что можно рассчитывать.

Большинство правительств в богатых странах похожи на последний тип людей — они не ведут свои дела, а ведомы ими, и считают, что добились успеха, когда выполнили необходимые дела дня. Эта апатия должна быть устранена, и, хотя правительства богатых стран не имеют повода, как Петр Великий или основатели новых государств, создавать новые институты и вечно пытаться улучшить ситуацию, они должны очень тщательно и постоянно заниматься тем, чтобы не упустить из рук те блага, которыми они пользуются, насколько это зависит от внутренней организации. Внешние причины не поддаются их регулированию, поэтому они должны уделять больше внимания тем, которые поддаются; и хотя внешние причины находятся вне их власти, иногда мудрыми внутренними мерами можно предотвратить их пагубные последствия. Однако ничего из этого нельзя сделать, пока правительство не поднимется над рутинными делами дня и пока не будут решены все необходимые и неотложные вопросы. Таким образом, первое, что должно сделать правительство, — это выбраться из ситуации, в которой оно борется с необходимостью, и только после этого, но не раньше, оно может изучать то, что является полезным и имеет постоянную ценность.

Из невозможности для нации, однажды погруженной в лень и роскошь, вернуться к тону и энергии нового народа, мы можем судить о невозможности для нации прогрессивно двигаться к богатству, не страдая от способа воспитания детей. Основное различие между восходящим и падшим народом заключается в склонности к труду и усилиям у одного и к лени и небрежности у другого. Именно в период роста богатства нации происходит эта постепенная перемена; и, поскольку это главный момент, от которого все зависит, нация находится в безопасности, когда этому уделяется должное внимание, даже если другие вещи в какой-то степени пренебрегаются.

--

Пока что кажется, что все нации находятся в одинаковом положении в отношении общей тенденции к упадку; и пока что все они могут руководствоваться общими правилами, но что касается конкретного способа применения этих правил, то он должен зависеть от особых обстоятельств той нации, к которой они должны быть применены.

В целом, доходы стали главной целью современных государств: и, поскольку их правители не рискнули облагать высокими налогами предметы первой необходимости для населения, а обложили налогами скорее пороки, чем нужды, система доходов (как ее можно назвать) склоняет правительство к поощрению дорогостоящих пороков, от которых оно получает

прибыль, и к ограничению невинных удовольствий, от которых оно ничего не выигрывает. Это ужасная, но очень распространенная система; она аморальна, бесчеловечна и недальновидна.

В этой степени правительство, вместо того чтобы сдерживать, ускоряет упадок народа; но, поскольку это не является естественной причиной упадка, поскольку это не является всеобщим или необходимым, это следует рассматривать с должным учетом конкретных обстоятельств. В целом можно сказать, что вместо того, чтобы побуждать низшие классы проводить время за выпивкой, создавая бесчисленные заведения для тех, кто пристрастился к этому пороку, следует создавать всевозможные препятствия. Выпивка — это порок, склонность к которому растет с его удовлетворением; большинство других занятий (ведь умеренная выпивка — это только такое занятие) не имеют подобной тенденции. Те удовольствия, которые имеют тенденцию перерасти в пороки, должны находиться под определенным контролем; те, которые не имеют такой тенденции, должны поощряться; ведь когда основная и большая часть населения страны развращена, невозможно предотвратить ее упадок. Если она остается неразвращенной, дело обстоит очень просто, или, точнее, можно сказать, что процветание является естественным следствием.

Китайцы и, в целом, народы Азии не были включены в это исследование. Китайцы, в частности, являются народом, находящимся в постоянном состоянии: они не увеличивают свое богатство и, по-видимому, не имеют склонности к упадку. Их законы, образ жизни и образование остаются неизменными.

==

Манеры всегда будут иметь большее значение, чем законы, и они в значительной степени зависят от мудрых правил правительства в каждой стране.

Большинство правительств не только извлекают выгоду из пороков народа, но и, поскольку доходы по очень ложному правилу принимаются за критерий, по которому можно оценить процветание нации, то самое зло, которое приводит к упадку, служит для маскировки его приближения. Нация может быть безвозвратно разрушена, прежде чем будет замечена какая-либо тенденция к упадку; поэтому правительствам неразумно ждать, пока они увидят последствия упадка, и только тогда надеяться противодействовать им; они должны смотреть вперед и предотвращать, иначе все их усилия окажутся безрезультатными.

ГЛАВА X.

О внешних причинах упадка. — Зависть и вражда других народов. — Их усилия, как в мирное, так и в военное время, по снижению уровня благосостояния богатых народов до своего уровня.

Внешние причины упадка наций гораздо проще по своей сути, чем внутренние, кроме того, их действие более заметно; способ их воздействия привлекает внимание и заставляет считать их более достойными того, чтобы быть зафиксированными.

Истоки зависти и вражды одинаковы. Обладание чем-то желанным в высшей степени является причиной зависти. Это вызывает обидные и несправедливые действия, а вражда является их следствием, хотя и то, и другое изначально проистекает из одного и того же чувства, со временем они приобретают разные характеристики.

Желание обладать чем-то, чтобы наслаждаться этим, является причиной вражды и зависти; и все преступления народов и отдельных людей имеют одно и то же общее происхождение.

Из этого состояния дел естественным образом следует, что те народы, которые обладали большим богатством, становились объектами зависти других. Если это богатство сопровождалось достаточной силой для его защиты, то единственным способом получить его было подражание; но если богатство было незащищенным, то завоевание или насилие всегда считались самым быстрым способом его получения.

Кочевые арабы, которые являются единственными народами, исповедующими грабеж в наши дни (по суше), по-прежнему следуют той же максима в отношении тех, чьим богатством они намерены наслаждаться. Если они слишком сильны, чтобы их можно было силой заставить отказаться от того, что они получили, они торгуют и обмениваются с купцами из каравана; но если они считают, что могут взять, они никогда не утруждают себя принятием законного, но менее быстрого метода грабежа и разбоя =sic=.

Поскольку было обнаружено, что богатство постепенно разрушает храбрость народа, то через некоторое время, в обычном ходе вещей, наступает момент, когда какая-либо держава считает безопасным напасть на богатую нацию и разделить ее богатства; так, города Тир и Вавилон были атакованы Александром; так его преемники, в свою очередь, были атакованы и завоеваны римлянами; и, в свою очередь, сами римляне — варварскими народами севера.

Помимо этих великих революций, последствия которых были постоянными, между различными народами велись бесконечные и бесчисленные борьбы за владение богатством; но истинные и основные причины настолько однообразны и очевидны, что в этом вопросе не остается ни тени сомнения.

Г-н Берк был прав, когда сказал, что внешние причины гораздо легче проследить и они проще, чем внутренние, поскольку, за исключением римлян, случаи, когда богатые народы нападали на бедные и завоевывали их, действительно очень редки.

Римляне построили свою республику по плану, отличному от планов всех других народов; у них не было ни искусств, ни промышленности, ни собственной территории, и они завоевывали другие народы в спекулятивных целях, ради цивилизации народов и получения от них доходов; как им удалось добиться успеха, уже было объяснено. Но даже римляне не стали бы нападать на бедные народы, если бы в более ранний период у них были средства для нападения на богатые.

Необходимость заставила их начать с Италии: их безопасность заставила их защищаться от галлов, и до тех пор, пока у них не было флота, было невозможно продолжать завоевания в Азии или Африке; но после завоевания Карфагена они очень быстро напали на Египет и страны, занятые преемниками Александра.

Захват Константинополя был последней решительной победой такого рода, и он отличался от других только временем и обстоятельствами; во всех основных чертах он был точно таким же.

Изнеженность и роскошь богатых, те внутренние причины, о которых мы уже говорили, всегда способствуют усилиям, вызванным завистью и алчностью.

Соперничество в мирное время — это соревнование, ограниченное современными нациями, или, по крайней мере, малоизвестное древним. Действительно, оно может существовать только среди торговых наций. В сельском хозяйстве не может быть конкуренции, и, по сути, только в войне или в торговле нации могут вмешиваться в дела друг друга.

Финикийцы были единственным торговым народом древности. Карфаген был колонией и получал индийские товары из вторых рук. Он ни в коем случае не был соперником.

Когда Соломон вззошел на престол своего отца Давида, он посвятил себя торговле, но мудрость и сила, которыми он обладал, были такими, что подавляли всякое сопротивление во время его правления. Женившись на дочери египетского царя, которая помогала ему в нескольких

завоеваниях, он основал город Пальмира, или Тадмор в пустыне, для большего удобства восточной торговли. Царь Тира был его союзником, но, скорее всего, из необходимости, поскольку этот союз был весьма неестественным; и вскоре после смерти Соломона тирийцы подговорили царя Вавилона разрушить Иерусалим: так что, если бы в древние времена больше людей занималось торговлей, то, без сомнения, было бы и больше зависти и соперничества. =sic=

Города Италии, Нидерландов, Фландрии, Англии и Франции ведут непрерывающуюся борьбу за превосходство друг над другом в области производства и торговли; война таможенных пошлин и пошлин на ввоз товаров стала очень активной и грозной.

Этот современный вид войны не только менее кровопролитный, но и его цель более законна, а последствия не столь внезапны и фатальны, как в случае открытого применения силы; к этому следует добавить, что если нация решит быть трудолюбивой, ей никогда не будет нанесено большого ущерба. Если она пользовалась какими-то особо большими преимуществами, то их, конечно, можно отобрать у нее, но это будет лишь изъятием того, на что она не имеет права и без чего она всегда может обойтись.

Цель этого исследования не в том, чтобы найти способ, с помощью которого одна нация могла бы захватить торговлю, которая должна принадлежать другим, а лишь в том, чтобы дать ей возможность с помощью трудолюбия и других средств защититься от надвигающихся бедствий, которые могут опустить ее далеко ниже ее уровня, тем самым открыв путь для возвышения другой нации на руинах ее величия.

Поскольку мы проследили, что внутренние причины упадка в основном связаны с нравами и привычками народа, то и среди внешних причин можно обнаружить, что многое зависит от поведения правительства.

ГЛАВА XI.

Почему взаимодействие между нациями в конечном итоге выгодно более бедной из них, хотя на первый взгляд это и не так.

Во всех торговых отношениях между собой (или в конкуренции при продаже третьей стране) более бедная страна имеет преимущество в прибыли, но это преимущество, как правило, нивелируется длительностью кредита, который может предоставить более богатая страна, в

результате чего производители иногда терпят крах в своей собственной стране из-за иностранцев, которые не могут составить им конкуренцию ни по низким ценам, ни по качеству.

В бедных странах те, кто занимается продажей, но не производством товаров, получают гораздо большую прибыль от продажи товаров, купленных в кредит, которые они могут хранить в большом количестве и ассортименте, чем от продажи в магазине или лавке, скудно снабженных наличными деньгами, так что практически не возникает вопросов ни о цене, ни о качестве; альтернативы практически нет. В одной сфере человек, практически не имеющий капитала, может начать и вести большой бизнес; он может даже позволить себе продавать товары, приобретенные в кредит, с очень небольшой прибылью, потому что они приносят ему наличные деньги; тогда как, если он продает товар, на который у него нет кредита, он должен заменить его другим, сразу же заплатив деньги. В результате, в то время как те, кто продает товары населению, бедны, предпочтение отдается той стране или тому производителю, которые предоставляют самый длительный кредит; но это преимущество с каждым днем уменьшается, поскольку даже при наличии капитала самой богатой страны поощряется производство бедной страны; это происходит следующим образом:

А в Нью-Йорке покупает товары на тысячу фунтов у Б в Лондоне, которые он продает без прибыли и, возможно, с значительным убытком, потому что Б предоставляет ему двенадцатимесячный кредит. Но А, который таким образом получил деньги, как будто по ссуде, не будет тратить их у Б и не позволит ему прикасаться к ним до конца года; и, не получив прибыли от продажи товаров Б, он должен извлечь выгоду из денег, полученных за них. В зависимости от ситуации в стране и характера деятельности А, он заработает больше или меньше, но что он заработает, не является предметом расследования; достаточно знать, что он потратит свои наличные деньги на тех, кто будет продавать дешево, чтобы получить прибыль; то есть он потратит их на кого-то в своей стране. Таким образом, хотя богатая страна продает товары в кредит по цене, которую покупатель не может получить за них, ее капитал служит для стимулирования деятельности производителей в бедной стране. Правда, эта операция медленная, но со временем она дает эффект и в конечном итоге лишает богатую страну преимущества, полученного за счет предоставления кредита. Таким образом, во всех их взаимоотношениях первоначальное преимущество имеет богатая страна, но в конечном итоге выигрывает бедная, поскольку, когда речь идет о равенстве цен и обе страны могут предоставить достаточный кредит, бедная страна имеет преимущество в цене.

Что касается конкуренции между ними, то в третьем случае преимущество имеет бедная страна, если ее купцы имеют возможность платить наличными, поскольку цены в ней ниже, чем в богатой стране. Если у них нет такой возможности, они не могут вести с ними торговлю, а должны терпеливо ждать, пока она появится, и со временем, когда бедная страна обязательно вступит в конкуренцию с преимуществом, у них появятся такие возможности.

Но это не единственный способ, которым капитал богатой страны используется для стимулирования конкуренции в более бедной стране. Если бы производители были единственными, кто продавал товары, то все ограничилось бы этим; но это не так, потому что купцы, которые являются продавцами, изучают только то, где они могут купить дешевле; таким

образом, английские купцы покупают ткани в Силезии, часы в Швейцарии, огнестрельное оружие в Льеже, предпочитая не тратить деньги в Англии или Ирландии; и они предоставляют кредит, как объяснялось ранее, той стране, которая в нем нуждается.

Голландцы обычно предоставляли длительный кредит и покупали за наличные деньги, благодаря чему они долгое время имели большое преимущество; но в конце концов наличные деньги, которые они платили одним, и кредит, который они предоставляли другим, заставили их промышленность заработать, и они стали конкурентами. Голландский капитал в один период оказал большую услугу англичанам, как сейчас английский капитал оказывает услугу американцам.

Это не относится к какому-либо конкретному виду производства. В некоторых случаях одна нация может иметь постоянное преимущество перед другой, в других — только временное, а в большинстве случаев — никакого преимущества, кроме того, которое возникает из-за превосходства капитала.

--

Таким образом, столица богатой страны удовлетворяет потребности более бедных стран, и постепенно нация подрывает основы собственного богатства и величия и поощряет их в других странах.

Именно тогда бремя налогов, высокие цены на товары и различные причины, которые обременяют жителей богатых стран, начинают оказывать пагубное воздействие. Промышленность стремится перенести свое местонахождение, а капитал купцов, которые не знают границ, но разбираются в арифметике и прибыли от торговли, дает промышленности средства сделать это с большей легкостью и быстротой.

Голландцы в течение последнего столетия использовали свой капитал таким образом и в одно время были главными перевозчиками, поскольку они обеспечивали себе клиентуру, охотно платя и предоставляя большие кредиты. Таким образом они разрушили многие из своих собственных производств, но невозможно отделить расчет прибыли от торговой системы и торговой практики отдельных лиц; поэтому это не является упреком в их патриотизме, поскольку патриотизм не может быть правилом при покупке товаров у отдельного лица. У торговца не может быть другого правила, кроме собственной выгоды, иначе он скоро разорится.

В Англии есть много производств, которые изначально возникли благодаря голландскому капиталу, не заемному, а наличным деньгам, уплаченным за товары, которые были вывезены в другие страны и проданы здесь в кредит.

Англичане долгое время могли заниматься этим видом бизнеса самостоятельно, и, конечно, голландцы не нашли таких же средств для поддержки своей транспортной торговли; и, поскольку они разорили многие из своих собственных мануфактур, они пошли ко дну как торговая и производственная нация.

Если когда-нибудь наступит время, когда капитал будет настолько обилен во всех странах, что получение кредита не будет иметь значения, то станет ясно, что ни одна страна не будет иметь такой большой доли в производстве и торговле, как это было до сих пор.

В странах, где обычной практикой является продажа в основном за наличные деньги, большие состояния приобретаются редко. Даже в богатых странах, в отраслях бизнеса, где не предоставляется кредит, большие состояния приобретаются очень редко, и причина этого очень проста. Бизнес довольно равномерно распределен. Но в стране, где предоставляются длительные кредиты, или в отрасли торговли, где предоставляются длительные кредиты, мы всегда видим, как некоторые люди приобретают огромные состояния, совершая гораздо больше сделок, чем другие, которые, имея меньший капитал, могут совершать меньше сделок.

Нет ничего, в чем нация так сильно походила бы на отдельного человека, как в торговых сделках; правило одного является правилом всех, и богатый человек действует как богатая нация, а бедный — как бедная нация. Последствия в обоих случаях одинаковы. Богатые ведут обширную торговлю, используя большой капитал; бедные — ограниченную, зависящую в основном от промышленности; но везде, где бедные настойчиво ведут себя хорошо, они в конце концов получают контроль над капиталом богатых и становятся их конкурентами.

Есть одна особенность взаимоотношений между богатыми и бедными странами, которая отличает их от взаимоотношений между богатыми и бедными людьми в одной стране. Деньги, которые являются общей мерой стоимости, имеют разную цену в разных странах и даже в разных частях одной страны. Если человек из бедной страны везет с собой бушель кукурузы в богатую страну, он может прожить на него столько же, сколько если бы он остался на месте; но если он везет деньги, на которые можно было бы купить бушель кукурузы у себя дома, он, возможно, не сможет прожить на них и половину этого времени.

В результате этого в отношениях между двумя странами по мере увеличения разницы богатая страна чувствует, что может в большей степени распоряжаться трудом бедной, а бедная — что может в меньшей степени распоряжаться трудом богатой; так что когда их труд может быть

в равной степени применен к одной и той же цели, бедная страна снабжает богатую и тем самым увеличивает собственное богатство.

В повседневной жизни эта разница между перевозкой денег и предметов первой необходимости прекрасно понятна, но учителем является опыт; и простые сельские жители, когда у них появляется возможность судить по фактам, понимают мотивы так же хорошо, как и самые глубокие и гениальные *«sic»* авторы по политической экономии.

--

Именно поэтому большое количество людей в Лондоне питается мясом из Шотландии и носит обувь из Йоркшира; но в любом из этих мест продажи мяса из Смитфилда или обуви, произведенной в Лондоне, были бы очень ограниченными.

Это снижение стоимости денег, которое происходит во всех богатых странах, еще больше увеличивает преимущества бедных стран в производстве и ускоряет естественный эффект конкуренции, которому, как уже было сказано, способствует капитал богатой страны, стимулирующий развитие промышленности бедной страны.

Последнее нельзя назвать ни внешней, ни внутренней причиной, поскольку оно полностью вытекает из относительного положения двух стран и принадлежит обеим или происходит из обеих; но, поскольку оно поднимает бедную страну ближе к уровню богатой, его эффект постепенно становится менее сильным. Хотя нет никаких средств предотвратить сближение двух стран по этому показателю, тем не менее не кажется необходимым следствием, что более богатая страна должна стать более бедной. Однако, поскольку это было общим случаем, мы должны сделать вывод, что это естественный случай, но на этом мы остановимся и проведем различие между тем, что является только естественным, и тем, что является необходимым следствием. Их сближение было необходимым следствием; но, хотя другое может быть естественным, оно не может быть необходимым и, следовательно, может быть нейтрализовано; найти средства для этого — вот все, что предлагается в настоящем исследовании.

Если бы не налоги и рента, которые в основном тратятся в крупных городах, а также судебные издержки и цены на предметы роскоши, одежду и мебель, города, подобные Лондону, вскоре сократились бы.

--

ГЛАВА XII.

Заключение о внешних причинах. — Они редко имеют большое значение, если не подкрепляются внутренними причинами. — Богатые страны, проявляя осторожность, в большинстве случаев способны продлить свое процветание. — Отступление о важности государственных доходов, иллюстрированное статистической диаграммой.

Внешние причины упадка любой нации, поднявшейся выше своего уровня, хотя и являются серьезными, но ничтожны по сравнению с внутренними причинами и не оказывают большого влияния без их взаимодействия.

Поскольку правительство страны оказывает влияние на внутренние причины, то его союзы и законы наций, хотя и не всегда принимаются во внимание (но редко забываются полностью), имеют тенденцию останавливать прогресс внешних причин, прежде чем они зайдут слишком далеко, то есть прежде чем они полностью подавят нацию.

На протяжении нескольких столетий более сильные страны Европы защищали более слабые, и дело дошло до того, что слабые державы, как правило, получали больше всего. Пруссия и Сардиния — два примера государств, поднявшихся благодаря политическим связям; и хотя в последнее время система изменилась, и Польша была разграблена и поделена между государствами, которым всего два века назад она превосходила по мощи, и хотя Голландия и Швейцария стонут под игом Франции, все же есть надежда, что старая система не будет заброшена, иначе не будет конца посягательствам великих держав на меньшие.

Средства связи между странами теперь упростились; они ощутили преимущества сохранения своего рода баланса, и эти преимущества настолько велики, что, вероятно, никогда не будут полностью отвергнуты, хотя в последние годы мы имеем веские доказательства того, что они не всегда считаются чем-то священным.

Выражение «баланс сил» создает ложное представление. Оно как будто подразумевает, что союзы в Европе были так удачно организованы, что силы наций, имеющих противоположные интересы, были равны; но такого никогда не было и не предполагалось. Все, что имеется в виду, — это предотвращение нарушения существующего порядка, когда одна нация уничтожает или подчиняет себе другую, а затем, объединив свои силы, поглощает третью, как это было в случае с римлянами.

--

Прилагаемая к этому график, дающий статистическое представление о силах Европы, показывает, как примерно распределена власть в настоящее время; население и площадь представлены там с точностью: это основа власти; а размер доходов, можно сказать, показывает средства, которыми располагает нация для осуществления этой власти. (Описание и объяснение см. на странице напротив графика). [Примечание переписчика: по-видимому, ссылка на диаграмму № 2; объяснение фактически приводится на странице 190].

Баланс власти, каким бы внимательным он ни был, не может предотвратить упадок нации, вызванный внутренними причинами. Он может предотвратить воздействие внешних причин, которые, пользуясь внутренней ситуацией, могут довести нацию до крайнего унижения. Но упадок почти каждой нации начинается внутри нее самой и завершается под воздействием внешних причин.

Обычным результатом внутренних причин упадка является восстание или раскол на партии, когда партия, находящаяся в невыгодном положении, обычно призывает на помощь соседнюю страну. Это самая печальная судьба, которая может постигнуть страну, и никакое наказание не будет достаточно суровым для людей, которые настолько утратили всякое чувство патриотизма, что прибегают к таким мерам.

Внешние причины упадка, а именно соперничество в мирное время и совместные усилия врагов в военное время, можно считать непреодолимыми, если правительство, руководящее страной, не действует мудро; но если оно действует мудро, то их можно преодолеть. Если нация сохраняет свои внутренние источники процветания и действует с умеренностью и твердостью по отношению к другим, их зависть и усилия будут безрезультатными и никогда не станут причиной большого беспокойства.

В отношениях с другими нациями правительство страны действует как отдельный человек. В первую очередь необходимо регулировать внутренние дела, а затем, при взаимодействии с другими, учитывать обстоятельства и руководствоваться справедливостью и умеренностью.

Окольные методы ведения политики, приписываемые послам, представляющим государства, являются распространенной темой для критических высказываний: поскольку обычай установил как своего рода правило, что во всех подобных сделках, которые они проводят, следует скрывать часть того, что имеется в виду, требовать больше, чем ожидается получить, и предлагать меньше, чем намерены дать, то не существует немедленного средства исправления положения; но это касается только способа и манеры ведения переговоров и не обязательно подразумевает нечестные намерения. Если стало обычным просить три, чтобы получить два, и предлагать только два, чтобы избежать необходимости дать четыре (что ожидалось бы, если бы сначала было предложено три, то есть количество, которое намеревались дать), то это является злоупотреблением языком, поскольку то, что выражено, не имеется в виду ни одним из собеседников и не понимается другим как имеющееся в виду; но это не более того: это не является обычаем, лишенным смысла; оно основано на природе человека.

Если бы люди были совершенны и способны с первого взгляда увидеть, что является справедливым, каждый мог бы прийти подготовленным, чтобы попросить именно то, что он хочет, и быть решительно настроенным не уступать ни в чем; и в результате их совершенства каждый требовал бы только того, что было бы справедливо, а другой был бы готов дать; но, поскольку люди не совершенны и поскольку склонность и даже долг каждого — получить самые выгодные условия, которые он может (и поскольку он не видит точно, что является справедливым), он естественно требует больше, чем имеет право ожидать, или больше, чем другой готов дать. Если бы послы встретились с намерением с самого начала говорить прямо и не отступать, то, вероятно, они бы вообще не стали вести переговоры, так что небольшое отступление не обязательно означает, что требуется больше, чем хотелось бы, а то, что каждая сторона переоценивает свои претензии, чтобы получить то, что ей полагается.

Одно можно сказать наверняка: самые успешные договоры — это те, которые основаны на справедливости и заключены без влияния страха или необходимости на любую из сторон.

Внешние опасности страны не только проще по своей природе, чем внутренние, но и, будучи менее заметными и постепенными в своем развитии, они больше привлекают внимание историков.

Даже амбициозная алчность римлян сначала была направлена против Карфагена из-за его гордости и несправедливости в нападении на другие государства; и в истории народов мира едва ли найдется хоть один пример национального процветания, не сопровождавшегося в той или иной степени гордостью, высокомерием и несправедливостью; и вряд ли может быть иначе, поскольку, несмотря на все хваленые законы народов, власть, по-видимому, является одним из основных оснований, на которых основывается право, хотя с моральной точки зрения власть и право не имеют между собой ни малейшей связи.

Таким образом, задача тех, кто управляет нациями, в первую очередь состоит в том, чтобы как можно больше противодействовать внутренней тенденции к упадку, возникающей из перечисленных причин; а после этого регулировать свое поведение по отношению к другим

нациям, чтобы защитить себя от тех внешних причин упадка, на существование которых они не имеют прямого влияния, но которые не способны произвести какого-либо значительного эффекта, если им не благоприятствует внутреннее состояние страны и неразумное поведение тех, кто ею управляет.

=====

Отступление о важности государственных доходов.

Ни одно государство, каким бы богатым оно ни было, не может обладать властью, если определенная часть этого богатства не используется для общественных целей. Поскольку недостаток доходов не был очень распространенной причиной слабости, мы приведем в качестве примера почти единственный, но очень яркий случай Польши. Ее неспособность отразить нападения врагов была в значительной степени вызвана недостатком доходов. Она имела гораздо большее население, более плодородную почву и народ, ни в чем не уступавший в храбрости, но значительно уступавший в фактических усилиях Пруссии. Когда, наконец, поляки, осознав опасность, объединились и были готовы приложить все личные усилия и пойти на любые жертвы, чтобы сохранить свою страну, у них не было средств для реализации своих благих намерений. Они не содержали армию, когда в ней не было необходимости, и не могли в чрезвычайной ситуации создать ее, когда она стала нужна.

Данное определение власти делает ее относительной, и, следовательно, доход, необходимый для поддержания этой власти или силы, также должен быть относительным; поэтому то, что следует считать достаточным или недостаточным доходом, зависит от обстоятельств.

Если бы Соединенные Штаты Америки были легко доступны для европейских стран или если бы у них были могущественные соседи на своей территории, они бы обнаружили, что их нынешние доходы совершенно не соответствуют сохранению их независимости; но в данном случае они, возможно, являются самой богатой цивилизованной нацией в мире, если избыток доходов составляет богатство.

В Европе все страны, которые не в состоянии поддерживать силы, достаточные для тех усилий, которые могут потребоваться в соответствии с их союзами и опасностями, слабы из-за недостатка доходов и должны их увеличить.

В процессе предпринимания усилий, превышающих доходы, некоторые страны задолжали. Здесь не ставится цель вдаваться в сложности, которые вызывают такие долги, и изменения, которые они вносят в доходы и распоряжение доходами страны; но, насколько это понятно, кажется, что чистые доходы после уплаты процентов по долгу должны быть такими же большими, как и в случае отсутствия долга; то есть после уплаты процентов должен оставаться достаточный профицит для оплаты всех расходов, необходимых для управления и обороны.

Деньги, которые идут на выплату процентов, имеют некоторую тенденцию к усилению влияния правительства внутри страны, но не имеют никакого значения в отношении врагов.

Из прилагаемой статистической таблицы, которая показывает относительную долю доходов всех стран Европы, а также их фактический размер, совершенно ясно, что, несмотря на свою величину и обширность, Российская империя не будет очень могущественной, пока ее доходы не увеличатся значительно.

Высокая стоимость денег, цены на продовольствие и многие виды военных запасов позволяют содержать в этой стране большие армии даже при небольших доходах, но русские не могут предпринимать серьезных военных действий вдали от родины, пока их доходы не увеличатся.

Доходы Испании значительны, но свободные доходы таковыми не являются, и у нее нет кредита, чтобы восполнить этот пробел. То же самое можно сказать о Португалии; и если бы Англия не имела кредита, она оказалась бы в такой же ситуации; но поскольку она имеет лучший кредит, чем когда-либо имела любая другая страна, она также является единственной страной, чьи усилия никогда и ни в коей мере не ограничивались и не приостанавливались из-за нехватки средств для их реализации.

Голландцы в свое время находились почти в таком же положении, как сейчас Англия; у них не было достаточных свободных доходов, но у них был хороший кредит, которым, однако, они не хотели воспользоваться, и французы вторглись в Амстердам с большей легкостью, чем русские в Варшаву.

Величайшие победы французов во время революции были одержаны в то время, когда их регулярные доходы были незначительными, а страна находилась в состоянии абсолютного банкротства. Некоторые считают это доказательством того, что сила не зависит от доходов и что Фридрих Великий ошибался, когда говорил, что деньги — это мускулы войны; но этот случай был не только неправильно понят, но и искажен.

Хотя, в целом, для ведения войны необходимы регулярные денежные ресурсы, а регулярные ресурсы подразумевают доходы, никогда не утверждалось, что, если можно получить нерегулярные ресурсы, они не будут служить той же цели, пока они не иссякнут. В течение

первых пяти лет Французской революции было израсходовано не менее четырехсот миллионов фунтов стерлингов, помимо того, что было награблено у врага. Таким образом, в то время, когда Франция не имела регулярных доходов, она фактически тратила семьдесят пять миллионов фунтов стерлингов в год: сумму, превышающую ту, которой когда-либо располагала любая другая страна.

Невозможность продолжения использования такого ресурса не имеет значения в данном споре, хотя, к счастью, она имеет огромное значение для мира между людьми. Франция в течение определенного времени поддерживала войну, расходуя капитал, без доходов, но не без денег; поэтому то, что сказал его прусское величество, остается неоспоримым, а необходимость регулярных и устойчивых доходов для поддержания регулярных и устойчивых вооруженных сил установлена без возможности опровержения.

ПОЛОЖЕНИЕ К СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДИАГРАММЕ № 2.

На этой диаграмме различные страны Европы представлены кругами, пропорциональными их относительной площади. Это сделано для того, чтобы дать более четкое представление о пропорциях, чем географическая карта, где неодинаковые и нерегулярные формы мешают глазу проводить сравнение.

Градуированная шкала линий представляет миллионы фунтов стерлингов; а красные линии, поднимающиеся слева от каждого круга, выражают количество жителей в миллионах, которое можно узнать, наблюдая, на какой пересекающейся линии останавливается красная линия.

Желтые линии справа от кругов показывают сумму дохода в фунтах стерлингов.

Страны, обозначенные зеленым цветом, являются морскими державами; страны, обозначенные бледно-красным цветом, являются мощными только на суше.

Пунктирные линии, соединяющие крайние точки линий населения и дохода, служат для того, чтобы показать, как доход и население соотносятся друг с другом, благодаря их нисходящему направлению справа налево или слева направо.

Этот график производит такое впечатление, что невозможно не заметить, по каким причинам Швеция и Дания не имеют большого значения с точки зрения богатства или могущества; ведь хотя население и территория являются первоначальной основой могущества, финансы являются средством его осуществления.

Какими будут последствия, если однажды Российская империя станет похожей на другие страны? Если это когда-нибудь произойдет, она либо разделится, либо поработит всю Европу.

Огромная территория России и колоссальные доходы Англии — самые поразительные вещи, представленные на этой карте; они несоизмеримы с остальными.

=====

КНИГА III.

=====

ГЛАВА I.

Результаты вышеупомянутого исследования, применимые к Великобритании. Ее нынешнее состояние, в чем заключается ее богатство, иллюстрируется диаграммой, показывающей рост доходов и торговли.

Теперь, когда мы рассмотрели и исследовали причины, которые привели к гибели великих и богатых наций с древнейших времен до наших дней, а также исследовали причины, которые естественным образом будут действовать там, где не действовали предыдущие, и которые в более поздний период привели бы к тому же результату, теперь необходимо рассмотреть, в какой степени и каким образом результаты исследования применимы к Британской империи.

Мощь и богатство Британии, согласно определению, данному в начале этой работы, основаны не на завоеваниях, обширности территории, превосходстве по численности населения, более благоприятной почве или климате, и даже не на храбрости, поскольку в этих аспектах она не отличается от других наций.

Единственными естественными преимуществами Великобритании являются ее островное положение, характер народа и превосходная форма правления.

Из первых двух возникли хорошее правительство, торговля и промышленность, а из них, в свою очередь, — великая морская держава и необычайное богатство.

В военном отношении Англия, по-видимому, не так сильна на суше, как в прежние времена: ее мощь следует рассматривать как морскую, основанную главным образом на торговле.

Наши последние блестящие достижения на суше были достигнуты под руководством герцога Мальборо, но даже тогда, при поддержке союзников, мы были лишь противовесом Франции. До завоевания Англия, по-видимому, значительно отставала от большинства других стран в плане сухопутной мощи. Вскоре после этого она, по-видимому, поднялась выше Франции и других стран, или же, скорее всего, они опустились; но с тех пор, как Англия стала грозной на море, она утратила свое превосходство в армии, хотя и не опустилась ниже уровня и ни в одном случае ее армии не были разгромлены, когда их численность была равна численности врага.

--

{Здесь на странице 192 приводится вторая диаграмма под названием

«График, отражающий территорию, население и доходы ОСНОВНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ в 1804 году — автор W. Playfair»}

Таким образом, нам остается только изучить основу, на которой она стоит, и найти ее уязвимые места.

Мы должны начать с внутренней ситуации, чтобы следовать тому же порядку, который был соблюден в остальной части работы.

Изменения в манерах, привычках воспитания и естественные последствия роскоши могут повлиять на Британскую империю так же, как и на некоторые другие империи, которые она уничтожила.

От неравного распределения собственности опасность, пожалуй, меньше, но от использования капитала она больше, чем почти в любой другой стране.

Злоупотреблениями законом и государственными учреждениями, а также духом корпуса мы подвергаемся очень большому риску, даже большему, чем при произвольном правительстве или даже при республике. Последние опасности наиболее серьезно угрожают нации, живущей при смешанном правительстве.

Что касается того, что продукты земли становятся недостаточными для содержания народа, пристрастившегося к роскошным привычкам, то нам также есть чего бояться: этот процесс уже начался, и его последствия вскоре будут весьма серьезными: они уже ощущаются и очень заметны.

Мы должны бояться налогообложения непродуктивных и праздношатающихся людей больше, чем большинство других наций; а изменения в образе мышления, ухода людей и имущества из страны — в той же мере, что и любая другая нация, в зависимости от степени нашего богатства; так что в целом внутренние причины упадка таковы, что от них крайне необходимо остерегаться самым внимательным образом.

Что касается внешних причин, то от некоторых мы полностью избавлены, от других — нет; и в одном случае у нас есть внешние причины для надежды, которых еще не было ни у одной страны.

Прогресс других стран, их вражда и зависть в равной степени могут повлиять на нашу страну, как и на любую другую, которая когда-либо существовала; но поскольку мы не обязаны своим превосходством географическому положению, как греческие острова, дельта Египта и побережье Средиземного моря, мы не подвергаемся риску каких-либо открытий в географии или навигации, которые могли бы сильно повредить нам.

Мы не настолько опережаем другие нации в искусстве, чтобы иметь серьезные основания опасаться, что их прогресс станет нашей гибелью; но все же мы должны признать, что ряд внешних причин может привести нас к их уровню, когда последствия нашего нынешнего богатства могут вскоре привести к нашему падению ниже этого уровня.

Поскольку торговля является основой нашего богатства, а наша морская мощь строится на торговле, давайте начнем с обзора ее нынешнего состояния.

Рост торговли Великобритании с зарубежными странами за последние пятнадцать лет, хотя и является вполне естественным следствием причин, действовавших в течение этого периода, сам по себе не является естественным ростом, поскольку причины, которые его вызвали, являются необычными, временными и неестественными.

Торговля с Восточной и Западной Индией была утрачена Францией и Голландией. До революции французы имели большую долю в торговле с Западной Индией, чем мы когда-либо, и могли продавать наши товары на зарубежных рынках по более низким ценам.

Голландцы и французы вместе занимали очень большую долю в торговле с Востоком; это отчасти объясняет быстрый рост английской торговли после того, как они потеряли свою. Кроме того, сама французская нация, которая раньше почти не потребляла английские товары и снабжала Германию и многие части Европы своими собственными, в течение нескольких лет занималась потреблением своих запасов, съедая свой капитал и разрушая свои собственные мануфактуры; так что сама Франция, Германия и большая часть континента были вынуждены обращаться к Великобритании как за промышленными товарами и колониальной продукцией, так и за товарами, поступающими из Индии.

К этому следует добавить, что капитал на европейском континенте понес беспрецедентное сокращение по целому ряду причин. Большая его часть была израсходована во Франции и во всех странах, в которые проникли ее армии, особенно в Голландии; а доверие, заменяющее капитал, было подорвано во всех странах и разрушено во многих.

Уже было показано, что нехватка капитала мешает бедной стране обеспечить себя и дает богатой стране возможность обеспечить ее и, так сказать, вымогать с нее ростовщическую прибыль, предоставляя ей кредит. Несчастья континента, таким образом, все имели прямую тенденцию способствовать процветанию торговли Англии; но дело не заканчивается даже на этом, поскольку реальный капитал, бежавший с европейского континента, частично нашел убежище в Англии. Мы поднялись (на данный момент) за счет их упадка, и хотя это преимущество будет иметь некоторую продолжительность, мы не должны считать его постоянным.

Эти причины, как и следовало ожидать, оказали чрезвычайно сильное влияние, но это влияние уже начало ослабевать. В таких необычных и беспрецедентных обстоятельствах, как нынешние, невозможно предсказать, что может произойти, но вряд ли можно предположить, что все останется как есть. Ужас и тревога слишком болезненны, чтобы продолжать долго воздействовать на человеческий разум; и даже если причина не исчезнет, с течением времени и привычкой их влияние станет менее сильным. Кроме того, мы не должны предполагать, что такие времена, как 1793 и 1794 годы, когда-либо вернутся, поэтому тревога ослабнет, появится новый капитал, и, поскольку безопасность частной собственности теперь считается основой всего богатства и процветания, доверие будет постепенно восстановлено.

Роста торговли не следует ожидать по тем же причинам, которые в последнее время оказывали столь быстрое и мощное воздействие: напротив, можно ожидать, что они прекратятся настолько, что это приведет к сокращению нашего экспорта.

Однако этому будут противодействовать некоторые обстоятельства, в то время как другие будут способствовать усилению его последствий.

Торговля с американскими штатами и с Россией увеличивается не по временным или ложным причинам. В первом случае население очень быстро растет, а во втором — богатство и цивилизация, которые оказывают аналогичное влияние на потребности нации. Это благоприятно для промышленной страны, такой как Англия.

В качестве одного из доказательств того, что капитал устремляется в Англию, можно привести внезапный рост акций в течение первых трех лет Французской революции, не опасаясь опровержения этого факта или оспаривания указанной причины.

--

Таким образом, эти две причины не только являются постоянными, но и усиливаются, способствуя развитию нашей торговли; они усиливаются быстро и при надлежащем уходе могут быть доведены до значительных масштабов.

Превосходство в торговле с Вест-Индией носит настолько постоянный характер, что Франция никогда больше не станет там серьезным конкурентом. Сан-Доминго не только потеряно, но, вероятно, потеряно навсегда, в то время как ожидается, что Великобритания сможет сохранить свои острова. Таким образом, эту торговлю можно считать постоянной, то есть не существует никаких непосредственных причин для ее упадка, и правительство этой страны достаточно хорошо осознает последствия, чтобы не пренебрегать принятием всех возможных мер предосторожности.

Торговля с Восточной Индией, по-видимому, не столь надежна. Там у нас есть сильные конкуренты в лице американцев и купцов из других стран; но, с другой стороны, спрос на азиатские товары быстро растет по всему европейскому континенту, так что, возможно, мы сможем удержать свои позиции, даже если другие страны восстановят часть утраченной торговли.

Таким образом, чтобы сохранить наше положение в сфере внешней торговли, мы должны приложить все усилия, поскольку внешние факторы, которые заставляли нас заниматься торговлей в течение последних пятнадцати лет, носят временный характер.

Значительное увеличение плодородных земель в Америке замедлит развитие промышленности и торговли в этой стране, поскольку капитал и внимание жителей будут направлены на сельское хозяйство. Это может продолжаться в течение полувека, и, если Англия будет развиваться, эти обстоятельства могут продолжать благоприятствовать британской промышленности на протяжении многих столетий.

Порты в Черном море добавляют новый район к торговому миру, что со временем должно значительно увеличить спрос на такие товары, которые потребляют цивилизованные народы. Мягкий климат и красота страны позволят жителям удовлетворить вкусы, которые принесет с собой цивилизация.

Рассмотрение внутреннего положения островов Вест-Индии или их дальнейшей принадлежности Великобритании было бы совершенно несущественным для целей данного исследования. Это исключительно политический вопрос, не имеющий отношения к торговле, хотя его последствия для нее были бы огромными.

--

Чтобы лучше понять эту необходимость, рассмотрим несколько других обстоятельств.

Богатство Англии, которое было предметом зависти Европы даже до американской войны, в которой мы сражались в одиночку (против нас выступали три самые могущественные морские державы, и никто не встал на нашу сторону), теперь стало еще более заметным и гораздо более склонным вызывать зависть.

Не только положение Великобритании стало гораздо более возвышенным, но и другие страны чувствуют себя в сравнении с ней бесконечно более униженными; к этому следует добавить, что старые привязанности, уважение к законам народов и баланс сил в Европе значительно ослабли или, скорее, почти исчезли.

В течение некоторого времени Великобритания в одиночку противостояла нововведениям и могуществу Франции; и, сначала субсидировав каждую страну, которая была готова сражаться за общее дело, она в одиночку отстояла общее право, тем самым вдвойне унизив тех, кто не хотел помогать или у кого не хватило мужества.

Франция, со всеми своими территориальными приобретениями и союзами, со всем тем влиянием на нейтральные страны, которое внушает страх перед ее оружием, никогда не перестанет бороться с процветанием Англии. Некоторые другие страны, из зависти или стыда,

подстегнутые надеждой разделить богатства, которые теряет Англия, будут либо пассивно наблюдать, либо помогать.

Торговля с Ост-Индией вызывает наибольшую зависть, и будет трудно противостоять ее последствиям. Эта повышенная степень зависти вызвана тремя основными причинами:

Великолепные учреждения Ост-Индской компании, ее флот и тот факт, что она является величайшей торговой компанией, которая существует сейчас или когда-либо существовала, составляют первую причину не только зависти, но и желания участвовать в торговле.

Некоторые скажут, что благодарность может помешать этому, но у наций нет благодарности, они знают только свои интересы, и ничто из прошлого не является мотивом для действий. Нам не нужно искать доказательства этого в далеком прошлом, посмотрите на Голландию, Испанию, Россию и т. д. во второй половине последней войны.

--

Вторая причина связана с размером наших владений, огромными территориальными доходами и очевидной несправедливостью того, что компания купцов становится суверенами и держит древних князей Востока и преемников Великого Могола в качестве вассалов, платящих дань.

Напрасно мы говорим, что люди стали счастливее, чем были до того, как мы оказали им честь стать их хозяевами. Правда это или нет, доказать это невозможно, к тому же лондонские купцы не имеют права заставлять жителей Индостана быть счастливыми, хотя они того или нет.

Такой же предлог использовали французы, подчиняя Фландрию и Брабант, управляя Голландией и Швейцарией, но они не смогли добиться доверия. Регулярные правительства, разделившие Польшу, прибегали к тому же притворству; а наши работоторговцы и плантаторы дают очень убедительные заверения, что негры, трудящиеся на плантациях Вест-Индии, гораздо счастливее, чем были в своей стране; однако, вопреки всему этому множеству свидетелей, в человеческой душе есть что-то, что сопротивляется и отвергает такие доказательства; доказательства сомнительные, учитывая источник, из которого они поступают, и интересы свидетелей, а также противоречащие естественным чувствам существ, наделенных разумом; они также противоречат очень древнему мнению, что «принуждение и сила являются врагами удовольствия».

Как бы мы ни смотрели на это, другие народы, безусловно, считают это несправедливым и неправомерным; и хорошо известно, с какими чувствами относится к этому такое убеждение.

Хотя революции в Дальней Азии не составляют основу нашего исследования, тем не менее, упомянув об империи Великих Моголов, невозможно не отметить ее стремительное и ужасающее падение. В 1707 году, всего девяносто восемь лет назад, Великий Могол правил страной, равной по площади и немного уступающей по численности населения Франции, Испании, Германии и Англии. Его доходы составляли тридцать два миллиона фунтов стерлингов, что в то время было почти равно совокупным доходам всех монархов Европы. Сейчас он ограничен территорией, меньшей, чем самый маленький графство в Англии, и является вассалом по воле компании английских купцов, которые, при всем своем величии, не делят между собой прибыль, равную одной неделе его прежних доходов!

--

Вопреки нашим утверждениям, другие страны Европы будут и действительно смотрят на эту приобретенную территорию с гневом и завистью; и хотя верно, что из огромных доходов, которые приносит компания, они делят небольшую прибыль, хотя их долги ежегодно увеличиваются, тем не менее, следует признать, что отдельные англичане приносят домой большие состояния.

Этот факт нельзя отрицать, и он тем более плох, что, хотя можно предположить, что даже правительство, состоящее из купцов, получает доходы честным путем, люди, которые быстро приобретают большое богатство, всегда считаются делающими это путем вымогательства или нечестными средствами.

Третья причина зависти имеет давнюю историю. Торговля с Востоком с самых ранних времен обогащала все народы, которые когда-либо ею занимались, и, следовательно, была постоянной причиной зависти и споров, как мы уже видели в соответствующем месте. По всем этим причинам, ни одну из которых мы не можем полностью устранить, торговля с Ост-Индией является особым предметом зависти; и, если не проявить большую осторожность, она повлечет за собой ту же опасность для этой страны, что и для всех тех, кто когда-либо ею владел. Тир и Сидон в Сирии, Александрия в Египте, Венеция, Генуя, города Ганзы и Португалия — все они были вознесены и разрушены этой торговлей, которая, по-видимому, была колыбелью и могилой большинства тех наций, которые стали богатыми и могущественными благодаря торговле.

Еще в 1793 году г-н Дандас оценил суммы, пересылаемые частными лицами, в миллион в год; добавьте к этому добычу, полученную в результате войны (которая в Индии стала таким же естественным явлением, как и мир), и мы увидим, что в настоящее время доходы и учреждения почти удвоились. Следующая оценка не будет несправедливой:

Частные состояния, переведенные в 1793 году	1 000 000 фунтов стерлингов
---	-----------------------------

Средняя сумма, полученная за годы	
-----------------------------------	--

войны, грабежей в	
-------------------	--

Серингапатама и т. д.	300 000
-----------------------	---------

Увеличение, переведенное на родину с тех пор, пропорционально доходам	700 000
--	---------

Перечислено в настоящее время по той же статье	
--	--

мужчин	2 000 000 фунтов стерлингов
--------	-----------------------------

Помимо того, что они отправляют домой, эти слуги компании тратят огромные суммы в стране, живя там в величайшей роскоши.

--

Наше богатство в Вест-Индии, хотя и происходит из источника, еще более или по крайней мере столь же нечистого, и хотя и не уступает по объему, по ряду причин не вызывает столь сильной зависти. Оно не ограничивается одной компанией, и поэтому великолепие и показное богатство, которые в случае с азиатской торговлей вызывают зависть, не существуют в случае с американскими островами.

Наша монополия отнюдь не является столь полной, что имеет двойной эффект в нашу пользу: помимо того, что она не дает другим так сильно нам завидовать, она не дает им и так строго нас осуждать.

Те же самые страны, которые в полной мере осознают несправедливость подчинения жителей Востока в их собственной стране, причем в худшем случае не очень жестким образом, искренне присоединяются к грабежу Африки, чтобы сделать ее жителей рабами в Америке, причем в лучшем случае очень жестким образом.

Таковы пагубные последствия гнусных интересов, воздействующих на ум человека! Но наша задача здесь не в том, чтобы исследовать мнения, а в том, чтобы исследовать их результаты; и в данном случае мы видим, что признание участия в преступлении — единственный способ избежать зависти и обиды.

Третья причина зависти также отсутствует. Торговля с Вест-Индией началась совсем недавно, и ни одна нация никогда не обязана своим величием или упадком только этому источнику. Это не похоже на азиатскую торговлю, которая является своего рода наследственной причиной ссор, своего рода семейной реликвией, вызывающей у всех других наций зависть и вражду к ее обладателю.

Зависть, вызванная торговлей с Вест-Индией, еще больше уменьшается тем обстоятельством, что плантации были созданы на деньги тех, кто ими владеет, и что, даже если они не имели первоначального права на эту бесплодную землю, то, по крайней мере, ее возделывание обязано их капиталу и труду.

Наиболее прочная и надежная часть нашей торговли — это наша отечественная промышленность. В этом случае мы вызываем зависть, но не вызываем других ненавистных страстей. Соревнование естественно, а восхищение неизбежно, когда видишь огромный прогресс, достигнутый в этой стране в области искусства и промышленности, так что Англия абсолютно считается первой страной в мире по производству промышленных товаров.

Франция была страной, которая до революции больше всего выиграла от этой торговли; более того, до сих пор ни одна страна не выиграла столько, сколько она.

--

Эта причина величия и богатства действует более равномерно и устойчиво; хотя, как и другие, она имеет свои пределы, но их природа нелегко определить.

Здесь важны две вещи: поиск рынка сбыта и средства его снабжения. Мы всегда находили средства снабжения всех имеющихся у нас рынков, но не всегда могли расширить наш рынок так, как хотелось бы.

Америка и Россия предлагают новые рынки, как уже отмечалось, но для расширения наших старых рынков мы должны либо снизить цены, либо улучшить качество, либо расширить кредит, и изобретения — единственное средство, с помощью которого это можно сделать; и нет возможности знать, где установить границы изобретениям, подкрепленным капиталом и разделением труда. Однако мы не должны забывать, что приоритет во времени является одной из причин подъема нации и имеет характер, который может быть разрушен с течением лет, поэтому превосходство, которым мы пользуемся, может покинуть нас, как это произошло с другими нациями в прошлом.

Когда страна производит сырье, рабочая сила дешевая, а технология отлажена, можно было бы предположить, что превосходство обеспечено, но это не так. Хлопковая промышленность впервые появилась в Ост-Индии, где растет сырье, где рабочая сила стоит не более десятой части от ее стоимости в Англии, а качество производимой продукции хорошее; однако машины и капитал перенесли ее в Англию. Но те же самые машины могут дать превосходство или, по крайней мере, равенство какой-то другой стране; поэтому наша задача — настойчиво поощрять изобретения с помощью средств, которые до сих пор оказывались столь успешными.

Закон о патентах и премии, предлагаемые Обществом искусств, стимулируют усовершенствования и вознаграждают их, когда они осуществляются. Именно этим, безопасности собственности и характеру правительства мы в основном обязаны большими усовершенствованиями, достигнутыми в Англии.

--

Самым необходимым для нашей торговли является поддержка торгового кредита, без которого напрасно ожидать, что торговля будет вестись в больших объемах. В 1772 году, когда крупный провал вызвал недоверие, экспорт страны сократился более чем на три миллиона, но импорт сократился очень незначительно. В 1793 году, когда внутренний кредит торговцев был пошатнут, произошел точно такой же эффект. Это единственные два случая, когда индивидуальный кредит был потрясен до такой степени, что коммерсанты перестали доверять друг другу; и это единственные два случая значительного падения экспорта за один год, за исключением периода американской войны, когда основные отрасли торговли в стране были прекращены или сокращены.

Падение экспорта в 1803 году, которое было действительно очень значительным (не менее одной трети от общего объема), было вызвано не той же причиной, а, по-видимому, тремя другими причинами иного характера.

Во-первых, французы фактически закрыли нам доступ к большому участку побережья, что привело к сокращению экспорта, которое будет частично устранено, когда будут найдены новые каналы транспортировки. Тем не менее, это приведет к некоторому сокращению, поскольку окольные каналы затрудняют ввоз товаров и, следовательно, делают их более дорогими для потребителей.

Вторая причина, по-видимому, заключалась в том, что наши купцы не знали, куда отправлять товары и кому доверять, поскольку страх перед расширением французской власти подорвал доверие и породил нерешительность, которая всегда вредна для бизнеса.

Третья причина сокращения торговли, без сомнения, заключалась в прекращении той тревоги за собственность, которая, как было описано, стала причиной отправки столь большого количества товаров с континента в Англию. Другими словами, это возвращение маятника, который под действием временного импульса отклонился от естественного положения. Если бы во Франции не произошла революция и если бы она не проводилась по тем принципам, по которым она проводилась, наша торговля не могла бы расти так быстро, как она росла; но падение на пятнадцать миллионов за один год — это слишком много, чтобы приписывать его только этой причине. Исследование отраслей, которые действительно упали, прояснит это.

Это своего рода парадокс: когда денег стало мало, страна покупала почти столько же, как и раньше, но продавала меньше. Это не относится к отдельным людям и, на первый взгляд, не кажется естественным.

--

Торговля с Соединенными Штатами Америки является одной из тех, которые сократились, и единственной, которая, по-видимому, не имеет прямой связи с этими причинами. Однако есть некоторые основания полагать, что она имела к ним косвенное отношение.

Все, что прерывает нашу связь с европейским континентом или делает ее небезопасной, в той или иной степени приводит к стагнации кредитования внутри страны. Это произошло, и, поскольку, конечно, это затронуло все отрасли торговли, торговля с Америкой почувствовала удар среди прочих, и даже более чем пропорционально, поскольку нет обмена валюты с каким-либо городом в Америке, а кредиты там долгосрочные, экспорт в эту страну особенно страдает, когда на денежном рынке здесь наблюдается затруднение. Так, в 1772 году американский экспорт

сократился на два миллиона из-за застоя, а в 1793 году — более чем на полмиллиона. В первом случае, похоже, пострадала только американская торговля, а во втором случае она сократилась больше, чем пропорционально.

Было замечено, что улучшение нашего производства внутри страны является наиболее надежной опорой для нашей внешней торговли, которая в основном зависит от превосходных навыков, трудолюбия и изобретательности, поскольку заработная плата сильно не в нашу пользу. Мы рассмотрим, насколько стабильно мы удерживаем это преимущество.

Нация или отдельный человек, которые первыми приступают к совершенствованию, всегда не знают, как далеко можно пойти; те же, кто следует за ними, напротив, знают, что можно сделать, и поэтому действуют с уверенностью и самоуверенностью. Что касается отдельных лиц, то те, кто лидирует в совершенствовании, сталкиваются с большими трудностями; они редко могут получить необходимую финансовую помощь и всегда делают это с большим трудом; в то время как те, кто копирует, не имея и половины их заслуг или, возможно, не имея никаких заслуг, получают поддержку со всех сторон.

Из этого совершенно очевидно, что нация, наиболее продвинутая в области изобретений, должна лишь оставаться в состоянии застоя в течение нескольких лет, и она скоро будет обогнана и, возможно, превзойдена. Голландия, Фландрия и Франция изначально превосходили Англию в искусстве производства большинства товаров; и, действительно, прошло не так много времени с тех пор, как мы получили превосходство над Голландией в нескольких важных областях, в частности, в тех, где не хватало машин. Если бы это было необходимо, несложно было бы привести примеры, чтобы показать, с каким рвением принимали тех, кто импортировал изобретения, основываясь лишь на вероятности успеха, в то время как изобретатели машин и совершенно новых, и еще более важных методов производства были вынуждены искать свой путь вслепую и, пока не увенчались успехом, скорее считались объектами сожаления, чем похвалы или восхищения.

Таким образом, мы не совсем уверены в том, что сможем удержать это превосходство в производстве. Мы рассмотрели несколько других источников богатства, и общий вывод заключается в том, что без заботы и внимания нельзя ожидать, что эта нация сможет долго сохранять свое превосходство над другими в той степени, в какой она им пользуется в настоящее время.

Г-н Аркрайт, изобретатель хлопкопрядильной машины, на протяжении многих лет сталкивался с большими трудностями, как и г-н Уатт, гениальный ученый, усовершенствовавший паровой двигатель. Если бы удача не свела его с г-ном Боултоном, человеком состоятельным и находчивым, а также гением, он, вероятно, остался бы в тени, а страна лишилась бы его замечательного изобретения. На первый взгляд может показаться, что прибыль от прядильной

машины приносит стране больше выгоды, чем от парового двигателя, но на самом деле это не так, поскольку прядильная машина только производит сырье, привезенное из другой страны, дешевле, чем раньше, тогда как паровой двигатель позволяет нам добывать сырье из нашей собственной земли дешевле; что является более важным, более постоянным и более необходимым для нас; кроме того, паровой двигатель с каждым днем расширяет сферу своего применения, в то время как прядильные машины не могут развиваться дальше. Но, оставив это отступление, которое не совсем чуждо нашей теме, и вернувшись к вопросу о том, с какой легкостью следуют за изобретателями, следует отметить, что практически в каждой стране Европы любой авантюрист, который предложит создать хлопкопрядильную машину или фабрику по производству паровых машин, может получить деньги; и это факт, что на эти цели были и по-прежнему выделяются огромные суммы.

Режущие станки, лесопилки, искусство имитации фарфора и изготовления хорошей глиняной посуды и бумаги, а также огромное количество других изобретений были заимствованы из Голландии; в каждом из этих случаев мы превзошли голландцев, так же как они превзошли фламандцев в искусстве копчения сельди. Приоритет изобретения не является постоянным.

--

Американский рынок и, в меньшей степени, российский рынок, однако, открывают перед нами перспективы расширения торговли за счет внешних факторов, которыми мы не можем похвастаться в случае внутренних факторов. Именно на них мы должны ориентироваться, и только на них, для расширения сбыта нашей продукции; но даже в этом случае мы должны приложить усилия, поскольку очень редко хороший результат достигается случайно или без намерения его достичь.

Теперь, когда мы рассмотрели положение этой страны и увидели, что, хотя она вряд ли лишится своей торговли в результате завоевания, как Вавилон, Тир или Александрия, или в результате новых открытий в географии и мореплавании, как Венеция и Генуя, и хотя, по-видимому, она не разделит судьбу Испании, Португалии или Голландии, существуют другие причины, которые могут остановить ее развитие. Если она и избавлена от опасностей, с которыми они боролись, то подвержена другим, от которых они были свободны.

Мы уже рассмотрели влияние налогов и государственного долга на промышленность страны, даже при увеличении ее богатства, но мы не рассмотрели, каким будет это влияние, когда страна окажется на одном уровне с другими странами, которые не несут такого же бремени.

Невозможно долго стоять на месте с бременем на плечах, его нужно либо сбросить, либо оно станет причиной упадка. Давайте постараемся указать методы, с помощью которых это

можно предотвратить или, по крайней мере, отсрочить. Делая это, мы либо разоблачаем свое невежество и самонадеянность, либо оказываем значительную услугу нашей стране.

Американский экспорт из этой страны состоит почти исключительно из промышленных товаров; мы не поставляем в эту страну продукцию из Восточной или Западной Индии. Русские стремятся к владениям в Вест-Индии и, без сомнения, добьются успеха; они прогрессируют в силе еще быстрее, чем американцы в численности населения. Только в 1769 году (не более сорока лет назад) первый российский флаг был замечен в Средиземном море, а теперь Россия имеет все шансы стать сувереном ряда греческих островов и, в любом случае, через Дарданеллы вести крупную торговлю. Чего не может достичь за тридцать лет такая страна и такая династия правителей?

--

Нагрузка должна быть снята, иначе она сокрушит того, кто ее несет; но как это сделать — вот в чем заключается трудность. Если наш долг будет погашен, капитал уйдет в другие страны, поскольку он не найдет применения у нас; и это ослабит нашу страну и усилит другие. Если он останется, мы пойдем ко дну; а если мы нарушим верность кредиторам, это навсегда разрушит доверие; мы больше не сможем диктовать законы рынкам других стран с помощью нашего капитала и, вероятно, свергнем собственное правительство.

Среди *внешних* причин упадка, которые носят общий характер, ни одна не применима к Великобритании так полностью, как зависть и вражда, вызванные владением колониями, которые мы заселили, или странами, которые мы завоевали.

Богатство и могущество Великобритании проистекают из сельского хозяйства, производства, торговли, колоний и завоеваний. Однако зависть, которую они вызывают, соразмерна не столько богатству, которое они приносят, сколько нашему праву владеть ими и, как следствие, праву других оспаривать это владение.

Усовершенствованное сельское хозяйство никогда не было источником вражды между цивилизованными нациями, хотя оно и было объектом завоевания, когда представлялась такая возможность.

Промышленность, великий источник нашего богатства, в определенной степени недоступна для наших врагов. Наше потребление в основном ограничивается внутренним

рынком, и если бы мы не экспортировали никуда, кроме как для закупки материалов, мы бы пользовались почти всем, чем пользуемся сейчас. Наше богатство не уменьшилось бы существенно, хотя наша военно-морская мощь уменьшилась бы. Средства для уничтожения нашей промышленности найти не так-то просто.

Торговля с другими странами, нашими врагами или соперниками, имеет более эффективные средства для сокращения производства, вводя пошлины на наши промышленные товары и увеличивая эти пошлины, когда товары перевозятся на английских судах; но все же преимущество, которым мы пользуемся в этой конкуренции, велико.

Не так обстоит дело с нашими колониями и завоеваниями. Общий объем импорта из Ост-Индии с 1700 года по настоящее время составил всего 165 000 000 фунтов стерлингов, а наш экспорт за тот же период — 83 000 000 фунтов стерлингов, в то время как наш общий экспорт за тот же период составил 1 486 000 фунтов стерлингов.

Было бы весьма напыщенно и мало точно пытаться провести какое-либо строгое сравнение между относительными пропорциями богатства, полученного от общей торговли, и богатства, полученного от торговли с Индией. Экспорт составляет примерно одну девятнадцатую часть от общего объема и, возможно, поскольку речь идет о промышленных товарах, примерно одну десятую часть от общего объема экспорта промышленной продукции страны. Однако экспортная промышленная продукция составляет менее одной трети от объема потребления внутри страны, так что не более одной тридцатой части наших производителей поддерживается торговлей с Индией.

В 1793 году, когда был обновлен устав компании, в бюджете Индии было указано, что частные состояния, приобретенные и привезенные домой, составляют один миллион в год: с тех пор эта сумма, вероятно, увеличилась, но в то время она была больше, чем раньше: если же мы возьмем годовой приток с 1765 года в размере одного миллиона, то получим сорок миллионов, что по сравнению с торговым балансом за этот период составляет примерно одну шестую часть баланса, который, как предполагается, поступает в страну.

Сколько из нашего государственного долга можно отнести на счет Индии, это другой вопрос. По долгам, взятым на себя, и процентам по долгам, выплаченным за тот же период, мы выплатили сумму в 1 100 000 000 фунтов стерлингов, что в двенадцать раз превышает всю собственность, приобретенную в результате наших дел в Индии, если предположить, что 45 000 000 фунтов стерлингов, перечисленных в качестве денежных переводов, являются чистой прибылью, вместе с половиной из 83 000 000 фунтов стерлингов, что, безусловно, позволяет рассчитывать прибыль по самой высокой ставке для обоих.

Сравнение общего объема внешней торговли страны с объемом торговли только с Ост-Индией за 104 года.

	Общий объем экспорта.	Общий баланс	Экспорт в Индию.
	в нашу пользу.		
С 1700			
по 1760 год	540 000 000 фунтов стерлингов	249 000 000 фунтов стерлингов	
18 000 000 фунтов стерлингов			
с 1760 по			
1785,	370 000 000 фунтов стерлингов	101 000 000 фунтов стерлингов	
25 000 000 фунтов стерлингов			
1785–			
1805,	576 000 000 фунтов стерлингов	142 000 000 фунтов стерлингов	
40 000 000 фунтов стерлингов			
	_____	_____	_____
	1 486 000 000 фунтов стерлингов	492 000 000 фунтов стерлингов	80 000 000
фунтов стерлингов			
	_____	_____	_____

Это составляет примерно девятнадцатую часть нашей внешней торговли, и баланс значительно не в нашу пользу.

--

Предположим, что войны, вызванные Индией, стоили (или доля долга, которую они вызвали) одну шестую часть всего нашего долга, и что прибыль от товаров, поставляемых в Индию, и частные состояния поступили в государственную казну, то все равно государство понесло бы большие убытки; но это не так, проценты по долгу взимаются с народа и будут взиматься до тех пор, пока все не будет выплачено; что, согласно плану амортизационного фонда, произойдет через тридцать пять лет, так что нам придется выплатить еще около 750 000 000 фунтов стерлингов, предполагая, что все это время будет мир и мы продолжим владеть Индией.

В этом взгляде на национальные дела есть что-то очень мрачное, и все же нет очевидного способа сделать его более приятным.

Напротив, вполне возможно, что, поскольку Мальта, считающаяся ключом к Индии, обошлась нам в 20 000 000 фунтов стерлингов за несколько лет, то менее чем через тридцать пять лет она может обойтись нам еще дороже; и отнюдь не исключено, что до истечения этого срока мы либо потеряем Индию, либо откажемся от нее; В любом из этих случаев арифметический баланс прибылей и убытков значительно изменится в нашу пользу.

О владениях в Индии и о сложном влиянии нашего импорта (повторно экспортируемого) на нацию можно было бы написать целый том, но в общем исследовании такого рода это было бы малоцелесообразно. Достаточно показать здесь, что богатство, полученное по этому каналу, не является значительным по сравнению с богатством, приобретенным за счет внешней торговли или нашей промышленности внутри страны, и что в то же время мы видим, что оно вызывает больше зависти и ревности, чем все остальные преимущества, которыми мы пользуемся, вместе взятые.

Близость торгового баланса к сумме взятых на себя долгов, естественно, привлекает внимание, но это кажется чисто случайным и не имеющим никакой реальной связи.

Заемный долг	500 000 000 фунтов стерлингов
Выплаченные проценты	590 000 000 фунтов стерлингов
1 090 000 000 фунтов стерлингов	

Пусть будущие прибыли и расходы будут уравновешены друг другом, как и в прошлом.

--

Как бы плохо ни поступали люди в вопросах интересов и как бы ни ослепляла их зависть в случаях соперничества, в их сознании все же преобладает определенная степень справедливости, которая признает заслуги и истинные достижения. Каждый, кто слышал разговоры или читал мнения людей из других стран о богатстве и величии Англии, согласится, что как коммерсанты и промышленники мы вызываем восхищение всего мира, но что касается

нашего господства над Индией и наших плантаций на американских островах, то иностранцы высказываются совсем иначе.

Чтобы свергнуть нацию, которая поднялась выше своего уровня, применяется система вражды в войне и соперничества в мире.

Португальцы воспользовались удачным случаем, чтобы подорвать и вытеснить венецианцев и генуэзцев, которые долгое время были предметом зависти всех народов из-за богатства, полученного благодаря монополии на торговлю с Индией. Голландцы вскоре стали соперниками португальцев в торговле, а фламандцы — в производстве; и, действительно, невозможно сказать, каким образом превосходство одной нации может быть утрачено.

Англия, начав позже всех, теперь получила свою полную долю в торговле с Востоком и в производстве, но нации, завидующие богатству других, всегда имеют несколько больших преимуществ. Нация, которая находится на вершине, идет по новому пути открытий, изобретений и т. д. и никогда не знает, как далеко она может зайти и как действовать дальше. Те, кто следуют за ней, как правило, могут только копировать, и при этом, как правило, довольно легко совершенствоваться. В любом случае, наступит день, когда нация, занимающая лидирующие позиции, перестанет продвигаться вперед, и другие нации должны будут ее догнать.

Поскольку наиболее продвинутая нация не знает о возможных улучшениях, она не чувствует, чего хочет, и, как человек, обладающий полным здоровьем, не дает повода для поощрения врача. Страны, идущие следом, действуют иначе; и, как правило, чтобы защитить свои развивающиеся производства, они вводят пошлины на импорт аналогичной продукции, тем самым предотвращая конкуренцию между старыми устоявшимися производствами и недавно начатыми.

В той мере, в какой приоритет в освоении или изобретениях дает одной стране превосходство над другими, принцип уравнивания действует с очень естественной и очевидной силой; но когда нравы и образ мышления народа однажды приняли определенный оборот, в дополнение к их мастерству в производстве, его, по-видимому, нелегко изменить.

Несколько веков назад немцы превосходили всех в Европе в металлообработке и владели большинством видов искусства в высшей степени. В некоторых видах искусства их превзошли французы, в других — голландцы, а почти во всех — англичане.

Завоевания и колонии отнимаются у народов внезапно и силой; искусства и производство покидают их в мирное время, тихо и постепенно, без шума и потрясений; но последствия от этого не становятся менее фатальными; и, по сути, эффект не становится более медленным, хотя и более тихим. Хотя колонии или завоевания исчезают сразу, такие изменения происходят только после того, как длинная цепь причин подготовила для них почву; в то время

как производство постоянно мигрирует из одной страны в другую: этот процесс, хотя и медленный и бесшумный, непрерывен, а конечный эффект велик и не поддается исчислению.

Хорошее правительство и мудрые законы, которые защищают промышленность и собственность и сохраняют в чистоте нравы народа, являются самыми трудными препятствиями для преодоления соперничающей нацией. Процветание, основанное на этой основе, является самым надежным из всех. Иногда существуют обычаи и привычки, которые благоприятствуют промышленности, но их действие не заметно для тех, кто желает подражать и соперничать с успешными и богатыми нациями.

В целом, не следует ожидать, что южные страны смогут конкурировать с жителями более северных климатических зон в тех отраслях производства, где требуется продолжительный или тяжелый труд. Природа компенсировала жителям таких стран эту неспособность, наделив их прекрасным климатом и, в целом, плодородной почвой; и, если они используют это по достоинству, они могут жить в достатке и счастье. Но с тех пор, как промышленность и цивилизация проникли в северные страны, южные страны не могут соперничать с ними в производстве.

Отдельные немецкие рабочие не уступают рабочим любой другой нации, но сама немецкая нация оказалась в проигрыше.

--

Люди, живущие на берегах Нила, где когда-то производилось лучшее полотно, не смогли бы соперничать с тканями Силезии или Ирландии: это все равно что пытаться восстановить торговлю с Индией через Александрию на Красном море.

Несмотря на то, что все материалы для производства высококачественных изделий в Индии добываются в самой стране, низкая стоимость рабочей силы и древность их производства во многих случаях не позволяют им удержать свои позиции перед изобретательностью и промышленностью европейцев. Искусство изготовления фарфоровых изделий из-за нехватки некоторых материалов не во всех отношениях сравнится с китайским, но во всем остальном, за исключением материалов, оно настолько превосходит его, что торговля этим товаром с этой страной полностью прекратилась.

Многие из лучших тканей почти разделяют ту же судьбу, и со временем, вероятно, все они разделят ее. Те, кого мы надеемся превзойти, намерены оставаться такими, какие они есть, в то время как европейцы стремятся достичь максимального совершенства, насколько это позволяет природа вещей.

Но страны, которые следуют за другими в искусстве, не всегда ограничиваются подражанием, хотя мы видели, что даже в этом они имеют большое преимущество. Часто бывает, что они получают какое-то изобретение, которое делает их превосходящими в определенной области тех, кого они только намеревались подражать.

Когда превосходство нации проистекает из природных ресурсов земли, таких как ценные минералы, то другим очень трудно составить ей конкуренцию с выгодой для себя; и очень неразумно со стороны любой нации прилагать усилия, чтобы соперничать с другой в области, где природа дала другой явное преимущество; и столь же неразумно со стороны нации пренебрегать развитием преимуществ, которые она получает от природы, поскольку они являются наиболее постоянными, а их обладание — наиболее верным из всех, которыми она может наслаждаться.

Если бы страны рассматривали, в каких отраслях производства они могут преуспеть, это избавило бы их от многих соперничеств, недоразумений и ревности; в то же время это значительно увеличило бы общее совокупное богатство человечества. Человечество обязано своим богатством не только трудолюбию и усилиям, но и правильно направленному трудолюбию и усилиям.

Это хорошо объясняется в превосходном труде «Исследование причин богатства народов», и жаль, что эта истина не находит более широкого понимания, поскольку она способствовала бы еще большему миру и счастью человечества, чем его коммерческому богатству.

Однако нет другой темы, по которой нации так склонны ошибаться, и, по сути, эта ошибка вполне естественна, если амбиции соперника не сдерживаются здравым смыслом и вниманием к обстоятельствам.

Когда одна нация особенно преуспевает в одной отрасли производства больше, чем в любой другой, это обычно происходит потому, что некоторые особые обстоятельства дают ей преимущество (). Это должно служить поводом для сомнений в целесообразности попытки соперничать с нацией в области, в которой она имеет особые преимущества; но происходит совсем наоборот: соперничающая нация нацеливается непосредственно на то, в чем другая преуспевает больше всего, и часто терпит неудачу, в то время как в любой другой области она могла бы добиться успеха.

Изменения во вкусах и нравах человечества, а также открытия в искусстве и науке закладывают основу для политических изменений, но это нерегулярная основа для изменений; ее действие иногда благоприятно, а иногда неблагоприятно для одной и той же страны, и его никогда нельзя рассчитать заранее.

Поскольку страны, которые последними достигли прогресса в производстве, всегда доводили его до наивысшего совершенства, естественно задаться вопросом, как это происходит.

Успех значительно усиливает умственные и физические способности, а все, что имеет противоположный эффект, ослабляет их. Восходящая нация всегда обладает повышенной энергией, а та, которой грозит конкуренция, — неким унынием и смятением. Это одна из причин, но есть и другие.

Сколько нелепых попыток было предпринято на севере, чтобы соперничать с итальянцами в выращивании шелка, причем со стороны просвещенных людей; но недостаточно быть просвещенным, необходимо следовать правильной цепочке рассуждений. Здравый смысл иногда заменяет правильное рассуждение и, как бы интуитивно, приходит к верному выводу.

--

Что касается методов работы и оборудования, то преимущество имеет подражающая нация; она сразу копирует лучшие машины и лучшие методы работы. Рабочие не привязаны к старым, уступающим по качеству методам и не используют старые, уступающие по качеству машины, чтобы избежать затрат на новые. Короче говоря, они принимают все усовершенствования без больших дополнительных затрат; и, поскольку умы людей всегда больше заняты размышлениями о новом объекте, чем о старом, они даже более склонны к усовершенствованиям.

Что касается трудностей в соперничестве с какой-либо страной в области механического искусства, то их нет. Единственные трудности в производстве заключаются в изобретениях и усовершенствованиях, но они уже преодолены ведущей страной и не представляют трудностей для тех, кто следует за ней. Конечно, есть некоторые виды искусства, которые требуют особых талантов и подлинного проявления гениальности, но их так мало, и они настолько мало связаны с обычными делами человечества или богатством наций, что не заслуживают внимания.

В искусстве ткачества, обработки металлов или любого другого материала общего пользования нет ничего настолько сложного, чтобы любой человек с обычными способностями не

мог делать это почти так же хорошо, как любой другой человек. Привычки и нравы людей, их склонность к труду и характер правительства, под которым они живут, могут поощрять или препятствовать производству, но сила и способности любого жителя Европы, если брать их в среднем, вполне достаточны, чтобы позволить им преуспеть в любой работе.

Когда машины очень дороги, новые усовершенствования, требующие других машин, иногда отвергаются и отбрасываются по этой причине. Чтобы принять их, человек иногда должен сначала пожертвовать половиной своего состояния, уничтожив свои старые машины.

Было несколько подобных случаев, особенно в производстве железа, когда было предложено превратить грубую гузу в качественный ковкий железный прут, прокатывая его при температуре сварки, а не куя его на кузнечной мельнице.

--

{Здесь на странице 212 появляется третий график, озаглавленный

«Таблица, показывающая объем экспорта и импорта АНГЛИИ во все страны и из всех стран с 1800 по 1805 год»}

Британская нация начала искать богатство в сельском хозяйстве. Долгое время было принято уделять внимание и отдавать предпочтение производству, но в настоящее время тенденция изменилась в другую сторону. До недавнего времени расчеты были уделом только купцов, но, в конце концов, они не довели их до конца, а их спекулятивная мудрость заключалась главным образом в том, чтобы быстро воспользоваться какой-то непосредственной выгодой.

ПОЛОЖЕНИЕ № III.

Пространство справа налево разделено на годы, каждая строка представляет год, обозначенный внизу и вверху. С начала прошлого века до 1770 года указаны только каждые десять лет и показан только средний объем экспорта и импорта; но с 1770 года по настоящее время каждый год отдельно представлен строкой, идущей сверху вниз.

Деления сверху вниз — это миллионы фунтов стерлингов, каждое из которых представляет миллион, измеряемый снизу, а количество миллионов указано на правом поле.

По мере увеличения или уменьшения экспорта, который обозначен красной линией, красная линия поднимается или опускается, пересекая деление, обозначающее год, на линии, которая указывает количество миллионов, на которое составил экспорт в том году.

Желтая линия нарисована по тому же принципу и представляет импорт за те же годы; разница между ними, обозначенная зеленым цветом, является сальдо в пользу или против Англии.

Так, например, мы видим, что до 1775 года экспорт рос очень быстро и значительно превышал импорт, но затем их соотношение начало меняться, в результате чего в 1781 году желтая линия поднялась выше красной, и сальдо в пользу Англии изменилось в ее ущерб на сумму в миллион за один год. В 1782 году баланс снова стал благоприятным, но, несмотря на рост торговли, в 1785 году баланс вновь стал отрицательным для Англии, и с тех пор он более или менее остается в нашу пользу.

Разница между двумя линиями окрашена в бледно-зеленый цвет, когда баланс был благоприятным, и в бледно-красный, когда он был не в пользу Англии.

Преимущества, предлагаемые этим способом представления информации, такие же, как преимущества карт и планов перед описаниями и размерами, указанными в цифрах; и точность в одном случае такая же, как и в другом; ведь все количества, которые можно выразить в цифрах, можно представить линиями; и там, где речь идет о пропорциональном прогрессе, то, что глаз делает за мгновение, в противном случае потребовало бы много времени.

Впечатление не только простое, но и остается в памяти надолго, так же как и легко воспринимается. Таковы преимущества, заявленные для изобретения двадцать лет назад, когда оно впервые появилось; заявление было одобрено многими и, насколько известно изобретателю, не вызвало возражений ни в этой, ни в какой-либо другой стране.

ПОЛОЖЕНИЕ № IV.

График доходов с момента правления королевы Елизаветы до наших дней.

До вступления на престол Вильгельма III в 1688 году данные по этому вопросу не совсем точны, но они не сильно отличаются от реальности, и, по сути, доходы до этого периода были настолько низкими, что их точность не имеет большого значения. Здесь они представлены скорее как контраст с нынешними высокими доходами и как предмет любопытства, чем как что-то действительно важное.

Светло-красная часть отражает свободные доходы, или то, что остается после выплаты процентов по нашему долгу.

Эти свободные доходы не росли так быстро, как снижалась стоимость денег до 1793 года, и, безусловно, в то время годовая сумма в 7 000 000 фунтов стерлингов не равнялась 4 000 000 фунтов стерлингов во время правления королевы Анны.

Зеленая часть показывает годовые проценты по государственному долгу и доказывает, без всякого сомнения, что при такой системе расходы на войну (ведь весь долг был взят на ведение войн) увеличиваются гораздо больше, чем пропорционально.

Жёлтая часть, ограниченная изогнутой линией, показывает, как будет увеличиваться амортизационный фонд в процессе погашения долга, при условии, что страна будет продолжать брать кредиты, как она делала это в течение последних двенадцати лет, откладывая один процент от каждого нового кредита на его ликвидацию.

Поскольку сравнительные данные являются основной целью этих диаграмм, на них нанесена желтая пунктирная линия, представляющая сумму доходов Франции за тот же период до 1789 года, когда революция остановила их рост; с тех пор их сумма не известна на регулярной основе.

Автор опубликовал атлас, содержащий двадцать семь диаграмм по различным отраслям торговли, доходов и финансов Англии, который был переведен на французский язык. Пятое издание, значительно улучшенное и доведенное до настоящего времени, сейчас находится в печати и будет опубликовано в ноябре.

--

ГЛАВА III. [=sic= - ошибка в типографском экземпляре, должно быть II.]

*Об образовании, как оно осуществляется в Англии. -- Предлагаемые улучшения. --
Необходимость вмешательства правительства без ущемления свободы подданных.*

Важность образования уже упоминалась, поскольку оно в целом касается всех наций, и, безусловно, когда у нас есть примеры, показывающие, какими долгосрочными и ужасными могут быть последствия деградации национального характера и нравов, невозможно уделять этому вопросу слишком много внимания.

Естественная тенденция нации, по мере ее обогащения, изменять свой характер в связи с различными способами воспитания и образования детей, особенно применима к Англии и к каждой нации, обогащающейся за счет торговли или производства. В другой части было отмечено, что там, где богатство страны сначала циркулирует среди трудящихся классов, оно изменяет образ жизни в большей степени, чем когда оно происходит из высших слоев общества; оно также вызывает более значительные изменения в воспитании детей.

Ни одна часть общего исследования не применима к Англии в такой чрезмерной степени, как та, которая касается образования. В той же мере, в какой невежественные люди достигают того рода богатства, которое производят производство и торговля, в той же мере они губят своих детей. Манеры, характер правительства и образ мышления народа — все это ведет к этому в Англии; и, насколько можно наблюдать этот эффект, можно сказать, что в настоящее время он действует с большой быстротой.

Многие тома были написаны о воспитании самыми способными людьми; но уже было замечено, что все они рассматривали эту тему слишком запутанно и сложно. Полностью осознавая его важность, они, по-видимому, считали, что его нельзя рассматривать слишком подробно или исследовать слишком тщательно; и поэтому то, что они сказали, мало применимо к общим целям; ведь если бы воспитание человека для обычной жизни было сложной и трудной задачей, то она очень редко выполнялась бы.

{Здесь на странице 216 появляется четвертая и последняя таблица под названием

«График, отражающий рост годовых доходов АНГЛИИ И ФРАНЦИИ с начала XVII века до настоящего времени»}

Само слово «образование» кажется неправильно употребленным или неправильно понятым, вероятно, из-за его первоначального значения и использования, и никакое другое слово не было подставлено на его место.

В прежние времена под образованием понималось обучение чтению и письму; эти навыки в то время отличали джентльмена от представителей низших классов, и по этой причине образование до сих пор считается применимым только к изучению того, чему учат в школах или университетах. Именно в таком свете его рассматривают те, кто писал об этом, хотя на самом деле «хорошо воспитанный» (*bien eleve*) ближе к этому значению, чем «хорошо образованный», что эквивалентно «хорошо обученный».

В этом, как и во всем остальном, никогда не следует забывать о конечной цели; но, как это бывает в отношении среднего и низшего сословий, о ней забывают, как только в стране наступает небольшой прогресс в области благосостояния.

Образование высших классов, как правило, проводится довольно хорошо; и действительно, люди, когда они не испытывают нужды, не унаследовали от Адама необходимость зарабатывать хлеб в поте лица своего, требуют гораздо большего обучения, чем другие, чье поведение регулируется необходимостью и которые не имеют средств, чтобы поддаться страстям, одолевающим человеческую природу.

Однако в отношении высших классов правительство вряд ли может вмешиваться с большим успехом. Те, кто обладает состоянием, будут действовать в соответствии со своими склонностями, и в отношении этого класса общества в Англии уже меньше, чем в отношении других, необходимость в реформах или вмешательстве, в то время как низшие и средние классы нуждаются в этом больше.

Невежественный человек не имеет никаких шансов стать важной фигурой в этой стране, даже при помощи богатства и состояния. Неморальный или подлый эгоистичный человек не имеет гораздо больше шансов, в то время как благодаря талантам и хорошему поведению можно получить все, что угодно: возможно, больше ничего нельзя сделать, чтобы побудить людей с высоким положением и состоянием к соперничеству и добродетели.

Что касается научных профессий, то способы, с помощью которых студенты готовятся к ним, отнюдь не безупречны; но это не является вопросом очень большой национальной важности; в любом случае, это не та область, в которой Англия больше всего нуждается во внимании и вмешательстве со стороны правительства страны.

Двумя классами, к которым, как это обычно понимается, слово «воспитание» подходит больше, чем слово «образование», являются средний класс общества и низшие слои населения, занятые торговлей.

Средний класс общества во всех странах является наиболее важным с точки зрения принципов и нравов. Сохранение его чистоты всегда имеет первостепенное значение, и это наиболее сложно, поскольку именно там наиболее вероятно возникновение пагубных изменений.

Джентльмены высокого ранга во всех странах очень похожи друг на друга; возможно, не внешне, потому что это зависит от моды, которая является произвольной, но в умах и манерах между ними меньше различий, чем между людьми второго ранга общества.

Низшие сословия, поскольку они вынуждены по необходимости трудиться, также похожи друг на друга; они подвергаются давлению со стороны необходимости и страстей, с одной стороны, и желания отдыха, с другой; и если принять во внимание различия в климате, обстоятельствах и природных склонностях, то между ними нет ничего особого.

То, что применимо к высшим и низшим слоям общества, совершенно не применимо к среднему классу и даже к самому богатому классу рабочих в промышленно развитой стране: в них мы не можем найти никаких постоянных черт; они так же изменчивы, как и обстоятельства, в которых находятся отдельные люди, и именно здесь правительство должно вмешиваться. Оно должно вмешиваться, направляя более богатые классы трудящихся и средние слои в вопросах образования их детей, а также помогая представителям низших классов, которые слишком сильно страдают от нищеты.

Наши юристы (адвокаты) вероятно превосходят юристов любой другой страны, а духовенство, по крайней мере, не уступает им. Конечно, это не говорит о многом, но в вопросах религии так трудно умерить рвение и провести грань между соперничеством и фанатизмом, что, возможно, лучше, чтобы они были немного небрежны, чем чрезмерно праведны. Ошибка заключается не в образовании церковников, а в способе их оплаты и обеспечения, и этот вопрос рассматривается в другом месте.

Сервантес в своем замечательном романе «Дон Кихот» рисует образ ума джентльмена, который все страны признают правдивым. Если не считать безумия, то его манера мыслить и действовать была свойственна джентльменам Испании, Франции, Германии или Англии. Он не был джентльменом XV или XVIII века, но любого другого века. Его одежда была испанской; его

безумие и манеры принадлежали эпохе рыцарства и романтики, но ум и принципы джентльмена подходили для всех веков и всех стран.

Санчо, опять же, если не считать его странностей, является крестьянином всех стран; он стремится жить как можно лучше и работать как можно меньше. Короче говоря, его ум постоянно занят личными потребностями и живет личными интересами. В средних слоях общества такого сходства нет.

--

Цель любого образования — научить людей, будь то мужчины или женщины, правильно и достойно занимать свое место в жизни; и это можно сделать только путем подачи хорошего примера, привития хороших принципов, приучения их в молодости к хорошим привычкам и, прежде всего, путем обучения их тому, как зарабатывать больше, чем они привыкли тратить.

Из этого следует, что трудолюбие и ремесло являются главными составляющими образования, а чтение и письмо — нет, поскольку их польза для трудящихся слоев общества весьма сомнительна.

По этому вопросу абсолютно необходимо обратиться к тому, что говорит доктор Смит о ученичестве; мнение столь великого писателя слишком важно, чтобы его не изучить и не опровергнуть, если оно окажется ошибочным.

Ученичество, или обучение ремеслу, является основой будущего счастья и процветания человека из низших и средних классов. Однако по этому вопросу г-н Смит говорит совершенно противоположное. Он утверждает, что лень учеников хорошо известна, что их мотивация к труду невелика и что для того, чтобы научиться ремеслу, в большинстве случаев достаточно нескольких недель, а иногда и нескольких дней. Короче говоря, он утверждает, что они будут учиться лучше, будут более трудолюбивыми и полезными, если будут наняты на работу с оплатой, чем если будут связаны обязательствами на несколько лет; и, наконец, что в древности не было учеников. Что касается отсутствия учеников в древнем мире, то, если это и было так, это не является аргументом в отношении современного положения вещей; ведь пока большая часть рабочих была рабами, не могло быть большого спроса на учеников; но можем ли мы быть уверены, что освобожденные рабы, о которых так часто упоминается в Библии, не были людьми, прошедшими ученичество? Освобожденные рабы упоминаются так часто, что, вероятно, помимо доброй воли или прихоти своих хозяев, они были обязаны своей свободой еще чему-то, тем более что эта добрая воля, должно быть, проявлялась по отношению к достойным людям, и, следовательно, жертва, принесенная в виде дарования свободы, была тем большей.

По мере того как люди осваивали сложные искусства, то есть по мере роста роскоши, становилось все труднее заставлять рабов работать, используя только принудительные меры; между хозяином и рабом, должно быть, заключались сделки и взаимные соглашения, чтобы достичь намеченной цели. Среди вознаграждений рабу свобода в определенный период является не только самым большим, но и единственным, которое действительно служит рабу; ведь пока он остается собственностью хозяина, его вознаграждение может состоять лишь из хорошего обращения, поскольку вся предоставленная собственность может быть отобрана обратно.

Однако предположим, что этот момент упущен и что в древние времена не было подмастерьев, а эта практика зародилась в эпоху невежества, в темные века, при феодальном строе, вместе с появлением корпораций и привилегированных сословий, против существования которых объединились все экономисты, как греки против Трои; тем не менее, неясность происхождения не является препятствием. Конституция, подобная британской, например, не является изобретением древности; она возникла в темные века и в эпоху невежества, но от этого она не становится менее достойной восхищения. Можно привести много других примеров замечательных вещей, которые возникли в темные века, и среди них не последнее место занимает отмена самого рабства.

Однако давайте рассмотрим влияние ученичества в тех местах, где его можно сравнить с людьми, воспитанными в полной свободе.

Мы можем составить некоторое представление о том, как сложно заставить работать людей, которые никак не заинтересованы в успехе, на примере рабочих домов в этой стране. Мы получаем лишь минимальный объем самой простой работы, потому что надзиратели невежественны, нация невнимательна, а труд принудительный.

В Египте и большинстве других древних стран сын по закону следовал профессии своего отца: это было равносильно ученичеству.

Независимо от того, возникло ли это в результате смешения северных и южных народов или по какой-то другой причине, несомненно, что в эпоху невежества был заложен фундамент почти всего того, что является великим в настоящее время.

--

Если есть профессии, в которых, как утверждает г-н Смит, ремесло можно освоить за несколько недель, то каковы последствия этого? В шестнадцать или семнадцать лет мальчик может заработать столько денег, сколько он сможет заработать в любой момент своей будущей жизни; он сможет заработать столько же, сколько мужчина, у которого есть жена и пять или шесть детей, которых нужно содержать. В таких обстоятельствах потребуется очень большая доля умеренности и мудрости, чтобы такой мальчик не растратил свои деньги таким образом, что не сможет жить безбедно, когда сам станет отцом семьи, или не потратил впустую свободное время, которое дают ему его заработки. Естественно, он будет делать и то, и другое, но обычно все происходит следующим образом. Без контроля со стороны хозяина и полностью независимый от родителей, которые остались в бедности (не имея средств на содержание всей семьи, кроме заработка самого юноши), он презирает их, сначала откладывает немного денег и покупает наряды. Новизна одежды скоро проходит, и на первый план выходят более непосредственные удовольствия: еда, питье и общение, как это называется. Результатом этого является праздность и нищета. Стыдясь показываться среди людей с лучшими манерами, молодой человек меняет место жительства и работы; привычка овладевает им, и труд становится ненавистным; жизнь солдата кажется лучшей для молодого человека такого рода; и несомненным фактом является то, что в тех местах, где занимаются ремеслами, которым можно научиться за короткое время, набирается больше новобранцев для армии, чем в любых других районах с таким же населением. Несомненно также, что в тех же районах самые уважаемые люди отдают своих сыновей в ученики, руководствуясь опытом и любовью к своим детям, а не корыстными мотивами.

Это не относится ко многим профессиям, и г-н Смит ошибается в этом вопросе; но, даже если это и так, то места, о которых идет речь, — Бирмингем, Шеффилд, Манчестер и другие города, где разделение труда сводит каждую операцию к большой простоте, — являются лучшими для набора в армию. В этих местах все уважаемые люди, которые могут себе это позволить, отдают своих сыновей в ученики, чтобы предотвратить опасность.

--

В другом случае, когда ремесло нелегко освоить, как можно приобрести навыки, если не через ученичество? Воспитание сына в духе профессии отца, практика, распространенная в восточных частях Азии, является одним из способов; родительская власть не нуждается в помощи письменного договора; но в тех случаях, когда это не так, кто будет учить молодого человека, если он не будет связан обязательствами на определенное количество лет, а уйдет, как только освоит профессию? В некоторых случаях отец может оплатить обучение сына ремеслу, и этот эксперимент иногда проводился (), но, как правило, с очень несовершенным успехом. В большинстве случаев молодой человек считает себя независимым от мастера и не прилагает особых усилий, чтобы научиться своему делу.

Когда вознаграждение мастера, или, скорее, оплата его труда и усилий, зависит от работы мальчика, мастер заинтересован в его обучении, а тот, в свою очередь, чувствует обязанность и заинтересованность в обучении. Хотя ученик не получает абсолютной оплаты за свою работу, он понимает, что его спокойствие, его значимость и комфорт зависят от его профессионализма; и для молодых умов такие мотивы гораздо сильнее и действуют через более эффективный канал, чем алчность.

Власть, которую законодатель дает мастеру над своим учеником, кажется не только мудрой, но и необходимой; и если бы можно было давать вознаграждение за освоение ремесла в дополнение к этому, не ущемляя свободу и не обременяя государство, это было бы большим преимуществом.

Но освоение ремесла — не единственное преимущество ученичества; хорошее нравственное поведение, верность и внимательность к своим обязанностям приобретаются одновременно или должны приобретаться; тогда как молодой человек, который в раннем возрасте остается без контроля, склонен учиться как раз наоборот.

Когда у людей есть состояние, обстоятельства дают им контроль над своими детьми благодаря ожиданиям; но когда состояния нет, и дети должны сами обеспечивать себя, ученичество заменяет ожидания, что кажется весьма необходимым; и удивительно, как такой проникательный и глубокий человек, как доктор Смит, мог упустить из виду столь существенное обстоятельство. Это показывает, насколько предвзятость и однажды принятое мнение могут сбить с пути даже людей с первоклассным умом и гением; ведь нельзя предполагать, что кто-либо будет отстаивать мнение, которое так решительно опровергается опытом.

Изучение ремесла, воспитание нравственного поведения и внимания к своим обязанностям, безусловно, являются неотъемлемой частью образования как в низших, так и в средних классах; а та часть образования, которая, по-видимому, получила исключительное право на это название, чтение и письмо, для рабочих классов является весьма второстепенной задачей.

Таким образом, одной из обязанностей правительства является следить за образованием детей среднего и низшего классов, которое имеет тенденцию ухудшаться по мере роста богатства нации.

В Англии гордостью среднего класса является то, что их дети получают образование в школах-интернатах, где довольно хорошо понимают, что такое еда, сон, одевание и физические упражнения; где мало внимания уделяется предметам, которые якобы преподаются (за исключением письма и некоторых внешних навыков, которые могут оценить отец и мать), где о моральном поведении, жизненных обязанностях и необходимом поведении почти не задумываются.

Правда, до определенного возраста обычно неизвестно, какую конкретную жизненную стезю выберет молодой человек, но есть вещи, необходимые для любой жизненной стези, и их никогда не следует пренебрегать. Привычки, приобретенные в школе, очень часто бывают такими, от которых никогда не избавиться; и как можно приобрести хорошие привычки, если этому вопросу не уделяется никакого внимания?

В результате, если здравый смысл отца или матери, или самого мальчика не исправляет это зло, он вырастает с убеждением, что он рожден, чтобы его обслуживали и обеспечивали, без каких-либо собственных усилий; его приучают полагать, что он должен наслаждаться жизнью, подобной той, которую ведет его отец дома, где некоторые уступки являются естественным следствием возраста и справедливой наградой за жизнь, посвященную заботе и труду.

В примечаниях к «Богатству народов» этот случай обсуждается, но вопрос слишком важен, чтобы не рассматривать его при каждом удобном случае. Мнение, о котором здесь идет речь, — это общее представление о корпорациях, привилегиях и правилах или ограничениях любого рода, налагаемых на торговлю, которые, по мнению авторов, пишущих о политической экономии, в целом должны быть полностью отменены.

--

В Англии было бы абсолютно необходимо подвергать школьных учителей экзаменам; не только вначале, до того, как школа получит лицензию, но и мальчиков следует экзаменовать два раза в год, а результаты регистрировать, чтобы дело действительно сводилось к обучению, а не просто к времяпрепровождению.

Невероятно низкий уровень знаний, достигаемый в школах Англии, и в частности в окрестностях Лондона. Даже трудно представить, как мальчики умудряются не выучить чуть больше, чем они обычно выучивают за восемь или десять лет. Учителя в большинстве своем делают вид, что учат мальчиков латыни, преподавая им английский язык, но почти никогда не достигают этой цели. В арифметике преподаются общие правила, но почти никогда десятичные дроби и почти никогда бухгалтерский учет, столь полезное и легкое искусство.

Письмо и правописание преподаются, пожалуй, лучше, чем в любой другой стране, и, безусловно, это большое преимущество; но, учитывая затраченное время и деньги, это самое меньшее, чего можно ожидать. Здесь можно заметить, что это единственные навыки, с которыми обязательно знакомы отец и мать; поэтому есть основания полагать, что, если бы такая же

проверка проводилась в других областях их образования, они были бы мотивированы добиваться таких же успехов.

Когда наступает время определиться с выбором жизненного пути молодого человека, должны существовать школы для разных направлений, где преподаются знания, аналогичные профессии. Мальчики должны быть подготовлены к торговле, сельскому хозяйству, к любой сфере жизни; и, прежде всего, никогда не следует пренебрегать привитием им преимуществ внимания к труду, выполнению своих обязанностей и в любом случае достойного доверия поведения.

Не оспаривая вопрос о том, имеют ли мертвые языки какую-либо пользу, следует признать, что их изучение обходится довольно дорого. Три четверти времени, затраченного на это в течение семи лет, равносильно пяти годам постоянной работы, а расходы составляют не менее двадцати фунтов в год. Не более одного из ста учится читать даже латынь достаточно хорошо, то есть один хороший читатель на каждые 10 000 фунтов стерлингов, затраченных на обучение. Что касается разговорной латыни, то, возможно, один из тысячи может ее выучить, так что на каждые 100 000 фунтов, потраченные на изучение языка, приходится один говорящий. Возможно, кто-то скажет, что латынь необходима для понимания английского языка, но греки (особенно в Афинах), которые не знали никакого другого языка, кроме своего родного, понимали и говорили на нем лучше, чем жители любой другой страны.

--

Публичные экзамены, такие почести и награды, которые были бы приятными, но не дорогостоящими для тех, кто преуспел, вызвали бы соперничество. Хотя, возможно, не очень важно преуспевать в некоторых предметах, которые молодой человек изучает в школе, тем не менее очень важно привить ему привычку к усердию, которая приводит к превосходству.

Что касается образования низших классов, то для нации не было бы большим дополнительным бременем, если бы в каждом приходе королевства были созданы надлежащие школы за счет государства, с тем чтобы можно было осуществлять надлежащий контроль над теми, кто преподает, и над тем, что преподается. Не доходя до того, чтобы принуждать людей из низших классов посылать своих детей в школу, их можно было бы побудить делать это в течение короткого времени, и в любом случае следует позаботиться о том, чтобы учителя были пригодны для выполнения своих обязанностей.

Ни в одной стране низшие классы не пренебрегают заботой о своих детях больше, чем в Англии, и не подают им худшего примера; в основном их воспитывают так, как будто еда и питье являются главной целью человеческого существования; их учат быть привередливыми и считать необходимым то, что в любой другой стране Европы люди того же ранга считают лишним.

Хотя низшие слои общества имеют такое же право, как и самые богатые, наслаждаться всеми удовольствиями, которые они могут себе позволить, однако учить этому детей, не зная, какова будет их судьба, наносит вред как им самим, так и обществу. Большое количество преступлений происходит из-за раннего потакания детям и из-за пренебрежения привитием им тех принципов, которые необходимы, чтобы они прошли через жизнь с честью и удовлетворением.

Поскольку в стране насчитывается от девяти до десяти тысяч приходов, по двадцать фунтов стерлингов в каждом, к которым школьный учитель мог бы добавить то, что могли бы заплатить те, кто в состоянии это сделать, возможно, это соответствовало бы цели и не составило бы большой суммы.

--

Спартанцы показывали своим молодым рабам, или илотам, пьяных людей, чтобы они возненавидели порок пьянства; но это было представление презренного и подлого человека в позорном положении. Эффект совсем другой, когда дети видят в таком состоянии тех, кого они любят и уважают; это должно привести либо к презрению к родителям, либо к уменьшению отвращения к пороку, возможно, и к тому, и к другому; но в любом случае это должно действовать как плохой пример, и среди низших классов это очень распространенный пример.

Когда нация становится рабом своих доходов и жертвует всем ради этой цели, злоупотребления, которые способствуют получению доходов, трудно исправить; но, безусловно, было бы хорошо принять какие-то меры, чтобы предотвратить возможность, с которой люди напиваются, и искушение, которое их к этому подталкивает. Огромное количество пивных и то, как они предоставляют кредит, несомненно, являются отчасти причинами этого зла. Было бы легко уменьшить их количество, не ущемляя свободу, и не было бы несправедливостью, если бы владельцам пивных было запрещено взыскивать по закону оплату за пиво или спиртные напитки, потребленные в их заведениях, так же как нельзя взыскивать оплату с лиц моложе двадцати одного года, за исключением случаев, когда речь идет о предметах первой необходимости. В этом не было бы ничего тяжелого, и это привело бы к значительной реформе нравов низших классов.

Есть только три способа научить молодежь добродетели: наставлениями, примером и привычкой с раннего возраста. Наставления без примера и привычки имеют мало веса, но как ребенок может получить что-либо из этого, если родителей поощряют и помогают им вести порочный образ жизни? Нации и отдельные люди должны остерегаться тех пороков, к которым

они имеют природную склонность; а пьянство и обжорство — это пороки, которым больше всего подвержены простые люди в этой стране.

До революции французы не считались более добродетельным народом, чем англичане, однако среди низших слоев общества было меньше преступлений и распущенности, чем в Англии, а среди высших — больше. Французы, особенно матери, меньше любят своих детей, однако они воспитывают их лучше, как в плане привычек, так и в плане принципов.

--

Что бы ни учили детей, нужно внушить всем детям, которых воспитывают, чтобы они зарабатывали себе на хлеб, следующую истину: чем больше они будут прилежно работать, тем больше у них будет свободного времени и удовольствий, а для ленивых и невежественных этот мир — мир печали и горя; знание заключается не в умении читать книги, а в понимании своего дела и своего долга в жизни, а трудолюбие заключается в том, чтобы это делать.

Женское образование в Англии требует таких же реформ, как и образование другого пола; но, хотя этот вопрос не менее важен, он, пожалуй, еще более сложен. Те, кто путешествовал за границей, отмечают, что в других странах женщины в целом одеваются не лучше, а скорее хуже, чем мужчины того же ранга; в Англии все иначе, поскольку в раннем возрасте женщины одеваются, как по стилю, так и по качеству одежды, намного выше своего ранга. Возможно, это несложно объяснить, но, несомненно, это несчастье, которое значительно усугубляется образом воспитания и манерой мышления; за исключением главного и незаменимого достоинства этого милого пола (в котором английские женщины сильно выделяются), возможно, ни одна женщина в мире не воспитывается более легкомысленным и бессмысленным образом. Француженки, со всей своей живостью и легкомысленностью, более образованы; и, поскольку они довольно откровенно высказывают свое мнение, они не раз выражали удивление, обнаруживая, что английские дамы, которые годами изучали музыку, едва могут сыграть мелодию, а после многих лет увлечения рукоделием не способны вышить и игольницу.

Романы, легкое, безвкусное и опасное чтение, являются проклятием английского женского образования. Они прививают ложные романтические чувства и отвлекают ум от обязанностей жизни в то время, когда его следует учить понимать их высокую важность. В женское образование должно вмешиваться государство, поскольку образование матери всегда будет влиять на воспитание сына, так же как ее поведение в жизни влияет на поведение мужа.

Эмигранты научили дам высокого положения моде, а дам низшего сословия — искусству и труду. Английские женщины не знали и половины того, на что они способны, пока к ним не пришли французы, около двенадцати лет назад.

--

В качестве общего замечания относительно образования, которое дается в большинстве государственных школ, можно отметить, что, в то время как много времени уделяется преподаванию вещей, которые, вероятно, никогда не будут иметь большой пользы, тот вид знаний, который не относится к какому-либо конкретному классу, но имеет чрезвычайно важное значение, оставляется на волю случая и стечения обстоятельств. В то время как мальчик мучается, изучая мертвый язык, ему приходится, как на бесплодном поле, собирать все те правила поведения, от которых зависит процветание и счастье его будущей жизни.

Государственное образование во многих отношениях лучше частного для мальчиков, но в некоторых вещах оно уступает ему: следовательно, те, кто может себе это позволить и желает дать своим сыновьям самое полное образование, пытаются объединить преимущества обоих видов образования, отправляя их в государственную школу под присмотр частного репетитора. Средний класс не в силах этого сделать, но следует принять меры, чтобы дать мальчикам, либо с помощью книг, либо с помощью публичных лекций, те наставления, касающиеся нравственного поведения, благоразумия, манер и т. д., которые частный учитель дает тем, кто находится под его особым присмотром.

Что касается образования девочек, то это сложный вопрос: тем не менее, одним из важных улучшений было бы не допускать в любую школу более определенного числа учениц, назначать им наставников с безупречным поведением и, по возможности, забирать их домой в возрасте тринадцати или четырнадцати лет. Государственное образование, безусловно, должно заканчиваться в раннем возрасте, и во всех случаях, что касается девочек, частное образование гораздо предпочтительнее государственного.

Самый добродетельный из римских императоров приписывал своим наставникам все те прекрасные качества, которыми он сам обладал. Древнее образование в Греции и Риме сильно отличалось от современного.

С момента написания этой статьи мы узнали, что в ближайшее время будет напечатана книга, посвященная именно этой теме, с заявленной целью объединить преимущества государственного и частного образования.

--

ГЛАВА III.

О последствиях налогообложения в Англии.

То, что было сказано о повышении налогов, их склонности к разорению нации и приведению ее к упадку, а также о противодействии, вызванном продолжением необходимости, как применимое ко всем нациям в целом, применимо во всех смыслах к Англии, и даже в большей степени к Англии, чем к любой другой нации. Налоги в Англии взимаются в большей степени, чем в любой другой стране, и, поскольку Англия процветает за счет торговли и производства (цены на которые повышаются из-за налогов), они постепенно приводят к закрытию для нас иностранных рынков. Это уже было объяснено; однако нам еще предстоит изучить, каким образом это влияет на нашу страну.

То, что система налогообложения, хотя и нерегулярная в Англии, менее нерегулярна, чем в любой другой стране, пропорционально степени ее внедрения, верно; но все же, если бы ряд наиболее обременительных и непродуманных налогов был отменен, а на их место введены другие, это было бы большим преимуществом.

Большая опасность возникает от увеличения налогов в богатой стране, чем в бедной, когда они выходят за пределы разумного, потому что общее процветание мешает увидеть последствия, пока они не выходят за пределы возможности исправления; тогда как в бедной стране ущерб ощущается сразу.

Изобретательность и промышленность этой страны удивительно возросли благодаря необходимости прилагать усилия под защитой хороших законов, которые обеспечили безопасность собственности. Но мы слишком полагаемся на наши ресурсы и, как люди, обладающие здоровьем и энергией, с большей вероятностью наносим вред нашему организму.

Большая часть искусств, с точки зрения производства, кажется, достигла почти последней степени совершенства, насколько это возможно при сокращении труда.

Разделение труда и способы работы в железной и металлической отраслях в последнее время не претерпели существенных улучшений в наших городах, наиболее известных ими; а что касается какого-либо особого дара доводить вещи до совершенства или снижать цены, то он, по-видимому, не ограничивается Англией. Часы и огнестрельное оружие — две из самых изобретательных и изящных отраслей металлообработки; однако в Льеже вторая из них доведена до большего совершенства, чем в Бирмингеме, а Лондон и Ланкашир превосходят Швейцарию в

первой. Конечно, это не те виды производства, вкусы или формы которых постоянно меняются, но они являются доказательством способности работать с одинаковым преимуществом, как по качеству, так и по цене, с производителями этой страны.

Следующей важной отраслью является ткацкое производство. В области производства шелка Франция всегда имела преимущество перед нами, а наши высококачественные шерстяные ткани никогда не могли сравниться по качеству с тканями из Лувье и Седана, хотя по цене они имели преимущество.

В области производства льняных тканей мы не имеем особого превосходства, а на американском рынке нас начинают подтеснять ткани из Силезии. В производстве шерстяных тканей второго сорта и хлопчатобумажных тканей всех видов мы по-прежнему имеем преимущество, но наше главное преимущество, причина общего предпочтения нашей продукции, — это длительный кредит, который мы предоставляем и который, если он когда-нибудь перестанет быть возможным, разрушит не одну, а все наши производства практически одним махом.

Для англичан, которые никогда не выезжали за пределы своей страны, вполне естественно и нормально приписывать превосходство качества (а низкая цена — это то же самое) большому успеху, который они имеют при продаже своих товаров в зарубежных странах; но те, кто имел возможность увидеть, как обстоят дела на самом деле, знают, что все обстоит наоборот; а те, кто не имел такой возможности, могут узнать это, понаблюдав за тем, кто из представителей той или иной отрасли бизнеса в своей стране достигает наибольших успехов, и они обнаружат, что это всегда те, кто имеет возможность предоставлять самые длительные кредиты. Правда, со временем и благодаря упорному труду те, кто изначально имеет мало средств для расширения своего бизнеса, постепенно достигают этого, но до тех пор они никогда не смогут по количеству конкурировать с теми, кто предоставляет длительный кредит.

В неспособности других стран предоставлять кредиты на такой же длительный срок заключается наше главное преимущество; но мы видели на примере перемен в судьбах древних народов, что нужды других или их отставание являются весьма ненадежной основой для процветания любой страны.

Экспорт Великобритании был незначительным в начале прошлого века, составляя примерно одну девятую от того, что он был два года назад. До американской войны он постепенно увеличился примерно в три раза по сравнению с 1700 годом, то есть за семьдесят пять лет. Рост был довольно регулярным до 1750 года, когда он увеличился почти вдвое, но за следующие двадцать пять лет он увеличился столько же, сколько за предыдущие пятьдесят лет. Американская война отбросила его на сорок лет назад, но он скоро снова поднялся до того уровня, на котором, вероятно, находился бы, если бы не вмешалась американская война; однако он поднялся выше, чем когда-либо прежде. Он удвоился менее чем за десять лет, и из этого мы

приходим к выводу, что налоги тогда еще не начали наносить ущерб национальной промышленности. Но мы увидим причину, поскольку этот большой рост был обусловлен не столько какими-либо причинами, присущими этой нации, сколько абсолютной невозможностью для других наций продолжать свою торговлю. Мы получили всю торговлю Франции и Голландии с Восточной и Западной Индией, а Америка вновь стала нашим крупнейшим покупателем британских товаров.

Капитал, который можно было вывезти, был, в некотором смысле, изгнан с европейского континента и нашел убежище в Англии, а большая часть континента была опустошена войной. Однако мы не должны ожидать, что эта удивительная экспортная торговля будет продолжаться; более того, за один год она упала настолько, насколько росла за три года; за один год она упала на пятнадцать миллионов. Налоги, возможно, сильно повлияли на наше процветание, о чем мы и не подозревали, в условиях такого кризиса, хотя они и не полностью нивелировали благоприятный эффект, произведенный другими факторами.

Торговля американских штатов, которые, как и Англия, находились вне зоны опасности и были в безопасности, росла так же быстро, как и наша, и упала таким же образом. Мы не должны считать устойчивыми или обусловленными нами обстоятельствами, которые возникли из общей и временной ситуации других стран.

В 1802 году экспорт составил 45 500 000 фунтов стерлингов. В 1702 году — 5 500 000 фунтов стерлингов.

--

В общей главе о налогообложении и в главе о государственном долге уже говорилось, что и то, и другое в течение определенного времени способствуют росту промышленности и богатства страны, но что в какой-то момент они начинают оказывать противоположное воздействие; однако этот момент зависит от множества обстоятельств, не является фиксированным и не может быть обнаружен путем исследования до наступления этого момента, но его можно определить по симптомам и признакам, которые становятся заметными вскоре после этого.

Признаком того, что страна перешла тот рубеж, за которым налоги перестают стимулировать промышленность, является снижение эффективности пошлин на потребление или факультативных пошлин, уплату которых можно избежать, отказавшись от использования облагаемого налогом товара, а также необходимость введения налогов на землю, дома и другое имущество, которое можно обложить налогом независимо от воли владельца.

Когда налоги взимаются с имущества, а не с потребления, можно предположить, что последнее больше не может нести нагрузку. Налоги на имущество являются принудительными налогами; налоги на потребление, как правило, в определенной степени являются добровольными, хотя и не всегда.

Рост богатства в этой стране был значительным, но он никогда не был регулярным или непрерывным; напротив, рост налогообложения был непрерывным, и это лучше видно из диаграммы, чем из любых слов. Нет сомнений в том, что, хотя до сих пор наше растущее процветание было настолько велико, что компенсировало эффект высокого налогообложения, нельзя ожидать, что это будет продолжаться долго. Как долго это может продолжаться, или не прекратилось ли это уже, или находится на грани прекращения, неясно; но нет ничего более очевидного, чем то, что, если налоги будут увеличиваться, со временем они должны будут подавить промышленность, и поэтому в любом случае они должны быть как можно ниже.

Общий доход страны оценивается всего в 150 000 000 фунтов стерлингов. Налоги, уплачиваемые государству, составляют 40 000 000 фунтов стерлингов, а налоги на содержание бедных — 5 500 000 фунтов стерлингов. Но это лишь денежные расчеты, без учета потери времени, хлопот и неудобств; так что их можно справедливо и разумно оценить в одну треть от всего дохода или дохода отдельных лиц, однако жалобы не так громки, а протесты не так сильны, как тогда, когда они составляли не более одной двадцатой части этого дохода. Однако это можно объяснить.

Одна треть дохода поступает от самого государства, так что только две трети остаются независимыми от него. Привычка нести бремя и опыт бесполезности жалоб также являются причинами для согласия; кроме того, мы все не можем не осознавать, что жалобы были очень бурными, когда для них было мало поводов. Мы не можем отрицать, что нация процветала в течение ста лет, в то время как крики о гибели постоянно раздавались во всех уголках; поэтому естественно не доверять нашим страхам и сидеть в тишине, ожидая событий.

Часть наших расходов, состоящая из процентов по деньгам, на которые не распространяется экономия, настолько велика, что не оставляет никакой надежды на значительное сокращение за счет экономии; и действительно, в мирное время никакая экономия, которая могла бы быть осуществлена сверх того, что обычно делается, не уменьшила бы наше бремя даже на одну пятидесятую часть. Даже это было бы очень сложно, а может быть, и невозможно, поскольку наши свободные доходы в мирное время не увеличились пропорционально снижению стоимости денег, так что в 1792 году расходы государства были сравнительно меньше, чем во время правления королевы Анны.

Таким образом, экономия не является тем способом, с помощью которого мы должны искать облегчения в мирное время. Проведение войны в будущем с меньшими затратами и принятие надежных и эффективных мер по сокращению наших долгов — вот средства, которые будут рассмотрены в соответствующих разделах.

Таким образом, существует три способа облегчения положения:

1. Экономия в войне.
2. Надежный и справедливый метод сокращения текущих процентов.
3. Внимание к тому, чтобы система налогообложения была как можно менее обременительной, а также максимально справедливой и равноправной.

ГЛАВА IV.

О государственном долге и амортизационном фонде. Преимущества и недостатки обоих. Ошибки, допущенные при расчете их последствий. Причины ошибок. Предлагаемый способ предотвращения их увеличения в будущем.

Ни в одном другом вопросе Британская империя не отличается так сильно от всех стран, упоминаемых в истории, или от каких-либо существующих в настоящее время, как в вопросе государственного долга.

Не только идея брать долги для ведения войны появилась совсем недавно, но и ни одна страна никогда не доходила до такого уровня, как Англия. Итальянские государства, где этот способ был впервые применен, никогда не имели средств для его широкого использования. В Испании, Франции и Голландии государственный долг столкнулся с препятствиями, которые остановили его рост задолго до того, как он достиг того уровня, на котором находится сейчас в этой стране.

Проценты по долгу превышают в три раза свободный доход страны в мирное время, каким он был до начала военных действий в 1793 году.

Всякий раз, когда начинается какая-либо операция, результат которой неизвестен, поскольку она является новой, но которая сама по себе имеет большое значение, беспокойство, которое она вызывает, должно быть большим, и, как правило, тревога более чем соразмерна

опасности. Если эта истина когда-либо и находила подтверждение в чем-либо, то это было в отношении государственного долга Англии, который с момента своего возникновения был постоянным предметом страха; не общественного страха, а страха самых глубоких и просвещенных государственных деятелей. Калькуляторы и авторы книг по политической экономии усугубляли беспокойство своими предсказаниями о фатальном исходе.

В то время как долг быстро рос, богатство и ресурсы нации росли, по крайней мере, с такой же скоростью, и факты опровергли все предсказания тех, кто вызвал панику. Это весьма необычное обстоятельство заслуживает расследования.

К сожалению, когда люди глубоко заинтересованы в какой-либо теме, они формируют свое мнение до того, как начинают ее изучать и исследовать, и, следовательно, ум начинает с предвзятости и действует под ее влиянием, в результате чего вывод оказывается не таким точным, как мог бы быть. Дело не в том, что при расчетах с цифрами настрой ума может иметь значение, если вопрос сформулирован справедливо, но предварительное впечатление на ум мешает справедливой формулировке вопроса.

То, что непрерывная практика заимствований должна закончиться неспособностью платить, является самоочевидной аксиомой. Это не вопрос, допускающий споры; но определить момент, когда начнется неспособность, — это очень сложная задача; это действительно проблема, решение которой зависит от некоторых обстоятельств, которые невозможно установить. Существуют, конечно, определенные фиксированные принципы, но есть и некоторые моменты, которые зависят от событий, совершенно не связанных с долгом и сами по себе неопределенных. Большинство авторов, писавших на эту тему, упустили из виду два важных фактора, которые оказывают сильное влияние. Первый — это увеличение энергии человеческих усилий в условиях усиления необходимости; второй — это влияние обесценивания денег на уменьшение кажущегося бремени, вызванного процентами по долгу. Нет сомнений в том, что эти две причины, которые не были приняты во внимание, привели к ошибочным расчетам, и насколько они могут продолжать действовать в настоящее время, остается как никогда неопределенным; но их не следует рассматривать как действующие за пределами определенной неизвестной точки, иначе практика заключения долгов могла бы быть бесконечно расширена, что невозможно.

Однако увеличение самого долга — не единственное обстоятельство, которое привлекает внимание, поскольку оно тесно связано с судьбой этой нации.

Растущее богатство и процветание нации под тяжелым бременем налогов, главной причиной которых является долг, вызывает столько же удивления, сколько и конечный результат вызывает беспокойство.

Однако до тех пор, пока нация не будет фактически подавлена бременем налогов, ее богатство будет расти; и то, что считается очень странным явлением, является лишь естественным и неизбежным следствием увеличения налогов.

Когда люди заселяют и возделывают свою землю, они не испытывают необходимости создавать большую ценность, чем они потребляют; но когда они платят АРЕНДУ и НАЛОГИ, они вынуждены производить достаточно, чтобы удовлетворить свои собственные потребности и платить аренду и налоги, которым они подвержены. То же самое относится к производителям во всех отраслях бизнеса, потому что, хотя они, возможно, не потребляют никакой части того, что производят (что сводится к тому же), они вынуждены производить столько, сколько можно обменять или продать, чтобы удовлетворить все свои потребности, помимо уплаты ренты и налогов.

Без арендной платы и налогов есть только три вещи, которые побуждают человека к деятельности: необходимость, возникающая из естественных потребностей; любовь к удовольствиям; или любовь к накоплению.

Когда человек трудится не более, чем для удовлетворения своих естественных потребностей, он является бедным человеком в обычном понимании этого слова, то есть он не имеет богатства; и нация, населенная такими людьми, по праву будет называться бедной нацией. Когда человек трудится только для того, чтобы потратить на удовольствия или удовлетворить свои вкусы и страсти, все равно он потребляет то, что создает, и на этом все заканчивается; и независимо от того, создает он много или мало, поскольку его потребление регулируется этим, для общества нет никакой разницы; но когда рента и налоги составляют часть цены каждого товара, потребление каждого человека, независимо от того, платит ли он налоги напрямую или нет, сопровождается увеличением доходов тех, кто получает ренту и налоги, и обязывает его создавать больше, чем он потребляет.

Некоторые философы называют богатым человека, который хочет немногого и имеет это немногое; в своем роде они совершенно правы, но это не относится к данному случаю. Возможно, согласно их определению, лаццарони Неаполя богаче лондонских купцов; и человек, который доволен жизнью в приходском приюте, бесспорно богат; но сказать, что такой человек состоятелен, было бы абсурдно, потому что состоятельность, по мнению авторов, пишущих о политической экономии, подразумевает владение реальной материальной собственностью.

--

Из этого следует, что совокупное богатство народа увеличивается за счет ренты и налогов, поскольку там, где их нет, единственной причиной увеличения богатства является стремление к накоплению.

Именно по этой причине, обязывая человека производить больше, чем он сам потребляет, налогообложение увеличивает богатство нации; так что процветание Англии является вполне естественным следствием высокого налогообложения. Бедствие и нищета тех людей, которые имеют мало или ничего не имеют, чтобы платить, столь же естественны, хотя и не вызывают такого удивления.

Поскольку в мире нет ничего без границ и пределов, ясно, что, устанавливая в качестве принципа, что рента и налоги приводят к богатству, а не к бедности, это следует понимать только в определенной степени, то есть до той меры, до которой природа вещей допускает усилия человека по увеличению его промышленности, но ни на шаг дальше.

Установить этот момент означало бы решить весьма интересную задачу, при этом следует отметить, что решение в каждом случае будет зависеть от множества конкретных обстоятельств.

Однако возможно провести нечто вроде общего исследования. Оно не будет точным, да и это не требуется, но может заложить основу для лучшего понимания этого вопроса в будущем.

В Лондоне арендная плата и налоги выше, чем в любой другой части королевства, а в Шотландии они ниже, чем где-либо еще; тем не менее, рабочие со всех концов королевства приезжают в Лондон, и в наибольшем количестве — из самых бедных мест. Ирландия, Шотландия и Уэльс — бедные страны *с низкими налогами*, и из них люди постоянно приезжают, чтобы платить *высокие налоги* в Лондоне. Да, но в ответ скажут, что это бедные страны. Однако они богаче, чем была Англия во времена королевы Елизаветы; и если бы природа вещей позволяла людям *менять века*, как они *меняют страны*, то люди XVII века с низкими налогами эмигрировали бы в XIX век со всеми его высокими налогами, точно так же, как ирландцы и шотландцы приезжают в Лондон.

Накопление иногда не является страстью, а возникает из необходимости; под накоплением понимается увеличение стоимости имеющегося у вас имущества, будь то земля, скот, деньги или товары.

Так, например, американцы увеличивают свое богатство из необходимости, потому что их страна становится лучше, благодаря возделыванию земли, чтобы производить то, что необходимо. Они не могут иметь то, что хотят, так, как они хотят, без увеличения или улучшения собственности, которой они завладели.

Если бы они не платили больше ренты и налогов, чем платят, и если бы это не было так, они остались бы бедным народом. Таким образом, жители Сирии, Египта, Аравии Феликс, ранее самых прекрасных стран в мире, имея имущество, которое не улучшается в их владении, и почти не имея ренты или налогов для уплаты, остаются из поколения в поколение, создавая мало и потребляя то, что они создают.

--

Это доказывает, что даже в Лондоне избыток налогов еще не настолько велик, чтобы вызвать регрессивный эффект, и доказывает это весьма ярко. Хотя на первый взгляд может показаться смешным идея эмигрировать из XVII века в XIX, из правления королевы Елизаветы в правление его величества, это вполне справедливое сравнение, и оно будет верным, как бы его ни рассматривали. Распространенное выражение (и очень значимое), что одна часть страны отстает от другой на столетие, или на двадцать лет, или на пятьдесят лет, является точно такой же идеей, выраженной другими словами, поскольку это сравнение между изменениями, которые происходит с течением времени в одном случае, и перемещением места в другом. Современность лучше для жизни, чем времена Елизаветы, так же как Лондон лучше, чем любая отдаленная часть страны.

Необходимо признать, что способность нации выносить определенную нагрузку в течение определенного количества лет не является доказательством постоянной способности выносить ее, даже если бы те же годовые ресурсы продолжали поступать; но эта постоянная способность становится гораздо менее определенной, если учесть, что годовые ресурсы постоянно меняются, что, следовательно, они имеют столько неопределенных величин, что решить эту проблему невозможно.

Что касается последствий в отношении увеличения бремени народа, то этот вопрос был рассмотрен в общем разделе о налогообложении. Идет ли деньги на оплату военного корабля, полка солдат или процентов по займам, для того, кто платит налог, нет никакой разницы; и, по сути, это не имеет большого значения для общей системы национальной экономики, поскольку в любом случае то, что уплачивается государству, используется на непроизводительных работников или бездельников. То есть, оно потребляется и больше никогда не появляется.

Таким образом, государственный долг, поскольку он увеличивает налоги страны, подобен любым другим государственным расходам; и в плане содержания непроизводительных и праздных людей он также не отличается от них; но с другой точки зрения он имеет иной эффект, и этот эффект является благоприятным.

В каждой стране большая часть капитала используется или, как это называется, поглощается. Земля, дома, машины, товары и т. д. являются основными объектами использования капитала. Поскольку они передаются от одного к другому, или поскольку их использование или продукция оплачивается одним другому, время от времени требуются деньги; и если бы не было других направлений использования, деньги либо должны были бы простаивать в руках некоторых людей, пока для них не нашелся бы способ использования, либо их владелец должен был бы начать какое-то предприятие и сам их затратить.

Но когда деньги используются таким образом, они больше не находятся в распоряжении владельца, и, хотя деньги можно занять под такое обеспечение, это происходит медленно и с трудом. Расходы, неудобства и необходимое время мешают кредиторам ссужать деньги на случайные нужды под такое обеспечение; но когда государство берет в долг, а акции делимы и могут быть переданы по желанию, деньги всегда можно реализовать, когда они нужны для любой цели, которая дает больше преимуществ, чем акции.

Если бы это не было одним из последствий государственного долга, как могла бы увеличиться возможность заимствования, как это произошло? Или как могли бы купцы и частные лица собрать такие суммы, как сейчас?

В 1793 году 5 000 000 фунтов стерлингов было предоставлено в кредит купцам под казначейские векселя. Имуществом, которым были обеспечены эти деньги, были на самом деле товары, но кредиторы не хотели иметь ничего общего с этими товарами; правительство вмешалось и взяло товары в качестве обеспечения, создав переводные акции, которые представляли те же товары, и, как по волшебству, деньги были найдены в мгновение ока. Я не знаю другой операции, которая так хорошо иллюстрировала бы преимущества государственного долга, как эта.

Заимствование на пожизненную ренту плохо по следующей причине: там, где нет такого рода занятости, все деньги постоянно используются в какой-то торговле или предприятии, которые приносят прибыль, но не могут быть реализованы. Пример: Париж и т. д.

Когда в эпоху королевы Анны понадобились деньги, канцлер казначейства (г-н Монтегю) в сопровождении лорд-мэра и шерифов ходил от магазина к магазину, чтобы одолжить их, во многом так же, как это иногда делают приставы для общественной благотворительности! Тем не

менее, кредит Англии был хорошим, она мало задолжала, война была популярной, а страна богатой.

--

Следует признать, что сто миллионов, или, по крайней мере, гораздо меньшая сумма, чем наши нынешние долги, произвели бы такой эффект и могли бы решить все задачи такого рода, но все же остается вопрос, связанный с колебаниями курса акций, когда их количество невелико, а также с количеством лиц, владеющих ими. Люди покупают и продают с полным безразличием, когда количество велико, а колебания невелики; но в тот момент, когда фонды начинают колебаться, будь то в сторону роста или падения, деньги становятся дефицитом для тех, кто нуждается в них для других целей.

То, что количество людей, готовых покупать и продавать, должно в какой-то степени соотноситься с количеством акций, само по себе настолько очевидно, что нет смысла подробно на этом останавливаться; но следует признать, что государственный долг уже давно превысил сумму, необходимую для получения этого преимущества.

Таким образом, мы видим, что вред, сопутствующий увеличению долга, в значительной степени компенсируется самим долгом и что до определенной суммы он приносит весьма значительную выгоду торговой нации. Поскольку те, кто рассчитывал его пагубные последствия и предсказывал гибель, которую он принесет государству, не принимали во внимание эти обстоятельства, результат их исследований был неизбежно ошибочным с точки зрения времени, хотя эффект, о котором они говорили, непременно произойдет, если долг будет продолжать расти. Их рассуждения можно сравнить с рассуждениями астронома, который наблюдал положение планеты, но в своих расчетах не учел рефракцию атмосферы, в результате чего он ошибся бы в отношении местоположения звезды, но не в отношении ее существования.

Рассмотрим теперь естественное следствие, предположив, что будущее увеличение предотвращается с помощью амортизационного фонда, созданного для этой цели. Что касается вероятности этого, то она зависит от стольких обстоятельств, которые скрыты в недрах времени, что было бы безумием давать какое-либо иное, кроме гипотетического, решение этого вопроса.

Если война продолжится, а расходы будут расти почти так же, как и до сих пор, то, каким бы значительным ни было действие амортизационного фонда, он не успеет противодействовать злу. Если война скоро закончится, она уменьшит долг с поразительной быстротой, если же она продолжится, то на вопрос, можно ли найти налоги для выплаты процентов, можно ответить только субъективно, что в данном случае равносильно отсутствию ответа.

Что касается предполагаемого случая увеличения долга, то замечания, которые к нему относятся, уже были сделаны; теперь остается только сделать замечания в отношении погашения долга.

В главе о налогообложении уже отмечалось, что случай значительного снижения налогов будет новым случаем внезапного и пагубного воздействия. Заработная плата будет уменьшена, а также бремя тех, кто живет на фиксированный доход; поэтому это сделало бы людей с фиксированным доходом более состоятельными, не облегчив при этом положение тех, кто в этом нуждается; короче говоря, так как увеличение налогов в большей степени сказывается на людях с фиксированным доходом, то и преимущества от этого в основном ощущали бы именно они; и так как пагубное воздействие несет в себе своего рода противодействующее противоядие, то и это благотворное воздействие сопровождалось бы некоторыми недостатками и неудобствами =sic=.

Снижение налогов, хотя и не является конечным результатом, тем не менее является непосредственным следствием действия амортизационного фонда, эффективность которого зависит от поддержания налогов в полном объеме в течение значительного времени. =sic= Первым эффектом фонда является то, что большая сумма, ежегодно расходуемая в качестве дохода, полученного от подданных, возмещается акционерам и становится капиталом.

Это немедленно привело бы к увеличению объема средств и тем самым в значительной степени нейтрализовало бы действие самого амортизационного фонда. Денег стало бы достаточно для всех целей торговли, и было бы трудно найти им применение; и, если бы этот процесс продолжался, часть денег, несомненно, была бы отправлена в другие страны, что привело бы к обеднению страны.

На действие сложных процентов было наброшено некое насмешливое отношение, поскольку его эффекты настолько поразительны, что их невозможно осознать; но по этому поводу следует сказать две вещи: во-первых, ни недоверие, ни насмешки никогда не относились к действию в течение первых ста лет, и амортизационный фонд никогда не был предназначен для продолжения работы в течение столь длительного времени. Во-вторых, хотя существует много недостатков в использовании крупных сумм, вложенных под проценты, которые уменьшают и в конечном итоге уничтожают результат расчета по накоплению, это не относится к погашению долга, где рассчитанный эффект достигается с наибольшей точностью.

--

Если бы мы могли предположить пятьдесят лет мира и погашение государственного долга (что вполне возможно в течение этого времени), то положение производительных рабочих ухудшилось бы, а непроизводительных — улучшилось; и, в конце концов, капитал покинул бы страну, которая лишилась бы этого переводимого запаса, о благотворном воздействии которого уже упоминалось.

Необходимость, порождающая промышленность, уменьшилась бы, так что ничто не могло бы более эффективно привести к упадку нации, чем погашение всего долга; операция, которая, хотя и возможна в расчетах, никогда бы не состоялась; сопутствующие ей беды были бы настолько очевидны, настолько ясны и настолько ощутимы, что их почувствовали бы еще до ее осуществления.

Поэтому позволить государственному долгу продолжать расти — это верная гибель в какой-то неизвестный, но, возможно, не очень отдаленный период; погасить его было бы столь же опасно: что же нам делать?

Мы должны попытаться собрать необходимые для войны ресурсы в течение года, что позволит нам избежать увеличения долга. Однако это невозможно сделать, пока сохраняются нынешние высокие проценты, а избавиться от них, согласно любому из известных на сегодняшний день методов, невозможно без банкротства, нарушения обязательств перед кредиторами или погашения долга, что само по себе опасно и, в конце концов, принесет облегчение только в очень отдаленном будущем.

Раз уж долг был взят, пусть он остается, но нужно найти способ снизить проценты, не нарушая доверия кредиторов государства, чтобы нам больше не приходилось брать в долг.

В настоящее время сумма, которая ежегодно уходит на выплату процентов и на погашение долга (то есть на выплату основной суммы), составляет двадцать четыре миллиона, а расходы на год войны не превышают эту сумму. Двенадцать миллионов из этой суммы могут быть получены за счет военных налогов, а двенадцать миллионов сокращения процентов оставит достаточно средств для оплаты постоянного состояния войны; а если наступит мир, военные налоги будут отменены. Враги Англии тогда не смогут делать надрезы на палке и говорить: «Когда мы дойдем до такого надреза, Англия будет разрушена».

Если бы это можно было сделать, то получилась бы прочная и постоянная система доходов, возникшая из нестабильной и временной.

Однако любое проявление недоверия к кредиторам было бы не только позорным и бесчестным, но и привело бы к нищете многих и полностью разрушило бы кредит, так что нация была бы потеряна навсегда; и, конечно, если мы должны быть разрушены, то нет никакого баланса между разрушением с честью и разрушением с позором.

Существует способ, который был бы справедливым и осуществимым, и сейчас самый благоприятный момент для его реализации; более того, это, пожалуй, единственный момент, когда он был бы осуществим или справедлив. Под осуществимостью и справедливостью, двумя хорошо понятными словами, мы имеем в виду в данном случае, что это момент, когда те, кто должен будет заплатить разницу, будут готовы это сделать, увидят в этом свою заинтересованность и почувствуют, что они должны это сделать.

Мы не предлагаем никаких вымышленных способов, с помощью которых долги будут погашены без наложения бремени. Мы не имеем таланта к схемам, в которых все создается из ничего, и не верим в их осуществимость.

Прошлые и нынешние войны, которые стали причиной половины долга и для которых мы должны продолжать наши усилия, были предприняты для сохранения собственности; ведь, хотя французская система настолько плоха, что даже нищие в Англии потеряли бы от ее принятия, все же следует признать, что зло для людей, имеющих собственность, было бы гораздо больше, чем для тех, кто ее не имеет. Давайте посмотрим на Фландрию, Голландию и другие страны и скажем «нет», если сможем.

Именно на основе этой идеи был введен подоходный налог, впоследствии названный налогом на имущество, по которому богатые обязаны платить, а бедные освобождаются от уплаты. Справедливость и целесообразность этого были признаны всеми: могли быть некоторые различия во мнениях относительно способов и ставок, но не было никаких разногласий относительно общего принципа.

Мы предлагаем ПРИВЛЕЧЬ ЗАЙМЫ под низкий процент для погашения долгов нынешних кредиторов, ПО ТОМУ ЖЕ ПРИНЦИПУ, ПО КОТОРОМУ СУЩЕСТВУЕТ НАЛОГ НА НЕДВИЖИМОСТЬ, следующим образом:

По подсчетам г-на Питта (и его подсчеты можно принять во избежание споров), в королевстве имеется 2 400 000 000 фунтов стерлингов капитала. Давайте же создадим акции с доходностью 2,5 %, которые каждый владелец имущества будет *обязан* приобрести по номинальной стоимости пропорционально своему капиталу, чтобы ежегодно погашать 50 миллионов, тем самым создавая 50 миллионов нового долга с доходностью 2,5 % и выплачивая равную сумму с процентной ставкой 5 %.

Кредит под 2% годовых на капитал каждого человека позволил бы это сделать и никогда не стал бы угрозой для безопасности всего, тем более что он длился бы всего десять лет. Поскольку он будет получать проценты в размере двух с половиной процентов, он фактически потеряет только половину, то есть один процент в год в течение двенадцати лет; таким образом,

человек с 10 000 фунтов стерлингов будет отдавать только 100 фунтов стерлингов в год в течение двенадцати лет.

По истечении десяти лет проценты по государственному долгу сократятся до половины от их нынешнего размера, что вместе с военными налогами будет достаточно, чтобы предотвратить необходимость создания дополнительного долга. Однако это еще не все, можно ожидать более быстрых результатов и преимуществ. Более чем вероятно, что в тот момент, когда наш враг обнаружит, что нация может без особых усилий поставить свои финансы на прочную основу, нынешняя борьба закончится. Сейчас она продолжается только в надежде разрушить наши финансы, и именно на накоплении долга основано это ожидание.

В начале этой главы мы отметили, что большинство людей, рассматривая вопрос большой важности, предвзято подходят к нему из-за надежды или страха и поэтому не могут объективно его оценить, не осознавая своей ошибки. В случае мрачных расчетчиков этой страны страх и беспокойство привели к неверному представлению, но в отношении наших врагов надежда является причиной их преувеличения последствий нашего государственного долга, и следует признать, что надежде редко приходилось выполнять более легкую задачу. Общий вывод является определенным, и остается только вопрос о времени.

Единственный способ положить конец этой надежде нашего врага и сразу же закончить войну — показать этому врагу, *что он совершенно не в силах увеличить наш долг*, но пока мы не примем метод, который будет ПРАКТИЧЕСКИ ИЗОБРАЗИМ И ЛЕГКО ПОНИМАЕМ, наш враг не поверит в это.

Быстрота действия амортизационного фонда легко рассчитывается, но не так легко воспринимается, особенно людьми, которые не склонны к этому и которые сами не обладают постоянством и самоотречением, чтобы дать ему время подействовать. Кроме того, благодаря этой операции мы не сможем избавиться от долга, пока налоги не будут повышены значительно выше их нынешнего уровня. наших врагов можно простить за то, что они считают это невыполнимым, особенно учитывая, что многие из наших друзей придерживаются того же мнения.

Франция, которая всегда была соперником этой страны и сейчас ненавидит ее больше, чем когда-либо (зависть теперь является составной частью ее ненависти), хорошо знает, что она пала и деградировала, что у нее меньше богатства и счастья, чем у Англии; но при этом она считает, что, какими бы плохими ни были ее финансы, они не становятся хуже; что продолжение войны в течение двадцати лет не принесет большего разорения нации, в то время как половина этого срока, вероятно, разорит нас. Пока мы не покажем ошибочность этого расчета, мы не можем рассчитывать на прочный мир. Наше разорение стало для Франции не только предметом амбиций, но и, так сказать, необходимостью, и только отчаяние в возможности достичь своей цели заставит ее отказаться от этой попытки.

Здесь мы должны задать несколько вопросов:

Не благоприятно ли время для предложенного здесь плана?

Не будет ли его реализация справедливой?

Не принесет ли он эффективную и быструю помощь?

Не снизит ли он нашу нагрузку, не нарушая при этом доверия кредиторов государства?

Не приведет ли он к снижению процентных ставок, не вызвав при этом оттока капитала из страны?

Могли бы тогда наши враги рассчитывать на то, что государственный долг разрушит Англию?

Как было замечено, дела государств становятся настолько сложными, а детали настолько многочисленными, что те, кто ими управляет, едва ли справляются с текущими делами и не имеют времени изучать лучшие способы предотвращения бедствий, когда они еще далеки; в этом мы имеем богатый опыт.

Даже если отдать должное амортизационному фонду (а он заслуживает большого уважения), все же во время войны его деятельность является своего рода парадоксом: он не приносит облегчения, его можно подвергнуть сомнению, но мы подошли к тому моменту, когда стабильность наших финансов должна быть поставлена вне сомнения и не подлежать обсуждению. Способ урегулирования наших дел должен быть не только таким, чтобы в конечном итоге привести к успеху, но и его эффективность и практическая осуществимость должны быть такими, чтобы наши враги могли их понять и признать. Без этого борьба не будет иметь конца.

Что касается того, чему наши враги будут доверять, то многое зависит от их собственного характера. Непостоянный и произвольный народ, который постоянно нарушает свои обещания, не может верить в постоянство амортизационного фонда, но он будет вполне склонен верить, что состоятельные люди могут быть вынуждены и даже будут рады платить один процент в год в течение десяти лет, чтобы обеспечить безопасность своего имущества. Предположим, что погашаемый фонд был бы лучшим из двух планов в реальности, но в нынешних условиях это не так, потому что он не получит доверия, а другой план получит.

Что касается остального, лишите французов надежды разрушить наши финансы, и они заключат мир на разумных условиях, когда мы захотим; их цель продолжать войну тогда исчезнет; и, если они все же продолжают ее, мы сможем продолжать столько, сколько они, без дополнительного бремени для нас.

Какова бы ни была причина войны, надежда на успех — единственный возможный мотив для ее продолжения. Французы впали в две ошибки: во-первых, сравнивая эту страну с

Карфагеном, а свою — с Римом (абсурдное сравнение, которое не выдерживает критики), и, во-вторых, считая наше разорение из-за роста нашего долга неизбежным. Мы должны развеять их заблуждения, и тогда они будут менее склонны продолжать войну. До сих пор не было предпринято никаких усилий, чтобы исправить их заблуждение; и, действительно, что касается государственного долга, это никогда не может быть сделано с помощью нынешнего метода, пока они не увидят результат; потому что, хотя прогресс амортизационного фонда в мирное время легко понять, в военное время это выглядит скорее как обман, чем как реальная и солидная сделка.

ГЛАВА V.

О налогах для содержания бедных. Их огромное увеличение. Причина. Сравнение между Англией и Шотландией. Простой, легкий и гуманный способ их сокращения.

Среди внутренних причин, угрожающих Англии упадком, ни одна не вызывает большего беспокойства, чем растущие расходы на содержание бедных; расходы, которые явно растут несоразмерно нашему процветанию и не имеют аналогов ни в истории прошлых времен, ни в истории каких-либо современных наций.

Содержание бедных в Англии обходится дороже, чем составляли свободные доходы страны тридцать лет назад, и почти в три раза превышает сумму всех доходов нации во время революции.

Соотношение между здоровыми и больными не могло измениться настолько, чтобы объяснить такое увеличение; поэтому мы должны искать причину в другом месте.

Вероятно, это вызвано несколькими причинами: растущей роскошью, которая оставляет все больше людей в нищете, когда они достигают преклонного возраста, поскольку они не хотят или не могут подвергаться тяготам, которым подвергает природа тех, кто родился, чтобы трудиться, и переживает свою силу; тем самым они лишаются тех удовольствий, которые испытывали в лучшие времена. В Англии прислуга привыкла потреблять больше, чем люди со средним достатком в других странах, и именно они чаще всего оказываются в нищете в старости. В странах, где действительно есть больше слуг, чем в Англии, они, как правило, принадлежат к великим, которые обеспечивают их или, удерживая их от показной роскоши, могут содержать их до более пожилого возраста; и, в любом случае, поскольку они живут менее роскошной жизнью, они могут лучше противостоять той нищете, с которой им суждено столкнуться.

В торговой стране привязанность между хозяином и слугой меньше, чем в любой другой, и случаи обеспечения их средствами к существованию очень редки.

По мере того как нация становится богатой, человеческий род разделяет судьбу других животных, задействованных в труде; их заставляют тяжело работать и хорошо кормят, пока они способны работать, но их услуги не ценятся, когда они могут делать лишь немного.

Неэкономное управление средствами, предназначенными для их содержания, является еще одной причиной увеличения расходов на бедных. В стране, где каждый человек полностью занят своими делами и у него мало времени на что-либо еще, те, кто управляет делами бедных, обнаруживают, что немногие склонны внимательно изучать вопросы, а еще меньше имеют средства для этого, даже если бы они хотели; так что злоупотребления увеличиваются, как это всегда бывает, когда нет противодействующего контроля, чтобы удержать их в пределах.

Другой причиной, без сомнения, является то, что с ростом числа непроизводительных рабочих все больше детей остаются без средств к существованию.

Ко всем этим причинам мы должны добавить рост городов и сокращение деревень и поселков. Города — это места, где нищета находит наибольшее утешение и где помощь, которая оказывается, сопровождается наименьшей степенью унижения и упреков.

Если сравнить ситуацию в Англии и Шотландии, то причины не вызывают сомнений: там слуги живут в более тяжелых условиях, рабочий класс не трудится так усердно и не изнашивается так быстро, а города не разрастаются за счет деревень и поселков.

Однако самая главная причина роста числа бедных — это налоги и рента. В главе «Налогообложение» было отмечено, что в течение определенного времени налоги и рента способствуют развитию промышленности, но в конечном итоге приводят к ее полному упадку.

Если бы существовал обычай держать изношенных лошадей до их естественной смерти, то содержание их стоило бы в Англии дороже, чем в любой другой стране, поскольку их силы иссякают еще до наступления старости. В этой стране принято хорошо платить и получать хорошее обслуживание.

--

Это происходит так: задолго до того, как страна вводит налоги, которые большинство ее жителей могут вынести, те, кто менее всего способен платить, оказываются раздавлены и доведены до абсолютной нищеты.

Есть две причины, которые могут сделать человека неспособным нести бремя налогообложения: одна — наличие большой семьи; другая — возможность зарабатывать мало из-за слабости или по какой-то другой причине; и когда есть две причины, которые приводят к одному и тому же результату, хотя и действуют отдельно, они, конечно, иногда действуют совместно.

В любой стране первыми сдаются самые слабые слои общества, а в Англии из-за произвольного и невежественного, хотя и щедрого метода помощи этой части общества зло усугубляется более чем вдвое.

В их собственных домах нет никакой помощи, никакой поддержки для неимущих, которая могла бы произвести столь замечательный эффект, противодействуя разорению, вызванному тяжелыми налогами и высокими ценами; нет, семья должна содержать себя сама или уходить в приют для бедных. Это один из тех неуклюжих и грубых способов, которые богатые люди, не обремененные знаниями, естественно используют для преодоления трудностей, но без заботы и нежности по отношению к чувствам тех, кому оказывается помощь, и без учета общественных интересов, которые должны идти рука об руку. Для этого было бы хорошо найти средство.

Отец, мать и шестеро детей будут стоять, по крайней мере, пятьдесят фунтов в год в работном доме; но, возможно, помощь в размере двенадцати или пятнадцати фунтов уберет их от попадания туда и тем самым сэкономит большую часть денег, в то время как страна, которая теряет их трудолюбие, получит двойную выгоду.

Среди приходских чиновников преобладает грубый, вульгарный и бесчувственный характер, который является позором для страны и для характера англичан. Это наносит большой ущерб нации; и если бы это не сопровождалось моральным злом, если бы чувства бедных не имели значения, =sic= богатые должны были бы обратить на это внимание в своих собственных интересах. Если они этого не сделают, то правительство страны заинтересовано в этом как с точки зрения чести, так и с точки зрения интересов.

Освобождение от налогов мало что даст или не даст ничего, поскольку низшие слои общества почти все освобождены от налогов, но они остро ощущают на себе общее подорожание, которое является следствием общего бремени налогов, и от этого они не могут быть освобождены. Им необходимо получить помощь, и эта помощь должна быть оказана таким образом, чтобы не стать для них бременем для общества.

Невозможно облагать народ страны настолько высокими налогами, насколько он может вынести, потому что, прежде чем одни почувствуют это, другие будут раздавлены; прежде чем холостяк почувствует налог, отец многодетной семьи будет вынужден морить голодом своих невинных детей. Прежде чем тот, у кого только двое детей, почувствует тяжелое давление, семья из двенадцати человек будет доведена до нищеты; и так пропорционально. Таким образом, способ собрать как можно больше денег заключался бы в том, чтобы обложить налогами всю почти так же высоко, как холостяк может вынести, а затем предоставить льготу в пользу человека с детьми, тогда они были бы в полном равенстве в отношении налогообложения, и можно было бы собрать максимально возможную сумму, не причиняя ущерба какой-либо части населения больше, чем другой.

Если звенья цепи не одинаково прочные, то прежде чем сильные звенья почувствуют нагрузку, слабые звенья сломаются, и цепь разорвется. То же самое происходит с членами общества. Когда вы вводите налоги, обычно это приводит к росту цен на продукты питания и труд; большинство рабочих получают выгоду от роста цен на труд, но многие платят неравную цену за рост цен на продукты питания.

Можно сказать, что предлагается ввести налог на богатых, но нет, это ничего не даст, это должна быть премия или компенсация для бедных людей с семьями, не только для того, чтобы нейтрализовать эффект какого-либо одного налога, но и для того, чтобы компенсировать общий эффект налогообложения в отношении содержания их детей. Действительно, существует большая разница между налогом на тех, кто вполне способен его платить, и премией или компенсацией в пользу тех, кто не способен.

Способ обеспечения бедных в Англии приводит к степени расточительности и недальновидности, неизвестной в любой другой стране. Недальновидность следует по возможности пресекать, поскольку у тех, кто тяжело трудится и является неимущим, желание удовлетворить какую-то насущную потребность или текущее желание постоянно преобладает. Это можно назвать войной между животом и спиной, в которой первый, как правило, одерживает победу. Это было бы небольшим злом, если бы эта победа решалась редко, как в других странах, но в крупных городах Англии существует, так сказать, постоянное состояние вражды. В Лондоне эта битва ведется, в среднем, по крайней мере, раз в неделю, и она в значительной степени способствует безделью и прибыли тех мелких ростовщиков, которых называют ломбардами.

Вероятно, причина того, что в Шотландии для достижения этой цели требуется такая небольшая сумма, заключается в том, что помощь семьям оказывается в их собственных домах священником и старейшинами прихода. Это редкий пример управления без вознаграждения и без контроля. Средства распределяются честно во всех случаях и беспристрастно в большинстве случаев.

--

Некоторые аспекты этого зла, возможно, не поддаются исправлению, но есть определенные предметы, которые не должны приниматься в залог, такие как одежда маленьких детей и рабочие инструменты.

Нет сомнений в том, что в густонаселенном негостеприимном торговом городе, где нет возможности получить помощь от друзей, где нужды иногда бывают крайними, залог является необходимым средством. Это следует признать в той или иной степени, но ни в коем случае не без ограничений, поскольку эта возможность создает нужду (даже когда она является реальной), поскольку она приводит к недальновидности и небрежности. Низшие классы начинают рассматривать свою одежду как деньги, только с той разницей, что ее нужно менять, прежде чем она станет актуальной.

Если бы этот вопрос был тщательно изучен вместе с другими причинами, из-за которых растет нищета, мы бы вскоре заметили уменьшение числа бедняков, и самая богатая страна Европы не была бы свидетелем столь многочисленных сцен нищеты и страданий.

В Священном Писании запрещается закладывать верхний или нижний жернов. Это очень древнее и неоспоримое свидетельство заботы о предотвращении такого рода недальновидности, которая наносит ущерб общим интересам народа. В этой стране следует последовать этому примеру в отношении всех переносных орудий труда, таких как жернова в те древние времена.

Двадцать лет назад в Шотландии не было столько ломбардов, сколько в Брентфорде или любой маленькой деревне вокруг Лондона. В Париже, городе, столь же развращенном, как Лондон, и где благотворительность была столь же маловероятна, существовала только одна кредитная компания, прибыль которой, после вычета шести процентов, шла в приют для подкидышей. Как и в Лондоне, это был ресурс на случай крайней необходимости, но было слишком хлопотно обращаться к нему по каждому незначительному поводу, как это делается в Лондоне и, по сути, в большинстве городов Англии.

--

Число детей, брошенных родителями в нищете, было бы сравнительно меньше, и не было бы такой растраты средств, выделяемых на их содержание.

Вероятно, нет другого способа значительно уменьшить число беспомощных бедняков, кроме как поощрять их в здоровые годы откладывать средства, чтобы обеспечить свои нужды в старости и в случае болезни, но это могло бы в значительной степени уменьшить зло. Все лица, занимающие должности в правительстве, независимо от их характера, должны быть обязаны вступать в такие учреждения; это было бы реальной услугой как для отдельных лиц, так и для общества в целом и в значительной степени способствовало бы противодействию этому злу. В первую очередь необходимо применять профилактические меры, а после того, как они дадут максимальный эффект, — лечебные.

Бедные и т. д., на содержание которых тратится 5 500 000 фунтов стерлингов в год (сумма, превышающая доходы любой второстепенной монархии в Европе), могут быть разделены на три класса:

Во-первых, те, кто с помощью надлежащих мер может быть избавлен от необходимости в помощи.

Во-вторых, те, кто по разным причинам не может зарабатывать на жизнь обычным способом, но с небольшой помощью мог бы содержать себя или почти содержать; и

В-третьих, те, кто из-за неспособности, преклонного возраста, юного возраста или физического заболевания не могут ничего делать и должны содержаться за счет государства. Никто не будет спорить, что все эти категории людей в настоящее время содержатся за счет государства, и поэтому все, что может вызвать разницу во мнениях, касается соотношения между этими тремя категориями.

Вероятно, что по крайней мере половина из них могла бы содержать себя или почти содержать себя; четверть из них могла бы никогда не нуждаться в какой-либо помощи; а другая четверть получала бы помощь, как и в настоящее время.

Программа помощи вдовам и детям священнослужителей, как ее называют в Шотландии, является превосходным учреждением; она дает наилучшие результаты как в плане индивидуального счастья, так и в плане национального процветания. Эта программа может быть с небольшими изменениями применена ко всем сотрудникам налоговой службы, клеркам в офисах и т. д.

--

Это сократило бы расходы до менее чем одной трети, а, вероятно, и до одной четверти от их нынешнего уровня; то есть из 5 500 000 фунтов стерлингов было бы сэкономлено 3 500 000 фунтов стерлингов, но это еще не все, поскольку национальная промышленность была бы увеличена на 2 000 000 фунтов стерлингов и более; то есть за счет промышленности той

половины, которая обеспечивала себя сама, так что страна выиграла бы частично в виде сэкономленных денег, а частично в виде полученных денег, 5 500 000 лир.

В соответствии с истинным духом английской нации, в основе которой лежит огромный запас щедрости и доброты, можно, возможно, сказать, что бедные не способны трудиться вообще и что этот план не сработает. Это лишь грубый способ ответить на предложение, которое на самом деле не лишено человечности и не преследует такой цели. По данным прошлого года, почти 900 000 человек того или иного рода содержались или получали помощь, что составляет не более шести фунтов в год на каждого человека. Где же в Англии найдется человек, способный работать, который не может заработать более четырех пенсов в день?

План по исправлению этого злоупотребления должен быть очень простым, поскольку он будет осуществляться такими невежественными и грубыми руководителями, что, если он не будет простым, то обязательно потерпит полную неудачу.

Вдаваться в подробности о бедных людях и показывать абсурдность управления было бы не в духе данного расследования, но из напечатанных данных совершенно очевидно, что они не получают работы, а количество материалов, предоставляемых им для работы, не позволяет им заработать деньги на свое содержание.

Ниже приведен пример внимания, уделяемого этому вопросу, и мер, принимаемых для того, чтобы бедняки могли оплачивать свое содержание своим трудом. В Мидлсексе, где в 1803 году расходы составили 123 700 фунтов стерлингов, или около 340 фунтов стерлингов в день, сумма, потраченная на покупку материалов, составила не более 4 фунтов 1 шиллинга 11 пенсов!!! Невозможно понять, как этот капитал мог быть распределен между более чем десятью тысячами рабочих. Нелегко представить себе наглость тех, кто представил этот пункт в качестве заявления Палате общин, которая поступила бы правильно, если бы передала под стражу сержанту-мае тех, кто так грубо ее оскорбил. Однако одно из всего этого очень легко понять и сделать вывод. Все дело ведется с невежеством и выполняется небрежно и халатно, причем в крайней и постыдной степени.

--

Наличие хорошего хирурга или врача является необходимым условием; те, кто не хочет работать, но способен к этому, должны получать такое же пособие, как и заключенные в тюрьме; но тем, кто хочет работать, следует платить справедливую цену и позволять им тратить деньги, копить их или делать с ними что угодно, за исключением пьянства.

Хотя многим из-за недостатка энергии отказывают в работе в мастерской, некоторые из-за недостатка характера, а другие по разным причинам становятся обузой, тем не менее, немало тех, кто из-за простой лени бросается на попечение прихода, где они живут беззаботной жизнью, свободной от голода, холода и труда. Когда разум смирится с этой ситуацией, искушение становится значительным, и многие из этих бедных людей будут хвастаться тем, что они сами были надзирателями и платили свою долю расходов.

Любое зло, которое имеет тенденцию усиливаться с ростом богатства нации, должно быть самым тщательным образом сдерживаемо; и это зло не из наименее страшных, и, из всех других, наиболее очевидно возникает из-за плохого управления и недостатка внимания.

Необходимо иметь все виды занятий, которыми люди в таких местах могут с пользой заниматься, и следует выделять небольшое пособие для покрытия общих расходов; среди которых должны быть инспекторы районов, которые, подобно инспекторам налоговой службы, должны проверять состояние различных приютов для бедных, и все это должно время от времени надлежащим образом и регулярно докладываться правительству страны.

Те мелкие ничтожные приходские демократии, которые облагают налогами одну часть народа и жестоко обращаются с другой, должны находиться под надлежащим контролем; счастье и процветание Англии не должны быть предоставлены на их произвол.

[предполагаемое местоположение — сноска не указана в тексте] Система, существующая в Англии, когда на работу принимают только людей в расцвете сил, является источником многих бед и растущим злом, которое поощряется правительством, Ост-Индской компанией и всеми государственными органами. В этом случае с людьми обращаются точно так же, как с лошадьми. Их заставляют тяжело работать и хорошо вознаграждают, пока они полны сил; но в такой богатой стране, как эта, те, кто занимается торговлей, и люди у власти не хотят иметь дело ни с кем, кроме тех, кто может выполнять свою работу, не доставляя хозяину лишних хлопот. Они не задумываются о том, какое зло они готовят своей стране. Поэт Шенстоун, похоже, думал об этом, когда в случае беды сказал:

«Но власть и богатство оставались неизменными и сухими».

--

В стране, где все делается с такой восхитительной точностью в налоговом департаменте, как в Англии, было бы бесполезно пытаться указать способ выполнения плана; достаточно показать его осуществимость и необходимость его выполнения.

Если в первую очередь преимущество будет таким, как упомянуто здесь, то через несколько лет оно станет гораздо больше, особенно в той мере, в какой меньше семей останется в состоянии нищеты; ибо ясно, что такие семьи являются постоянным бременем для подрастающего поколения и ведут к уменьшению общей массы полезных граждан.

Если произойдет так, что налоги увеличатся или торговля упадет (что вполне вероятно), то вмешательство правительства может стать абсолютно необходимым, но тогда, возможно, будет уже слишком поздно. Было бы гораздо лучше, если бы правительство вмешалось до того, как зло достигнет своего апогея. Приходы, возможно, будут с подозрением относиться к такого рода вмешательству, считая его посягательством на свои права, поскольку англичане иногда очень цепляются за привилегии, которые являются для них весьма вредными. Эта трудность (поскольку она, вероятно, будет иметь место) может быть преодолена путем предварительного назначения инспекторов в различных епископских кафедрах, которые будут обязаны отчитываться перед епископом, а затем передавать отчеты правительству, благодаря чему зло будет либо устранено, либо его существование будет подтверждено, что позволит ответить на возможные жалобы и тем самым предотвратить недовольство по этому поводу.

Не имея возможности сказать, что может быть абсолютно лучшим средством, по крайней мере, справедливо задать вопрос: уместно ли доверять управление 5 500 000 фунтов стерлингов в год невежественным людям? Можно также спросить, следует ли ранить чувства нуждающихся слоев общества (во многих случаях столь же острые, как и чувства их более обеспеченных соотечественников) людьми, которые не обладают достаточными знаниями, чтобы действовать с необходимой гуманностью. Кандидаты на популярность среди бедных домохозяек, как правило, льстивые, подхалимы, раболепные люди, и почти все они, без исключения, хитрые, невежественные и властные, когда имеют хотя бы малейшую власть над другими. Таковы, в общем, приходские чиновники, на попечение которых возложено это важное дело.

Хотя это учреждение основано почти на чисто демократическом принципе равного представительства, оно является очень плохим образцом такого способа управления. Позорные судебные тяжбы между приходами по поводу нищих, позорное и варварское обращение с женщинами, которые были преданы и брошены, не имеют оправдания. Они не приносят даже прибыли или экономии. Среди некоторых племен диких индейцев старых и беспомощных убивают, чтобы они не оставались бременем для тех, кто здоров и способен работать; и в Англии молодые невинные люди, у которых нет родителей, которые могли бы их защитить, также считаются бременем; и если их не убивают, то средства, необходимые для их содержания, совершенно не соответствуют этой цели. Если бы преступность можно было оценить по шкале, их смерть в целом следовало бы записать где-то между случайным убийством и умышленным убийством. Можно сказать, что преследование этой несчастной расы начинается еще до их рождения; и хотя сила нации во многом зависит от ее населения, ей уделяется меньше внимания, чем выращиванию грибов или сохранению зайцев и куропаток.

ГЛАВА VI.

Причины упадка, характерные для Англии.

Помимо причин упадка, которые Великобритания, как богатая страна, имеет в общем с большинством других наций, у нее есть и некоторые, присущие только ей (или, по крайней мере, присущие ей в особой степени).

Государственный долг, высокие налоги, огромные расходы на содержание бедных и характер правительства являются особенностями этой страны. Есть и другие обстоятельства, которые играют в ее пользу, о которых мы поговорим в следующей главе, но в этой главе мы рассмотрим те, которые играют против нее и имеют неблагоприятный характер и последствия.

Высокая ставка налогообложения, по той самой причине, что она является самой высокой из когда-либо известных, вселяет в наших врагов надежду на наше падение и заставляет их настойчиво продолжать обременять нас расходами.

Беспрецедентная торговля, которой мы пользуемся и в которой каждая другая нация хотела бы иметь долю (и о которой каждая, совершенно ошибочно, думает, что она получит долю, если Великобритания будет уничтожена), является причиной притяжения зависти и вражды и отталкивания дружбы. Наши колонии на Западе и наши владения на Востоке действуют как проводники, которые притягивают электрический ток к зданию, но, в отличие от этих проводников, они не служат для его защиты от насилия. Мы видели, что выгода, получаемая от них, более чем сомнительна, что они обогащают отдельных лиц и обедняют государство; но все это не было бы ничем новым, если бы не огромные масштабы, в которых существуют эти беды.

Пособие бедным, которое само по себе совершенно беспрецедентно, хотя и является обычным явлением для всех наций, в Англии настолько непомерно высоко, что его вполне можно отнести к числу опасностей, свойственных этой стране. Кто бы поверил, что Фридрих Великий Прусский, ведя блестящие и успешные войны против самых грозных врагов, тратил более одной восьмой своих годовых доходов на поощрение промышленности и оставил свою казну хорошо наполненной, причем все это при доходе, меньшем на четверть, чем суммы, которые идут на поддержку бедных в Англии, несмотря на все жалкие маневры, которые практикуются =sic=, чтобы избежать оказания им помощи?

Форма правления в Англии, хотя и является лучшей для свободы подданных и для безопасности лиц и имущества, не имеет достаточных средств для пресечения тех нарушений, которые отдельные группы людей совершают по отношению к обществу в целом. Представительная система, если ее правильно понимать, делится на партии, имеющие разные интересы. Есть коммерческая, земельная, восточно-индийская, западно-индийская и юридическая партии, все из которых имеют большое влияние в парламенте и могут быть грозными для любого министра; поэтому они имеют средства для защиты своих интересов и настолько глубоко заинтересованы, что принимают очень активное участие всякий раз, когда поднимаются вопросы, касающиеся их интересов.

Земельные и юридические интересы — это, по сути, единственные, которые имеют большую партию в Палате лордов; но Палата лордов редко вмешивается в дела, касающиеся интересов других. Лорды, похоже, не считают это своей прерогативой и, в целом, скорее из-за неуверенности, чем из-за халатности, избегают вмешательства, хотя, чтобы отдать должное этой почтенной палате, мы ей многим обязаны. Многие законопроекты, представляющие опасность, были отклонены Палатой лордов после того, как они были приняты другой палатой, и это, как правило, делалось с мудростью, великодушием и умеренностью, которые можно объяснить только искренней любовью к стране и честными намерениями.

Удивительно, насколько далеко могут завести людей благие намерения (не считая рвения), даже если они не уделяют особого внимания какому-либо вопросу. Существует чувство того, что является мудрым, а также того, что является правильным, которое, возможно, отчасти является инстинктом, но во многих случаях более безошибочно, чем надуманная теория. Это было продемонстрировано самым наглядным образом в то время, когда принципы Французской революции пользовались здесь наибольшим одобрением. Эти принципы были правдоподобными, хотя и несостоятельными, и основывались на софизмах и такого рода рассуждениях, на которые простые необразованные люди не могли ответить, а люди, которые утруждали себя рассуждениями, могли бы ответить; однако в трех случаях из четырех именно те, кто не мог ответить, руководствуясь благими намерениями, отвергали их как плохие, не будучи в состоянии объяснить почему. В этом случае самые проникательные были самыми обманутыми, ибо теперь следует признать, что всякое одобрение теорий, касающихся прав человека и способов их отстаивания, было ошибочным. Многие из тех, кто впал в эту ошибку, без сомнения, имели безупречные намерения, но они не руководствовались здравым смыслом.

--

В каждом собрании небольшое число людей, полностью понимающих свои интересы, может многое сделать, если они будут действовать сообща; но это еще не все: они могут использовать аргументы в разговоре с министром, которые проложат путь к достижению поставленных целей, в то время как общие интересы страны не вызывают беспокойства ни у кого, кроме как в исключительных случаях.

При произвольных монархах все органы с отдельными интересами содержатся в надлежащем порядке, у них нет средств защитить себя, кроме протеста, который против власти является весьма недостаточной защитой.

В этом утверждении нет ничего надуманного или причудливого, и следствием этого является то, что ни в одной стране ни одна организация не поднималась на такую высоту, за исключением духовенства в католических странах и баронов во времена феодальной системы, когда они имели в руках оружие; они, если и не могли оказать абсолютного сопротивления своему суверену, то, по крайней мере, могли отказать ему в помощи и доставлять ему большие неприятности. Но эти примеры не выдерживают сравнения с отдельными интересами в Англии в настоящее время. Бароны давно утратили свою власть, а католическое духовенство также утратило большую часть своей власти и доходов. Если бы это не произошло, богатые и могущественные королевства не существовали бы.

При свободном правительстве, когда люди считают, что оппозиция министру в парламенте — это самое замечательное дело, энергия нации в отношении войны значительно ослабляется. Это, в связи с другими нациями, должно привести к очень вредным последствиям; но там, где зло беспомощно, нет смысла заикливаться на нем; и не кажется, что есть какая-то возможность отделить от свободного правительства некую противостоящую силу, которая должна сдерживать исполнительную власть и ослаблять энергию нации.

В чистых монархиях короли могут вознаграждать заслуги, поощрять таланты и действовать в соответствии с обстоятельствами. В Англии король или его министры не имеют средств, из которых они могли бы это делать. Обращение к парламенту является дорогостоящим и хлопотным делом, и во многих случаях, когда цель была бы справедливой, она была бы недостижима. Но это еще не все, потому что когда по решению парламента что-либо подобное однажды сделано, оно остается без надлежащего контроля, и расходы, как правило, вдвое превышают то, что должно было бы быть.

В целом, в представительном правительстве слишком мало дискреционных полномочий; добро можно делать только по правилам, которые во многих случаях невозможно соблюдать. Это недостаток, с которым мы боремся, и это своего рода недостаток нашей превосходной формы правления; но это не похоже на оппозицию в сенате, это можно преодолеть, и это заслуживает внимания.

Таковы, по-видимому, недостатки, которым особенно подвержена Великобритания, либо в целом, либо в той или иной степени; но, с другой стороны, у нее есть много обстоятельств в ее пользу, если они будут правильно использованы; и, действительно, некоторые из них будут иметь благоприятный эффект, независимо от того, уделяется ли им особое внимание или нет. Мы с особым удовольствием обратимся к ним и надеемся, что они не будут игнорироваться, а станут

средством для продолжения нашего процветания в растущем масштабе или, по крайней мере, предотвратят нашу судьбу тех наций, которые ушли в прошлое.

ГЛАВА VII.

Особые обстоятельства, характерные для Англии и благоприятные для нее.

Было замечено, что в северных странах, где роскошь не сопровождается такой степенью лени и изнеженности, как в теплых климатических условиях, привычки к трудолюбию никогда не могут полностью исчезнуть из страны. Ощущение холода и острый аппетит являются врагами лени и бездеятельности; более того, они совершенно несовместимы с теми привычками и тем упадком нравов, которые можно встретить в южных климатических условиях. Это преимущество Великобритании разделяет с другими странами севера, но у нее есть и некоторые особенности, присущие только ей.

Находясь на острове, люди имеют свой особый характер, который не позволяет иностранцам и иностранному влиянию оказывать то пагубное воздействие, которое так очевидно во многих странах, где они приходят и уходят с большей легкостью, и где большее сходство в манерах и характере позволяет им играть заметную и очень опасную роль в случаях недоразумений и партийных споров.

Во всех войнах, кровавых и длительных, между домами Йорков и Ланкастеров, иностранное влияние никогда не оказывало такого воздействия, как влияние Испании во Франции до вступления на престол Генриха IV, или как влияние Франции и Испании в Италии, или влияние Франции на саму Испанию, или влияние России и Пруссии в Польше, и многие другие примеры на континенте.

Мы не знаем идеальных границ в этой стране. В этой стране мы все один народ и можем отличить себя от любого другого; действительно, национальный характер скорее не склонен к смешению с людьми с континента; но это, что сейчас кажется недостатком, может когда-нибудь быть признано очень полезным достоинством.

Даже в те времена, когда несчастная ревность и ошибочные интересы держали Англию и Шотландию в раздоре, и когда последнее королевство имело привычку принимать политику Франции и принимать ее интересы, кажется, существовал какой-то отталкивающий принцип, который удерживал маленькую нацию от захвата большой.

Французы никогда не имели там преобладающей власти, и в последнее время она была настолько незначительной, что они не смогли защитить королеву Марию или католическую религию от реформаторов, хотя у них не было недостатка в желании сделать и то, и другое. Таким образом, становится совершенно ясно, что, несмотря на самые лучшие дружеские отношения, шотландцы в глубине души испытывали британское недоверие к иностранцам, которое с момента цивилизации освободило остров от иностранного влияния.

Форма правления, безопасность собственности и свобода действий во всех сферах бизнеса будут и впредь позволять этой стране держаться на высоком уровне, даже если некоторые из ее нынешних источников богатства иссякнут; и какими бы ни были чувства представителей народа в обычных ситуациях, в момент возникновения реальной опасности они, мы уверены, будут действовать как мужчины, решившие стоять на стороне своей страны.

Насколько слабым было прежнее французское правительство, когда оно столкнулось с трудностями? Оно сразу же как будто застыло, или же та небольшая энергия, которая у него осталась, была достаточна лишь для того, чтобы переходить от одной ошибки к другой. Насколько по-другому вела себя Англия в каждой чрезвычайной ситуации? Вместо того чтобы ослабевать в день опасности, правительство поднялось над ней. Мы никогда не видели здесь тех же сцен, которые имели место в Польше, Швеции и многих других местах. В трех попытках вторжения (восстание Монмута и два других), где использовалось иностранное влияние, исход был самым фатальным для тех, кто их совершил; они были крайне презренны; и, если подумать, в чью пользу они были, то, вероятно, поддержка со стороны иностранной державы скорее нанесла ущерб делу.

Здесь мы не должны путать случай Стюартов со случаем короля Франции. В Англии было разделение власти, законодательная власть противостояла исполнительной; *одна* часть правительства была слаба, но другая — нет, и поэтому нельзя сказать, что правительство было слабым. Во Франции король и министры правили единолично, они составляли все правительство, и поэтому, поскольку они были слабы, правительство можно было обвинить в слабости.

--

Форма правления имеет в себе одно большое преимущество: поскольку способности являются путем к продвижению по службе, высшие классы (по крайней мере) имеют лучшее образование, чем люди того же ранга в любой другой стране, в том что касается интересов общества и природы связи между различными слоями общества; незнание этого является верным путем к гибели.

Во всех новых и развивающихся государствах высшие сословия, даже при деспотических правительствах и при полном установлении различия между сословиями, с должным уважением относятся к важности и благосостоянию низших сословий. По мере того как они становятся богаче и теряют из виду источник своего богатства, которым является труд, они меняют свой образ мышления и постепенно начинают считать низшие сословия существующими только для удобства богатых. Деградация, в которую попадают низшие сословия из-за пороков и лени, усугубляет разницу и усиливает презрение, с которым к ним относятся. Это одна из неизменных черт упадка наций, но природа английского правительства предотвращает это, поддерживая связь и взаимную зависимость между бедными и богатыми, чего нет ни в абсолютных монархиях, ни в республиках. В республиках люди становятся раздробленными и ленивыми, когда они становятся в какой-то мере богатыми. В этой стране, помимо островного положения, обстоятельства в целом таковы, что не позволяют низшим классам впадать в ту леность, апатию и презрение, которые характерны для других стран, даже если предположить, что эти бремена, которые в настоящее время требуют усилий, были устранены.

К этим причинам можно добавить еще одну — религиозное поклонение стране, которое, без всяких споров и сомнений, играет ей на руку.

Не говоря уже о религиозных взглядах или формах поклонения в древности, в настоящее время есть три, которые заслуживают внимания и допускают сравнение.

Христианская религия отличается тем, что возвышает характер людей, а мусульманская — тем, что низводит их до низкого уровня. Везде, где распространяется мусульманская вера, люди деградируют в своих нравах, а правительства становятся деспотическими. Характер мусульманского короля или императора по своей природе отличается от характера христианского правителя так же, как форма шляпы отличается от формы тюрбана.

При самых деспотичных христианских правителях дела регулируются законом, не происходит регулярных убийств, совершаемых рукой власти без вмешательства правосудия; и если полнота власти допускает самые большие эксцессы со стороны правителя, то в некоторых христианских странах мнение его соотечественников, страх перед Богом или какие-то чувства и принципы в его собственной душе сдерживают его в осуществлении этой власти.

С мусульманскими правителями дело обстоит иначе: для них нет ничего святого в том, что они ненавидят, и нет ничего постыдного в том, что они делают. Какой бы ни была их совесть, какими бы ни были их моральные правила, грабеж и убийство, безусловно, не запрещены ими, иначе закон не соблюдается. Во всех мусульманских странах рабство народа, его жестокость и порочность соразмерны деспотизму и жестокости правителя; их характер и его большая неполноценность настолько хорошо известны, что никому невозможно об этом не знать.

Когда мусульманские правительства обладают властью, они горды и высокомерны; народ живет в роскоши и предается всем изысканным порокам. Когда они падают, эта гордость

превращается в жестокость, а роскошь вырождается в жестокость и леность; но ни в том, ни в другом случае они не ценят науку, литературу, свободу или какие-либо другие достижения, которые делают человека уважаемым или полезным. Они не превосходят ни в искусстве, ни в науке; физически они уступают в полезности, а их умы менее образованы. Они не равны христианам ни в войне, ни в мире, и их нельзя сравнивать с ними ни по одному хорошему качеству.

Однако в их руках находится самая большая и лучшая часть старого мира; но с точки зрения богатства или власти они не имеют большого значения и с каждым днем все больше и больше теряют свое значение.

Среди тех, кто исповедует христианство, все путешественники, имевшие возможность это наблюдать, отмечают, что сельское хозяйство, торговля и производство наиболее процветают в протестантских странах. Даже там, где в одной стране существуют разные секты христианской религии, искусство, производство и торговля, по-видимому, наиболее процветают среди протестантов. Жестокость герцога Альвы и абсурдное фанатичное рвение Людовика XIV вынудили самых трудолюбивых жителей покинуть Нидерланды и Францию только потому, что они были протестантами, что является доказательством связи между этой ветвью христианской религии и промышленностью. Протестанты были самыми трудолюбивыми.

Протестанты, по-видимому, также более всего заботятся о сохранении хорошей формы правления и придают большее значение свободе, чем люди любой другой религии. В этом Англия имеет неоценимое преимущество.

Реформация в религии и создание мануфактур в Англии датируются примерно одним и тем же периодом; примерно в то же время дух свободы начал пробуждаться сначала в Шотландии, а затем в Англии, что привело к революции. Таким образом, опыт дает много оснований полагать, что протестантская религия особенно благоприятна для промышленности и свободы. Есть и другие причины, вытекающие из рассмотрения этого вопроса, которые привели бы к тому же выводу, даже если бы не было опыта, подтверждающего этот факт.

Все, что освобождает человеческий разум от бесполезных предрассудков и ведет его к чистой морали, придает человеку достоинство и увеличивает его способность стать хорошим и полезным членом общества.

Христианская религия не только содержит самый чистый моральный кодекс, но и провозглашает лучшие, самые полезные и простые правила поведения в жизни. В ранние дни существования церкви римско-католическая вера была обременена большим количеством как догматических, так и практических ошибок, которые не только сковывают ум, но и фактически мешают человеческой жизни.

Ее огромное влияние, основанное на привязанности к ее личности и чувстве долгого счастья, которым они наслаждались при королеве Елизавете: ее великий авторитет, подкрепленный уважением и подтвержденный давней традицией, сдерживал дух свободы, который вскоре после этого мучил ее преемников. Джеймс в полной мере испытал этот дух, прежде чем покинуть Шотландию, и, когда он взошел на английский трон, он часто выступал против пресвитерианства как врага монархии. Он, что было вполне естественно, считал, что различия в религии были причиной превосходства любви к свободе в Шотландии, поскольку он не осознавал различия в последствиях, вызванных спокойным, устойчивым и достоинством поведением Елизаветы и нестабильным поведением его несчастной матери, Марии. Он также путал ненависть к произвольной прерогативе королей с ненавистью к самим королям и считал монархию и свой собственный вид монархии по сути одинаковыми. Если бы он жил в наши дни, он бы понял разницу и не считал бы церковь Шотландии большим врагом королевской власти, чем церковь Англии, или более благоприятной для свободы.

В предыдущей главе мы имели возможность говорить о посягательствах государственных органов на широкие массы народа, но ни одно из них не было столь пагубным по своим последствиям, столь алчным и столь хорошо рассчитанным на сохранение своей власти, как посягательства римско-католической церкви.

Их целибат лишал духовенство всякой склонности отчуждать даже личное имущество, в то время как практика ушной исповеди и доктрина о прощении грехов давали им возможность осаждать человеческий разум в его слабые моменты и в самых уязвимых местах, чтобы ограбить потомков и обогатить церковь. В момент слабости, когда ум человека занят размышлениями об ошибках и, возможно, преступлениях долгой и пестрой жизни; когда его связи с этим миром ослабевают, а его интерес к вечности становится более живым и близким; религия, которая позволяет ревностному или заинтересованному священнику (при помощи казуистики и аргументов веков) обменять обещание вечного блаженства на земли и поместья, завещанные церкви, в полной мере обеспечивает приобретение земных сокровищ для ее служителей и тех, кто посвятил себя религиозной жизни. Действительно, удивительно, что, имея такие средства, церковь в странах католического вероисповедания не стала богаче, чем была. Имея постоянные средства для приобретения, но не для отчуждения, она, по-видимому, вполне способна поглотить всю земельную собственность нации. Такое посягательство на общественное богатство и промышленность народа является достаточной причиной для того, чтобы протестантские страны (где духовенство не имеет таких же средств) стали более богатыми и трудолюбивыми.

Несложно доказать, что в протестантских странах на умы людей оказывается влияние, благоприятное для промышленности, но обсуждение такого рода может показаться неуместным в книге подобного рода. Достаточно того, что мы видим из опыта и разума, что из всех религий христианство наиболее благоприятно для процветания народа, а из его различных ветвей

протестантизм, или так называемая реформатская религия, является лучшей. Это религия, установленная в Великобритании.

Во Франции до революции доходы духовенства от земель, десятины и т. д. составляли 25 000 000 фунтов стерлингов в год. Количество праздников и постов также было большим препятствием для промышленности.

--

Еще один повод для надежды возникает из обстоятельства, имеющего очень большое значение и весьма благоприятного для Великобритании.

Было отмечено, что колонии на Западе и завоевания на Востоке обходятся очень дорого и приносят мало прибыли; короче говоря, их владение дает весьма сомнительные преимущества.

Владение североамериканскими провинциями, ныне Соединенными Штатами, было большим бременем для Англии с момента их первого заселения до примерно 1755 года, когда их торговля начала приносить прибыль этой стране; но через двадцать лет произошло восстание, которое обошлось Англии в огромную сумму.

Нет необходимости вдаваться в подробности по этому вопросу, но как только военные действия закончились, американские штаты стали покупать больше наших товаров, чем когда-либо. Их законы и нравы схожи с нашими, они говорят на том же языке, а их правительство явно максимально приближено к нашему, насколько это возможно для республики по сравнению с монархией. В настоящее время нет ни одной отрасли торговли, которая была бы столь же значительной по объему или выгодной по своему характеру, как торговля с Соединенными Штатами; при этом она имеет еще одно преимущество: она растет с каждым днем, и поскольку ни одна страна никогда не росла так быстро в плане населения и богатства, ни одна страна не обещала предоставить столь обширный рынок для наших товаров, как Соединенные Штаты. Этот рынок тем более надежен, что людям, которые завладели этой огромной территорией, не будет выгодно в течение длительного времени пренебрегать сельским хозяйством и заниматься производством.

Самым грандиозным проектом, с помощью которого какая-либо нация когда-либо пыталась обогатиться, был, безусловно, проект заселения Америки цивилизованной расой жителей. Это был справедливый и законный способ расширить свои средства для приобретения богатства, но Великобритания потерпела неудачу в способе достижения своей цели, хотя и не в самой цели, и Соединенные Штаты обещают поддерживать промышленность Англии, теперь, когда она смирила свои амбиции, гораздо больше, чем обе Индии, которые так ее удовлетворяют.

Под этим не подразумевается буквально, что торговля каждый год превосходит предыдущую, а то, что она продолжает расти.

--

Весьма вероятно, что Америка будет расти быстрее в богатстве и численности населения, чем в производстве, которое она в настоящее время импортирует из Великобритании; но если соотношение останется таким же, как сейчас, цель будет полностью достигнута, и рынок для британских товаров будет обеспечен на долгие годы. В 1802 году, по последней переписи, население Соединенных Штатов составляло около восьми миллионов человек, и в течение нескольких лет экспорт британских товаров составлял семь миллионов, так что справедливо рассчитывать потребление, равное шестнадцати шиллингам в год на каждого человека. Примерно столько же было и в 1774 году, до восстания; а поскольку население удваивается примерно за пятнадцать лет, то в течение следующих тридцати лет экспорт только в эту страну составит 24 000 000 фунтов стерлингов, при условии, что мы сможем продолжать продавать по таким ценам, чтобы другие страны не могли продавать дешевле на американском рынке.

В этой торговле нет ничего великого, ничего блестящего, все в ней надежно и хорошо; это связь, основанная на взаимных потребностях и взаимной выгоде, а не на монополии, ограничениях или принуждении; по этой причине она будет более долговечной и должна быть более ценной, но это не так. Правительства, как и отдельные люди, больше всего привязаны к тому, что дорого стоит и трудно удержать. Однако есть надежда, что этот вопрос будет рассмотрен в его истинном свете.

Одно обстоятельство, которое делает этот вопрос еще более благоприятным для Великобритании, заключается в том, что западная часть Америки, которая является самой плодородной и самой обширной, в настоящее время очень быстро заселяется. Трудовые ресурсы и капитал жителей полностью направлены на сельское хозяйство, а не на производство, и так будет в течение многих лет; ведь даже когда население Соединенных Штатов достигнет пятидесяти миллионов человек, оно не будет составлять и половины того, что можно было бы ожидать, и будет недостаточно для заселения этих земель. Плодородие почвы позволит американцам с большой легкостью производить продукцию, востребованную в Европе, так что мы можем рассчитывать на длительную, крупную и выгодную торговлю с ними. До восстания наш

экспорт британских промышленных товаров был далеко не таким большим, поскольку мы поставляли в Америку все виды товаров.

Однако это будет частично зависеть от наших обстоятельств, поскольку, если заработная плата и цены на наши товары будут расти, как это происходило в последнее время, наши купцы будут покупать на европейском континенте то, что в противном случае они приобретали бы в Англии, чтобы снабжать американский рынок.

Америка — единственная страна в мире, где, с точки зрения заработной платы и продукции промышленности, деньги имеют меньшую ценность, чем в Англии. Американцы тогда смогут позволить себе покупать английские товары, в то время как другие страны не смогут; но тогда они будут покупать только те товары, которые нельзя приобрести в других местах; ведь хотя они могут и будут продолжать покупать, они не будут этого делать, если смогут приобрести подходящие им товары в других местах.

Ни одна страна, о которой мы читаем в истории, никогда не пользовалась такими же преимуществами, как американские штаты; у них хорошие законы, свободное правительство, и они обладают всеми изобретениями и знаниями старого мира. Искусства теперь переносятся через Атлантику с большей легкостью, чем раньше из одной деревни в другую. Возможно, что открытие нового рынка такого огромного масштаба может устранить ту ревность в торговле, которая в течение последних двух или трех столетий вызывала много споров и которая особенно опасна для нации, поднявшейся высоко над своим уровнем.

Все эти факторы, при должном внимании и заботе, принесут Великобритании огромную пользу. Они дают нам много поводов для надежды и оптимизма и устраняют одну из причин для опасений по поводу упадка, а именно: вытеснение более бедными странами или отсутствие рынка сбыта для нашей растущей промышленности.

Есть еще одно соображение в пользу Великобритании как промышленной и торговой страны, поскольку мы должны рассматривать ее именно в этом качестве, полагаясь больше на промышленность, чем на идеальное богатство наших колоний на Западе и наших завоеваний на Востоке. Дело в том, что мы — последняя из европейских наций, которая достигла богатства благодаря торговле и промышленности. Глядя на карту, не кажется, что кто-то может вытеснить нас; все те, кто имеют большие преимущества, уже ушли вперед, и пока мы не увидим пример страны, обновившей себя, мы имеем право не верить, что это возможно.

Англия уже начинает терять рынок для льняных тканей, оконного стекла, огнестрельного оружия и ряда других товаров. Она полностью потеряла бы рынок книг, если бы какая-либо страна на европейском континенте могла печатать на английском языке правильно. В настоящее время они

печатают в Америке, вместо того чтобы мы сохраняли эту торговлю, что мы могли бы делать с большой выгодой и преимуществом.

--

Россия — единственная страна в Европе, которая моложе Англии, и многие обстоятельства не позволяют ей стать конкурентом в торговле. Она не увеличивает и никогда не сможет увеличить население и довести цивилизацию и производство до того же уровня. Хотя она очень молодая, как мощная европейская нация, ее народ так же древен, как и большинство других народов Европы; территория настолько обширна, климат настолько холодный, а Балтийское море настолько далеко на севере и замерзает на столько месяцев в году, что она никогда не станет ни транспортной, ни производственной страной. Для возделывания почвы и экспорта продукции своих рудников, шкур, жира, кож, древесины и т. д. будет более выгодно и подходяще для жителей, чем любая конкуренция в производстве.

Производство процветает не в обширных империях, оно является важной задачей для небольших стран, таких как Англия или Голландия; но для таких стран, как Россия, Турция или Франция, оно менее важно, чем внимание к земле и природным ресурсам; и таким образом мы видим, что Китай, самая обширная из всех стран, поощряет внутреннюю торговлю и производство, но презирает внешнюю торговлю.

Одно из особых преимуществ Англии, благоприятных для производства, заслуживает внимания. Закон о патентах, если он и не заставляет людей изобретать или искать новые изобретения, то, по крайней мере, поощряет и дает им возможность совершенствовать свои изобретения. Изобретения составляют наименьшую часть бизнеса с точки зрения общественного богатства и полезности. В Париже давно существует коллекция моделей, созданная одним из самых изобретательных механиков прошлого века (г-ном Вокуссоном) за счет правительства, в которой представлены почти все любопытные изобретения, созданные в Англии, а также многие неизвестные в ней. Некоторые англичане, просматривая эту коллекцию, привезли сюда новые изобретения, на которые получили патенты, и благодаря которым они, как и общественность, получили выгоду, в то время как во Франции эти изобретения лежали без дела и не использовались.

Чем меньше район или остров, тем больше будет экспорт и импорт по сравнению с числом жителей. Возьмите экспорт и импорт всей Европы с другими частями мира; — рассматривая Европу как одну страну, вы обнаружите, что он не превышает одного шиллинга на человека в год. Возьмите сумму в Великобритании, она составит около сорока шиллингов на человека. Рассмотрим, что покупает и продает одна деревня, и эта сумма будет еще больше; и, наконец,

одна трудящаяся семья покупает все, что она использует, и продает все, что она производит. И самая бедная семья, рассматриваемая таким образом, пропорционально $\propto$ больше покупает и продает, чем самое богатое государство, рассматриваемое в целом. Рассмотрим всю Землю как одно государство, и она не экспортирует и не импортирует.

--

Изобретение не является чем-то, что находится в власти человека, и великие изобретения, как правило, являются скорее результатом случайности, чем превосходных способностей; в любом случае, никакое поощрение не может гарантированно привести к изобретению, но оно всегда приведет к усовершенствованию изобретения. Когда человек имеет патент на четырнадцать лет, он делает все, что в его силах, чтобы объект этого патента стал как можно более полезным для всех, и это можно сделать, только довел усовершенствования до предела своих возможностей. Другие же, у которых нет патента, но которые занимаются тем же ремеслом, стремятся сохранить свой бизнес за счет усовершенствований, и именно этой борьбе за превосходство можно приписать большой прогресс, достигнутый в Англии в деле доведения производства до более высокой степени совершенства, чем в любой другой стране.

Великие изобретения, из которых вытекают и возникают другие, как часто утверждается, не являются заслугой уроженцев этой страны. Вероятно, это может быть связано с тем, что они были известны до прогресса этой страны в любой из областей искусства; но как бы то ни было, в этой стране есть огромное количество изобретений, доведенных до большего совершенства и приносящих больше пользы, чем в любой другой.

Это достаточно важно, чтобы заслуживать иллюстрации несколькими примерами. Усовершенствование парового двигателя г-ном Уаттом было делом случая; случая, который, конечно, не мог бы произойти, если бы он был невежественным человеком; но усовершенствование двигателя не было случайным. Оно было результатом большой поддержки и продления патента специальным актом парламента. Этот патент стал поводом для почти полного изменения машины и расширения ее использования для самых разных целей, для которых она, вероятно, никогда бы не была использована, если бы не была единственным делом очень способного человека, которому помогали многие другие изобретательные люди, которых он смог нанять. Это послужило причиной усовершенствования механизма мельниц для помола зерна и других механизмов различного назначения, которые стали намного лучше, чем были раньше, хотя самый способный инженер в этой области (г-н Смитон) умер до того, как были сделаны последние и самые значительные усовершенствования.

То же самое можно сказать о хлопкопрядильных машинах и, с небольшой разницей, обо всех изобретениях, которые были доведены до совершенства под влиянием исключительных привилегий.

--

Это преимущество, которым Англия обладает по сравнению с другими странами, является более существенным, чем кажется, поскольку оно тесно связано с правительством и законами страны, а также с тем духом, который обеспечивает надлежащее исполнение законов, что в случае с патентами является делом не из легких и не позволяет другим стать нашими конкурентами или достичь той же степени совершенства; поскольку без надлежащего исполнения закона невозможно приложить те огромные усилия, которые необходимы для достижения совершенства.

Изобразительное искусство и механические искусства совершенно различаются в том, как они достигают совершенства. Индивидуальные способности и гениальность позволяют человеку, даже без особого обучения, преуспеть в одном из видов изобразительного искусства; тогда как в механических искусствах знание того, как выполняется операция, является всем, и все люди могут делать это почти одинаково хорошо. Следовательно, по мере того как опыт совершенствует способы работы, механические искусства совершенствуются из века в век, пока их поощряют и практикуют. В изобразительных искусствах дело обстоит иначе, или же только в очень небольшой степени, и отсюда следует, что в скульптуре, поэзии, живописи и музыке древние, возможно, превосходили современников. В механических искусствах они были значительно хуже. Лучшими примерами этого (и лучших не нужно) являются античная медаль, смело и искусно выполненная, но с неровными краями, не на плоской поверхности и не одинаковой толщины, по сравнению с новой гинеей или бирмингемской пуговицей, скучно гравированной, но аккуратно выполненной. В первом случае есть все следы работы художника, но нет следов работы машины. На второй есть слабые и плоские следы художника, но большое доказательство механического совершенства. Мастерство художника, необходимое для создания первой, нельзя заповедать, хотя его можно вызвать поощрением; но соединение талантов, необходимых для второй, настолько легко достижимо, что его можно получить в любое время по желанию, если оно однажды было приобретено.

В 1790 году французы приняли закон о патентах, основанный на английском плане и в некоторых отношениях даже улучшенный, но народ никогда его не понимал. Юристы никогда его не понимали, и даже до наступления анархии было очевидно, что он никогда не будет иметь большого эффекта из-за отсутствия надлежащего администрирования.

--

Для того чтобы пожинать плоды усовершенствований, нужна только безопасность, и закон о патентах, применяемый и исполняемый в Англии, обеспечивает ее в очень высокой степени. Хотя благодаря повсеместной коммуникации основания любого искусства теперь не могут быть ограничены одной нацией, хотя на самом деле все обстоит наоборот, и необходимые знания свободно циркулируют и распространяются с помощью регулярной системы в периодических публикациях различного рода, тем не менее способ использования этих знаний в своих интересах ни в коем случае не кажется столь же простым для передачи.

Законодательный орган Соединенных Штатов Америки, действительно, в данном случае в полной мере отдал должное поощрению искусств и изобретений; но обстоятельства, как уже было сказано, делают другие объекты более выгодными для использования труда и навыков в этой стране. По этим причинам мы можем с некоторой уверенностью рассчитывать на процветание искусств и производства в течение многих лет, если будет сохраняться то же внимание, которое уделялось их поощрению, но ни это преимущество в отдельности, ни все перечисленные преимущества в совокупности не будут достаточными для сохранения нашего превосходства, если те, кто регулирует дела страны, не будут их поддерживать.

Благодаря огромным усилиям и заботе производство процветает в этой стране, и его невозможно сохранить без продолжения той же заботы, хотя основной причиной, по-видимому, являются индивидуальные усилия. Так, путешественники, следуя по хорошо устроенной дороге, движутся быстро и легко, за свой счет и благодаря своей энергии; но если дорога не будет содержаться в хорошем состоянии, их продвижение будет затруднено, и их усилия перестанут приносить тот же эффект, поскольку они не могут самостоятельно отремонтировать дорогу.

Таковы, по-видимому, особые обстоятельства, благоприятствующие Великобритании, и которые, несмотря на особенно значительные неблагоприятные факторы, дают надежду на продление процветания страны.

Однако все еще есть что-то, что необходимо для увеличения нашего преимущества. Любой человек, знакомый с производством Англии, естественно заметит, что все эти товары имеют рынок сбыта в этой стране. У нас нет фабрик, производящих товары исключительно для наших зарубежных рынков, так что, хотя мы считаем себя очень заинтересованными в внешней торговле, все наши фабрики приспособлены, как будто они предназначены для снабжения внутреннего рынка.

Это замечание в целом верно, хотя и есть несколько исключений, и хотя качество производимых и предназначенных для экспорта товаров адаптировано к рынку, для которого они предназначены. Последнее, конечно, вполне естественно, и иначе и быть не может, но этого недостаточно.

Вместо того чтобы везти наши товары в чужую страну и пробовать, будут ли их покупать местные жители, мы должны привезти домой образцы тех товаров, которые они сами используют, и попробовать, сможем ли мы поставлять их с выгодой. Нации чрезвычайно различаются по вкусам, и так будет всегда. Цвет тканей, рисунки на набивных хлопчатобумажных изделиях и даже форма столовых приборов и предметов быта в некотором роде являются вопросом вкуса. Если мы собираемся производить товары для других наций, давайте постараемся удовлетворить их вкусы так же, как мы удовлетворяем вкусы наших соотечественников. Причины, по которым мы этого не делаем, довольно очевидны. Во-первых, для отдельного человека не имеет смысла собирать необходимую информацию и создавать коллекцию, если в случае успеха выгода будет разделена между всеми, кто решит их подражать; кроме того, во многих случаях отсутствуют средства для приобретения необходимого.

Изучение ботаники значительно продвинулось, а огороды значительно обогатились благодаря импорту экзотических растений; и, вероятно, наше производство могло бы значительно расшириться, если бы такая же забота уделялась сбору иностранных товаров, продуктов промышленности. Мы не находим, что каждое иностранное растение приживается в этой стране, но если это кажется вероятным и стоит попробовать, мы никогда не отказываемся от этого; мы верим, что так же будет и с иностранными производствами, если у нас будут подходящие образцы. Была бы проведена справедливая проба, где успех казался вероятным, и результат определил бы будущие усилия.

Следует создать за государственный счет коллекцию всех видов тканей с указанием цен в стране, где они носят, а также всех видов металлических изделий, игрушек, безделушек и т. д., которая будет открыта для осмотра по запросу любого лица, обратившегося надлежащим образом; даже образцы или модели должны выдаваться под залог их стоимости. В Персии и во многих других местах, если мы скопируем их цвета и узоры, мы сможем продать большие количества хлопчатобумажных изделий. Наши топоры и некоторые другие наши инструменты не имеют формы, которая нравится американцам.

--

Случайные обстоятельства несколько веков назад принесли в эту страну новые растения, теперь они поступают сюда в результате регулярных усилий, предпринимаемых с этой целью. То, что тогда было верно в отношении импортируемых растений, по-прежнему верно в отношении экспортируемых товаров. Мы производим для себя, и если что-то из того же рода подходит другим странам, мы отправляем это туда, если нет, то торговля в эту часть мира не ведется; теперь это следует считать случайной причиной для развития внешней торговли.

Везде, где возможно предотвратить ухудшение качества товара, которое мешает ему отвечать своему назначению или удовлетворять ожидания покупателя, это следует делать, поскольку английские производители давно практикуют подрезание цен друг другу и не гнушаются никакими средствами, чтобы добиться этого.

Необходимо наличие товаров различного качества в зависимости от цены. Не все люди могут позволить себе покупать товары самого высокого качества, но когда снижение цены доходит до такой степени, что получается бесполезный товар, это приводит к потере торговли; и очень легко доказать, что таких примеров очень много и что различные отрасли торговли были утрачены именно по этой причине.

Что касается протяженности морского побережья, преимуществ, которые можно извлечь из рыболовства, и выгод, которые это обстоятельство приносит торговле, то это естественные преимущества, которые уже прекрасно поняты.

ГЛАВА VIII.

Заключение.

ПОСЛЕ того как мы рассмотрели тему исследования в соответствии с тем способом, который показался нам наилучшим, в котором было одно неизменное правило: никогда не противопоставлять теорию и рассуждения фактам, а принимать опыт как наиболее надежный ориентир, повторение вряд ли может быть необходимым; но заключение, применимое к ситуации в этой стране, безусловно, может быть необходимым.

Однако оно должно быть кратким, поскольку читатель имеет в своем распоряжении все необходимые для этого материалы, но это может избавить его от лишних хлопот.

Великая цель всех человеческих усилий состоит в том, чтобы усовершенствовать средства, которыми природа наделила людей для достижения целей их желаний и стремлений, и устранить, противодействовать или избавиться от тех неудобств и недостатков, которые природа поставила на пути их удовольствий.

С умом следует поступать так же, как с материальными телами. В обоих случаях невозможно что-либо создать, но мы можем превратить хорошее в максимально выгодное преимущество и противодействовать плохому.

Попытки помешать людям следовать своим склонностям, когда они находятся у власти, всегда трудны, как правило, неэффективны и часто неосуществимы; кроме того, когда это можно сделать принудительно, это слишком сильно ущемляет свободу и удовольствия человечества. Контролирующая власть должна применяться как можно реже.

Таким образом, при строительстве дома вы формируете камни, глину и другие материалы, предоставленные природой, чтобы противодействовать воздействию тепла или холода, влаги или сухости, как вам наиболее удобно. Так, люди научились плавить и остеклять песок на морском берегу, чтобы изготовить стекло, измельчить его до нужной формы и сделать микроскоп для наблюдения за мельчайшими объектами природы или приблизить самые далекие объекты с помощью телескопа, тем самым исправляя несовершенство человеческого зрения. Возможно, сжигание *угля* для преобразования *воды* в *пар* и подъем *угля* и *воды* из шахты с помощью этого *пара* является самым полным триумфом человеческого мастерства над физическими трудностями. Как изобретения и открытия улучшили положение человека с тех пор, как в Греции еще не знали, как использовать зерно и огонь!!!

--

Попытки подавить страсти тщетны, контролировать их трудно; кроме того, именно из энергии, возникающей из страстей или склонностей, проистекает все добро, как и все зло. Таким образом, задача состоит не в том, чтобы сдерживать или подавлять, а в том, чтобы дать правильное направление. Это можно сделать с помощью хороших привычек в молодости и надлежащего образования, которое невозможно получить индивидуальными усилиями без помощи правительства; помощи, которую оно, следовательно, обязано оказать.

Общая тенденция богатства и власти заключается в том, чтобы обессиливать людей, делать их гордыми и ленивыми, и через некоторое время они покидают страну. У отдельных людей нет средств противодействовать этой тенденции, если только правящая власть страны не дает им общий импульс в тех случаях, когда они могут действовать, и сама действует с осторожностью и вниманием там, где отдельные люди ничего не могут сделать.

В случае образования и нравов, в случае обеспечения детей, отдельные лица могут сделать многое, но правительство должно не только предоставить средства, но и дать импульс. В случае, когда земля становится недостаточной для жителей, а налоги и государственный долг растут, правительство может остановить прогресс; а в случаях, когда отдельные организации ущемляют общее благосостояние, а также в случае тенденции изобретений, капитала и т. д. к эмиграции в другие страны, правительство может противодействовать и, возможно, полностью предотвратить все это.

Во всех случаях отдельные лица будут и должны следовать своим законным склонностям, как в средствах использования капитала, так и в расходовании доходов; то есть они должны быть в целом свободны и подвергаться вмешательству и регулированию только в отдельных случаях; но иногда им должны быть предоставлены средства для правильного поведения, а в других случаях должны быть усилены стимулы для этого. Мы будем рассматривать темы в том же порядке, в котором они следовали во второй книге.

Хотя манеры людей, достигших зрелости, могут регулироваться только их образованием, в молодости, если этому уделяется должное внимание, этого будет достаточно; ибо хотя это не помешает поколению, достигшему богатства, наслаждаться им в соответствии с преобладающими вкусами, но это предотвратит распространение заразы с еще большей силой, как это происходит сейчас, на детей. Тогда зло будет распространяться в простой пропорции; сейчас оно распространяется в сложной пропорции, и зло, возникающее из роскоши каждого поколения, удваивается в следующем поколении. Если это будет предотвращено, то, вероятно, это будет все, что необходимо; в любом случае, это, вероятно, все, что возможно.

В области налогообложения правительство должно стремиться устранить то, что вызывает недовольство в способе сбора налогов, поскольку в многих случаях это наносит больше вреда подданным, чем равная сумма, взимаемая другим способом; а когда необходимо производить платежи, способ их осуществления должен быть максимально упрощен. При сборе налогов следует избегать любых ненужных хлопот. Почему на налогах на квитанции и счетах не могут быть напечатаны суммы, на которые они распространяются, чтобы предотвратить ошибки, которые иногда сопровождаются большими потерями и всегда неудобствами? Если бы это было сделано, сколько судебных исков, сколько гнусных уловок было бы предотвращено? Но не говоря уже об этих неудобствах, сколько бесполезных хлопот, беспокойства и неопределенности можно было бы избежать при обычном ведении дел? В большинстве случаев к данному вопросу относятся так, как будто ни время, ни удобство, ни чувства человека не заслуживают внимания. Это одинаково недальновидно и несправедливо: пожалуй, нет другой страны, где люди более тщательно соблюдают законы, чем в Англии; но когда они находятся в рамках закона и обладают властью, никто не использует ее с большей оскорбительной жестокостью, и для этого нет никакой компенсации.

Во многих случаях этого можно было бы полностью избежать, если бы при введении налога уделялось должное внимание. Должна быть создана налоговая комиссия, которая бы принимала, анализировала и рассматривала предложения других. Одним словом, следует приложить все усилия, чтобы довести систему до совершенства. В настоящее время все остается на волю случая, то есть этим занимаются те, у кого нет на это времени, и, как следствие, всеми видны совершаемые ошибки.

Закон парламента о введении нового налога редко бывает правильным, пока он не будет несколько раз обойден, и даже тогда, при его совершенствовании, единственной целью является увеличение доходов; о удобстве для подданных почти никогда не думают. Налоги вводятся, но опыт показывает, что они непродуктивны и угнетают, и иногда их отменяют, а чаще следовало бы отменять; тысячи людей иногда разоряются из-за простого эксперимента. Поскольку общественность за это платит, ей, по крайней мере, можно было бы уделить немного внимания; ничто не стоит меньше, чем вежливость. Если бы половина внимания, уделяемого сохранению куропаток, уделялась предотвращению ненужных проблем для граждан в случаях налогообложения, то все было бы совсем по-другому. Также должно быть государственное учреждение, которое бы рассматривало справедливые жалобы на тех, кто создает ненужные проблемы, как это есть для извозчиков. Люди во всех ситуациях должны находиться под каким-то контролем, когда они обладают властью. Большинство тех, кто *управляет* другими, иногда поступают неправильно, если их не сдерживает какая-то власть.

--

Государство вполне в силах предотвратить посягательства отдельных органов на общественность. Правительства допускают такие посягательства из-за слабости, небрежности или невежества, и их легко предотвратить, отчасти, как было показано, с помощью позитивного регулирования, а отчасти — путем противодействия им, когда они, по-видимому, движутся в каком-либо сомнительном направлении. Когда они так поступают, можно сделать вывод, что они работают в своих интересах, и в этом случае их следует очень тщательно проверить; и, поскольку все государственные органы и люди, принадлежащие к классу, имеющему особые интересы, обычно получают средства для посягательства на общественные интересы от правительства, оно может очень легко контролировать их действия или противодействовать их последствиям.

Поскольку юристы сами осуществляют правосудие, поскольку исполнительная власть находится в их руках, законодатели должны быть особенно осторожны, чтобы сделать их ответственными по закону за неправомерное поведение; не следует оставлять на усмотрение суда решение о том, уволить или оставить на должности ненадлежащего человека. С одной стороны, неправомерно, чтобы адвокаты или любая группа людей подвергались произвольному использованию власти; с другой стороны, не менее несправедливо, чтобы они были защищены тем, что те, кто должны судить между ними и общественностью, всегда принадлежат к их собственному сообществу. В защиту этого утверждается, что адвокаты являются слугами суда, а поскольку задача суда состоит в отправлении правосудия, их исправление не может быть в лучших руках. Это довольно остроумное утверждение, если бы оно было строго верным; но суд состоит как из судьи, так и из присяжных, тогда как в данном случае судья берет на себя всю власть; то есть, когда дело касается поведения адвоката, единственным судьей является адвокат, а присяжные, представляющие общественность, лишаются своей власти; таким образом, когда их мнение наиболее необходимо, им не позволяют его высказать. Какую реальную компенсацию можно ожидать при таком порядке? Что касается определения судебных издержек магистром, то редко когда клиент, руководствуясь соображениями благоразумия, осмеливается подать апелляцию; а когда он это делает, средство часто оказывается хуже болезни; и даже в этом случае адвокат судит адвоката. Не высказывая никаких возражений против судебных решений, следует признать, что ни в одном из этих случаев не соблюдается принцип Великой хартии вольностей, согласно которому человек должен судиться своими сверстниками; кроме того, в случае любого

другого мошенничества наказание соразмерно преступлению. В данном случае наказания нет, если только вымогательство не является чрезмерным, а тогда наказание слишком велико. Оно должно быть соразмерно преступлению, как в случаях ростовщичества, и тогда оно будет эффективным; но прощать мелкие проступки и наказывать крупные сверх меры — это способ уклониться от наказания во всех случаях. Человек должен оплачивать свои счета; пусть адвокат берет деньги на свой страх и риск, и пусть будет суд, который будет судить справедливо, с небольшими затратами и быстро, и наказывать вымогательство тройным штрафом. Это было бы решением; но все правила, касающиеся закона, оставлены на усмотрение самих юристов; и басня о человеке, льве и картине никогда не была так хорошо иллюстрирована. Никогда, ни в одном случае, не было более необходимой справедливости; возможно, никогда она не была менее вероятной.

Неравное распределение собственности, как было показано, возникает отчасти из-за плохих законов, а отчасти из-за пренебрежения регулированием; и это действительно один из самых деликатных моментов, в который можно вмешиваться; тем не менее, поскольку было доказано, что законы уже вмешиваются в отношения между человеком и использованием его собственности (и что в некоторых случаях это необходимо), вопрос сводится к обстоятельствам и целесообразности, а не к абстрактному решению на основе принципов. Кроме того, этот вопрос слишком деликатен, чтобы к нему можно было применять общие правила; однако если бы крупные земельные владения и крупные фермы облагались более высоким налогом, чем мелкие, это в определенной степени противодействовало бы тенденции к накоплению земельной собственности в руках одного человека; и, за исключением земли, собственность редко остается в одной семье достаточно долго, чтобы накопиться до опасной степени.

Помимо вышеуказанной истины о том, что другая собственность по своей природе подвержена расходованию, закон о первородстве к ней не применим, и даже если бы он применялся, это зло не было бы значительным.

--

Увеличение потребления в стране, которое, как мы обнаружили, является одной из причин упадка, усиливающегося с ростом ее богатства, можно предотвратить более эффективно, чем любое другое; не путем вмешательства в то, как отдельные лица тратят свое богатство, а путем управления им таким образом, чтобы растительная пища всегда была в изобилии; и в этом случае высокие цены на продукты животного происхождения и низкие цены на овощи будут противодействовать предпочтению первых, которое является причиной нехватки продовольствия и приводит к сокращению населения; таким образом, его пагубное воздействие будет предотвращено.

Господа землевладельцы могут возразить против этого, и, без сомнения, будут возражать, но пусть они подумают о том, как быстро наступает гибель. При нынешнем темпе развития событий не было бы удивительным, а вполне естественным, если бы большая часть полей в Британии была превращена в пастбища, а основной запас зерна поставлялся из-за границы. Арендная плата за землю действительно удвоилась бы, заработная плата выросла бы более чем в равной пропорции, и за несколько лет развал этой страны был бы завершен. Землевладельцы, конечно, не будут ради сиюминутной выгоды рисковать разорением себя и своей страны, поскольку и то, и другое может стать следствием настойчивого следования этой системе. Или, если они будут настаивать на ней, позволит ли правительство, которое должно учитывать и защищать другие интересы, чтобы этот единственный интерес поглотил все остальные?

Правда, будет приведена в действие свобода торговли, но свобода торговли — это принцип, который нельзя принимать без ограничений, а с должным учетом времени и обстоятельств; пусть же он никогда не приводится в действие по общему вопросу без предварительного рассмотрения. Хотя это и является правильным способом рассуждать по данному вопросу, пусть свобода торговли рассматривается по-другому; пусть она рассматривается как общий принцип, тогда она будет неизменной и не сможет быть изменена. На основании этого принципа нынешние законы о зерне должны быть отменены, и не должно быть никаких субсидий на экспорт или импорт, что, по сути, было бы лучшим способом; но в любом случае давайте будем иметь один вес и одну меру для обеих сторон и не будем ссылаться на свободу торговли, чтобы защитить торговцев зерном, когда цены высоки, и принимать законы, чтобы противодействовать последствиям изобилия, которое приводит к низким ценам.

Предположим, что из пустошей было возделывано одиннадцать миллионов акров, и что как можно больше (предположим, пять миллионов) всегда было засеяно зерновыми, эти пять миллионов могли бы обеспечить нацию почти в обычный год. Можно было бы также принять закон, обязывающий всех землевладельцев и фермеров иметь только три четверти под травой; это не было бы тяжелым бременем. Тогда всегда было бы достаточно зерна; монополия была бы предотвращена, потому что не было бы беспокойства; ведь реальный дефицит небольшого количества вызывает большое беспокойство и приводит к тяжелой монополии. При распоряжении пустошами к ним могли бы быть применены любые условия, которые были бы сочтены целесообразными.

Мы говорим «настаивая на этой системе», потому что, когда летом прошлого года (1804 г.) цена на хлеб упала до умеренного уровня, среди фермеров поднялся громкий и яростный протест, и законодательный орган изменил закон об экспорте; в результате цена на пшеницу регулярно росла каждую неделю, пока не удвоилась. Все это было результатом мнения, поскольку цена на зерно росла слишком быстро, чтобы кто-либо мог вывозить его из королевства в соответствии с новым законом.

--

В этом вопросе правительство должно ставить выше всего благосостояние страны: это слишком важно, чтобы с этим шутить или обменивать на какие-либо менее значимые соображения.

Цены на нашу продукцию скоро станут слишком высокими для других стран. Наши изобретения, позволяющие сократить трудозатраты, не могут быть вечными, и в некоторых случаях они не могут продвинуться дальше, чем уже продвинулись; кроме того, те же изобретения, скопированные странами, где рабочая сила дешевле, дают им преимущество над нами.

Если увеличение потребления было главной причиной гибели Рима, которому деньги посылались из подданных стран и использовались для покупки зерна (так что его снабжение не зависело от его промышленности), то насколько более сильным и быстрым должно быть его воздействие на эту страну, живущую за счет производства и не имеющую других средств для получения поставок от иностранцев, когда это необходимо?

При неизменном бремени наших национальных налогов, увеличении расходов на бедных и сокращении наших средств, что еще может вызвать более быстрый упадок?

Когда кукуруза была дорогой, и общественность требовала регулирования, в высших кругах было объявлено, что торговля является свободной. Министры действовали так, как будто они были коллегами экономиста Тюрго; но когда цены упали, риторика изменилась, и были приняты новые правила. Сравните письмо герцога Портлендского от 1799 года с законом об экспорте зерна от 1804 года.

Деньги, отправляемые за границу за кукурузу, являются прямым уменьшением баланса, причитающегося нам от других стран, и в настоящее время составляют в среднем около трех миллионов в год. Баланс в нашу пользу не намного превышает эту сумму, в лучшем случае в два раза, и до недавнего времени не был равен ей: импорт зерна может вскоре изменить баланс в нашу пользу.

--

Опасность слишком велика и очевидна, чтобы требовать дополнительных комментариев, особенно с учетом того, что последние десять лет научили нас так многому на собственном опыте.

Нет необходимости повторять то, что было сказано о способах снижения процентов по государственному долгу без излишнего увеличения количества капитала в обращении, без нарушения доверия кредиторов государства и без обременения промышленности страны.

О росте числа бедных и средствах уменьшения их численности было сказано достаточно. Это должно исходить от правительства в каждом случае и в некоторых случаях принадлежит исключительно ему. Они должны действовать полностью самостоятельно в отношении очень бедных и их детей. Тем, кто не совсем доведен до нищеты, они должны оказывать помощь, чтобы дать им возможность бороться с бедствиями и не допустить, чтобы их потомство стало бременем для общества.

Если другие вопросы будут решены должным образом, капитал и промышленность утратят свою склонность покидать страну; а если они продолжают уходить, то ситуация станет безнадежной, поскольку после того, как земли будут улучшены и будут созданы наилучшие условия для использования капитала, больше ничего сделать нельзя. Капитал найдет применение в других местах.

Эффективность любого средства, как и всего остального в этом мире, имеет свои пределы, но их масштаб и объем в значительной степени зависят от усилий и умения, особенно в данном случае. Правительство должно приложить эти усилия либо напрямую, либо путем предоставления возможности для этого отдельным лицам.

Правительство страны должно активно вмешиваться в предотвращение внутренних причин упадка. Что касается внешних причин, то они не зависят от самой страны, но, насколько это возможно, они зависят исключительно от правительства и ни в коей мере не от отдельных жителей.

Зависть и вражда, которые вызывает превосходство в богатстве, могут быть уменьшены только умеренностью и справедливостью, с которыми нация ведет себя по отношению к другим; и если они достаточно завистливы и несправедливы, чтобы сохраняться, то такая нация, как Великобритания, не имеет ничего, чего можно было бы бояться. Но мы должны отделять зависть и вражду, вызванные обладанием богатством, от той зависти и вражды, которые вызываются несправедливым способом приобретения богатства.

Что касается Великобритании, то было показано, что возбуждаемая зависть и вражда вызваны главным образом ее владениями в Ост-Индии; мы также видели, что богатство, полученное благодаря этим владениям, весьма незначительно и что они, по крайней мере,

привели к возникновению одной трети нашего государственного долга; поэтому было бы хорошо великодушно поставить этот вопрос и рассмотреть, не следует ли нам отказаться от владения такими невыгодными, такими дорогостоящими и такими опасными приобретениями; пока мы этого не сделаем, следует опасаться, что у нас никогда не будет настоящих друзей и всегда будут злейшие враги.

Мы получили опыт от Америки, который стал для нас ценным теперь, когда мы ее потеряли, и который был для нас камнем на шее, пока мы ее владели. Давайте извлечем урок из опыта и применим его результаты к тому, что происходит в данный момент, и мы не сможем ошибиться в выводе, который следует сделать. Пусть нация поднимется над мелкой тщеславностью, заключающейся в желании удержать что-то только потому, что она это имела. Пусть будут приняты во внимание общие черты счастья и постоянного счастья, а не эфемерное великолепие и богатство, эта позолоченная роскошь, которая длится всего один день и оставляет нацию в вечной нищете и нужде. Великобритания может быть твердой и справедливой в своем поведении по отношению к другим нациям, отказаться от бесполезных владений, защищать свои истинные права до последнего, поощрять промышленность внутри страны и принимать все меры для предотвращения тех причин упадка, которые мы рассматривали; пусть поощряются заслуги, и пусть никогда не забывается и не упускается из виду, что богатство и величие могут поддерживаться в течение длительного времени только благодаря промышленности и способностям, правильно направленным, руководствуясь справедливостью и честными намерениями. Это истина, которую мы никогда не должны упускать из виду. Мы можем продолжать зондировать дно и разведывать берег, чтобы лучше направлять свои шаги, но мы никогда не должны терять из виду маяк, с помощью которого мы можем безопасно войти в желанную гавань.

В этой стране общественное мнение было бы против министра, который предложил бы отказаться от любых владений за рубежом, какими бы бесполезными они ни были. Это связано с гордостью, вызванной богатством. Люди не жаждут завоеваний, но, однажды завладев чем-либо, они очень неохотно отказываются от этого.

Необязательно прекращать торговлю с Индией или отказываться от всех наших владений, но нужно сократить наши поселения, ограничить наши завоевания и не стремиться к тому, чтобы иметь больше, чем мы имели тридцать лет назад. Такая умеренность примирила бы все нации, и зависть лишилась бы своего объекта.

--

В человеческом уме есть сильное стремление устанавливать законы, когда есть возможность это делать. Злоупотребление властью кажется естественным и опасным; однако мы видели, что большинство народов, как древних, так и современных, впадали в эту ошибку. Был

также упомянут час британской надменности, и, безусловно, в отношении Америки мы не ошиблись в оценке нашей власти больше, чем в оценке прав тех, с кем нам приходилось иметь дело.

Следует задаться вопросом, не приводит ли в некоторых случаях неустрашимый и смелый дух наших военно-морских командиров к тому, что они заходят слишком далеко в своих столкновениях с судами других стран в открытом море, и мы не должны забывать, что в данном случае Англия противостоит всему миру. Поскольку ни одна другая страна не находится в таких же условиях, никто не будет склонен принимать нашу сторону, закрывать глаза на наши ошибки или прощать их.

Ганские города в свое время были всемогущими на море; они могли бросить вызов всему миру; и поначалу они совершали великие дела и использовали свою власть в благих целях. Они уничтожили пиратов и смирили датчан, после того как те ограбили англичан и французов и сожгли Лондон и Париж; но у них тоже был период высокомерия. Они начали быть несправедливыми и надменными, и города, которые просили о присоединении к ним в те времена, когда их поведение было честным и мудрым, отказались участвовать в их несправедливости, гордости и высокомерии. Пока они занимались своей защитой и своими делами, они оказали бесчисленные услуги кораблям иностранных государств; они пользовались всеобщей доброжелательностью и вызывали восхищение. Но когда они стали высокомерными и стали ужасом для других, их гордость вскоре была укрощена и больше никогда не поднималась.

Рассматривая все в целом, британские подданные испытывают значительное утешение, видя, как ошибочны были, во-первых, сравнения между Римом и Карфагеном и, во-вторых, еще более несправедливые сравнения между этими двумя соперничающими державами и Францией и Англией.

Поскольку мнения и убеждения имеют большую власть над умами людей, независимо от того, действуют ли они в соответствии со своими взглядами и желаниями или вопреки им, очень важно устранить ошибку, которая существовала очень долго, была очень распространенной и имела прямую тенденцию заставлять людей обеих стран думать, что параллель проведена верно, и поэтому делать вывод, что эта торговая страна рано или поздно должна пойти ко дну под властью Франции. Но когда становится очевидным, что большинство авторов были невольно введены в заблуждение в отношении этих двух древних республик и что даже если бы этого заблуждения не было, проведенная параллель все равно не была бы верной, то Франция, вероятно, перестанет основывать свои надежды на этом сравнении, а мы, по крайней мере, перестанем испытывать опасения по столь необоснованному поводу.

То, что нация, однажды вступившая на путь богатства, никогда не сможет вернуться назад безнаказанно, так же верно, как и ее склонность к возвращению назад. Обладание богатством имеет временный характер, а его потеря сопровождается бесчисленными бедами. Хотя богатые нации, как и здоровые люди, отказываются следовать какому-либо режиму и пользуются большой свободой, им следует учитывать, что между ними есть огромная разница.

Человек, здоровый и в хорошей физической форме, находится в своем естественном состоянии; однако даже он не сможет противостоять чрезмерной свободе, которую он позволяет себе в отношении своего организма; но нация, которая достигла большего богатства, чем другие, всегда находится в искусственном состоянии, поскольку она обязана своим превосходством не природе, а либо особым обстоятельствам, либо =sic - sc.: либо = превосходным усилиям и заботе; поэтому нельзя предполагать, что оно способно сохраниться без той внимательности и заботы, которые необходимы всем нациям в подобных обстоятельствах и которым, как показывает история мира, еще ни одна нация не смогла противостоять.

Существует достаточно новых и благоприятных обстоятельств в случае с Великобританией, чтобы вдохновить нас на мужество, необходимое для предпринятия таких усилий.

Одна часть применения этого исследования к британским владениям была намеренно оставлена незавершенной. Это было сделано с целью избежать дискуссий, которые пробуждают дух партийности, мешающий объективному вниманию. Исследование бесполезно, если читатели не могут проводить его без предубеждений и предвзятости. Поэтому очень важно не пробуждать эти чувства, добавляя что-либо, что может разжечь дух партийности; и трудно затрагивать вопросы, которые касаются людей, глубоко заинтересованных в каком-либо предмете, без этой опасности. То, что кажется беспристрастным для постороннего человека, кажется пристрастным для тех, кого это касается; и иногда наблюдатель подвергается критике обеими сторонами, между которыми он, по его мнению, занимает нейтральную позицию.

Преимущества формы правления, принятой в Великобритании, были справедливо оценены, но конституции и формы правления, какими бы хорошими они ни были, таковыми являются лишь в определенной степени; они никогда не бывают совершенными и все имеют тенденцию изнашиваться, ухудшаться и обременяться. Французы, пожалуй, были первыми, кто попытался исправить это безумным планом создания конституции, которую можно было бы обновлять по желанию. Но это было слишком радикальное средство — заложить в саму конституцию силу ее собственного разрушения под предлогом обновления. Английская конституция, возможно, выбрала лучший из возможных путей для достижения этой цели: она дала королю, лордам и общинам право противодействовать друг другу, тем самым сохраняя свои первоначальные принципы. Не вдаваясь в это исследование, достаточно сказать, что преимущества, которые могут быть извлечены из британской конституции, могут быть получены только тремя различными властями, имеющими эту волю и осуществляющими ее; ибо, если они будут действовать вместе на основе системы доверия, не обращая внимания на сохранение баланса, они должны будут опрокинуть судно, а не управлять им.

Как мы видели, отдельные лица, составляющие нацию, никогда не могут своими усилиями предотвратить ее упадок, поскольку их естественные склонности ведут к нему. Мы должны обращаться к правителям наций за продлением процветания, чего они не могут достичь, если не будут смотреть вперед и вместо поиска средств лечения искать средства профилактики.

Для тех, кто обладает властью в великой нации, вполне естественно и обычно полагаться на применение этой власти, когда наступает момент необходимости, но это редко, если вообще когда-либо, приносит результат. Время для эффективности лекарства пройдет, прежде чем зло проявится в форме неотложной необходимости; и та самая сила, которая может быть так эффективно применена в других случаях, в этом случае будет ослаблена и окажется несоразмерной тому, что она должна выполнить.

Применение настоящего исследования к странам в целом.

Если есть урок, который преподает политическая экономия и который имеет большее значение, чем любой другой, то это то, что правильно направленная промышленность — это путь к обретению богатства, а способы, которыми нации стремились к нему в раннем и среднем веках, посредством войн и завоеваний, по сравнению с этим являются весьма неэффективными.

Несмотря на то, что сами правители теперь убеждены в истинности этого, по странной иронии судьбы, обладание коммерческим богатством само по себе стало причиной войн, не менее разрушительных, чем те, которые раньше были главным занятием человечества.

Несколько веков назад было обнаружено, что небольшие княжества и даже отдельные города приобретали больше богатства благодаря промышленности, чем все могущественные монархии средневековья благодаря войнам; но мы еще не достигли конечной цели уроков, которые дают нам опыт и разум в отношении интересов наций, касающихся богатства и власти.

Предполагать, что человечество когда-нибудь будет жить в полном мире, абсурдно, это все равно что предполагать, что оно изменит свою природу. Такие мечтания подходят только для революционеров Франции, но давайте надеяться, что все еще есть возможность уменьшить причины конфликтов между нациями. Истинные принципы политической экономии ведут к этому, и цель достаточно важна.

Только *сельское хозяйство и производство*, то есть производство вещей, способствующих счастью человека, могут увеличить *совокупное богатство человечества*.

Торговля, которая заключается в транспортировке или продаже продуктов промышленности, не увеличивает совокупное богатство человечества, а лишь *изменяет его распределение*.

Хотя продукты земли не получают без промышленности, тем не менее, чтобы сделать различие простым, легко понятным и запоминающимся, мы предполагаем, что промышленные продукты называются продуктами промышленности.

--

Поскольку отдельные лица, а иногда и целые нации, приобрели огромное богатство не за счет производства, а за счет изменения распределения произведенного богатства, то есть за счет торговли, для тех, кто стремится к богатству, это кажется величайшей целью.

Если бы все нации мира были трудолюбивыми и довольствовались потреблением произведенных ими товаров, они все были бы богатыми и счастливыми без торговли; или, если бы каждая нация пользовалась долей торговли, пропорциональной тому, что она производит, не было бы превосходства, вызывающего зависть.

Разнообразие почв и климата, различия во вкусах, нравах и бесконечное множество других причин сделали торговлю необходимой, хотя она и не увеличивает совокупного богатства человечества: но народы заблуждаются, когда придают торговле большее значение, чем производственной промышленности.

Некоторые нации по своей природе приспособлены к торговле, так же как другие — к выращиванию винограда и ценных фруктов; поэтому, даже если одна нация имеет больше, чем кажущаяся равная доля в торговле, это не должно быть поводом для зависти, а тем более для вражды.

Некоторые нации также считают в своих интересах заниматься в основном сельским хозяйством, другие могут считать необходимым уделять больше внимания производству, но это не должно быть причиной вражды или соперничества.

С целью, по возможности, немного уменьшить зависть и соперничество, которые все еще существуют, давайте посмотрим на это дело в его нынешнем состоянии.

Великобритания, самая богатая из стран, в настоящее время продает мало продуктов своего земледелия и много продуктов своего промышленного производства; но она покупает много продуктов земледелия других стран, хотя и не много продуктов их промышленности: в этом заключается большая взаимная выгода и отсутствие соперничества. Фактически, ее богатство

почти полностью происходит от внутренней промышленности, а отнюдь не от той торговли, которой завидуют другие страны; ведь очевидно, что тот, кто производит много, может потреблять много, без какого-либо обмена товарами и без торговли.

Англичане, в пересчете на душу населения, производят на половину больше, чем любой другой народ; поэтому они могут потреблять больше и, следовательно, являются более богатыми.

Если бы Франция возделывала свою землю с той же тщательностью, с которой мы занимаемся производством (и при этом производила для себя столько же, сколько до революции), она была бы гораздо более богатой страной, чем Англия, не имея ни одного производства для экспорта. Ее вина, бренди, фрукты и т. д. и т. п. вполне обеспечили бы ее всем, что ей может понадобиться от других народов. Пусть Франция примет хорошие законы в пользу промышленности и, прежде всего, обеспечит безопасность собственности, и ей не будет повода завидовать Англии.

Россия, часть Германии, Испания, Италия и Португалия находятся в этом отношении в похожей ситуации с Францией; каждая из них станет такой же богатой, как Англия, в тот момент, когда станет такой же трудолюбивой и будет иметь столько же изобретений для сокращения труда.

Голландия, Швеция, Дания, Пруссия и некоторые части Германии находятся в той же ситуации, что и Англия; им необходимо уделять внимание производству, поскольку у них нет средств для производства достаточного количества товаров, чтобы обменять их на все, что им нужно.

Если и есть повод для соперничества или причина для зависти, то он очень незначительный, и бывает, что соперничество существует между теми нациями, которые в действительности должны меньше всего завидовать друг другу, а нации, у которых меньше всего споров, — это те, которые действительно могут быть соперниками.

Соперничество естественно между теми, кто находится в похожей ситуации. Франция, Испания и Португалия могут быть соперниками. Англия, Голландия, Пруссия и Дания также могут быть соперниками; но у Франции нет причин завидовать Англии ее производству и торговле, так же как у Англии нет причин завидовать Франции ее климату, почве, размеру территории и численности населения.

Способ произвести больше всего — это дать промышленности лучшее направление. Страны, находящиеся в разных условиях, никогда не должны быть соперниками или врагами из-за торговли.

Если бы те, кто регулирует дела наций, рассматривали это в его истинном свете, было бы меньше зависти и больше промышленности.

Похоже, что есть только одна реальная причина для войны, если она вызвана желанием обрести богатство, и она связана с владениями в Восточной и Западной Индии, а также в Америке.

Если бы таких владений не было или если бы они были распределены более равномерно, то причин для войн между народами было бы очень мало.

Вполне возможно, что в отдаленном будущем этот вопрос станет предметом обсуждения на общем конгрессе наций, чтобы он больше не был предметом ревности. Это можно сделать только путем полного отказа от владений или их более равномерного распределения, но в настоящее время вызванная этим вражда и неприязнь являются значительными, хотя и не имеют под собой оснований.

Испанцы не вызывают зависти за владение Перу, а португальцы — за владение Бразилией, хотя они извлекают из них больше богатств, чем когда-либо Англия или Голландия из своих зарубежных владений; тем не менее, Англия является, а Голландия была объектом зависти из-за своих владений за рубежом. Это тем более неразумно, что испанцы и португальцы строго ограничивают торговлю только собой, в то время как Англия предоставляет странам, находящимся с ней в мирных отношениях, самые либеральные условия для торговли с ее индийскими владениями: условия, которые, по сути, дают им превосходство над нами. Такое поведение не должно вызывать зависти или вражды по отношению к Англии (хотя это и происходит), потому что на самом деле, если бы все страны были в мире с Англией, они могли бы, имея капитал и навыки (а то, что у них их нет, не является виной Англии), торговать с Индией с большой выгодой, в то время как мы должны были бы защищать наши владения и удерживать эту страну.

До революции Франция получала за один год больше продукции только от Сан-Доминго, чем Великобритания за три года от всех своих островов в Вест-Индии, и гораздо больше, чем Англия от всех своих зарубежных владений вместе взятых; тем не менее, Франция никогда не вызывала неприязни у других наций по этой причине.

Это может показаться странным, но это буквально правда; споры между Ост-Индской компанией и так называемой свободной торговлей являются достаточным доказательством этого. Торговцы, занимающиеся свободной торговлей, в основном действуют под видом агентов шведских и датских домов, настолько либерально Англия действовала в отношении нейтральных стран.

Таким образом, становится очевидным, что зависть и ревность возникают не из-за *величины или ценности иностранных владений*, а из-за какой-то другой причины, хотя и приписываются именно этому. Эту причину стоит изучить.

Похоже, что только Голландия и Англия вызывали зависть у других народов из-за своих иностранных владений, а Испания, Португалия и Франция — никогда, хотя у них было больше реальных причин для зависти и ревности.

Причина этого, по-видимому, заключается в том, что те страны, которые не вызывали зависти, избежали ее, потому что их леность или внутренняя экономика не позволяли им разбогатеть; но Голландия и Англия, которые на самом деле обязаны своим богатством главным образом внутренней промышленности и в очень небольшой степени иностранным владениям, вызывали большую зависть, и Англия делает это до сих пор.

Таким образом, целью, к которой следует стремиться, является богатство, полученное благодаря трудолюбию, а его нельзя получить с помощью войны или завоеваний. Такие конфликты не способствуют достижению цели, а, наоборот, задерживают ее достижение; и если бы те, кто правит нациями, снизошли до того, чтобы вникнуть в суть дела, они обнаружили бы, что не только счастье народа и все цели, к которым он стремится, были бы лучше достигнуты, чем путем борьбы за средства к богатству, которые, состоящие во внутреннем труде, не допускают перехода. Одна нация может быть разрушена, а другая может подняться (как, в действительности, они постоянно делают), но одна нация не поднимается просто за счет разрушения другой; богатство нации, как и счастье индивидуума, черпает источник из своего собственного лона. Владение всеми Индиями никогда не сделает ленивый народ богатым; и пока народ трудолюбив, а его труд хорошо направлен, он никогда не может быть бедным.

Как из Восточной, так и из Западной Индии Англия до последних десяти лет никогда не получала три миллиона в год, которые можно было бы назвать прибылью или доходом, и даже в последние, наиболее процветающие времена, не получала восемь миллионов, что составляет не более одной двадцатой части продукции национальной промышленности внутри страны. Даже внешняя торговля Англии, за исключением тех случаев, когда она обеспечивает нас необходимыми вещами в обмен на то, чем мы можем поделиться, не приносит большого богатства. Предположим, что баланс в нашу пользу составляет шесть миллионов в год, что никогда не было постоянным, это составило бы лишь одну двадцать четвертую часть нашего внутреннего производственного промысла. Короче говоря, мы получаем в пять раз больше

благодаря разумному разделению труда, использованию машин, готовым и быстрым методам работы, чем от владения обеими Индиями!!!

--

Хотелось бы надеяться, что скоро наступит время, когда страны перестанут сражаться за то, чего нельзя добиться сражениями, и будут искать то, что им нужно, безопасными и практически осуществимыми способами.

УКАЗАТЕЛЬ.

=====

[Обратите внимание, что в оригинальном произведении отсутствуют ссылки на страницы во многих случаях, где есть конечная запятая.]

[=sic= - в оригинале нет заголовка раздела]

АБСОЛЮТНАЯ монархия в некоторых конкретных случаях имеет преимущество перед ограниченной монархией, особенно в предотвращении посягательств со стороны корпоративных структур или профессиональных групп на общественные интересы, 117, 118, 119.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, в течение которого торговля развивалась медленно, 3.-- Какие места процветали в это время, 44–50.

ЗОЛОТОЙ ВЕК, традиция, если она и основана на чем-либо, то, должно быть, на очень невежественном, хотя и очень счастливом, 214.

АЛЕКСАНДР Великий, история до его времени была запутанной, 20. -- Его завоевания не имели постоянных последствий, 24. -- Единственным постоянным последствием было то, что Александрия вытеснила Тир, 52. -- Его экспедиция в Индию была направлена на то, чтобы завладеть прекрасными странами, которые производили ароматические вещества и драгоценные камни, 53.

АЛЕКСАНДРИЯ, сделавшая Египет сначала торговой страной и приведшая к упадку Карфагена, 24. — Теряет свою торговлю в VII веке в результате завоеваний магометан, 54, 55.

АЛЬФРЕД Великий приложил много усилий, чтобы сделать народ счастливым, 118.

ПОСОЛ. См. *«Дипломатия»*.

АМБИЦИИ иногда делают труд удовольствием, 82.

АМЕРИКА, ее открытие знаменует новую эпоху в истории торговли, 3.-- Малое сходство между ней и другими странами, 103.-- Соединенные Штаты, их доходы, там же.-- Могут принимать все товары, которые может производить Великобритания, 195.-- Британский экспорт в эту страну состоит почти исключительно из промышленных товаров, 204.-- Вероятность его значительного роста и потребления английских промышленных товаров, 268, 269.-- Поощряет искусство и изобретения, но сельское хозяйство является для нее более выгодным объектом, 273.

ДРЕВНИЕ народы. См. *Народы*.

ЖИВОТНОЕ питание, широко используемое в северных странах и людьми, занятыми в производстве, 138. -- Его влияние на население, 139-146. -- Цена по сравнению с хлебом, 147. -- В случае слишком большого спроса предлагается средство защиты, 155.

АНТВЕРПЕН, в свое время действовал как суверен, 47. -- Стал на севере тем, чем была Венеция на юге Европы, 57.

УЧЕНИКИ. См. *«Образование»*.

АРАБСКИЙ залив. См. *Красное море*.

АРКРАЙТ, сэр Ричард, как изобретатель столкнулся с большими трудностями, 203.

ИСКУССТВА. См. *Производство*.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. См. *Изобразительное искусство*.

ХУДОЖНИКИ, пригодные для службы в армии, 32. — Изгнанные из страны роскошью, 113.

АЗИЯ, проход к ней через мыс Доброй Надежды — новая эра в торговле, 3. — Ее способ ведения войны с помощью слонов только однажды сбил с толку римлян, 31.

АССИГНАТЫ. См. *Франция*.

АТЕНЫ. См. *Греция*.

АВГУСТ, его решение покончить с собой, когда запасы зерна могли иссякнуть, 35.

[=sic= — в оригинале нет заголовка раздела]

БАВИЛОН. См. *Сирия*.

Торговый баланс Англии никогда не превышал пяти миллионов. -- См. график 3, стр. 213, за 105 лет. -- Не превышает одной двадцать четвертой части промышленного производства, 293.

БАЛАНС сил не смог уберечь нацию от внутренних причин, приведших к упадку, 185.

БАЛТИЙСКОЕ море, производители, рано обосновавшиеся на его южных берегах, 45–48.

БАРТЕР, а не врожденный принцип, как считает доктор Смит, 5, 6.

ЧЕРНОЕ море, новый рынок, открытый для торговли, 195.

БИРМИНГЕМ: разделение труда облегчает ведение бизнеса, 217. — Ученичество не является необходимым для освоения ремесла, но имеет другие причины. — Служба по набору персонала там успешна, там же.

ИНТЕРНАТЫ. См. *«Образование»*.

КОРПОРАТИВНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, их склонность посягать на общественные интересы, 117–124.

БОУЛТОН, М. Эсквайр, его энергичные действия по внедрению усовершенствований, изобретенных г-ном Уаттом, в паровой двигатель, 203.

ЗАИМСТВОВАНИЕ. См. *Деньги*.

БРАЗИЛИЯ. См. *Португалия*.

ХЛЕБ, соотношение между ценой на хлеб и мясо, 140. Цены в Париже и Лондоне, 164.

БРИТАНИЯ, в чем заключаются ее сила и богатство, 191. -- Ее внутреннее положение и внешняя политика, 192, 193, 194, 195. -- Ее завоевания и колонии, 196-200. -- Ее большой рост, 201. --

Наиболее развитая промышленность, следствие этого, 203, 204, 205. -- Сравнение общей торговли и торговли с Индией, 206-211. -- Начинает поощрять сельское хозяйство, 213. -- Ее экспорт и импорт, представленные на графике 3, 213, 214.

БРЮГГЕ однажды действовала как суверен, 47. Стала складом для индийских товаров на севере, как Венеция на юге, 157.

БЕРК, почтенный Эдмунд, его мнение относительно внешних причин упадка, 176.

МЯСО МЯСНИКОВ. См. *«Продукты животного происхождения»*.

С.

Мыс Доброй Надежды. Его открытие ознаменовало новую эпоху в истории торговли, 3.

КАПИТАЛ, результат прошлой промышленности, 161. Управляет торговлей, но снабжает бедные страны за счет более богатых, 181. Имеет тенденцию покидать страну, когда становится слишком обильным, 161, 162, 163. Покинул бы Англию, если бы амортизационный фонд долгое время функционировал в мирное время, 242.

КАРТАГО, из богатых мест только он избежал завоеваний Александра, 24. -- Ошибка относительно его состояния, 32, 33. -- Его падение разрушило римские нравы, там же. -- Сравнение между ним и Римом несправедливо, 36, 37, 38. -- Никогда не был так унижен, как Рим, там же.

КАСПИЙСКОЕ море, товары, привезенные по этому маршруту из Индии, 56.

ИЗМЕНЕНИЯ, внутренние, происходят постепенно, 89. -- Наиболее быстрые и заметные среди римлян, 91.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ, со времени падения Римской империи до его правления не было ничего похожего на богатство или власть, 44. — Подготовил почву для цивилизации и обогащения северной Европы, 45.

ДИАГРАММЫ, описание и объяснение, иллюстрирующие взлет и падение наций, 78, 79, 80. -- Статистическое объяснение, 190. -- О торговле, экспорте и импорте, 213. -- О доходах и долгах, 214.

ДЕТИ. См. *«Образование»*.

ХРИСТИАНСКОЕ вероисповедание наиболее благоприятно для промышленности, 263, 264, 265, 267.

КОММЕРЦИЯ, медленный прогресс в феодальные времена, 3.-- Изменила свое местоположение, когда магнит сделал возможным плавание по океану, 4.-- Коммерческое богатство меньше развращает нацию, чем богатство, полученное путем завоеваний, 33.-- Коммерческий дух, его влияние на национальный характер, 37.-- Торговля с Индией, единственная в древнем мире, 51.-- Как она велась, 52.-- Ее превратности, зависть, которую она вызывала, ссоры и революции, к которым она приводила, 53-59.-- Британии за последние пятнадцать лет; рост значительный, но не вызванный какими-либо постоянными причинами, 193.-- Ее зависимость от кредита, 201.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ участвует в торговле с Индией, 56. -- Революция, вызванная отчасти спорами об этой торговле, 57. -- Упадок до открытия Америки, в результате завоевания Восточной империи турками, 68.

ПОТРЕБЛЕНИЕ продовольствия регулирует численность населения страны, 140. -- Его характер и тенденции в северных странах, 141, 142, 143. -- Требуется внимания со стороны правительства, 146.

ЗАВОЕВАНИЕ впервые изменило естественное состояние мира, 2.-- Его первым следствием стало снижение налогов, 35.-- В конечном итоге приводит к деградации нации, там же.

ПОВЕДЕНИЕ в жизни. См. *«Образование»*.

ЗЕРНО, пожертвования в Риме, 35. -- Состояние урожая в Англии, 145. -- Невозможность, если урожай был значительно ниже нормы, найти корабли для доставки необходимого количества, там же. -- Расчеты, касающиеся этого, 146-154.

КРЕДИТ, необходимый для ведения торговли в широких масштабах, 202, 203.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ способствовали распространению цивилизации и торговли, 45.

ТАМОЖНЯ, первая крупная отрасль государственных доходов, 106.

ЗАБАЛЬЗАМИРОВАНИЕ сельди, усовершенствование способа, подняло Голландию выше Фландрии, 47.

D.

МЕРТВЫЕ языки. См. «Образование».

УПАДОК. См. «Спад».

УПАДОК наций. Хотя его невозможно окончательно предотвратить, в данном исследовании можно считать, что он никогда не наступит, 7. Есть двух видов, 10. Упадок карфагенян сопровождался меньшим унижением, чем упадок римлян, 36. Историки ошибались или искажали факты в случаях с Римом и Карфагеном, 37.- Причина его среди римлян, 39, 40, 41 и т. д.-- Причина во Фландрии, 47.-- Общий для всех наций, которые были богатыми во время открытия пути в Индию и Америку, 49.-- Турецкого правительства, 69.-- Вызванный налогообложением, 167.-- Как предотвратить или замедлить, 169. Внутренние причины могут быть нейтрализованы, там же. В целом ускоряется поведением правительств, 171. Могло бы быть иначе, там же. Некоторые причины, общие для всех народов, 173.- Внешние причины, воздействующие на нацию: зависть, вражда и т. д., 176, 177, 178. -- Причины, характерные для Великобритании, 257, 258, 259, 260.

ДАНИЯ. Пример сравнительной мощи. -- Вызывает Ганзейский союз своим пиратством, а затем подвергается грабежу и почти разрушается этим союзом, 48.

ОБЕЗЦЕНКА денег противодействует эффекту налогообложения, 114, 115. -- Происходит везде, где есть богатство, 164. -- Ее последствия в отношениях с бедными странами, 165.

ДИПЛОМАТИЯ. Окольные действия, приписываемые послам, частично необходимы и не подлежат осуждению, 186.

РАЗДЕЛ земли. См. «Собственность».

РАЗДЕЛ СОБСТВЕННОСТИ. См. «Собственность».

ГОЛЛАНДСКИЙ. См. *Голландия*.

Е.

ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ. См. *Индия*.

ВОСТОЧНАЯ ИМПЕРИЯ. См. *Константинополь*.

ОБРАЗОВАНИЕ детей во всех странах ухудшается по мере роста благосостояния нации, 90. -- Приводит к изменению нравов, 91. -- Было бы лучше, если бы родителям помогало правительство, =sic= 94. -- Невозможно должным образом позаботиться об этом без помощи правительства, 95.- В чем оно обычно заключается, 96, 97, 98.-- В целом неправильно понимается =sic= авторами, пишущими на эту тему, 98, 99.-- Женское образование, его важность, ib.-- Неправильно понимается и проводится, 100, 101.-- Ее важность, 216.-- В высших слоях общества достаточно хороша, 217.-- В низших слоях — нет, ib.-- Ученичество, его преимущества, 218.-- Стать хорошим членом общества, цель всего образования, независимо от ранга или положения, 219. -- Мнение доктора Смита о ученичестве, ib. и 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226. -- Женщины в Англии плохо ведут себя, 227, 228.

ЕГИПЕТ, одна из первых заселенных стран, 20. -- Его плодородие и т. д., 21. -- Его излишки производства, по-видимому, принадлежали правителю, 22. -- Участвовал в торговле с Индией в ранний период, 51, 52. -- Стал главным каналом торговли с Индией после основания Александрии, 54.

ЕЛИЗАВЕТА, королева, испанская армада во время ее правления не равнялась нынешним каперам наших купцов, 8. -- Стремилась обогатить страну, 118.

ЭМИГРАНТКИ, удивление, проявленное ими по поводу небольшого прогресса в области женского образования в государственных школах этой страны, 228.

ЭНЕРГИЯ тех, кто атакует, превосходит энергию тех, кто защищается, 17. Бедность и необходимость являются причиной перемен и революций, 19.

АНГЛИЯ очень поздно начала понимать преимущества производства и торговли, 48, 74. -- Ее форма правления является большим преимуществом, 191. -- Манеры, вероятно, изменятся, 193. -- Рост ее торговли с 1791 года, обусловленный временными причинами, 195.- Американский и российский рынки большие и растущие, 204.-- Зависть и вражда, вызванные ее завоеваниями в Индии, 206.-- Влияние налогообложения на нее, 229, 230, 231, 232, 233.-- Ее государственный долг, 234-246.-- Причины упадка, характерные для него, 257-260. Особенно благоприятные для него обстоятельства, 261-270. Не следует завидовать его

владениям в Индии, 291. Свое богатство он обязан главным образом внутренней промышленности, 293.

ЗАВИСТЬ ведет к соперничеству в мирное время и вызывает войны, 14. -- Одна из внешних причин падения наций, 175. -- Вызвала падение Иерусалима после смерти Соломона, 177. -- Возбуждается богатством Англии, и особенно ее владениями на Востоке, 206.

КОРПОРАТИВНЫЙ ДУХ. См. *«Общественные и корпоративные организации»*.

ЕВФРАТ. См. *Сирия*.

ЕВРОПА, неравномерное распределение богатства и власти в ней, 13. Разделение государств с указанием численности населения и доходов, иллюстрированное статистической диаграммой, 190.

АКЦИЗ, установленный намного позже таможенных пошлин, 107.

РАСХОДЫ Англии состоят главным образом из процентов по долгам, 233. — Не могут быть значительно сокращены в мирное время никакими экономическими мерами. *ib.*

ЭКСПОРТ, диаграмма, 213.

ВНЕШНИЕ причины упадка не могут быть полностью предотвращены внутренними мерами, но их влияние может быть значительно уменьшено, 173. -- Более простые, чем внутренние причины, 175.- Зависть и вражда, там же. -- Мнение г-на Берка, 176, 177, 178. -- Причины, возникающие из-за преимущества бедных стран перед богатыми во всех сделках, 179. -- Высокая стоимость денег в бедных странах, 182. -- Заключение о внешних причинах, 184-187.

Г.

ПАДЕНИЕ. См. *Упадок*.

ФИНАНСЫ. См. *«Доходы»*.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО не процветает в очень богатой стране, 113. — Оно сильно отличается от механических искусств в плане своего совершенствования.

ФЛАНДРИЯ, обогащенная производством, 3, 46. Открытие голландцами более эффективного метода вяления сельди наносит ей ущерб, 47.

ФЛОРЕНЦИЯ служила убежищем для римской знати, когда город был захвачен готами, 44.

ПИЩА. См. *«Животная пища»* и *«Зерно»*.

СИЛА, человеческая, превосходство, которое она давала, было почти полностью утрачено с изобретением пороха, 4.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОКУПКА. См. *МОНОПОЛИЯ*.

ФРАНЦИЯ после революции изобрела новые способы ведения войны, 31. — Не похожа на Рим, 38. — Ее ассигнаты — главная причина характера революции, 48. — Ее денежный капитал был вывезен из страны, когда началась революция, 163.- Ее бремя до революции, 169. -- Она потратила огромные суммы на последнюю войну, 189. -- До революции она зарабатывала на торговле с Вест-Индией больше, чем любая другая страна, 193. -- Сейчас она почти утратила это, там же. -- Ее капитал значительно уменьшился, там же. -- Вероятно, она никогда больше не будет владеть большой торговлей с Вест-Индией, 195.-- Никогда не перестанет быть врагом Англии, 196.

СВОБОДНЫЕ люди.

СВОБОДНЫЕ доходы. См. *«Доходы»*.

ФОНД, государственный. См. *Государственный долг*.

ФОНД, погашаемый. См. *«Государственный долг»*.

G.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ, хотя и сопровождаются болезненными ощущениями, чаще всего являются следствием склонности, способом занять ум и заинтересовать его, чем любовью к выигрышу, 83.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ во всех странах очень похожи друг на друга, 218.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ открытия, связанные с подъемом и падением народов, почти закончились, 12.

ГЕНУЯ, почему она упоминается вместе с Венецией в истории торговли, 56. -- Ее величие, там же. -- Теряет свое превосходство, 57. -- Ее власть в Черном море, там же.

ЗОЛОТО. См. *Деньги*.

ЗОЛОТОЙ век. См. *Век*.

ПРАВИТЕЛЬСТВА должны содействовать образованию низших и средних классов, 94, 95. Пренебрежение образованием в области полезных искусств, 98. Должны противодействовать внутренним причинам упадка, 172, 173, 187. Правительство Великобритании должно заботиться об образовании, 225.

ЗЕРНО. См. *Кукуруза*.

ГРЕКИ, их образование, своеобразное для них, 25. -- Изучали египетскую науку, 98, 99.

ПОРХОВИЦА изменила искусство войны, 4.

Н.

ГАНС Города сначала разбогатели на севере Европы, 3. -- Стали грозными к концу XII века, 45. -- Возникли в результате обстоятельств того времени и необходимости. -- Стали завоевателями, 48. -- Начали приходить в упадок из-за гордости и роскоши, 49.

СЛЕДИ, новый способ их вяления, открытый голландцами, поднял эту страну и начал угасание Фландрии, 47.

ИСТОРИЯ, призыв к лучшему способу исследования, 1. -- Жалоба доктора Робертсона на скудность материалов, там же. -- Является запутанной до завоеваний Александра Македонского, 20. -- Коммерческая карта за 3005 лет, 78.

ГОЛЛАНДИЯ по сравнению с финикийцами, 46. -- Новый способ засолки сельди поднял ее выше Фландрии. Великая промышленность и экономика, 48. -- Триумф над Испанией на родине и Португалией в Индии, 62, 63, 64, 65.- Рост богатства до конца XVII века, 66. -- Лучший пример преодоления трудностей, там же. -- Как начался упадок, 67. -- Как она в конце концов пала перед Францией, 68.

ЛОШАДИ, там =sic= большой расход корма, 147, 157.

АРЕНДА ЖИЛЬЯ. См. «Аренда».

ХЬЮМ, Дэвид, эсквайр. Его ошибки в отношении государственного долга, хотя он и был человеком больших способностей, 114.

I.

Джеймс I не понимал истинной причины, по которой шотландцы в его время были большими любителями свободы, чем англичане, 280.

ПРОСТОЙ, несовместимый с богатством нации в любом случае, но не с богатством отдельного человека, 82.

ИМПОРТ, Англия, диаграмма, 213.

ИНДИЯ. Ее продукция, по-видимому, была первым объектом торговли, 51. -- Отступление, касающееся этой торговли, 51-69. -- Ее торговля и владения вызывают зависть, 193, 194, 195.- Наши владения слишком велики, 197. -- Бюджет, его отчет и расчет сумм, перечисленных на родину, 198. -- Потеряла торговлю хлопком, несмотря на низкую

стоимость рабочей силы, 200.- Ее торговля по сравнению с торговлей страны в целом, 206, 207. -- Особая причина зависти других народов к Англии, 257. -- Не должно быть так, поскольку они производят очень мало богатства по сравнению с тем, что дает национальная промышленность, 291. -- Разделение труда, готовые методы работы и изобретения производят больше богатства, чем обе Индии, 293.

ИНДИЙС, Западный, торговля с ним, утраченная Францией, 193. Торговля Англии с ним, постоянного характера, 195. Причина зависти, 196, 197, 198, 199. Не должна быть причиной зависти.

ИНДИВИДЫ, некоторые могут жить без труда, но все жители страны никогда не смогут, 82. -- Могут оплачивать определенные вещи, которые не могут обеспечить, 95.

ТРУД, вызванный бедностью и необходимостью, 19. -- Более постоянный источник богатства, чем любой другой, 42. -- Труд в молодости, большое преимущество на всю жизнь, 84. -- Уменьшается с ростом богатства, 90. -- Имеет тенденцию покидать богатую нацию через определенное время, 161.- Трудолюбие Англии, великая опора ее богатства, и если бы другие страны были столь же трудолюбивы, каждая в наиболее выгодной для себя области, они были бы столь же богаты, как Англия, 292.

ВНУТРЕННИЕ причины упадка перечислены и рассмотрены как привычки жизни и манеры, 81-93. Возникающие из образования, 94-101. Влияние на народ и правительство, с 102 по 115. -- Возникающие из государственных органов, с 116 по 124. -- Возникающие из неравного распределения собственности и использования капитала, с 125 по 136. -- Возникающие из того, что продукция земли становится неравной потреблению, со страницы 137 по 160.-- Из-за тенденции промышленности и капитала покидать богатую страну, со страниц 161 по 166. -- Заключение о внутренних причинах, со страниц 166 по 174.

ПРОЦЕНТЫ, сложные, их рост, более надежный способ погашения долгов, чем накопление капитала, 241.

ИЗОБРЕТЕНИЯ, три великих изобретения почти полностью изменили состояние человечества, 4. -- Изобретения делают необходимым больше капитала для торговли, 126. -- Является одной из вещей, которые обеспечивают наше превосходство в производстве, 202. - Нация, которая остается в состоянии стагнации, скоро будет превзойдена, 203.

ДЖОНСОН, доктор, был бы более великим человеком, если бы жил в более бедной стране, 113.

ИТАЛИЯ не могла обеспечить своих жителей продовольствием в период расцвета Римской империи, 43.

Л.

ТРУД, некоторые люди могут, но нация никогда не может существовать без него, 82. --
Разделение труда приносит большое богатство.

ЗЕМЛЯ, цена на нее два века назад и сравнение прибыли от покупки или ссуды под проценты в стране, богатство которой растет, 130. -- Ее неравное распределение сдерживает развитие промышленности, 132, 133, 134. -- Общая сумма ренты в Англии, 153, 154, 155.

ЯЗЫКИ, мертвые. См. *«Образование»*.

ЗАКОНЫ лучше соблюдаются в Англии в уголовных делах, чем в гражданских, 119. --
Становятся все более сложными, 123.

ЮРИСТЫ, их ESPRIT DE CORPS, 120, 121, 122. -- Отдельные лица не имеют средств сопротивляться их посягательствам, 123. -- Правительство должно это делать, 124.

ЛИВЕРПУЛЬ вооружил в последней войне каперы, равные по тоннажу и численности экипажа испанской армаде, 8.

ЗАЙМЫ. См. *«Государственный долг»*.

МЕСТНАЯ ситуация, одна из причин богатства, 2.-- Открытия в области географии и навигации изменили ситуацию в отношении отдельных наций,

ЛОНДОН, сожженный датчанами, 9. — Арендная плата и налоги выше, чем в любом другом месте, 237. — Люди предпочитают жить в Лондоне, где все дорого, чем в более дешевых частях Англии, 238, 239.

М.

СКРЕПУЧИ, их никогда не было в течение трех или четырех поколений, 83.

МОГУЛ, стремительный и стремительный упадок его империи, 197.

ДЕНЬГИ развратили все в Риме, когда начался его упадок, 46. -- Деньги для заимствования можно найти только в Италии и Фландрии, 48. -- Выданные под проценты, они теряют свою ценность; вложенные в покупку земли, они приносят прибыль в стране, которая становится богатой, 163. -- Их ценность в Англии ниже, чем в любой другой стране, за исключением Америки, 165. -- Хотя лучшая мера стоимости не является точной, поскольку различается в разных странах, 182. -- Их большая ценность в бедных странах служит для их обогащения в сделках с богатыми странами, 183.

МОНАРХИЯ. См. *Абсолютная монархия*.

МОНОПОЛИЯ не является мнимым злом, 49. -- Мнение доктора Смита опровергается опытом, 150. -- Доказательство ее существования, 151, 152, 153, 154. -- Увеличивает ренту, стоимость труда и цены, 153.

МОНТЕСКЬЕ, его ошибка в отношении Рима и Карфагена, 32. -- Его мнение о делах Рима, 40.

МОНТАГЮ, канцлер казначейства, в сопровождении лорд-мэра и шерифов, ходил по магазинам Лондона, чтобы одолжить деньги, 239.

МОРАЛЬ. См. *«Образование»*.

МАТЕРИ. См. *«Образование»*.

МАШИНЫ. См. *Производство*.

МАГОМЕДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ, ее быстрое утверждение, 54. -- Ее влияние на торговлю с Индией, там же.

НРАВЫ, сильно развращенные в Риме, 43. -- Постоянно происходящие изменения в них, ведущие к упадку,

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ рано обосновалась на берегах Балтики, 3.-- Те, кто обладает ею первыми, теряют ее из-за подражания другим, 14.-- Индия превзойдена в ней Англией, 63.-- В древние времена она распространялась только на предметы роскоши для великих и простые предметы первой необходимости для бедных, 73.-- Производители менее великолепны, чем купцы, 143.-- Рабочие потребляют больше животной пищи, чем люди того же ранга в любой другой стране, 144. -- Англия считается превосходящей все другие страны в области производства =sic=, 200.- Последствия изобретения парового двигателя и прядильных машин, 203.-- Американским штатам практически ничего не продается, кроме наших собственных товаров, 204.-- Южные страны не могут соперничать с северными, 210.-- Промышленность и сельское хозяйство, более способствующие богатству, чем торговля, не являются одним и тем же, 209.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ, его берега были первыми местами, где зародилась торговля, 3 и 4, 20. — Потеряло свое значение после открытия Америки, магнита, и прохода в Индию через мыс,

КУПЦЫ менее великолепны, чем завоеватели и плантаторы, 143. Не могут руководствоваться в сделках никакими правилами поведения, кроме собственной выгоды, 181.

N.

НАЦИИ, ни одна из тех, которые когда-либо соглашались платить дань, не процветала долго, 40. -- Обогащенные торговлей, они не так подвержены упадку, как завоеватели, 41. -- Такое же положение в отношении богатства и власти до открытия Америки, 49. -- Слабые нации имеют некоторое преимущество в том, что знают о своей слабости, 171.- Внешние причины их упадка менее важны, чем внутренние, 184. -- Следует подумать, на что лучше всего направить их промышленность, 210, 211. -- Их сравнительная площадь, доходы и население, иллюстрированные гравюрой, 213, 214. -- Нации Европы, применение настоящего исследования к ним, 284.

НЕОБХОДИМОСТЬ, состоящая в желании удовлетворить потребности, является причиной промышленности и богатства, 14. -- Необходимость перестает действовать на нацию, которая поднялась выше всего, 15, 16.- Очень сильно действовала на голландцев, 47. -- Привычка продлевает ее действие, 81. -- На молодых людей, которые могут в одиночку создать промышленность, 84. -- Все меньше и меньше с каждым поколением по мере роста богатства, 85. Последствия этого, 87. -- Ее действие в определенной степени продлевается за счет налогообложения, 239. --

СЕВЕРНЫЕ страны наиболее благоприятны для промышленности, 44.

НИЛ. См. *Египет*.

Стр.

Пальмира, основанная Соломоном, царем Израиля, с целью торговли с Индией,

ПАРИЖ сожжен датчанами вскоре после смерти Карла Великого. Цены на хлеб в Париже по сравнению с ценами в Лондоне, 150.

СЛУЖАЩИЕ ПРИХОДОВ защищают себя от общественности за счет общественности, 122. Плохие администраторы, 123, 124. Грубые, вульгарные и позорящие страну, 249.

ПАТЕНТЫ, законы о них, их полезность, 200, 201.

ПЕТР Великий стремился улучшить свою страну и сделать свой народ счастливым, 118.

ПИТТ, достопочтенный У. Его оценка национального имущества, 243, 244.

ПОЛЬША, причины ее упадка и порабощения, отличные от причин большинства других народов, 75.

БЕДНЫЕ, их жалкое положение в Риме, 43. -- В Англии их содержание обходится в шесть раз дороже, чем в Шотландии, и в пятьдесят раз дороже в реальности, 88. -- Увеличение их числа по мере того, как капитал становится необходимым для промышленности, 156. -- Причины их увеличения и т. д. и т. д., 157, 158, 159, 160. -- В Англии их содержание обходится дороже, чем доходы многих королевств, 247. -- Причины, расследование и меры по исправлению положения, 248-256.

НАСЕЛЕНИЕ, 142. -- Связано с богатством и образом жизни, так что нация может не нуждаться в импорте обычных продуктов питания в больших количествах, 159. -- Может считаться уменьшенным в двойном соотношении по мере увеличения числа бедных, 249.

ПОРТУГАЛИЯ, 65.

ВЛАСТЬ в нациях, иногда сопряженная с богатством, иногда нет, 7.-- Определение, 8, 9.-- Слишком рьяно преследуемая римлянами и большинством наций, 39.-- Покинула Рим, когда богатство стало слишком велико, 36.

ЦЕНЫ на продукты животного и растительного происхождения; высокие цены снижают потребление, 161. -- Цены во время недавнего голода в Париже по сравнению с Лондоном, там же. -- Когда об этом узнают торговцы зерном, они могут объединиться без каких-либо явных договоренностей, 152, 153. -- Цены поднимаются до уровня монопольных, как только дефицит становится ощутимым, 154, 155.- Арендная плата и заработная плата выросли за последние двенадцать лет больше, чем за полвека до этого, 155.

ПРИНЦИПЫ. См. *«Образование»*.

ПРИОРИТЕТ владения поселением или изобретением, одна из причин богатства и власти,

ПРОИЗВОДСТВО, употребление в пищу продуктов животного происхождения делает его недостаточным для поддержания населения страны, 138, 139. В Италии оно было недостаточным для ее населения во времена Августа, 3. Когда страна богата, продукты проще купить, чем вырастить,

СОБСТВЕННОСТЬ в Риме была очень неравномерно распределена до его падения, 43. -- Имеет естественную тенденцию к накоплению в руках отдельных лиц по мере обогащения нации, 125, 126, 127. -- Ее накопление и неравное распределение, одна из причин упадка, 128. -- В отношении земли накопление является наиболее опасным, 129-136.

ПРОЦВЕТАНИЕ. См. *«Богатство и власть»*.

Р.

РЕФОРМА, благоприятная для производства и промышленности,

РЕЛИГИЯ, христианская, более благоприятная, чем любая другая, для промышленности и нравственного поведения, 264. Протестантизм еще более благоприятен, чем католицизм, 265, 266, 267.

АРЕНДА. См. *Цены*.

ДОХОДЫ Рима растрчивались на солдат и публичные зрелища, 43. -- Их недостаток привел к гибели Польши, 75. -- Отступление по поводу этого, 187, 188, 189, 190. -- Когда это становится главной целью правительства, поощряется порочность, 226.

РЕВОЛЮЦИИ в древних народах, 17, 18, 53, 54, 55. -- О Польше, 75, 76, 77.

РОБИНСОН, доктор, его жалоба на древнюю историю, 1.

РИМ, его подъем не был случайным, а был результатом неустанного упорства, 27. -- Описание его поведения на войне и внутренней политики, 28-33. -- Он утратил чистоту нравов, забросил сельское хозяйство и искусства, когда разбогател благодаря завоеваниям в Азии и падению Карфагена, 34, 35.- Стал более развращенным, чем когда-либо был Карфаген, 36, 37. -- Его суды стали продажными, собственность была разделена очень неравномерно, налоги стали угнетающими, его армии ослабли, и он пал, 38, 39, 40.

S.

САРАЦЕНЫ завладели Египтом и т. д. 44.

ШКОЛЫ. См. раздел «Образование».

Амортизационный фонд, его динамика показана на окрашенной диаграмме, 215. -- Не приведет к немедленному снижению налогов, 241. -- Когда капитал будет возвращен частным лицам, часть его покинет страну, 242.- Если бы он полностью погасил долг в мирное время, это принесло бы много вреда, ib.-- План, предложенный для его замены, 243.-- Даже если он будет эффективен, его действие в военное время никогда не получит доверия среди нас, и тем более среди врага, 244, 245, 246.

СМИТ, доктор Адам, не сделал надлежащих поправок в отношении государственного долга, 114. -- Его мнения о монополии, рассмотренные, 149, 150. -- Его мнение о подмастерьях, 219.

СОЛОМОН, царь Израиля, поддерживал дружеские отношения с царем Тира, 21. -- Основал Пальмиру с целью торговли с Индией, 25. -- После его смерти соперничество в торговле и зависть тирийцев побудили их подговорить царя Вавилона осадить Иерусалим, 53.

ИСПАНИЯ, ее великая армада не равна частным кораблям, оснащенным в Ливерпуле во время последней войны, 8. -- Преследует фламандцев, 47. -- Влияние богатства на нее, 63. -- Ее надменность и гордость, 64. -- И внезапный упадок, там же. -- Богатство заставило ее пренебречь промышленностью, 65. -- Получает огромные суммы от Южной Америки, но не является объектом зависти, 292.

Т.

НАЛОГИ в Риме, в период его упадка, стали ужасными, 40, 41, 42. -- Налоги во Франции были отменены во время создания ассигнатов, 42. -- Настолько велики в Риме, что граждане завидовали варварам, 43. -- Возможность введения налогов зависит от обстоятельств, 92. -- Постоянно растут, 102. -- Американские штаты являются исключением, 103. -- Почему взимаются строго, 104. -- Налоги, которые ложатся на людей или личное имущество, самые неприятные, 105. В Англии взимаются лучше, чем в любой другой стране, 106. Продлевают действие необходимости и увеличивают промышленность до определенной степени, а когда они проходят, то ее уничтожают, 107, 108. -- Их продукция расходуется на непродуктивных людей, 109, 110, 111. -- Похожи на арендную плату за проживание в стране, 112-115. -- В Англии, их последствия, 229-233. -- Налоги и арендная плата увеличивают промышленность, 236, 237. -- В Лондоне они выше, чем где-либо, но люди все равно стекаются в Лондон, 238, 239. Если их внезапно отменить, это будет вредно, 240-244. Для содержания бедных, 247-256.

ТОРГОВЛЯ — см. «Коммерция».

ДОГОВОРЫ, которые лучше всего соблюдаются, — это те, которые основаны на справедливости и взаимной выгоде, 186.

ТИР, ранняя торговля, 21, 23. -- Его разрушение стало одним из самых долгосрочных последствий войн Александра, 24. -- Подтолкнуло царя Вавилона к захвату Иерусалима, 45.

V.

ВЕНЕЦИЯ, ее величие, 56, 57.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. См. *Штаты Америки*.

W.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА. См. *Цены*.

ВОЙНА, как правило, вызванная завистью или соперничеством, 14, 175, 219. Не следует прибегать к ней для приобретения богатства, так как гораздо проще добиться этого трудом, 293.

УАТТ, Джеймс Эсквайр, его изобретение парового двигателя, 203.

БОГАТСТВО, его определение в противоположность власти, 8, 9, 10. -- Уменьшает необходимость в трудолюбии, 29, 30. -- Позволяет богатым уезжать в более бедные страны, 93. -- В Англии возникает благодаря трудолюбию, а не благодаря иностранным владениям, 293, 294.

ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ. См. *Индия, Западная*.

Y.

МОЛОДЕЖЬ. См. «Образование».

---> Читатель заметит на одной из страниц ссылку на приложение, но дизайн был изменен, исходя из соображения, что читатели исторических книг не нуждаются в отдельных фактах в качестве иллюстраций, хотя такие факты очень легко найти.

КОНЕЦ.

W. Marchant, типограф, Гревилл-стрит.

[(Примечание переписчика): В оригинальном произведении:

-- сноски обозначены символом [*], но для удобства пронумерованы по порядку;

-- в некоторых случаях одно и то же слово пишется по-разному в разных частях текста, например, controul/control; Hans/Hanse Towns, shew/show (последний пример встречается только один раз) и т. д. Эти и другие несоответствия в основном воспроизводятся без особых примечаний. Аналогичным образом обрабатываются многочисленные примеры несоответствия числа подлежащего и сказуемого.
